

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

Материалы II Исторических чтений, посвящённых
325-летию присоединения Камчатки к России

УДК 908 (470)
ББК 26.89 (2Рос–4Камч)
К18

Камчатка – Россия – Мир : материалы II Исторических чтений, посвящённых 325-летию присоединения Камчатки к России / Министерство культуры Камчатского края ; Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский : КГБУ «ККНБ им. С. П. Крашенинникова», 2022. – 218 с.

ISBN 978-5-9610-0424-3

Сборник содержит материалы II Исторических чтений «Камчатка–Россия–Мир», посвящённых 325-летию присоединения Камчатки к России (1697–2022).

Чтения проводились 26–27 августа 2022 г. в Камчатской краевой научной библиотеке им С. П. Крашенинникова и являлись частью Второго регионального фестиваля «Камчатка – Россия – Мир».

Опубликовано около 40 докладов, представленных специалистами научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, архивов, учреждений культуры Петропавловска-Камчатского, Санкт-Петербурга, Тотьмы, городов Сибири и Дальнего Востока.

Издание адресовано историкам, краоведам, исследователям, этнографам, студентам и преподавателям высших и средних образовательных учреждений, а также всем, кто интересуется вопросами истории Камчатки.

УДК 908(470)
ББК 26.89(2Рос–4Камч)

Ответственный за выпуск – Т. А. Дикова

Вторые исторические чтения в рамках проведения регионального фестиваля «Камчатка – Россия – Мир» проходили 26–27 августа 2022 г. в Петропавловске-Камчатском на базе Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова. В них приняли участие сотрудники библиотек, музеев, учёные и преподаватели вузов и научных учреждений регионов России, среди которых города Хабаровск, Владивосток, Москва, Санкт-Петербург, Тотьма, Семипалатинск, Тюмень, Якутск, Магадан и др.

Для участников и гостей мероприятия были подготовлены планшетные выставки: «Камчатка глазами землепроходцев», «Великие русские мореплаватели», «В страны полные: освоение Сибири и Северо-Востока России русскими землепроходцами».

Гости из Якутии представили фотовыставки: «“Визуальная история” Камчатской земли: экспедиционные фотографии И. С. Гурвича» – из фондов Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия); «Детский кочевой лагерь эвенов» – из коллекции этнографа Ю. А. Слепцова, сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск).

В ходе проведения мероприятия гостям исторических чтений были вручены памятные значки «325 лет присоединения Камчатки к России»; прошла торжественная передача руководителем проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции Беринга» И. Ю. Маматовым (г. Санкт-Петербург) памятной доски с именами участников Академического отряда Второй Камчатской экспедиции Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова. Памятная доска установлена в сквере библиотеки.

На пленарном заседании прозвучало девять докладов. Затем работа чтений продолжилась на четырёх секциях, которые объединили доклады и сообщения по определённым тематическим направлениям.

В секции «Историко-культурное пространство Дальнего Востока: перспективы межрегионального взаимодействия» прозвучали доклады И. Р. Николаева (г. Тотьма), О. А. Гримайло (г. Магадан), Г. А. Кутугутовой (г. Якутск). В заключение работы секции были подписаны Соглашения о сотрудничестве Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова с Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия) и Магаданской областной универсальной научной библиотекой им. А. С. Пушкина.

Секция «История и краеведение как основа воспитания подрастающего поколения» объединила сообщения участников из Москвы, Санкт-Петербурга, Паланы, Петропавловска-Камчатского. Докладчики, среди которых И. Ю. Маматов (г. Санкт-Петербург); школьники М. Капитанова, П. Колганов, И. Куликов, А. Скляр (школа № 709, г. Москва); Ю. В. Торкаченко и учащиеся гимназии № 39 Е. Казанцева и А. Торкаченко (г. Петропавловск-Камчатский); К. А. Ульянова (пос. Палана), рассказали о своих проектах и их практическом воплощении.

Темы докладов секции «Казачество Дальнего Востока: история и современность» раскрывали вопросы истории и возрождения казачества, сохранения истории через коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова и Камчатского краевого объединённого музея.

Секция «Этнокультурное многообразие Сибири и Дальнего Востока» была представлена докладами М. Е. Беляевой, В. А. Неустроевой, М. А. Лукояновой, Ю. А. Слепцова, А. И. Волкова, О. Н. Хамидулиной.

На секции «Родословные книги: опыт генеалогических исследований» шёл разговор об истории камчатских фамилий, архивных документах коллекции «Семьи Якутии», проекте «Родословные книги», представителях фамилий Тюменцевы, Бурдуковы, Шишкины, Ворошиловы, Холодиловы.

Результаты работы исторических чтений были подведены на заключительном круглом столе «Фестиваль “Камчатка – Россия – Мир”: перспективы развития».

Спектакль «Камчатка – летопись великих открытий», подготовленный режиссёром Мильковского дома культуры и досуга Е. Мириной, вернул участников и гостей чтений к истории присоединения полуострова к России, напомнил имена и деяния наших предков.

Данный сборник материалов издаётся по итогам исторических чтений в рамках Второго фестиваля «Камчатка – Россия – Мир». Доклады представлены в авторской редакции.

И. В. Витер

Раздел I

ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ

Н. Л. Бушнев

ИСТОРИЯ РОЖДЕНИЯ ЛЕСНОЙ ОТРАСЛИ КАМЧАТКИ В СИСТЕМЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. История становления лесной отрасли Дальнего Востока, включая Камчатку, с 1900 до 1990-х гг. Особое внимание уделено зарождению и развитию лесной промышленности Усть-Камчатского района. Есть сведения о работе лесохозяйственных предприятий, способах лесозаготовок, социальных и кадровых проблемах в лесном хозяйстве региона.

Ключевые слова: лес, история, лесное хозяйство, лесная промышленность, лесозаготовки, леспромхозы, Камчатка, п-ов, Усть-Камчатский район.

Четверть века я, инженер-лесопромышленник, посвятил системе «Камчатлес», работая лесозаготовителем, сплавщиком леса, организатором производства, главным инженером, директором леспромхоза, позже – председателем Обкома профсоюзов лесной отрасли Камчатской области.

На моих глазах происходило становление трудно рождавшейся в нашей стране лесной промышленности Камчатки и Дальнего Востока в целом. Этот историко-экономический обзор леспрома Камчатки начну издавека. Не узнав прошлого, невозможно реально судить о настоящем, тем более заглядывать в будущее. Обзор основывается на архивных материалах.

Вплоть до начала XX в. лесами Дальнего Востока в России пользовались буквально все, кто хотел, по своей надобности и возможностям.

Лишь в 1898 г. леса Амурской и Приморской областей были переданы на баланс Приамурскому управлению государственных имуществ. Остальные огромные пространства лесов Дальнего Востока практически были бесхозны. По данным этого управления, в 1906 г. частным лесозаготовителям было отпущено всего 300 тыс. м³ в год, а в 1908 г. 400 тыс. м³ на весь этот огромный край.

Удивляет то, что на побережье Охотского моря, Татарского пролива и Камчатки, где лесов было немерено, их не рубили для производства, так как руководство рыбной промышленности того времени считало выгодным завозить из Японии и Америки уже готовые лодки, кунгасы, рыбные ящики и бочки. Посему лес в этих местах брали лишь для бытовых нужд, на постройку домов, амбаров, на дрова.

Чиновник Приамурского управления государственных имуществ господин П. Делле писал: «...В 1906 г. привезено в Уссурийский край из Америки и отчасти из Японии около 2 миллионов кубических футов древесины стоимостью около 1,5 миллиона рублей. А импорт леса в этом 1909 г. во Владивосток и Николаевск составил 391 тысяча пудов, из которых 202 тысячи пудов – брёвна-кругляк и жерди. Такая ситуация на нашем рынке в стране лесов не может не беспокоить нас за судьбу лесопромышленности и не быть чувствительной для нашего национального самолюбия» [1].

Это показывает крайнюю слабость мизерной в то время лесной отрасли России и явное головотяпство правителей Сибири, если даже жерди покупались за океаном. Незнание лесов Дальнего Востока, рынков сбыта леса, отсутствие сети дорог и рабочих рук отпугивали предпринимателей, такой бизнес требовал немалых вложений капитала, что не принесло бы быстрых барышей. Поэтому немногочисленные купцы и предприниматели брали лес лишь вдоль железных дорог в пригородах и у сплавных рек.

Любопытно, что в то время частник, купец или подрядчик – кто больше давал денег на лишние надбавки к корневой стоимости деляны леса – получал лесной фонд с торгов, вроде как с аукциона. И понятно, что постоянных лесозаготовительных участков в то время не могло быть. Лесопромышленник нанимал артели рубщиков леса из крестьян, батраков и даже иностранных рабочих. Заготовки производились лишь зимой, без всякой подготовки делян к вырубке. По приезду в лес разгребали лопатами снег, отогревали по-

жогом леса землю, рыли землянки, устраивали там нары, устанавливали печь-буржуйку – и за работу.

Предприниматель, экономя затраты, оставлял почти в полной неприкосновенности весь старый патриархальный уклад жизни рабочих, заброшенных в лесную глушь. Пользуясь их «темнотой» и беззащитностью, опутывал их всеми видами кабалы. Топор, точило, пила с напильником да волокуши для конной или людской тяги – основные средства производства.

Способ рубки леса был приисково-выборочный. Находили крупное здоровое дерево, валили его, выпиливали из ствола одно-два бревна без гнили и волочили из леса к дорогам, бросая в лесу остатки дерева. Во время валки и перемещения брёвен ломались молодняки и поросль леса. В их сломках и в порубочных остатках древесины позже заводились вредные насекомые, поражая тайгу.

Первая мировая война, затем революция, разруха, годы НЭПа и индустриализации – всё это не позволяло приступить к рациональной технологии лесозаготовок. После вхождения Дальнего Востока в состав РСФСР в 1923 г. «Дальревком» утвердил образование треста «Дальлес» при промышленном отделе «Дальпромбюро», отдав в его подчинение все лесозаводы Дальнего Востока и лесные склады, отобранные у капиталистов. С этого момента началась монополизация лесной отрасли в молодой Республике Советов.

В том же году «Дальревком» постановил: сдавать все подряды на лесоматериалы исключительно «Дальлесу». И вскоре как единый хозяин лесов «Дальлес» заключил первый контракт на поставку в Японию осины для спичечной промышленности, а также контракт с КВЖД (Китайско-Восточная железная дорога) под пиловочник для шпал. На полученные деньги трест набирал сезонных рабочих и организовывал работу.

В годы НЭПа лесные массивы Востока страны находились в ведении краевого Земельного управления, при котором значился отдел леса. Сдача лесосек под рубку так же, как и прежде, проводилась с торгов. Трест «Дальлес» получал лесосеки на общих основаниях и, не имея дотаций от государства, не мог достойно конкурировать с появившимися НЭПманами и концессионерами, получая худшие леса и отдалённые лесосеки, вследствие чего терпел убытки и слабо развивался.

Госорганы, как могли, поддерживали созданный ими трест. В 1924 г. правительство РСФСР выделило огромную по тем временам

финансовую помощь «Дальлесу» в сумме 500 тыс. рублей, а Приморский «Губисполком» своим решением передал тресту секвестрованные на побережье Татарского залива 6200 брёвен и конфискованные у предпринимателя Скидельского на р. Иман и Бикин 18 тыс. брёвен, чем очень поддержал состояние треста.

К примеру, если в 1923 г. трест заготовил всего 130 м³ леса в сезон, то в 1925 г. увеличил заготовку до 549 тыс. м³. Но, чтобы выживать в конкуренции, «Дальлес» 70 % лесозаготовок отправлял на экспорт, поэтому слабо покрывал потребности растущей экономики Дальнего Востока. В целях усиления государственного сектора промышленности в 1926 г. решением «Дальревкома» были установлены льготы «Дальлесу» на перевозку леса по железной дороге за аренду земли под его ведомственные лесовозные дороги. А главное, было решено выделять тресту лесосеки без торгов. Кроме того, тресту был выделен долгосрочный кредит в сумме 2 млн 845 тыс. рублей.

Эта финансовая помощь укрепила «Дальлес», он поднял уровень зарплаты рабочим, что позволило привлечь сезонников из крестьян и работающих на частных. Так борьба треста с частным капиталом подходила к концу.

В 1928 г. от «Дальлеса» поступило письмо в адрес «Далькрайисполкома», в котором сообщалось: *«Несколько лет "Дальлес" вынужден был мириться с существованием частных, работающих на японские авансы, и конкуренцией с нами в отношении рабочей силы. Ныне трест окреп так, что полное освоение сырьевой базы Дальнего Востока стало актуальной задачей треста. А дальнейшая работа частных не может быть более терпима...»*. Это письмо, как в капле воды, отражало политику Сталинского правительства.

С 1928 по 1930 г. повсюду шло отмирание частного капитала в лесной отрасли, вместе с тем отживала подрядная система лесозаготовок. Входила в действие новая структура хозяйствования с постоянной рабочей силой – леспромпхозы.

В 1932 г. Высший совет народного хозяйства СССР был преобразован в Народный комиссариат тяжёлой промышленности, из которого выделен Народный комиссариат лесной промышленности со своим руководителем С. С. Лобовым. Так родилась монополия лесной отрасли. И лишь в глубинках страны, таких, как Камчатка и Магаданская область, золоти́до-

бытчики и рыбопромышленники продолжали добывать древесину самозаготовками в виде исключения.

Заготовки леса для промышленности на Камчатке были развёрнуты по инициативе Акционерного Камчатского общества (АКО), которое заметно наращивало объёмы промысла рыбы и ощущало нехватку тары под свою продукцию. В 1929 г. представители АКО прибыли в пос. Козыревск организовать лесозаготовительный участок. Лес предназначался для строительства лесозавода, который решено было поставить в пос. Ключи.

В зиму 1929/30 гг. козыревчане вместе с артелью рабочих, прибывших из пос. Ключи, начали рубить лес. Они подтаскивали брёвна к берегу р. Камчатки для дальнейшего сплава их к месту назначения. В марте 1930 г. в Усть-Камчатск прибыл пароход с переселенцами, завербованными для строительства лесозавода в Ключах, но лишь в мае того же года, после вскрытия р. Камчатки, этих рабочих смогли доставить в Козыревск.

Вскоре в Ключах работники рубили бараки, возводили лесозавод и силовую станцию. Для обеспечения продуктами строителей и работников лесной отрасли ещё в 1929 г. в селении Майское организовали колхоз. Параллельно со строительством завода для решения транспортных проблем в Ключах начали строить судовой верфь.

Летом 1932 г. был запущен Ключевской лесозавод, который к концу этого года выдал 4766 ящиков для упаковки консервных банок, а судовой верфь построила две 100-тонных и три 80-тонных деревянных баржи. Поразительная организация труда и самоотверженность рабочих привели коллектив к столь значимым успехам.

Потребность в лесной продукции в АКО всё возрастала, и для обеспечения лесом Ключевского лесокombината в 1934 г. был организован Средне-Камчатский лесопункт в пос. Лазо. Заготовки леса в то время велись рабочими, завербованными в центральных областях страны. Трудились по принципу: летом – рыба, зимой – лес.

Доставку леса к пос. Ключи производили молевым сплавом по р. Николка, Увечиной и далее по р. Камчатке. Отметим огромные трудности в организации данной работы. Сезонников надо было ежегодно обеспечивать жильём, спецодеждой, инструментами: топорами, пилами, напильниками, ломами, баграми, лодками, а зимой нужны были лыжи и нарты для собачьих упряжек. Но главное – снабжение тягловой кон-

ной силой, для чего содержались табуны лошадей, которым необходимо было припасать сено и фураж.

Большие расстояния между селениями затрудняли рабочим решение социальных проблем. Рабочий, вызванный из Козыревска в военкомат, уходил на лыжах в Усть-Камчатск и возвращался обратно в лучшем случае через месяц. Вот выписка из приказа № 35 по Козыревскому ЛПХ от 26 апреля 1934 г.: «...сучкорубу Галимову Г. М. начислить за время нахождения в пути следования из военкомата к месту работы от Усть-Камчатска до Козыревска с 4 ноября по 22 ноября 1933 г. из расчета 5 рублей 42 копейки в день» [2].

Ежегодное увеличение заготовок лесаставляло АКО заселять лесоучастки постоянной рабочей силой, организовывать снабжение их продовольствием, заводить собственные обозы и механизировать работы на лесозаготовках.

Основу механизации, как и прежде, составляли лошади, которых на Камчатку завозили с материка. После постановления ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров, обязывающего Нарком лесной промышленности усилить механизацию и рационализацию лесозаготовок на валке леса, в конце 1935 г. вместо топоров стали применять двуручные пилы со сложным зубом «Кроскет» и лучковые пилы на валке тонкомера. Появился и «Устав леспромхоза», где в разделе «Механизация» прописывались приёмы труда при работах с лошадьми. Там же определялись нормы выдачи фуража и время выпаса лошадей, порядок содержания их упряжи. Повышалась ответственность за соблюдение правил содержания лошадей как основы механизации.

Приведу несколько приказов того времени. Приказ № 53 от 22 декабря 1936 г. по Козыревскому ЛПХ: «...18 декабря в 8 часов вечера мною обнаружена лошадь на дороге с мёртвой петлёй на шее, затянутой туго уздой за заднюю ногу. Лошадь, к моему обнаружению, находилась в предсмертной судороге. После спасения её в полукилометре от Козыревска я настиг ещё 4 лошади без проводника, часть их была без уздечек, со сбитыми набок попонами. Как обнаружилось, лошади принадлежат бригаде Ткаченко, а сопровождал их рабочий Вагин, который бросил их на произвол судьбы. За преступное варварское отношение к лошадям со стороны Вагина и халатность бригадира Ткаченко дело передать в следственные органы Усть-Камчатского района. Директор Яковлев» [2].

Приказ № 45 от 3 апреля 1937 г.: «В виду наступления тёплых дней время выезда на работу по конной вывозке леса установить с 4 часов утра до 9 часов утра и вечером с 17 часов до 21 часа в целях облегчения работы лошадей с волокушами по подмороженному снегу. Директор Яковлев» [3].

Приказ № 75 от 7 мая 1938 г.: «Прекратить удержание вычета с рабочих Страхова и Ахмачина за лошадь "Автобус". Последняя снята с бюллетеня с 5 мая сего года. За своевременное кормление и хороший уход за лошадьми и их упряжью произвести доплату в размере 10 процентов тарифа. Директор Блинов» [там же].

Бедность и нищета отрасли сказывались на выполнении плана, а решение правительства по механизации отрасли ещё долго будет иметь место лишь в разговорах. Достаточно сказать, что во всей промышленности Дальнего Востока, от Читы до Владивостока, в 1938 г. было тракторов всего 254 шт., лебёдок 2 шт., бензопил 6 шт. и ни одного автокрана. Какой мизер на такие просторы и объёмы лесозаготовок!

Камчатские лесозаготовители, находящиеся под крылом богатого по тем временам рыбопромышленного АКО, были в лучших условиях и имели возможность на средства АКО покупать технику. В 1936 г. в Козыревске на вывозке леса появились первые импортные трактора «Клетрак» мощностью в 30 лошадиных сил и отечественный «Сталинец-60 НР», а в 1939 г. появились на Камчатке первые автомобили на вывозке леса с санными полуприцепами.

Также государственная политика облегчала для АКО решение кадрового вопроса. В 1936 г. привезли на лесозаготовки крупную партию завербованных в Мордовии семей. Их расселили в пос. Ключи, Козыревск и Лазо. А в конце 1936 г. Нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов обратился к подлежащим демобилизации бойцам особой Краснознамённой Дальневосточной армии с призывом оставаться жить и работать на Дальнем Востоке, форпосте социализма. И это не замедлило сказаться. Тысячи солдат пополнили лесную отрасль Дальнего Востока, решая проблему кадров. Усилились ряды механизаторов и в леспромхозах Камчатки, куда тоже прибывали воины.

В это же время жена командира Красной Армии Валентина Хетагурова обратилась с призывом к девушкам страны приезжать на Дальний Восток. А весной 1938 г. комсомольцы московского завода «Компрессор» призывали выезжать на лесозаготовки, чтобы «по-комсомольски драться за выполнение производственных

планов». В то время эффект от таких призывов был чувствительным. От Москвы и до Сибири формировались эшелоны с молодыми добровольцами на Дальний Восток. Только в один Козыревск прибыли около 400 демобилизованных воинов и комсомольцев.

Страна набирала темпы индустриализации, ей необходимы были, с одной стороны, почини, а с другой, ужесточение дисциплины труда. В то же время вся промышленность страны вовлекалась в стахановское движение. Не обошло это и Камчатку.

Из приказа № 59 от 5 апреля 1938 г.: «...трактористы, работающие на тракторе "Сталинец-60", включившиеся в стахановскую работу, добились перелома старых норм и дали хорошие показатели на тракторной вывозке леса. Тракторист Спицын – 119 процентов, Васильев – 113 процентов, Иванов – 111 процентов. ...Прорабу Грачёву, десятнику Чуеву приказываю: в новом строящемся доме на 7 усу отвести 1 секцию для жилья стахановцев с полным оборудованием мест: занавески, тумбочки и столы. Директор Бердин» [там же].

Такой полный набор комфортного жилья ныне вызовет улыбку, но в то время практически все жили на лесоучастках в бараках из неошкуренных брёвен, полы и крыши которых – это накатник из тонкомерного леса. Семья от семьи отделялась занавесками, а освещение – одна свеча на 10 м² жилья. Трудно представить, что проживая в таких тяжёлых условиях, люди показывали удивительную производительность труда.

Из приказа № 291 от 17 декабря 1939 г.: «...за срыв плана по строительству жилья прораба Грачёва снять с работы и дело направить в суд. Для обеспечения выполнения плана по заготовке клёпки приказываю: заведующему Комариным лесопунктом товарищу Бычику поставить на распиловку брёвен не менее 7 пар пильщиков. Деректор Бердин» [там же].

Даже в Козыревске, главной усадьбе леспромхоза, не было пилорамы, брёвна ручными пилами распиливали на доски, из которых тесали клёпку для изготовления чанов под засолку рыбы.

Дисциплина труда усиливалась, а выполнение плана становилось законом. В 1939 г. в Козыревске установили первый локомобиль «Вольф», появились первые лампочки освещения в жилищах из расчёта одна на 10 м² площади. С того времени работа в посёлке начиналась по гудку парового двигателя локомобиля электростанции.

Надо отметить, что именно в течение 1930-х гг. АКО резко увеличило объёмы лесозаготовок. Лишь в Козыревском леспромхозе было уже 12 лесопунктов, кроме нового Лазовского ЛПХ (леспромхоз). В районе р. Еловки, неподалёку от Ключевского посёлка, начали организовывать леспромхоз «Пограничный». А в Ключах, кроме тары и кунгасов для рыбной отрасли, стали строить деревянные катера. Объёмы лесозаготовок на Камчатке к началу войны увеличились в 14 раз и достигли 800 тыс. м³ в год.

В канун войны лесная отрасль полуострова прочно встала на ноги. На каждом лесоучастке появились трактора, автомобили марки «ЗИС» и свой деревянный флот на грузоперевозках и сплаве леса. Лесорамы «Ильич» были установлены в Козыревске и Лазо.

В 1939 г. произошло повышение зарплаты механизаторам. Внедрялись комплексные нормы выработки по фазам работ, премиальная оплата труда, что стимулировало заинтересованность каждого работника. У постоянных рабочих появился опыт работы, это сказывалось на производительности труда. Государство делало первые шаги, направленные на бережное отношение к природным ресурсам. Так, в 1940 г. были разработаны новые правила рубок леса. Строго ограничили высоту оставляемых пеньков после спила дерева, ввели обязательные мероприятия по уборке лесосек после рубок.

Война внесла свои поправки в достигнутые промышленностью успехи. К началу зимнего сезона заготовок леса 1941/42 гг. заметно «поредели ряды» механизаторов, ставших воинами Красной Армии, несмотря на то, что рыбная промышленность пользовалась льготами на мобилизацию. Резко уменьшилось количество техники, запчастей и ГСМ, а снабжение продовольствием совсем прекратилось.

Вышестоящие организации прямо заявили: «Земли у вас много, реки, озёра и тайга рядом. Проявляйте инициативу, обеспечивайте себя продовольствием, но не в ущерб производственным планам». Срочно стали организовываться подсобные хозяйства, домохозяйки сажали картофель и другие овощи. Создавались рыболовецко-охотничьи бригады, звенья по обработке кож и изготовлению обуви и т. п.

Вместо пневмоколёс появились колёса с деревянными вставками, подшипники механизмов стали заменяться берёзовыми вкладышами, а автомобили переводили с жидкого топлива на газогенераторное. Из-за снижения механизированной вывозки леса вновь пошёл упор на ручной труд и лошадиную тягу.

Заметно ужесточилась дисциплина труда. Рабочий день в леспромхозах был объявлен десятичасовым. За опоздание на работу – под суд. В леспромхозах организовывались лесные школы, где готовили механизаторов, вальщиков, рамщиков и т. д. Все трактористы работали под лозунгом: «Вошёл в лес – дай 100 кубометров Родине». И давали, работали, сколько хватало сил. Чтобы как-то облегчить тяжёлый ручной труд, строили дековильки – деревянные узкоколейки с вагонетками на деревянных колёсах.

Всё больше с Камчатки требовалось рыбы для фронта, а значит, приходилось в столь тяжёлых условиях ежегодно увеличивать выпуск ящичной и бочковой тары. Кроме этих забот леспромхозам был спущен заказ для фронта на лыжи, пришлось срочно внедрять эту технологию работ.

Конечно, трудности военных лет сказались на уменьшении лесозаготовок. Чтобы не снижать поставки основных заказов государства, весь заготовленный лес шёл только на выполнение этих планов. Поэтому капитальное и социально-бытовое строительство, а также строительство жилья за годы войны сошло на нет. К концу войны лесозаготовки на Камчатке упали почти вдвое и составили лишь 400 тыс. м³, но это был отборный деловой лес, выбранный, конечно, примитивным, варварским для экологии способом.

Закончилась война, но работы в лесу продолжались в том же темпе, никто не помышлял об отдыхе. Страна лежала в развалинах. В 1945 г. АКО перестало существовать, лесозаготовительные предприятия Камчатки подчинили Министерству рыбной промышленности. К 1947 г. стала вновь поступать техника. Это были трактора «ЧТЗ», автомобили «Студебеккер», а в качестве рабочей силы – корейские поселенцы. Объёмы заготовок стали вновь возрастать, но трудовая дисциплина не ослаблялась и всё время имела политическую окраску.

К примеру, выписка из приказа № 8 от 9 июня 1947 г. по леспромхозу им. Лазо: «...механик Щапинского мехлесопункта товарищ Шлейдер А. П., используя своё служебное положение, в рабочее время открыл частное производство: тазы, вёдра, ванны – за что получал наличными и натурой. Так, с товарища Завалишина В. за ванну получил 70 рублей, с Белоусова – 7 стаканов табаку, а с Пельцова – 5 стаканов и деньги. Кроме того, Шлейдер снял с трактора “Чарльмес” багажный ящик и переделал его для личной надобности на печь, тем самым раскулачил трактор.

Приказываю: с 9 июня 1947 г. механика Шлейдера А. П., допустившего злоупотребление и расхищение социалистической собственности, с работы снять и дела направить в следственные органы. Директор Бердин» [4].

В послевоенной обстановке заметно ухудшились социально-бытовые условия жизни рабочих. Бараки, промерзающие зимой, а летом душные от переполнения, способствовали распространению эпидемий и заразных болезней, таких, как дизентерия, вши, чесотка. Это сказывалось на выполнении спущенных сверху планов поставок.

Хочется привести ещё два приказа, чтобы читатель вошёл в ситуацию существования людей того времени.

Приказ № 109 от 14 ноября 1947 г.: «...Во избежание инфекционных заболеваний и распространения их среди населения приказываю: начальникам мехлесопунктов “Лазо” – товарищу Зинович и “Щапино” – товарищу Королькову построить на лесоучастках 14–15-го кварталов дезокамеры к 18 ноября сего года.

– Убрать от нечистот территорию возле общежитий и отвести места для помоек.

– Регулярно производить мытьё полов в общежитиях.

– Организовать работу бань.

– Произвести в посёлках полную санобработку, а также дезинфекцию одежды, в обязательном порядке проводить стрижку волос.

– Подготовить на участках помещения для изоляторов.

– Медфельдшеру Годневой произвести медосмотр всех рабочих 15 квартала, в особенности рабочих бригады Гребеникова. Директор Бердин» [там же].

Приказ № 121 от 28 ноября 1947 г.: «...Лесорубы Килбас А. С. и Залазный А. Г. в честь выборов в местные Советы депутатов трудящихся установили наивысшую производительность труда по 15 кварталу: выполнили норму заготовок леса на 442 процента.

– За проявленную инициативу и труд объявляю им благодарность с занесением в личное дело.

– Старшему мастеру Волкову выдать товарищам Килбасу и Залазному за наличный расчёт по одной шелковой телогрейке и габардиновые шаровары» [там же].

Правительство призывало смотреть только вперёд, не замечая нищенскую после разрухи действительность. Иначе, как можно расценить выступление товарища Маленкова на XVIII Всесоюзной Конференции ВКП(б), где он утверждал: «Работникам наших предприятий и наркоматов

пора понять, что теперь уже нельзя работать по старинке, в развалку, кое-как, на глазок. Новые точные механизмы, которыми оснащены наши предприятия, требуют, чтобы в производстве был строжайший порядок» [5]. Как это было далеко до точных механизмов, когда большая часть работы всё ещё бралась «на пупок».

К 1950 г. трест «Камчатлес» вошёл с очень слабой технической и социальной базой. При общей вывозке леса 363 м³ в год, больше половины этого объёма леса было вывезено гужевым транспортом (лошадьми). Основной рабочий контингент в то время – это завербованные и администрированные, сосланные за тунеядство. В тресте из 4 тыс. рабочих семейных набиралось около 700 человек. Общежитий на весь «Камчатлес» по всем посёлкам Камчатки было лишь 33, и те были переполнены. Не на всех лесоучастках было электричество. Показ кинофильмов проводился лишь несколько раз в год.

Приведу выписку из телеграммы треста в вышестоящий комбинат: «...В жилье на всех участках леспромхозов, за исключением Козыревска, печи в основном металлические из-за отсутствия кирпича. Крыши большинство крыты корой, или накат засыпан землёй, так как не достаёт пиломатериала. Энергии везде недостаточно. Радиофикации в посёлках Крахча, Быстрая, Щапино – нет. Жилфонд, в основном, барачная система с 1930 г. в ветхом состоянии и подлежит излому».

Тем не менее, шло расширение производства. В пос. Козыревск и Лазо организовывались судоплощадки, где тоже стали строить грузовые кунгасы и деревянные катера, куда устанавливались японские двигатели «Итоган» и «Ниогато» мощностью в 30 лошадиных сил. Во всех леспромхозах производилось смолокурение – выработка дёгтя, а также выжиг угля для кузниц.

При социально разношёрстном коллективе рабочих страдала дисциплина труда, которую приходилось жёстко усиливать в тесном контакте с органами милиции.

При столь бедственном положении производства экономия материальных ресурсов выходила на первый план.

Из распоряжения от 12 марта 1946 г. по тресту «Камчатлес»: «...В последнее время наблюдается исключительно недопустимое обращение к расходованию писчей бумаги работниками управления трестом. Писчая бумага высокого качества пускается на черновики, материалы печатаются только с одной стороны листа,

допускаются большие обрезки бумаги, даже она пускается на обёртку хлеба и других продуктов...» [4].

И так во всём. Усилился контроль за вывозкой леса, например, за бревно, оставленное на лесосеке, с бригады высчитывался штраф 18 рублей, с мастера – 4 рубля. Администрация жёстко карала за сортировку дровами вывозимого леса. За такую халатность в работе штрафы были солиднее. За бревно дров среди пиловочника с бригады удерживали 100 рублей, с мастера – тоже 100 рублей.

С 1953 г. трест «Камчатлес» вошёл в состав комбината «Хабаровсклес». На этом, можно сказать, и закончилась отточка монополии лесной отрасли Дальнего Востока и Камчатки.

К тому времени уже стало чувствоваться истощение лесных массивов Камчатки, особенно в районах сплавных рек и существующих дорог. Леспромхозы стали перемещаться на новые массивы леса. Лазовский и Щапинский леспромхозы были закрыты, а в 1958 г. был организован Камчатский леспромхоз в пос. Атласово. В этом же году трест пополнился Усть-Камчатским деревообрабатывающим комбинатом. Стала появляться на лесозаготовках новая техника валки леса: мотопилы «Дружба» и электропилы «Ваксон». Кроме тракторов «ДТ-54» и «КТ-12» завезли специализированные трелёвочные трактора «ТТ-40», кроме автомобилей «ЗИС-21-352» появились автомобили «ЗИЛ-151».

Но от узкоколеек и лошадей ещё нельзя было отказываться. Только в Козыревске в 1957 г. было 89 голов лошадей кубометровых, то есть способных вывести на волокуше за 1 рейс до 1 м³ древесины. За леспромхозом числилось 12 км узкоколейки и дековильки.

Три лесоучастка – Кировский, Крахчинский и Быстринский – заготавливали 25 тыс. м³ леса в год при общей численности рабочих в 710 человек. В связи с тем, что трест «Камчатлес» вышел в то время из рыбной отрасли, рабочую силу на лесозаготовки поставлял «Дальлеспром». Это в основном были корейские переселенцы и заключённые «враги народа», лагерь которых находился в лесу на р. Козыревке. Место лесозаготовок там оцеплялось шнуром с красными флажками, как на загоне волков, и в этом ограждении работали «зеки», рискуя жизнью приблизиться к роковой черте.

Заготовленный лес они свозили и стягивали к берегам рек, а весной пускали в сплав. Так как древесина на Камчатке имеет повышенную влажность, то и потери на её утоп почти вдвое

превышали положенную норму, равную 6 %, отчего малые реки Щапино, Николка, Быстрая вскоре вышли из эксплуатации сплава, и лишь р. Камчатка принимала молевой сплав леса почти до 1975 г.

Увеличение производства повлекло больше лесонарушений. В 1956 г. лесной отдел Минлеспрома выделился в самостоятельное Министерство лесного хозяйства. Организовались лесхозы, которые имели функцию надзора за исполнением правил рубки леса. Постепенно сказались результаты. Так, лишь Козыревский ЛПХ за 1958 г. понёс штрафов на сумму 135 тыс. рублей. Это заметно дисциплинировало и упорядочивало работу лесной отрасли.

С начала 1960-х гг. в лесную промышленность и лесное хозяйство полуострова пошёл поток специалистов, механиков и лесоинженеров из открывшихся в 1950-е гг. Минлеспромовских вузов. Стали появляться более экономичные технологии работ и проектируемые лесовозные дороги на более удалённых лесосеках. Расстояние вывозки леса увеличилось до 20–30 км, отпала очень затратная необходимость во временных посёлках-лесопунктах. Стали внедряться новые виды сплава леса в плотях, кошмах и даже «сигарах». Для дальнейшей транспортировки лес в «сигарах» выводили из реки в море и буксирами доставляли на рыбокомбинаты восточного побережья Камчатки.

Десятилетка 1960–1970-х гг. явилась переломной в технологии работ лесной отрасли. Изменилась и техническая вооружённость предприятий, появилась вывозка леса в хлыстах. Разделка леса на сортименты переместилась из леса в посёлки на нижние склады, ближе к энергетике, где было легче механизировать этот трудоёмкий процесс при помощи бревнотасок и электропил. Заметно увеличилась производительность труда. Так, в 1965 г. она составляла 520 м³ на 1 рабочего, а в 1970-м г. – до 805 м³. Это были лучшие показатели по всему Дальнему Востоку. «Камчатлес» долгое время удерживал это первенство.

В 1970-е гг. резко стал возрастать экспорт древесины в Японию. За пятилетку с 1965 по 1970 г. объём экспорта увеличился в 2 раза, «Камчатлес» стал приобретать японскую технику: лесовозы и бульдозеры фирмы «Камацу», маневренные и производственные автокраны «Като». Трособлочные системы погрузки и разгрузки леса заменялись челюстными погрузчиками, козловыми и башенными кранами. На лесозаготовках появились валочно-трелёвочные и сучкорезные машины, полуавтоматические

линии на разделке хлыстов. Поступал более маневренный речной флот.

Изменился и облик лесных предприятий. Он принял вполне индустриальный вид. Завоз рабочих в тайгу осуществлялся на автобусах, а не на грузовиках, как ранее. Ушёл в прошлое 10–12-часовой рабочий день водителей лесовозов по несносным дорогам. Теперь сменная работа шла на производительной комфортной технике. Появились устроенные дороги, тёплые боксы для тракторов в лесу. В каждом посёлке отстроились новые школы, клубы, детские сады, стадионы. Исходя из фактов, можно с уверенностью утверждать, что начало 1980-х гг. – это полный расцвет лесной отрасли Камчатки и Дальнего Востока страны.

Все послевоенные годы страна жила в сложной геополитической обстановке в противостоянии с Западным миром. Постоянно увеличивая мощь промышленности, правительство упускало своевременное решение вопросов социального развития. Кроме того, к 1980-м гг. стало чувствоваться несоответствие коммунистической застывшей идеологии с реалиями жизни общества того времени. Консервативный аппарат руководства Союза оказался неспособным гибко реагировать на вызовы времени. В стране нарастало западпоклонничество. Заметно стали коррумпироваться эшелоны власти.

Западная коалиция воспользовалась данной ситуацией, подготовила и провела уникальную спецоперацию по развалу Союза Советских Социалистических Республик без ведения горячей войны. Прежде всего, западные силы в руководстве страны стали наносить главные удары по экономике Союза путём демонаполизации промышленности. Это ликвидация Госплана, дробление производственных объединений, трестов на малые предприя-

тия. Сразу же рухнула вся логистика взаимных поставок продукции, нарушилось снабжение запчастями, упал уровень производства. А сниженный уровень производства – это сниженный план поставок, от чего тут же пострадали другие отрасли. Так и пошла цепная реакция развала страны.

К примеру, из-за снижения выпуска лесопроductии не стало хватать тары для упаковки рыбы и консервов в рыбной отрасли. Значит, надо снижать объёмы рыбодобычи и её переработки, а это – уменьшение поставок в торговлю, и так по всем отраслям. Нехватка продовольствия – это очереди в магазинах, талоны на продукты и возмущение масс, чего и добились западные советники, желавшие распада страны.

1990-е гг. – это полный развал Союза, всё шло к распаду самой России на регионы. В стране растаскивалась «разбитая в клочья» мощная промышленность. Лесная отрасль на Камчатке, да и в стране в целом, как особо трудозатратная, развалилась быстро. Ставка на заготовительные кооперативы – фактически возврат к артельному методу заготовок леса, то есть шаг на 100 лет назад. Тем не менее, выживать народу как-то надо было. Таким методом «на хапок» в 1989 г. заготовили только 60 тыс. м³ леса. Заметим, это в 13 раз меньше, чем в 1940 г. И такой разгром получила вся промышленность СССР на великую радость Запада.

Страна покати́лась к дикому капитализму, теряя свою мощь, людей и суверенитет, неумолимо двигаясь к полному краху. И, казалось, лишь Божье провидение сможет остановить столь жалкий конец бывшей Великой Державы. Но, как говорится, «потерявший голову, по волосам не плачет»... История продолжается, а её надо изучать, анализировать и делать выводы.

1. Делле П. И. Краткий обзор лесного хозяйства в Приамурском генерал-губернаторстве // Труды съезда лесных чинов Приамурского управления государственных имуществ. Хабаровск, 1908. Прил. 2. С. 3–42.
2. Приказы по Козыревскому леспромхозу Акционерного Камчатского общества (А. К. О) за 1930–1936 гг.
3. Приказы по Козыревскому леспромхозу Акционерного Камчатского общества (А. К. О) за 1937–1945 гг.
4. Приказы лесопромышленного треста «Главкамчатрыбпрома» (Г.К. Р. П.) за 1946–1953 гг.
5. Маленков Г. М. О задачах партийных организаций в области промышленности и транспорта: докл. на XVIII Всесоюз. конф. ВКП(б) // Красная звезда. 1941. 16 февр. Режим доступа: https://stat.mil.ru/files/morf/military/files/frontline_newspapers/kz_16021941.pdf
6. Устав леспромхоза : [введен в действие 31.12.1949 г.] / М-во лес. и бумаж. пром-сти СССР. М.; Л., 1950. 304 с.
7. Производственные доклады и межведомственная переписка объединения «Камчатлес» (1967–1992 гг.). Плановые и отчётные цифры.

В. Е. Быкасов
ПОХОДЫ Л. МОРОЗКО К «ЗЕМЛЕ КАМЧАДАЛЬСКА»
И НА КАМЧАТКУ

Аннотация. О походах казака Л. Морозко 1695–1696 гг. на основе анализа «Копанёвской рукописи». Представлены аргументы в пользу версии автора о хронологии событий, географии маршрутов и численности отряда Морозко.

Ключевые слова: история, землепроходцы, казаки, Камчатка, п-ов.

Ландшафтно-ситуационный анализ исторических ситуаций, относящихся ко времени открытия и начального освоения Северо-Востока Азии и Камчатки, показывает, что нередко одно и то же событие разными исследователями интерпретируется самым разным образом.

Например, 325 лет тому назад В. Атласов и Л. Морозко совершили поход на Камчатку, обессмертивший их имена. И вот уже более 250 лет к этому походу постоянно обращались и обращаются историки, географы, этнографы, краеведы, писатели и поэты, среди которых А. С. Пушкин. Но при этом даже самые основные этапы их маршрута не имеют однозначной интерпретации. Например, переход отряда В. Атласова от корякского Каменного острожка, располагавшегося в те времена возле устья р. Пенжина, к устью р. Алютора (ныне Вывенка) прорисовывался исследователями не только более или менее напрямую, но и в обход – через северную часть п-ва Камчатка.

В частности, известный отечественный историк Б. П. Полевой считал, что «...от устья Пенжины атласовцы дошли по западному берегу полуострова до перевала с Лесной на Карагу на Берингово море... и пошли они через высокую гору к олюторским корякским острогам» [13, с. 86].

Этнограф Е. П. Орлова этот же переход увязала с р. Палана, расположенной на 60 км южнее: «Оттуда (от устья Пенжины. – В. Б.) ехали они две недели подле моря и где-то возле Паланы перевалили через “высокую гору” и попали в район Олюторы» [9, с. 14].

Однако при таком раскладе казакам на пути от устья р. Пенжина вдоль восточного берега Пенжинской губы к перешейку, соединяющему п-ов Камчатка с материком, пришлось бы преодолеть около 250 км. Затем по западной стороне полуострова пройти ещё 250 и 300 км, соответственно, до устьев рр. Лесная и Палана. Далее они, пройдя 150–170 км через Срединный хребет, вышли бы на побережье Берингова моря в районе устьев рр. Карага или Ивашка. Повернув отсюда на северо-восток, им надо было бы

преодолеть ещё 150 и 200 км вдоль берега моря, прежде чем достичь р. Алютора. Тогда как длина относительно прямого пути от устья р. Пенжина к устью р. Алютора составляет всего лишь около 250 км.

Подобного рода расхождения отмечаются и с интерпретацией похода Луки Семёнова Морозко в зиму 1695/96 гг., о котором в челобитной самого казака, написанной им совместно с Иваном Голыгиным, Максимом Албазинским, Алёшкой Тютя, Сидором Ивановым Бычаном и Григорием Худяковым, говорится, что они взяли «...с оленных опуцких коряк и с олюторов и с камчацких первых людей пластину чернубрую лисию, да двадцать осемь соболей красных, да шесть лисиц сиводушных, да на погроме взяли с олюторов лисицу чёрную» [13, с. 64]. Таким образом, землепроходцы первоначально вышли к опуцким и олюторским корякам, затем посетили первых камчацких людей и лишь только после этого на погроме взяли с олюторов лисицу чёрную.

Однако В. Атласов, пройдя в 1697 г. от Каменного острожка, стоявшего в устье р. Пенжина, до р. Олютора (ныне Вывенка), в своей «Первой скаске» заявил, что до него на этой реке никто из русских людей не бывал. И тем самым в ситуации с походом Морозко возникло первое разночтение, но отнюдь не последнее.

Так, например, в этой же челобитной Л. Морозко отметил, что «...был де он Лучко с служилыми людьми во итинадцать человек» [там же, с. 65]. Из чего следует, что в его отряде вместе с ним было 16 русских людей. Однако казак Иван Енисейский из отряда Морозко (который, кстати, по мнению Б. П. Полевого, с группой служивых людей в 1696 г. якобы остался на Камчатке) сообщал, что он ходил «с Лукой Мороскою для проведывания на Камчатку в четырнадцать человек» [там же, с. 59].

Обер-секретарь российского сената Иван Кириллов уверял, что Л. Морозко на Камчатку ходил с десятью служилыми людьми [там же, с. 52]. С. П. Крашенинников отметил,

что Морозко был послан к апутским корякам «в 16 человек за ясаиным сбором» [7, с. 403]. Ну а Полевой утверждал, что «всего в походе участвовало 15 русских» [13, с. 56]. То есть даже в такой простой, казалось бы, проблеме, как численность русских людей в отряде Морозко, имеется четыре варианта истолкования.

Понятно, что отчасти это разночтение было обусловлено тем, что историки при этом говорили либо о 15 казаках во главе с Морозко, который был 16-м, либо о 16 русских людях вместе с ним. Однако Морозко, говоря о малолюдстве своего отряда, всё же погрешил против истины, ибо в его в отряде, кроме русских людей, было ещё и 57 юкагиров. То есть по тем временам в подчинении Морозко был очень большой отряд. Например, в отряде М. Стадухина, ушедшего летом 1641 г. на Оймякон, вместе с ним было всего лишь 15 человек. Однако даже после потери нескольких человек при осаде ламутами казацкого зимовья на этой реке, он ещё побывал и на рр. Мома, Индигирка, Алазея и Колыма. Так что, скорее всего, о малолюдстве своего отряда Морозко говорил лишь для того, чтобы оправдаться за малый объём собранного им ясака.

Ещё одно разночтение в интерпретации с походом Л. Морозко связано с В. Атласовым, который в своей сопроводительной отписке к челобитной Морозко, отправленной с Сидором Бычаном в Якутск, написал, что им был «послан казак Лучко Морозко с служилыми людьми в Корятскую землю... для разговору и призыву под великих государей высокие самодержавные руки с ясачным платежом в вечное холопство» [там же, с. 65].

На самом же деле Атласов появился в Анадырском остроге уже после ухода отряда Морозко в поход. Тем не менее, некоторые историки и краеведы, в том числе С. П. Крашенинников, считали, что Морозко в самостоятельный поход был послан именно Атласовым, а не Михаилом Многогрешным.

Что же касается упоминания Атласовым названия «Корятская земля», то оно свидетельствует о том, что Морозко был послан не на Камчатку, а на землю, где, как говорил сам Морозко, обитали «камчацкие люди тунгусской породы». А таковой могла быть только та «З(емля) Камчадальска», которая протягивалась от р. Тауй к р. Яма и далее к востоку, вплоть до рр. Вилига и Тодон, ибо юкагиры, присудные к Анадырску, были приведены к ясаку С. Дежнёвым и М. Стадухиным ещё почти за полвека

до похода Морозко, тогда как на Камчатском полуострове они впервые побывали лишь вместе с самим Атласовым в 1697–1699 гг.

Обращает на себя внимание и то, что прежде чем попасть на землю «камчацких людей тунгусской породы», отряд Морозко вышел к «опуцким корякам». Отталкиваясь от этого суждения, исследователи и краеведы были абсолютно уверены в том, что Морозко от Анадырского острога сразу же направился к нынешней р. Апука. Выйдя оттуда на Камчатский полуостров, он по его западной стороне якобы дошёл либо до р. Тигиль, либо до р. Морошечная.

С этим же мнением согласился и я, когда попытался рассмотреть ситуацию с походом Атласова [2]. Согласился потому, что на тот момент мною были упущены из виду данные «Копанёвской рукописи». И лишь позднее, при более внимательном ознакомлении с содержанием её текста, у меня возникли сомнения по поводу начального и конечного этапов маршрута Морозко.

Итак, начну с Крашенинникова, который в своей отдельной главе «О завоевании Камчатской земли, о бывших в разные времена от иноземцев изменах и о бунтах служивых людей», написал: «По Федоте кочёвщике (то есть после Федота. – Б. В.) проведаль о Камчатке анадырской служащий Морозко Старицын, будучи в походе противу коряк, а доходил он только до впадающей в Пенжинское море Морошечной реки...» [7, с. 747].

То есть, отталкиваясь от неясных слухов русских старожилов Камчатского полуострова, Крашенинников решил, что во время своего похода Морозко побывал на р. Морошечная, протекающей по центральной части Западно-Камчатской низменности. Отчего он в основном тексте своего «Описания земли Камчатки» к сказанному выше добавил: «В 7204 (1695) году посылан от него (от В. Атласова. – Б. В.) был к апутским корякам Лука Морозко в 16 человек за ясаиным сбором, которой по возвращении своём объявил, что он не только был у оных коряков, но и до Камчатки не доходил токмо за 4 дни, и в этом походе взял он камчатской острожек, а на погроме получил неведомо какие письма, которые объявил Атласову» [там же, с. 403].

Добавил потому, что трижды пересекая Срединный хребет по рр. Облуковина и Кирганик и один раз по рр. Тигиль, Седанка и Еловка, он доподлинно знал, что от верховий р. Тигиль до р. Камчатка через Срединный хребет следует идти 3 дня, а от верховий р. Морошечная – 4 дня.

А потому и «поправил» Л. Морозко, который утверждал, что он до Камчатки не доходил один день.

Однако поскольку суждение Крашенинникова о том, что Морозко был послан в поход Атласовым, не соответствует реальности, то и его представление о посещении отрядом Морозко Камчатского полуострова зимой 1695/96 гг. также вызывает сомнение. В том числе и потому, что в «Копанёвской рукописи» ни р. Тигиль, ни р. Морошечная не упоминаются.

В таком случае остаётся признать, что Крашенинников, опираясь на тёмные слухи камчатских старожилов из числа русских служилых людей, невольно отождествил поход Морозко 1695–1696 гг. на землю тунгусов и юкагиров с его же посещением р. Морошечная в 1697 г.

И в самом деле, в своей «Первой скаске» В. Атласов сообщил: *«И от того места пошёл он, Володимер, вперёд подле Пенжинского моря на Ичю реку. И услышал он, Володимер с товарищи у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они, камчадалы, ево русаком. И он де, Володимер, велел ево привести к себе, и камчадалы, боясь государевой грозы, того полоненика привезли»* [10, с. 73].

То есть после того, как отряд Атласова погромил на р. Ича тигильских коряков, угнавших оленей его отряда, казаки задержались здесь для того, чтобы построить зимовье и оставить при нём свой кош (военный обоз) с частью людей. При этом, прослышав от ичинских ительменов о некоем иностранном полоннике, Атласов отослал за ним на р. Нана (Морошечная) группу казаков во главе с Морозко. Поэтому камчатские старожилы, а вслед за ними и Крашенинников, увязали это посещение Лукой Морозко р. Морошечная с его первым походом зимой 1695/96 гг.

Но в «Копанёвской рукописи» о самостоятельном походе Морозко говорится совершенно иное: *«7... году месяца Якутского города и присутствия Якуцкого же в дальнем расстоянии на реке Анадыре, завомое “За Носом”, из острогу Анадырского пошли устужане, промышленные русские люди, иных разных городов пятнадцать человек, в них же бе первенствеши человек именем Лука... сын прозванием Старицын, по нём вторы человек... сын Голыгин, родом устужане, а по Якуцкому городу служивые люди посланы были из Якуцка в Анадырский острог ради ясаиного сбора, и тамо има дошедшема и пребыста время немалое ради ясаиного сбора с ламуцких и з юкагирских иноземцов»* [13, с. 53]. Таким образом, конечной целью похода Морозко был сбор

ясака с «ламуцких и з юкагирских иноземцов», а не с коряков Камчатского полуострова.

Более того, далее в рукописи говорится: *«И оттоле нача промысляти, камо бы им проведати место и людей незнаемых прежде, бо сего намерения слух им носился через юкагирских иноземцов про камчацких людей и от того слуху паде им намерение тамо итти. И присовокупив к себе 57 человек, и поидоста там ради соболиного промыслу чрез хренты и лесные и пустые места в неведомые страны. И в том пути в своём намерении камо им мысль была и путь надлежал в далное расстояние, и тамо находили при реках в пустых местах людей немногое число на промыслу же соболином кочевых в недалеком расстоянии от тоих жилищ немногое число в разных неближних местах тунгуские породы»* [там же, с. 53].

Но коль скоро под «камчацкими людьми» Морозко понимал людей «тунгуской породы» (эвенов, ламутов), то это явно были не коряки и ительмены Камчатского полуострова, ибо на Камчатке эвены (ламуты) обосновались лишь спустя полтора века. Следовательно, в рукописи речь идёт не о Камчатке, а о так называемой «Земле Камчадальска», под которой, как уже говорилось выше, следует понимать нынешний двойной п-ов Кони-Пьягина с прилегающей к нему материковой территорией.

Подтверждают сказанное и другие данные «Копанёвской рукописи»: *«Железо у них не родится и руду плавить не умеют. А железо, кое мы (колымские землепроходцы. – Б. В.) привозим, то и покупают чрез иных иноземцы, как прежде тех камчацких людей многими годами, когда наши ходили на Ламу и Колыму»* [там же, с. 55]. Из них следует, что русские (пусть бы и не напрямую, а «чрез иных иноземцы») познакомились с притауйскими и приямскими «камчацкими людьми» ещё во время своих походов в верховья р. Колыма.

И в самом деле, далее в той же рукописи сказано: *«В другие же годы паки к ним приидаша двадцать человек и начаши жити с ними и к ним приходить в жилище их и почали с ними торговати и мелушными товаренцами менять, у кого какие прилучилися. А иные наши – рыбы, зверей по рекам хождаху промысляти не в далном расстоянии от зимовья нашего, человека два и по 3 и по 5, а инии же по улусам их також хождаху своих ради потреб и ради проведения и подсмотрения, чтобы у них познати, каковы у них нравы и какое в них состояние обретается»* [там же, с. 55–56].

К числу таковых приходящих людей отно-

сились, например, казаки отрядов Ивана Ермолина и Дмитрия Потапова, ходившие в конце 1660-х гг. в сторону Камчатки, расположенной на северном Приохотоморье, но никогда не бывшие на Камчатском полуострове.

Но коли так, то можно говорить о том, что конечной целью похода Л. Морозко было приведение к ясаку именно этих «камчацких людей» (тунгусов и юкагиров) северного побережья Приохотоморья. И эта цель, скорее всего, была установлена потому, что в Якутской приказной избе имелась копия «Этнографического чертежа Сибири, 1673 г.» с изображением «З(емли) Камчадальска». Так что М. Многогрешный, отсылая Морозко к «камчацким людям тунгусской породы», о существовании этой земли знал. Как знал он и о том, что в 1650–1660 гг. в районе этой земли колымские землепроходцы добывали довольно много соболей.

Наконец, ещё одной причиной отправки отряда Морозко к людям «тунгусской породы» послужило то, что сам Многогрешный, пройдя в 1693 г. по современной р. Пенжина до её устья, убедился в том (как убедились в этом ранее И. Галкин и С. Бычан), что соболя в её долине очень мало. Да и Атласов чуть позднее ясак на р. Пенжина также собрал почти исключительно шкурами красных лисиц.

Таким образом, исходя из всего сказанного, можно вполне уверенно говорить о том, что Михаил Многогрешный действительно знал о расположенной к западу от так называемого Заносья некоей «З(емли) Камчадальска». Но совершенно не знал о том, что южнее этого Заносья располагается Камчатский полуостров с его богатейшими пушными ресурсами, отчего и послал Л. Морозко через земли «опуцких оленных коряк» к той «камчатской земле», где проживали ламуты и юкагиры. И первоочередной задачей казаков на этом пути было посещение «опуцких коряк», то есть тех коряков, которые обитали на «опукской земле». Так что остаётся лишь определиться с тем, где же располагалась эта земля.

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит вспомнить, что обычно служилые, промышленные и гулящие люди отличали аборигенов друг от друга по месту их жительства на той или иной реке. Однако когда многим позднее этой же проблемой занялись профессиональные этнографы, то они убедились в том, что олюторцы от апукинцев отличаются не столько по их местообитанию, сколько по диалекту их языков. Отчего выдающийся знаток жизни и

языков коряков С. Н. Стебницкий пришёл к выводу о том, что апукинцы представляют собой оленеводов, утративших свои стада в результате чукотско-чавчувенских войн, а потому вынужденных перейти к оседлому приморско-охотничьему и рыболовческому образу хозяйственной жизни [16, с. 87]. По его мнению, большая часть оленеводов-апукинцев в районе нынешней р. Апука обосновалась после угона их оленей чукчами.

Но где же в таком случае обитали оленные апукинцы изначально?

Ответ на вопрос дали известные исследователи жизни и деятельности коряков Н. С. Гурвич и К. Г. Кузаков: «...в северной части Парапольского дола по реке Апука кочевали апукинцы, а Парапольский дол между реками Таловкой и Вывенкой (Олюторой. – Б. В.) занимали парапольцы...» [5, с. 72]. То есть, по их мнению, оленные коряки-апукинцы выпасали своих оленей в районе некоей р. Апука, расположенной в северной части Парапольского дола.

Об этом же говорил и выдающийся советский этнограф И. С. Вдовин: «...имелся ещё так называемый Апукский род, кочевал он в северной части Парапольского дола, отчасти, на Палпальском хребте» [3, с. 219]. Этот хребет (Пал-Пал) располагается между рр. Майн и Анадырь.

В наши дни всё это повторила В. В. Горбачёва, согласно которой для коряков апукинского рода, в отличие от береговых олюторов с их незначительными по численности табунами, было характерно крупно-табунное оленеводство [4, с. 5]. Она подчеркнула, что свои большие стада апукинцы выпасали по равнинным тундрам северной части Парапольского дола и, отчасти, по горным склонам Палпальского хребта [там же].

Вот отчего, когда Крашенинников говорил о том, что «в 7204 году послан от него (В. Атласова – В. Б.) был к Апутским корякам Лука Морозко в 16 человек за ясаиным сбором...» [7, с. 403], он имел в виду именно этих северных коряков-апукинцев. Во всяком случае, это именно он первым отметил, что апукинских коряков пешими сделали чукчи, когда они в 1738 и 1739 гг. захватили у них всех их оленей [там же, с. 374–375].

Итак, всё сказанное позволяет вполне уверенно говорить о том, что во времена Морозко коряки-апукинцы зимней порой выпасали своих оленей в бассейнах рр. Майн, Пальматкина и Белая с их богатыми зимними пастбищами, обширными мохово-лишайниковыми тундрами. А летом, обходя с севера территории, занятые

парапольскими и олюторскими коряками, они через верховье р. Олютора (ныне Вывенка) следовали к р. Пылговаям и по ней выходили к рр. Пахача и Апука, а далее по их долинам – к Берингову морю. Целью таких кочёвок была необходимость охоты на морского зверя, заготовка рыбы на зиму. А также олени стада на побережье меньше страдали от комаров и гнуса, олени потребляли морскую воду, пополняя организм необходимым запасом соли.

Коряки-парапольцы, занимавшие южную часть Парапольского дола, с этими же целями выходили к побережью Пенжинской губы.

Однако чрезмерное давление русских людей, изымавших у апукских коряков оленей для своих походов на р. Пенжина и на Камчатку, а главное, жестокие нападения чукчей, вынудили апукских (апутских, опуцких) коряков в своей основной массе переселиться в долину нынешней р. Апука, отчего эта река и получила своё имя, а не коряки по этой реке. В этом убеждает и то, что Крашенинников, говоря о реках, впадающих в Берингово море на пространстве от р. Алютора и до Катырского носа, упоминал только о трёх больших реках – Покаче, Опуке и Катырке [7, с. 76]. Тогда как между рр. Опука и Пахача располагается ещё и р. Апука.

Таким образом, изначальный ареал проживания оленных коряков-апукинцев привязывался к бассейну р. Майн, в северной половине которого располагается большой (около 1 млн га) ареал листовенничного редколесья. Ареал, в котором участки более или менее изреженной тайги сочетаются с обширными тундровыми урочищами, характеризующимися большими запасами мелких грызунов (полёвок, землероек и пр.), которые служат основной пищей для соболя. Именно ради разведывания в этой лесотундре новых соболиных угодий на земли опуцких коряков и был послан Лука Морозко.

Тем не менее, исследователи и краеведы посчитали, что Лука Морозко сразу же проследовал к современной р. Апука и только затем ушёл к Камчатскому полуострову, откуда он, якобы, не дойдя за один день (впрочем, иногда говорят о двух, трёх, и четырёх днях) до главной реки полуострова, вновь возвратился на р. Апука. Далее он, якобы, оставив Ивана Енисейского с небольшой группой казаков для сбора ясака, вернулся в Анадырский острог. Не обращено внимание на то, что при таковом раскладе казаки должны были бы дважды сделать большой крюк к р. Апука, что уже само по себе вызывает сомнения в реальности такого хода событий.

Впрочем, поначалу и я об этой части похода подумал точно так же, что и понятно. К обоснованию своих собственных представлений об истории открытия и освоения Камчатки я приступил не с «чистого листа», а будучи загруженным мнениями и суждениями предшествующих исследователей, представляющих возможность относительно сносно ориентироваться в историческом материале. Эти суждения существенно мешали разглядеть подлинную картину описываемых событий. Так что для того, чтобы разглядеть большое мозаичное панно, составленное из кусочков разнообразного по цвету и форме материала (в нашем случае – фактов), мне пришлось отойти подальше, чтобы вместо отдельных, пусть бы и весьма важных её деталей, можно было разглядеть всю картину в целом.

В результате неожиданно обнаружилось, что историческое панно стало выглядеть совершенно иначе. То есть при этом произошло нечто похожее на тот способ изображения, когда с одного расстояния от картины можно видеть какой-то один сюжет, а с другого – совершенно иной. При этом сама картина, вплоть до самого мельчайшего мазка краски, не меняется ни на йоту. И наиболее, пожалуй, известным примером такого рода аберрации зрения является знаменитая картина Сальвадора Дали, когда с одной точки (точнее – под одним углом зрения) виден портрет Вольтера, а с другой – три монашенки в сутанах.

Вот и в нашем случае при изменении угла зрения на «мозаику» из одних и тех же конкретных фактов обнаружилось, что изначально под Камчаткой землепроходцы понимали не современный полуостров под этим именем, а, как уже было сказано выше, территорию нынешнего сдвоенного п-ва Кони-Пьягина с прилегающей к нему частью материка.

В пользу этого предположения говорит и то, что авторы коллективной монографии «История Дальнего Востока СССР с древнейших времён и до XVII века» считали, что ещё «в 30–40 годах XVII века землепроходцы узнали от местных жителей о существовании Камчатки» [6, с. 366–367]. По их мнению, название «Камчатка» возникло ещё до предполагаемых историками походов Ф. Чюкичева с И. Камчатым на Чендон и оттуда на Камчатский полуостров.

Правда, сами авторы монографии конкретных доказательств в пользу этого своего мнения не привели. Однако совокупность всех обстоятельств, связанных с продвижением русских людей на восток по побережью Охотского моря,

позволяет говорить о том, что появление названия «Камчатка» было связано с походами И. Москвитина к р. Охота и А. Филиппова к Тауйской губе с запада, а также М. Стадухина – с востока. Именно после их плаваний у русских землепроходцев сложилось суждение о двойном п-ве Кони-Пьягина, как о том «Каме (Камуке) чатом»¹, за которым Ламское море соединяется с «Ледоватым морем». Затем, и довольно быстро, неудобное словосочетание «Камык чатой» по неписанным законам словотворчества было преобразовано в единое и на редкость удачное слово – «Камчатка». Нынешняя р. Яма, протекающая по названной «З(емле) Камчадальска», также стала именоваться Камчаткой.

Правда, на самом «Этнографическом чертеже Сибири, 1673 г.» р. Камчатка как таковая не обозначена. Это говорит всего лишь о том, что картографы, создавшие этот чертёж, под Камчаткой понимали территорию (землицу), а не реку. И лишь некоторое время спустя название «Камчатка» перешло и к протекающей по этой земле той большой реке, которая после похода Л. Морозко стала именоваться р. Яма.

И в самом деле, уже Н. Г. Спафарий, автор «Сказания о великой реке Амуре, которая разграничила русское селение с Китайцы», обобщив известные ему данные землепроходцев в своём отчёте, составленном в 1678 г., написал: «А в той Гилянской земле впади реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Тавуй, 4) Тодуй, 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки, столб каменной высок гораздо, 7) река Чулдань, 8) Анадырь» [15, с. 88]. То есть ещё за 18 лет до похода В. Атласова, в отряде которого был казак Ворыпаев, первым из русских землепроходцев вышедший к устью современной р. Камчатка, он уже знал, что на северном Приохотоморье имеется р. Камчатка, напротив устья которой располагается «столп каменный, высок гораздо». Тогда как сам Ворыпаев об этом столпе не сказал ни слова.

Если строго придерживаться порядкового списка рек Н. Спафария, то можно подумать, что р. Камчатка размещается восточнее р. Пенжина и западнее р. Чулдань (Чендон). Но это говорит лишь о том, что Спафарий либо по ошибке нарушил порядок пространственного расположения рр. Пенжина, Камчатка и Чендон, либо, не разобравшись в ландшафтной обстановке региона, встал на сторону тех землепроходцев, которые до похода Ф. Чюкичева р. Чулдонь (Чендон) располагали севернее р. Анадырь.

Но коли так, то всё сказанное позволяет понимать под р. Камчатка современную р. Яма, поскольку именно она располагается западнее Чендона, поскольку именно южнее и напротив её устья на п-ве Пьягина буквально от моря поднимается высокая (1053 м) г. Ямская – тот самый «столп каменный», на котором никто не бывал.

Правда, на первый взгляд, это представление о месте расположения «столпа каменного» выглядит несколько экстравагантным – где нынешняя р. Камчатка и где р. Яма? Но именно несколько, так как в данном случае речь идёт о совершенно иной реке под именем Камчатка.

И действительно, сам Спафарий не знал, да и не мог знать о существовании Камчатского полуострова, а потому и не мог привязывать этот столп к устью р. Камчатка. Тогда как, например, Л. С. Берг под этим столпом понимал м. Столбовой, который, располагаясь неподалёку от устья р. Столбовой, от устья р. Камчатка не виден. А. Л. Биркенгоф таковым столбом считал Ключевской вулкан, на вершине которого никто не бывал. Б. П. Полевой и вовсе уверял, что «...более вероятно здесь имелся в виду остров Алаид (с 1954 г. – Атласова), который действительно вышел из моря в виде “столпа каменного” необычайной высоты – 2330 метров (60)» [12, с. 128]. Но этот остров располагается напротив юго-западной оконечности Камчатского полуострова в 700 км по прямой от устья р. Камчатка.

Итак, подведу предварительный итог. Камчатка стала известна русским ещё до похода Л. Морозко. Причём это была не нынешняя Камчатка, а так называемая «З(емля) Камчадальска», изображённая на «Этнографическом чертеже Сибири, 1673 г.». И это тем более верно, что сам этот чертёж был создан по данным материалов землепроходцев, одни из которых (в том числе – Дмитрий Потапов и Иван Ермолин) в 1660-е гг. по р. Колыма выходили на побережье северного Приохотоморья в районе рр. Вилига и Тобон, расположенных на восточной окраине этой самой «З(емли) Камчадальска», а другие (Ф. Чюкичев с И. Камчатим, А. Усолец с Пронькой Травником, Иван Хворый и Бурлак) по Омолону и его притоку, р. Большая Авландя, выходили к рр. Чёрная и Гижига, впадающим общим устьем в култук Гижигинской губы. Подчеркну, именно в тот самый култук тогдашней Пенжинской (ныне – Гижигинской) губы, к которому от устья р. Яма в северо-восточном направлении протягивается берег зал. Шелихова.

¹ Кам, камык – камень (хребет), чатой – желаемый [8].

Но при этом все они не знали даже о существовании современной р. Пенжина, не говоря уже о нынешнем Камчатском полуострове. Именно не знали, так как С. Ремезов, создавая свои знаменитые чертежи по данным названных и прочих землепроходцев, р. Чендон (нынешнюю Гижигу), впадающую в нынешнюю Гижигинскую губу, принимал за р. Пенжина, а саму эту губу называл Пенжинским заливом – *Penzŭnse bay*. И принимал потому, что в одной из тобольских росписей, найденных Б. П. Полевым, говорится: «...а ходу до Чондона реки от Кавымского нижнего зимовья на судах по Омолону реке вверх восемь недель до Пенжинского хребта» [11, с. 56]. Таковым Пенжинским хребтом могло быть только современное Колымское нагорье, а не нынешний Пенжинский хребет, отстоящий от Омолона на 300 км по прямой. И именно за этим колымским нагорьем располагалась река, названная казаками и картографом Пенжиной.

Теперь можно вновь вернуться к походу Л. Морозко, отряд которого, выйдя из Анадырского острога, сперва посетил землю «опущких коряк», обитавших в районе хребта Пал-Пал, и лишь после этого направился к р. Алютора. Однако, убедившись в том, что на ней соболя мало, казаки повернули на запад и по р. Тыгимвеем (ныне р. Белая) вышли к р. Пенжина. Затем по р. Аклан (Оклан) они двинулись к Чендону (ныне р. Гижига), откуда русские ушли ещё в начале 1680 гг. И, наконец, оттуда проследовали к «камчацким людям тунгусской породы».

Замечу, что некоторые исследователи, например Полевой [13, с. 62], р. Тыгимвеем воспринимали за нынешнюю р. Тигиль. Хотя сам С. Ремезов считал р. Тыгимвеем левым притоком той р. Пенжина, под которой он понимал р. Чендон (Гижига). Судить об этом позволяют данные «Ремезовского чертежа Восточной Сибири», на котором в верховье р. Пенжина располагается надпись «Р. Пенжень. Неясашные иноземцы юкагиры», а также данные «Ремезовского этнографического чертежа Восточной Сибири», на котором располагается аналогичная по смыслу надпись – «Р. Пенжень, а на ней неясашные иноземцы юкагиры». Поскольку в верховьях нынешней р. Пенжина пешие юкагиры никогда не обитали, хотя иногда и ходили туда ради промысла пушного зверя, то Ремезов под р. Пенжина понимал нынешнюю р. Гижига.

Даже после знакомства с данными Л. Морозко, Ремезов не понял, что нынешние рр. Пенжина и Гижига (Чендон) являются разными

реками, а потому и принимал их за одну реку, низовье которой последующие исследователи именовали Гижигой, а верховье – Чендоном. Тогда как р. Яна (прежде – Камчатка) Ремезов на этих же чертежах расположил восточнее Тайгуской губы.

Кстати, в связи со ссылкой на указанные чертежи, не лишним будет отметить, что их нумерацию следовало бы поменять местами. Ибо если на чертеже № 45 в устье р. Яма помещена надпись «коряки», то на чертеже № 44 на этом же месте Ремезов разместил надпись «тунгусы», которые оттеснили отсюда береговых коряков. К тому же на чертеже № 45 нанесены остров «Корятской», остров «вольных чукчей» и остров Камчатой, тогда как на чертеже № 44 все эти объекты были им «сняты». Так что чертёж № 44 явно был создан после чертежа № 45, а не наоборот.

Что же касается причины появления у р. Яма (бывшей Камчатки) её нынешнего имени, то это, на мой взгляд, произошло потому, что за несколько лет до похода Морозко в районе нынешнего мыса Япон потерпела крушение японская буса, занесённая сюда циклоном.

Правда, документального подтверждения этому нет. Да и вообще пребывание японцев в этих местах отрицается. Однако отсутствие документальных данных вовсе не исключает возможности занесения японской бусы в этот район. Например, в 1721 г. от южных Курильских островов в район п-ва Тайгонос была заброшена гораздо более мореходная, чем японские бусы, лодья «Восток», на которой вдоль Курильской гряды плавали Ф. Ф. Лужин и И. М. Евреинов [17, с. 42]. Отчего, кстати, очертание, величина и местоположение этого полуострова на их карте и выглядят намного точнее, чем на знаменитой «Карте земли Камчатки с около лежащими местами», созданной тридцать с лишним лет спустя, так как на ней п-ов Тайгонос изображён буквально в виде некоего «пупырышка», приуроченного к самой оконечности огромной Пенжинской губы.

Итак, сомневаться в том, что японцы могли оказаться на нынешней р. Яма особо не приходится. В том числе и потому, что на сегодня уже твёрдо установлено, что время от времени японские бусы уносило и к Камчатке, и к Алеутским островам, и к берегам Северной Америки, расположенным южнее Аляски, и даже к берегам Чукотского полуострова [6, с. 293].

Далее вся эта ситуация выглядела следующим образом. Высадившись после крушения бусы на мыс, названный по этой причине мысом

Япон, японцы с этого обдуваемого всеми ветрами места перебрались к северному предгорью высокой г. Ямская (от слова яма – гора по-японски), а затем ушли на устье богатой рыбой реки, названной ими по имени этой высокой горы (ямы) Ямой. Однако вскоре они были взяты в плен тунгусами, перенявшими у них названия новых для них ландшафтных объектов. После чего часть тунгусов вместе с пленными японцами ушли от р. Яма далее к востоку. И там Морозко при погроме острога «камчацких людей тунгуской породы» обнаружил «письмо на бумаге иноземские руки»: *«Да у них же на погроме листы писаны неведомо какие и те письма отдали Володимеру Атласову»* [13, с. 64].

Правда, сам Б. П. Полевой обнаружение этих листов связывал с японцем Денбеем, попавшим примерно в это же время в плен к западно-камчатским ительменам [там же, с. 61]. Однако это были совершенно иные японцы и совершенно иное письмо.

Таким образом, на мой взгляд, название «Яма» вместо имени «Камчатка» в русском языке появилось сразу же после похода Морозко. Об этом позволяет судить и то, что до этого землепроходцы, говоря о рр. Тауй, Иня, Вилига, Толдон (Тобон, Тубон), Изига и Чендон, имя «Яма» в своих отписках не приводили. И лишь когда С. Ремезов, обобщив представления М. Стадухина, Ф. Чюкичева, И. Камчатого, П. Потапова и других первопроходцев, с одной стороны, и Л. Морозко, с другой, назвал реку, протекающую по «З(емле) Камчадальска», «Ямой», это имя появилось и закрепилось в русском языке.

Правда, после знакомства с данными В. Атласова, он на «Карте, составленной по данным Кубасова, 1701 г.» р. Яма нарисовал впадающей в р. Охота, а заодно и разместил напротив устья р. Охота огромный о. Япон. Но это уже были обычные издержки работы со скудными, противоречивыми, а нередко и вовсе неверными данными первопроходцев, которые, например, сперва за р. Чендон приняли нынешнюю р. Гижига, тогда как юагиры Чендоном называли современную р. Большая Гарманда. Затем называли Чендоном и современную р. Пенжина. И лишь после 1670 г. присвоили этой реке Чендон имя Пенжина.

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что в представлении землепроходцев «Камчатка» как самостоятельный ландшафтно-исторический объект постепенно «перемещалась» на восток: от двойного п-ва Кони-Пьягина, за которым море резко уходит на северо-восток (в сторону, как мнилось землепроходцам, близкого

Ледоватого моря) к Ламскому Носу (к п-ву Тайгонос), затем от этого Носа – к так называемому Заносью, от него – к Камчатскому полуострову. Происходило это потому, что землепроходцы во время своего продвижения на восток постоянно были уверены в том, что Камчатка находится где-то недалеко. Поначалу неподалёку от Охотска, позже – рядом и восточнее с р. Чендон (Гижига) и, наконец, южнее нынешней р. Пенжина.

Другим примером такового неверного истолкования данных землепроходцев является огромный о. Апон, нарисованный С. Ремезовым на «Карте, составленной по данным Кубасова, 1701 г.» вблизи устья р. Охота. Именно такое отображение Японии настолько сбilo с толку тогда ещё молодого Петра I, что тот 20 лет спустя отослал в целях отыскания пути к Японии геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина не напрямую по р. Амур к Сахалину и далее (к которому ещё в 1644 г. плывал Василий Поярков), а кружным путём через Якутск, Охотск и Большерецк. Поэтому геополитические устремления России на Дальнем Востоке на полтора века сфокусировались на Камчатке и Алеутских островах. Даже Курильские острова русские казаки и промышленники осваивали не от Амура и Приморья, а со стороны Большерецка и Охотска.

На мой взгляд, именно ошибочные представления Ремезова о географии Северо-Востока послужили основными предпосылками возникновения нынешних споров между Японией и Россией по поводу принадлежности Курильских островов и Сахалина. Вот и верь после этого тому, что роль одного «небольшого человека» (в данном случае картографа) ничтожно мала в истории того или иного государства и всего мира.

Впрочем, вернусь к судьбе Л. Морозко после его возвращения в 1697 г. с полонеником Денбеем на р. Ича.

Дело в том, что сразу же после похода в составе отряда В. Атласова до р. Голыгина и юго-западного побережья полуострова он вновь вернулся на Ичу. И буквально тут же во главе независимых от Атласова промышленных людей ушёл на р. Еловка, в 50 верстах от устья которой ими были построены два зимовья, где они провели полтора года [7, с. 734]. В 1699 г., после подрыва запасов соболя, Морозко со своим отрядом ушёл на богатую соболем р. Тигиль, где они были уничтожены тамошними коряками.

Правда, С. П. Крашенинников считал, что на Тигиль Морозко ушёл с двумя товарищами. Но поскольку сведения о пребывании вольнолюбивого казака в районах рр. Ича, Морощечная, Еловка и Тигиль были им получены от старожилов, а сами эти слухи со временем становились всё более и более тёмными, то Крашенинников в этом своём мнении явно ошибся. Как, например, ошибся он со временем исчезновения (убийства) И. Голыгина на р. Нунгучу (Голыгина): *«По нём (после Л. Морозко. – Б. В.) выбран над русскими командиром Голыгин, но и оной недолге после Морозки убит на реке Нынгуче, которая с рекою Опалою устьями вместе сошлася и впаля Пенжинское море выше устья Большой реки верстах в 60, отчего она река ныне Голыгиной называется»* [там же]. Правда, позднее Крашенинников всё же признал, что Голыгин был убит на р. Нынгуча ещё до возвращения Морозко вместе с Атласовым в конце 1697 г. от р. Голыгина на Ичу [7, с. 747].

Кстати, говоря о пребывании Морозко на Камчатке в 1697–1699 гг., стоит отметить ещё и то, что сам казак при этом ничего не говорил об огромной (3631 м абсолютной, 3000 м относительной высоты) Ичинской сопке (Хоа-шен – Белой горы), на северо-западных склонах которой располагаются истоки р. Морощечная. Ничего об этой Белой горе не говорил и Атласов, полтора года проживший в 60–70 км от вулкана. Ещё более удивительно то, что ничего не говорил об Ичинском вулкане и Крашенинников, трижды проезжавший по р. Облуковина на расстоянии 50–60 км от него. Этот перевал можно было преодолевать только в ясную погоду, что подчёркивал сам натуралист, а верхняя (белая) треть вулкана в ясную погоду прекрасно просматривается даже с Толбачинского дола на расстоянии в 170 км.

Впрочем, не стану гадать, почему вулкан, возвышающийся на три километра над окружающей местностью, выпал из поля зрения и казаков, и натуралиста, а попробую разобраться с тем, сколько людей было в отделившемся от Атласова отряде Морозко.

Итак, из Анадырского острога в поход вместе с Атласовым вышло 60 служилых и промышленных людей. Правда, иногда говорят и о 65 землепроходцах, но сам Атласов приводил цифру 60. После пребывания в Каменном острожке Атласов отправил нескольких служивых во главе с Олешкой Пещерою с ясаком в Анадырский острожек. С ним было такое же число юкагиров с оленями. Однако буквально

тут же отряд Атласова нагнала небольшая группа Морозко с юкагирами. Так что в результате общая численность отряда не изменилась.

И в самом деле, на р. Палана во время бунта юкагиров погибло, по данным Атласова, 6 человек [10, с. 71–72]. А в надписи на кресте, поставленном в устье р. Кануч (ныне Половинная), было отмечено, что в отряде на тот момент было 55 русских людей. Так что с учётом гибели Воряпаева, произошедшей после его возвращения от устья р. Камчатка, в группах О. Пещеры и Л. Морозко было вместе с ними по 7 русских служилых и промышленных людей.

Затем на р. Голыгина был убит (пропал без вести?) И. Голыгин. А в 1698 г. Атласов отослал с Ичи в верховья р. Камчатка группу Потапа Серюкова, в которой вместе с ним было 15 служилых людей. Ну и, наконец, в Анадырский острог возвратились, включая Атласова, 16 русских служилых людей. Так что в отряде Морозко, ушедшего с Ичи, было вместе с ним 20 человек.

Провести этот расчёт потребовалось в связи с тем, что столь большое количество погибших промышленных людей отряда Морозко послужило причиной появления слухов о гибели на Тигиле людей двух кочей из экспедиции Ф. Попова во главе с самим торговым человеком, якобы проводивших зиму 1648/49 гг. на р. Никулка.

Однако, на мой взгляд, скорее всего зимовку на р. Никулка провели другие два коча из отряда промышленных и торговых людей Попова, занесённых сюда после бури, настигшей их в районе Анадырского залива. Причём эти два коча, обогнув м. Лопатка, доплыли, минуя Тигиль, до р. Парень, где члены их экипажей были частично уничтожены, а частично захвачены в плен.

В пользу данного предположения говорит то, что именно с этого времени паренские коряки начали изготавливать свои знаменитые паренские ножи. Ибо для того, чтобы у них возникло умение ковать столь добротные ножи, необходимо было возникновение промежуточного звена, которым мог быть русский человек (кузнец), обучивший коряков мастерству изготовления ножей путём переделки русского оружия. Позднее коряки приобретали в обмен на пушнину железную посуду, необходимую им для изготовления ножей, топоров и наконечников копий. Русские землепроходцы, зная воинственность коряков, не единожды уничтожавших отдельные группы, а то и целые отряды русских людей, снабжать их готовыми топорами и копьями не решались.

Таким образом в моём представлении выглядит ситуация с походам Морозко по северному Приохотоморью и Камчатке. И я вполне допускаю, что всё изложенное может вызвать не только сомнение, но и отрицание. Однако надо помнить, что в данном случае мною была принята всего лишь попытка посмотреть на хорошо знакомую историческую ситуацию под другим углом зрения, а не абсолютное утверждение истины. Так что даже если эти представления в связи с обнаружением новых архивных данных

окажутся ошибочными, именно эта попытка может послужить поводом для поиска и обнаружения новых сведений. Другое дело, что лично я к работе с архивными материалами приступить не могу потому, что мне хочется ещё успеть собрать в единое целое всё то, что мною было высказано ранее о походах землепроходцев по Северо-Востоку Азии и Камчатке. Как говорится, каждому – своё, кому выдвигать новые представления, а кому – их опровергать, ибо только таким образом можно приблизиться к истине.

1. Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке. XVII–XVIII вв. / под ред. А. В. Ефимова. М. : Наука, 1964. 135 с.
2. Быкасов В. Е. Каким маршрутом шли первопроходцы? // Камчатский Ермак / авт.-сост. и ред. М. Я. Жилин. Петропавловск-Камчатский, 2011. С. 95–123.
3. Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л. : Наука, 1973. 303 с.
4. Горбачёва В. В. Обряды и праздники коряков. СПб. : Наука, 2004. 152 с.
5. Гурвич И. С., Кузаков К. Г. Корякский национальный округ. М. : Изд-во АН СССР, 1960. 302 с.
6. История открытия и исследования Советской Азии / А. А. Азатьян, М. И. Белов, Н. А. Гвоздецкий [и др.]. М. : Мысль, 1969. 535 с.
7. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2018. 922 с.
8. Краткий церковно-богослужебный словарь. М. : Фонд «Благовест», Подворье Троице-Сергиевской лавры, 1997. 318 с.
9. Орлова Е. П. Ительмены. СПб. : Наука, 1999. 197 с.
10. Первая «сказка» Вл. Атласова, 1700 года // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989. С. 69–76.
11. Полевой Б. П. Открытие Камчатки со стороны Пежины // Норд-Ост. Люди, природа, история. Петропавловск-Камчатский, 1984. С. 51–62.
12. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 1997. 159 с.
13. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 1997. 203 с.
14. Север Дальнего Востока / отв. ред. Н. А. Шило. М. : Наука, 1970. 486 с.
15. Спафарий Н. Г. Сказание о великой реке Амуре, которая разграница русское селение с Китайцы // Колумбы земли русской. Хабаровск, 1989. С. 86–91.
16. Стебницкий С. Н. Очерки этнографии коряков. СПб. : Наука, 2000. 235 с.
17. Чернавская В. Н. Россия на Тихом океане. XVIII – первая половина XIX века. Владивосток : Даль-наука, 2006. 255 с.

С. И. Вахрин ОТ УРАЛА ДО КАМЧАТКИ И РУССКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. Из истории открытия, освоения и исследования Камчатки. Значение присоединения Камчатки к России для современной истории.

Ключевые слова: история, казаки, землепроходцы, мореплаватели, Камчатка, п-ов.

Сегодня трудно (да и просто невозможно!) представить себе все тяготы того пути, который преодолели наши предки – русские люди, литвины (белорусы), черкасы (черкашенины или паны – запорожские казаки), поляки (ляхи), немчины (многонациональная смесь военнопленных), греки (греченины) и местные народы, впряжённые в служилое сословное ярмо, пермяки (и коми, и зыряне), келтяки (тунгусы), братья (буряты), мугалы (монголы), юкагиры и другие, которые шли вместе с сибирскими казаками, присоединяя к России громадные территории, ставшие сегодня для миллионов россиян их малой родиной.

Конечно, кипят ещё теоретические страсти о том, мирной или военной была эта колонизация. А она была и военной – за каждого убитого в бою «инородца» и его боевого коня выплачивались «боевые», как на любой другой войне.

Она была и мирной – русские сибиряки не только обживали здешние края, но и вращались в местный коренной народ.

Она была и союзной – можно привести множество примеров, начиная с Ермака Тимофеевича и продолжая Ермаком камчатским, когда в своих боевых действиях сибирские казаки опирались на союзнические отряды воинов коренной Сибири.

Сегодня это подзабыто, но факты от этого не утрачивают своего исторического значения и смысла.

В последние годы историки явно перегибают палку в погоню за модными (слиберальными позициями) переосмыслением этого периода российской истории, определяемого на западный манер как «фронт» (по аналогии с освоением англо-французами Дикого Запада Америки, где уничтожалось коренное население), выделяя в нём как основную и главную – военную или военноказачью колонизацию, но забывая при этом, что «передним фронтом» в процессе освоения русскими сибирских (а потом и американских, на Аляске) просторов были вовсе даже не казаки, а промышленники, охотники-зверобои,

добывающие «мягкую рухлядь» – пушнину, которые шли первыми, задолго-зadolго до Ермака Тимофеевича, а тем более Ермака камчатского. И огромное количество промышленного люда версталось (подчас и против воли) в служивое сословие Сибири. В сибирских казаках служили и сами «инородцы».

«Тыловое» обеспечение процесса русской колонизации Сибири осуществляли земледельцы – хлеборобы, кормильцы, без которых ни промышленники, ни казаки никогда бы не достигли берегов Тихого океана. Их тоже верстали в казаки на убылые места тех, кто замёрз в долине холодной смерти на Оймяконе, кто пропал в бурю в Северном Ледовитом или в Тихом океанах, кто умер от голода во время дальнего зимнего похода по безлюдным просторам Севера или погиб от стрелы воинственного «инородца» во время многочисленных боевых стычек.

И, безусловно, таких боевых стычек, столкновений, противостояний было великое-превеликое множество.

Но не нужно при этом забывать и ещё об одной особенности того времени, о которой специалисты по фронтиру почему-то говорить не любят. Сами коренные сибирские народы, которых русские в своих документах называют инородцами, находились в состоянии вечной войны по отношению ко всем чужим. Даже если эти чужие были из одной семьи народов, но претендовали на их территорию, на их женщин, на их ресурсы.

Великая столетняя война чукчей – это, если внимательно читать источники, исключая «конкистадора» (как любят его называть в исторической литературе) Дмитрия Павлукского (по мне, обычного польского шляхтича, самоуверенного и вздорного), с его походами, которые его же подчинённые не одобряли, была защита ясачного населения (коряков и камчадалов) от грабительских набегов чукчей, разорявших поселения, убивающих людей, угоняющих стада оленей.

Вспоминая Афанасия Шестакова, который вступил в бой с двухтысячным отрядом чукчей и погиб, необходимо отметить, что его собст-

венный отряд состоял всего лишь из двадцати с небольшим казаков, остальные были юкагиры, тунгусы и коряки, обратившиеся к казачьему голове с просьбой защитить их территорию, скот и сами жизни от чукотских грабителей и насильников.

В двухтомнике «Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада» (сайт www.kamchadaly.ru) я привожу множество примеров, которыми пестрят научные издания и статьи историков о проявленной со стороны сибирских казаков жестокости [2].

В постреволюционной России (в составе СССР) выходили многочисленные книги о жестокостях царской колонизации.

Если проанализировать (объективно, спокойно, не с позиций модной толерантности, а исходя из духа той далёкой эпохи), то мы сможем по-другому взглянуть на многое: и на то коррупционное ярмо, в которое впряжено было служилое сословие Сибири, получая в год жалованье в пять-десять рублей, когда одна шкурка соболя стоила в восемь-десять раз больше; и на выплату в обязательном порядке приказчикам и воеводам «откупных» или «окупных» за право сбора ясака, в сотни раз превышающих годовое жалованье и простого казака, и атамана, и сына боярского. Казаки отправлялись на дальнюю государственную службу на окраины империи, где служили когда десятилетиями, а когда и «вечно», оставаясь в той далёкой окраинной земле. Походное снаряжение, включая продукты питания, приобреталось вовсе даже не за жалованье и тот хлебный, соляной оклад, «учинённый» для каждого (всё это или большая часть оставалось семье), а приобреталось по кабалам (кабальным записям), в которых фигурировали вовсе даже не деньги, а шкуры лисиц, песцов, соболей, бобров.

Должников в Сибири не любили. Их не наказывали, их карали. Но служилые люди (казаки и стрельцы) как-никак всё же получали денежный, хлебный, соляной, пороховой оклады, будучи на службе у государства.

А крестьяне, переселённые в Сибирь из разных уголков России, питались с пашни и своего хозяйства. У них не было будущего, ибо в любой момент по царскому ли, по воеводскому, или по капитан-командорскому указу, наказу, распоряжению их могли либо заставить возить свой хлеб за тысячу вёрст от родной деревни, либо пойти в работные люди, либо вообще заставить переселяться чёрт знает куда.

Откройте книгу Вадима Шерстобоева

«Илимская пашня» [8] и вы узнаете страшную правду о произволе, который творили в этом крае офицеры Камчатской экспедиции, якутский и илимский воеводы, приказчики всех мастей, продвигая на север и восток Великую Северную экспедицию... Основная часть всех работ и забот экспедиции возлагалась на самую беззащитную часть населения Сибири – крестьян.

Время было жестокое, и можно только гордиться, что наши предки, преодолев все тяготы этого тяжелейшего пути, вышли к берегам Великого Тихого океана, а впоследствии покорили его, оставив свой, русский, след и в истории Северной Америки.

Но кем же они были, эти великие наши землепроходцы?

Первым в корякскую землю на поиски неведомой реки Пенжины отправился знаменитый устюжанин – енисейский, а впоследствии якутский казак Семён Иванович Дежнёв «со товарищи», но эти его поиски не увенчались успехом.

Успех в 1650 г. сопутствовал не менее (а может быть и более) знаменитому пинежанину, сыну ссыльного запорожского казака – енисейскому, впоследствии тоже якутскому казаку Михаилу Васильевичу Стадухину, но его сообщение о реке Пенжине обескураживает исследователей: «А Пенжина река безлесная, а людей по ней живёт много, род словут коряки». На самом деле река Пенжина самая «лесная» из всех окрестных рек. Стадухин ошибся и принял за Пенжину реку Гижигу.

Более подробно исследовали этот район Корякии Фёдор Алексеевич Чукичёв и Иван Иванович Камчатой.

Чукичёв, первоначально как и Дежнёв со Стадухиным, енисейский казак, к этому времени был уже опытным и знаменитым землепроходцем. «Фёдор Алексеевич Чукичёв, русский землепроходец из коми-зырян, выходец из погоста Шежам Вычегодской земли (по утверждению историка И. Л. Жеребцова), знаменит тем, что в 1641 г. первым из землепроходцев сообщил в своей докладной «скаске», хранящейся ныне в Якутском архиве, в администрацию Якутска о встрече с чукчами в районе реки Алазеи, таким образом положив начало документальной истории этого северного народа».

Его товарищ, Иван Камчатой, был из промышленных людей, вёрстаных в якутские казаки. Именно он открыл реку Пенжину, которую первоначально называли (пока шла географическая путаница с названием рек Пенжина – Гижига – Чендон – Парень, принимаемых одна

за другую) рекой Ивана Камчатого – Камчаткой. Она и появляется на первых картах Северо-Востока России первоначально в корякских землях.

Произошло это в 1658–1660 гг. В 1661 г. отряд Чукичёва–Камчатого был полностью уничтожен юкагирами-ходынцами на реке Блудной (притоке Омолона). В 1662 г. на поиски реки Камчатого отправился на двух морских кочах анадырский приказчик тобольский казак Иван Меркурьевич Бакшеев Рубец.

Конечно, никто ещё и предполагать не мог, что Камчатка – это огромный полуостров (или Нос, как говорили в старину). И поэтому он, естественно, принял реку, которую местные жители называли Уйкоаль – Большая река, за реку Камчатого, о чём впоследствии и доложил в Якутске.

Вот его сохранившаяся в архивных документах челобитная, написанная после возвращения: *«Царю государю великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьёт челом холоп твой Якутцкого острогу казачей десятничишко Ивашико Меркурьев. Был я, холоп твой, на твоей, великого государя, службе за Носом, и вверх реки Камчатки на погроме взял я, холоп твой, коряцкого малого и привёз с собою в Якутской. Милосердный государь царь великий князь и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того малого записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй»* [6].

Обратим внимание на тот факт, что Рубец не сомневается в том, что этот его мальчишка – коряк. Круг замкнулся – о реке Камчатке уже знали, но о земле Камчатке ещё не ведали.

Членом экипажа одного из этих двух кочей усть-кутской (ленской) постройки был сын посланного в Якутск томского казачьего десятника Андрея Яковлевича Щербака.

В 1690 г. Филипп Андреевич с группой товарищей был обвинён якутским воеводой в заговоре, целью которого был побег на Камчатку. Он умер в тюрьме, не выдержав жестоких допросов.

Но в Якутске ещё не догадывались, что Камчатка – это огромный полуостров, целая страна.

Первыми ступили на камчатскую (уже полуостровную) землю уроженцы, как и Семён Дежнёв, Великого Устюга Лука Семёнов Старицын Мороска и Иван Васильевич Голыгин, отправленные в камчатский поход приказчиком Анадырского острога Михаилом Зиновьевичем Многогрешным Черкашенином, запорожским казаком, племянником ссыльного

гетмана Правобережной Украины Демьяна Игнатьевича Многогрешного.

Толмачом в этом походе был Иван Енисейский, «инородец», впоследствии произведённый в сибирские дворяне за камчатские походы.

Мороска (или Морозко) с Голыгиным и Енисейским в 1696 г. «одного дня» не дошли до реки Камчатого, но их информация о Камчатке и её жителях была самой первой в истории географии.

Самой известной стала информация якутского казачьего пятидесятника, выходца из Усолья (вероятно, Вычегодского) Владимира Владимировича Атласова, который западным берегом прошёл Камчатку до реки Нынгачу (Голыгиной) на юге полуострова, побывал в бассейне реки Камчатки и в её верховьях. По его приказу было заложено Верхнекамчатское зимовье, где остались служить первые русские жители – казаки во главе с уроженцем Тобольска Потапом Серюковым.

Благодаря исследованиям историка Бориса Петровича Полевого установлены некоторые имена участников этого похода (всего было 60 казаков и 60 юкагиrow). Живыми из этого похода вернулись 15 казаков и 3 юкагира.

Как мы предполагаем, этот состав был следующим:

«уроженец Усолья Вычегодского – Атласов Владимир Владимирович;

уроженец Великого Устюга – Лука Семёнов Старицын Мороска;

уроженцы Тобольска – Бронник Василий Данилович, Верхотуров Филат, Куклин Иван Яковлевич, Ломаев (Ламаев) Семён Леонтьевич, сын боярский Мокринский Иван Григорьевич, Серюков (Сюрюков, Суриков) Потап, Тюленский Дмитрий Андреевич, Шмонин Иван Завьялович;

уроженцы Якутска – Атласов Василий Иванович (племянник Владимира Владимировича Атласова), Голыгин Никита Иванович (сын якутского казачьего десятника Ивана Осиповича Голыгина, сводного брата Ивана Васильевича Голыгина), Евсеев Афанасий, Прибылов Матвей, Старловский Евдоким, Фомин Сергей;

уроженцы Енисейска – Енисейский Иван, Александровых Алексей Осипов (Пещера), Стадухин Иван;

уроженец Монголии – Мунгал (Мунгалетин) Яков Васильевич» [там же].

Список далеко не полный, но есть надежда, что со временем он пополнится и уточнится.

В 1701 г. на Камчатку в составе отряда первого камчатского приказчика Тимофея Родионовича Кобелева (уроженца то ли Анадыря, то ли Якутска) прибыли первые камчатские поселенцы, перестроившие Верхнекамчатское зимовье в Верхнекамчатский острог. Это были, в том числе, и соратники Атласова: Василий Бронник, Иван Куклин, Иван Мокринский, Семён Ломаев.

Вместе с ними на Камчатку переселяется из Якутска семья одного из сыновей ссыльного белоруса (литвина) из Речи Посполитой Фёдора Козыревского – Петра Фёдоровича с детьми Иваном, Петром, Михаилом. Все четверо были уже уроженцами Якутска.

В этом отряде был и тобольский казак на якутской службе Родион Преснецов, который с 22 своими товарищами первыми из русских вышли к берегам Авачинской бухты.

В это же самое время Владимир Владимирович Атласов, произведённый в высший казачий чин якутского казачьего головы, возвращается из Москвы и набирает в Тобольске из лучших «семьянистых» казачьих родов 50 казачьих детей для службы на Камчатке. В 1703 г. в отряде Михаила Зиновьевича Многогрешного Черкашина они придут в Верхнекамчатский острог, построят в этом же году Большерецкий острог, а в 1704 г. – Нижнекамчатский.

Многие из этих имён нам известны. Часть из них и сегодня представлена на Камчатке многочисленными родами русских старожилов, некоторые из них оставили свои фамилии при крещении камчадалам и корякам. Это Балины, Бекеревы, Выходцевы, Дурынины, Дюковы, Зыряновы, Иконниковы, Кабановы, Климовы, Кобычевы, Конищевы, Лепихины, Обуховские, Ощепковы, Лосевы, Машихины, Мutowины, Назаровы, Неворотовы, Панютины, Поливановы, Терентьевы, Харитоновы, Холкины, Шагины, Ярковы.

А затем последовали новые и новые казачьи отряды, набранные в Енисейске, Томске, Илимске.

В 1711 г. Данила Яковлевич Анцыферов Томский возглавил казачий бунт, казаки убили трёх камчатских приказчиков, в том числе и отстранённого от власти Владимира Владимировича Атласова. Чтобы заслужить прощение перед царём, «воровские» (то есть разбойные) казаки восстановили уничтоженный камчадалами Большерецкий острог, а затем в 1711 г. открыли и присоединили к России Курильские острова. Данила Томский в 1712 г. отправился походом на самых непокорных камчадалов,

проживавших на побережье Авачинской бухты, но этот поход для него и других томичей, которые были ядром этого отряда, закончился трагедией, они попали в коварную ловушку и были заживо сожжены камчадалами, запертые снаружи вместе с заложниками (аманатами).

В 1713 г. объединённый отряд из 150 камчадалов долины реки Камчатки и 120 казаков под общим руководством уроженца Тобольска камчатского казака Никиты Дурынина привели к присяге на верность русскому царю и эту последнюю непокорённую часть полуострова Камчатка. Крашенинников указывал, что именно с этого времени *«авачинские камчадалы начали ясак платить погодно, а прежде служивые довольны бывали тем, что камчадалы им давали, и то не повсягодно, ибо они по большей части бывали в измене»* [4].

Впоследствии гарнизоны камчатских островов пополнялись сначала якутскими, а затем нерчинскими, селенгинскими, иркутскими казаками, которые были призваны участвовать в военном регулировании чукотско-корякских межнациональных отношений на севере полуострова, размещаясь в военных гарнизонах Тигильской и Гижигинской крепостей и Анадырском остроге.

С 1716 г. архангелогородские мореходы, присланные в Охотск по царскому указу, связали морской дорогой Охотск с Камчаткой. Это были Никифор Моисеевич Тряска (Треска), первым проложивший морской путь на Камчатку, Кондратий Фёдорович Мошков (кормщик в экспедиции Евреинова–Лужина на Курильские острова, затем морской руководитель экспедиции, открывшей в августе 1732 г. Большую Землю – Аляску), Иван Бутин, один из участников походов в Русскую Америку, Яков Невейцын.

В 1743 г. повели свои «шитики» (суда, «шитые» лозой) в будущую Русскую Америку отчаянные люди из Тобольска (Емельян Софронович Басов (деревня Яркова) и Михаил Васильевич Неводчиков), Яренска (Степан Гаврилович Глов), Селенгинска (Андреян Толстых), Иркутска (Гавриил Пушкарёв, Дмитрий Иванович Бочаров), Якутска (Герасим Григорьевич Измайлов). В числе первых русских на Алеутских островах и Аляске были предки камчатских Удачных, Корелиных (Карелиных), Брагиных, Наседкиных, Кузнецовых, Портнягиных, Пермиковых, Васютинских, Лазаревых, Шёвыриных, Чуркиных, Голых.

Каждая камчатская фамилия имеет свою давнюю историю. Она может принадлежать

потомкам камчатских казаков или принявшим православие камчадалам, корякам, алеутам. Это могут быть фамилии русских крестьян, переселённых на Камчатку из Приленья, или фамилии священнослужителей, которые прибыли на полуостров в 1745 г. как студенты Славяно-Греко-Латинской академии – школьные учителя в составе партии миссионеров архимандрита Камчатского Иоасафа Хотунцевского. Это могут быть фамилии иностранцев, ставших гражданами Российской империи, фамилии купцов, прибывших на Камчатку из разных уголков России и Сибири, фамилии вовсе случайных, в том числе и ссыльных, людей, волею судьбы занесённых на самую дальнюю окраину Российской империи.

За двести лет (с 1697 по 1897 г.) жители полуостровной Камчатки, отрезанной морем от Большой Земли (материка, как говорят на полуострове), стали одной большой семьёй – камчадалы обрусели, а русские старожилы, наоборот, стали восприниматься приезжими сюда чиновниками и учёными как «камчадалы русской крови».

Мы создали уникальную «Камчатскую родословную книгу» [3], где собраны все фамилии камчадалов коренной и старожильческой Камчатки, в которой, в соответствии с фактом бракосочетания (в том случае, когда этот факт был установлен), переплетаются эти наши камчатские фамилии – тобольские, томские, енисейские, иркутские, якутские, нерчинские, селенгинские, московские, рыльские, вологодские, пермяцкие, архангелогородские, американские, английские, немецкие, шведские, финские.

Камчатка – регион уникальный по своему историческому наследию.

В глубокой древности отсюда лежал путь для заселения азиатскими народами Северной Америки. Обнаруженной на берегу Ушковского озера самой древней на Северо-Востоке России первобытной стоянке людей, по мнению археологов, от 10 до 15 тысяч лет.

Это было время, когда образовалась цивилизация рыбоедов. По тем же данным, в которых я сомневаюсь, 8 тысяч лет назад (полагаю, гораздо раньше) на Камчатке была одомашнена собака, которая начала выполнять самую важную функцию, необходимую для сохранения цивилизации рыбоедов. Это – транспортная функция, позволяющая рыбоедам перемещаться в зимний период времени на большие расстояния в поисках жён для продолжения рода. И если бы не было в жизни рыбоедов нартовых собак,

то эта цивилизация быстро исчезла бы с лица земли, выродившись в результате родового кровосмешения. Поэтому я сомневаюсь в дате, когда собаки были одомашнены. Хотя, может быть, 10–15 тысяч лет назад Северо-Восток России был достаточно густо населён?

В 18-м столетии с берегов Камчатки началось освоение уже морских просторов и был проложен путь в Русскую Америку.

Я всегда удивляюсь, когда читаю статьи и книги о великом мореплавателе Витусе Беринге.

Предлагаю почитать «Илимскую пашню» Вадима Шерстобоева, в которой рассказывается о том, какой ценой для Сибири-матушки и для самой Камчатки обошлись эти две Камчатские экспедиции [8, т. 2, гл. X], и сопоставить это с их реальными результатами. Я уже не говорю о том, что этот великий мореплаватель заблудился в Тихом океане, погубив значительную часть экипажа, погибшую от цинги, а вторую его часть обрёл на выживание на необитаемом острове, откуда эти люди просто чудом выбрались.

Я говорю об этом потому, что мне есть с чем сравнивать. С теми морскими походами тобольских, енисейских и якутских казаков по Северному Ледовитому и Великому Тихому океанам на обычных поморских кочах и лодьях, на которых они с устья Лены ходили на восток и на запад вплоть до Камчатки.

Витус Беринг в Первую Камчатскую экспедицию не рискнул на «ветхом» судне (это была «Фортуна») идти морем даже через Курильские переливы в Нижнекамчатский острог. Впоследствии он писал: «Весьма желали идти в Нижне-камчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел» [7].

Уточним, шитик «Фортуна» был построен в 1724 г., то есть всего за три года до этих событий, разбит в шторм в 1737 г. (на нём в это время находился будущий автор «Описания земли Камчатка» С. П. Крашенинников), с честью прослужив тринадцать лет.

Что же тогда сделал Беринг? Заставил весь груз экспедиции (3000 пудов) перевозить на собаках и батах (камчадалских лодках), а это – 833 версты. Сотни собак в долинах рек Большой и Камчатки, без которых немислима была хозяйственная деятельность камчадалов (и коренных и «русской крови»), передохли, надорвавшись на перевозке этих грузов. Позже, уже в период подготовки Второй Камчатской экспедиции, подобное было повторено при

перевозке грузов из Большерецкого острога в Авачинский (будущий Петропавловский) порт.

Историк Сгибнев, сам морской офицер, так оценил этот поступок Витуса Беринга: *«Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причинённого им камчадалам...»* [7].

Но далее высказывает совершенно противоположное мнение о периоде, связанном уже со Второй Камчатской экспедицией: *«Большая же часть экспедиционных запасов была доставлена из Охотска на дубель-шлюпке и гальоте в Большерецк, так как суда эти за сильным ветром не могли попасть в Петропавловскую гавань. Обстоятельство это было причиной, что и на этот раз все экспедиционные припасы везлись из Большерецка в Петропавловскую гавань сухим путём на собаках, что было сопряжено с большими трудами и убытками для камчадалов»* [там же].

Это о затратах, а теперь несколько слов о профессионализме.

Я хочу сравнить его с тем, что сегодня в России безнадёжно забыто, – с подвигом наших российских мореходов, которые без специального морского и навигационного образования, не владея большими теоретическими знаниями ни в морском деле, ни в судостроении, не имея государственной поддержки, продовольственных запасов, сотен рабочих людей, не разоряя ни крестьян, ни «иностранцев», без царского указа, своею волею и своим желанием ладили (не поворачивается язык сказать «строили») шитики, набирали ватаги отважных людей и шли осваивать пушные запасы Америки.

Да, их, как и первопроходцев Сибири, влекло прибыльное дело. Но решиться, двинуться и преодолеть многотысячевёрстный путь и на действительно хлипком и ненадёжном (шитом «вичами» и лозой!) шитике пройти Великий Тихий океан (который тихим-то никогда и не бывает!) может только человек необыкновенного мужества и крепкой воли.

И они, наши камчатские мореходы, преодолевая шторма, продвигались от острова к острову, гибли при кораблекрушениях. Выжившие строили из обломков своих судов новые судёнышки и возвращались на Камчатку, чтобы снова уйти в очередной «вояж», как говорили в старину о дальних плаваниях.

Но кто им поставил на родине памятники? Кто помнит их имена?

Путь россиянам в Русскую Америку открыл уроженец деревни Ярковой Тобольской

губернии Емельян Софронович Басов, подбивший казака Колокольниково построить для него в долг под пушнину, которую он ещё только добудет, шитик, освящённый в Петров день и названный в честь этого именем апостола Петра. Он же лично собрал команду.

И сегодня мы знаем имена тех первых русских аргонавтов, которые отправились на поиски «золотого руна». *«Собственных средств Е. Басова оказалось, конечно, недостаточно, и он вступил в компанию с московским купцом Андреем Серебренниковым, со служилым человеком Евтихием Санниковым, посадскими людьми Паниным и Данилой Сосниным и с крестьянами Поповым и Холицевниковым. К лету 1743 г. был выстроен маленький шитик “Пётр”, и в августе того же года он ушёл в море. В составе команды “Петра” находились два участника Второй Камчатской экспедиции – Пётр Верхотуров и Лука Наседкин»* [5].

«...Отданы были бывшими до того камчатскими командирами Петром Борисовым, Михайлом Поповым знающей по компасу служилой Евтифеем Санников, да плотничной работе служилой де Алексей Воробьёв, да больше-рецкие казачьи дети: Пётр Верхотуров, Лука Наседкин. И означенные де служилые и казачьи дети в том морском вояже малое искусство познавали, которых де от него взяты обратно бывшим управителем охотским капралом Кирилом Уваровским, а ему де надлежало тогда ко отправлению на ки в морской вояж оных в команде иметь да сверх оных потребны брат ево казак Василей Басов для определения к присмотру порядочных вещей да казак же Гаврила Чудинов для купарной работы...» [1].

«...Во время де зимования на том острову (Беринга. – С. В.) посылал он команды своей людей служилых Гаврила Чудинова, Дмитрия Наквасина, нарымского посацкого Данила Соснина, посацкого же Венедикта Обухова, ка-зачья сына Петра Верхотурова, Невьянских заводов жителя Михаила Никитина для достоверного свидетельства земли» (1746 г., из справки Большерецкой канцелярии о плавании сержанта Басова на шитике «Пётр» на Командорские острова в 1743–1746 гг.) (АВПР, ф. РАК, д. 8).

И он привёз с острова, на котором был похоронен капитан-командор Беринг *«1 200 [шкур] бобров и 4 000 котиков. По тогдашним ценам добыча была реализована на 64 тысячи рублей»* [1].

Именно это – удача! – и стало прорывом для всех последующих экспедиций, завершившихся

созданием монополии – Российско-Американской компании и последующей продажей Аляски и Алеутских островов в 1867 г.

Как только из государственного процесса исключалась инициатива простых россиян, любое дело гибло на краю. Так было уничтожено морское судоходство в Северном Ледовитом океане. Так геополитическим крахом завершилась монополия Российско-Американской компании и история Русской Америки. И, собственно, судьба самой Камчатки в начале 20-го столетия висела на тончайшем волоске в преддверии японской рыболовной экспансии. Мало кто знает о том, что только благодаря тем самым камчадалам, и коренным, и «русской крови», Камчатка в 1904–1905 гг. осталась в составе России, отразив нападение десанта из 150 отставных унтер-офицеров императорского флота Японии, командир которого заявил, что «эта территория уже принадлежит Японии», а затем и многочисленных «хищнических» японских шхун, браконьерствующих в устьях лососёвых камчатских рек, пользуясь военной ситуацией.

Именно благодаря народному ополчению Камчатка осталась за Россией.

Но советские историки выкинули этот камчатский эпизод Русско-японской войны из отечественной истории, посчитав, что он не вписывается в идеологическую догму о том, что проклятый царский режим позорно проиграл эту войну целиком и полностью. Хотя более тридцати человек, казаков, камчадалов, алеутов, коряков, мещан, крестьян и других жителей Камчатки, были по указу царя Николая II представлены к Георгиевским крестам. Некоторые из них – сразу к 3-й степени.

Эти имена мы выявили, и сегодня известен поименно каждый участник народного ополчения. Как выявлены имена и многих рядовых участников Петропавловской обороны 1854 г., о которых прежде в исторической литературе не было никаких упоминаний.

Зачем это нужно? Почему мы сегодня, спустя 325 лет со времени, когда Камчатка стала частью Российского государства, вспоминаем эти, казалось бы, совершенно уже забытые имена?

Тем, кого мы вспоминаем, это уже не нужно. Это нужно нам, нынешним поколениям людей, живущих на этой земле.

Память о прошлом, историческое наследие – важнейшая часть духовности. Если мы благодарны своим предкам за всё, что они для нас сделали, значит, и нам будут благодарны наши дети и внуки за всё то, что мы делаем сегодня для них. Благодарность, как осознание добра, душевного тепла, жизненной энергии, передаётся, как эстафета, из поколения в поколение.

К сожалению, сегодня мы видим, что эта эстафетная палочка выпала у многих из рук: разорвана связь поколений, забыта история родов, мало кого интересует история своей малой родины, всячески затушевывается величественная тысячелетняя история Родины Великой.

Это беда. Наша общая беда.

И потому в дни празднования 325-летия вхождения Камчатки в состав Российского государства мы должны вспомнить тех, кто подарил нам нашу малую родину, кто пришёл на Камчатку из разных городов и сёл России, чтобы создать для нас всё то, за что мы им должны быть благодарны.

1. Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги российского купечества. СПб., 1823. 169 с. – Режим доступа: <http://www.npacific.ru/np/library/publikacii/historykam/istkam2-2.htm>.
2. Вахрин С. И. Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибиряда. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2021–2022. Кн. I–II.
3. Камчатская родословная книга / авт.-сост. С. И. Вахрин. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 818 с.
4. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. ; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. 815 с.
5. Макарова Р. В. Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. М. : Наука, 1968. 200 с.
6. Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский : Камч. печат. двор, 1997. 203 с.
7. Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. С 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2008. Вып. 1. С. 5–103. – Режим доступа: http://fishkamchatka.ru/library/books/2789/12459_a_s_sgibnev_istoricheskiy_ocherk_glavneyshikh_sobytiy_v_kamchatke_s_1650_po_1856_gg/.
8. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск. 1949. Т. 1; 1957. Т. 2.

Т. В. Воробьёва

ПЁТР I И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Аннотация. Историческое значение внешней политики Петра I на востоке страны, его роль в установлении межгосударственных торговых и культурных связей с Китаем и Японией, в организации экспедиций по изучению и освоению Сибири и Дальнего Востока, включая Камчатку.

Ключевые слова: история, геополитика, внешняя политика, международные отношения, географические экспедиции, землепроходцы, Пётр I, Дальний Восток, Сибирь, Камчатка, п-ов, Китай, Япония.

Вся история человечества – это бесконечная борьба за обладание ресурсами и территориями, пригодными для жизни. Великие переселения народов, миграции диктовались жизненной необходимостью. По мере развития человеческого общества формировались государства, определялись их границы, на авансцену истории выходили более сильные державы, всё отчетливее проявлялись геополитические интересы.

Одним из феноменов российского государства был процесс его расширения, который возобновлялся после мощнейших потрясений, приводивших к критическому сокращению территории. Так было после распада Киевской Руси, на смену которой выросло Московское царство, или в период Смуты, когда в Кремль отправился поляк Владислав, избранный боярами царём, после изгнания которого выросла огромная Российская империя.

Процесс этот был непонятен зарубежным историкам, выдвигавшим самые невероятные версии его причин: от якобы странной тяги русских к бродяжничеству до влияния на движение «встречь солнца» речных систем и волоков [1; 2; 3; 4; 5; 6; 9; 10; 24]. Отечественные историки посвятили этому вопросу множество исследований, определили основные причины движения русских людей на восток и закрепления за государством новых территорий, сойдясь на том, что до Петра I у центрального правительства не было никакого определённого плана в восточном направлении.

Внешняя политика стала доминантой всей деятельности Петра I. Стратегическая цель государя заключалась в превращении России в великую морскую державу, а тактикой являлась борьба за выход к морям. Фактически Пётр I стал действительно первым главой государства, обладавшим геополитическим мышлением. Его деяния и проекты настолько потрясли Европу, что, пытаясь понять его устремления, западные авторы создали немало мифов и фальшивок, которые поясняли своим гражданам политику

российского императора. Так появилось «Завещание Петра Великого», в котором первый российский император будто бы давал потомкам указания по установлению гегемонии в Европе, версия о том, что руководителю I Камчатской экспедиции были даны секретные указания и т. п. [7, с. 76–80].

Между тем, внешняя политика Петра I была логическим, но более чётко выверенным курсом закрепления Российского государства в Европе. Задуманные преобразования вызвали необходимость расширения сведений о природе, населении и хозяйстве, составления географических карт с точным обозначением государственных границ, рек, морей, путей сообщения. Особое значение отводилось плохо изученным, но в то же время стратегически важным регионам – Сибири и Дальнему Востоку. Петром I проводилась политика, направленная на дальнейшее изучение и освоение этих регионов, открытие новых земель и укрепление позиций России на берегах Тихого океана.

На фоне конкуренции стран за расширение сфер влияния, за природные ресурсы, изучение Сибири, Дальнего Востока и Тихого океана являлось одной из важнейших задач сохранения и развития Российской империи. Последующий ход истории показал, что в XVIII–XIX вв. Европа покорила весь мир, и только две страны избежали физической колонизации Европы – Япония и Россия. Одна – благодаря революции Мейдзи, другая – благодаря Петру I.

Неопределённость границ России на Дальнем Востоке и в Сибири, недостаточное знание побережий и вод Северного Ледовитого и Тихого океанов, стремление закрепить границы России на юге и расширить торговые связи с европейскими странами, а также с Китаем и Индией вынуждали Петра I заняться решением научных проблем: изучением закреплённых за Россией новых земель и народов, открытием кратчайших путей торговли и сообщения с другими странами [12, с. 16].

Особого внимания заслуживает политика Петра I по отношению к Китаю. Граница между русским государством и Китаем в наибольшей степени определилась под влиянием Нерчинского договора 1689 г. Договор, заключённый в Нерчинске посольством, которое возглавлял Ф. А. Головин, был первым соглашением о границах и торговле между Россией и Китаем. Оба государства признали договор, однако он не был ратифицирован ни русскими, ни китайскими высшими органами власти. По мнению большинства историков, он был крайне неудачным для русского государства – страна теряла немалые земли. Однако признание интересов Китая, нежелание идти с ним на конфликт было весьма разумным. Во-первых, у России не было возможности быстро перебросить армию на границу с Китаем, да и в численном отношении у Китая было многократное преимущество. Во-вторых, явная активность России могла спровоцировать закрепление Китая на спорных территориях путём строительства крепостей и т. п. Поэтому временная уступка позволила сохранить добрососедские отношения с Китайской империей. Этот договор представляет собой образец своеобразного социокультурного компромисса двух цивилизационных мировосприятий, отражавших специфику столь разных народов.

В результате Россия получила документ, знаменовавший установление договорных отношений с дальневосточным соседом. Ничто больше не препятствовало хозяйственному освоению не только Сибири, но и российской части Дальнего Востока. Лишившись на определённое время приамурских земель, Россия продолжала развиваться как азиатская и тихоокеанская держава. Но самое главное, и это отмечали современники, Нерчинский договор почти на 200 лет обеспечил мир на Дальнем Востоке и, выражаясь современным языком, заложил основы системы региональной безопасности [23, с. 66].

Уже в 1692 г. в подтверждение договора Пётр отправил в Китай первый торговый караван своего знакомого, обрусевшего голландца Избранта Идеса, *«проведать подлинно и достаточно, какие в Китайском государстве товары делают и какие товары прибыльнее в Московское государство у них покупать, а из Московского государства к ним в Китайское государство посылать, и торг с ними впредь будет ли прочен, и чаять ли в торгу нарочитые прибыли»* [22, с. 93]. В Пекине посол получил со-

гласие цинского императора Канси на посылку русских караванов в Китай, после чего караванная торговля обрела регулярный характер. Для увеличения поступлений в казну Пётр принял решение о сосредоточении торговли с Китаем в руках государства и установил государственную монополию на «китайский торг». Царским указом 1697 г. вводилась монополия на ценнейшие виды пушнины (соболь и чернобурья лисица), устанавливался жёсткий контроль за этим.

Вопрос об урегулировании территориального вопроса с Китаем постоянно находился в поле зрения Петра I. Ещё в 1699 г., накануне Северной войны, он потребовал для ознакомления все материалы по Нерчинскому договору и данные о возможностях развития русско-китайской торговли. Тогда же был издан указ о постройке на границе с Китаем гостиных дворов. Кроме того, Пётр велел направить в Китай духовную миссию и даже рассматривал возможности распространения в Китае христианства.

Переговоры с Китаем о постоянной духовной миссии завершились положительно в 1714 г. Сотрудники миссии, руководствуясь указанием Петра Великого, не вмешивались во внутренние дела Китая. Их просветительская работа положила начало активному диалогу русской и китайской культур. Теперь следовало заняться пограничными вопросами и организацией торговли с Китаем [15, с. 54–69]. Таким образом, Пётр I определил перспективы межгосударственных, культурных, научных и торговых отношений двух империй.

Пётр I также стремился установить отношения с Японией и развивать с ней торговлю. Он многое узнал о Японии в 1697–1698 гг., когда находился с Великим посольством в Нидерландах и трудился на одной из голландских верфей. Царь видел торговые корабли Ост-Индской компании, приходявшие в нидерландские порты из далёкой страны, любовался изящными японскими изделиями из фарфора и лака, которые можно было увидеть в домах горожан. Пётр был знаком с бургомистром Амстердама Н. Витсенем, географом, занимавшимся обобщением материалов плаваний кораблей Голландской Ост-Индской компании к берегам Японии.

Интерес Петра I к Японии вспыхнул с новой силой в 1702 г., когда он впервые встретился с реальным японцем [23, с. 66]. Произошло это в селе Преображенском под Москвой. Дэмбэй был матросом с японского корабля, потерпевшего кораблекрушение у южного побережья Камчатки, родом из города Осака. В Москву его

доставил казачий атаман Владимир Атласов [17]. Царь принял решение о создании первой школы японского языка. Как отмечал американский историк-востоковед Дж. Ленсен, «*обнаружение Дэнбэя стало отправной точкой поисков Японии через Камчатку*» [22, с. 174]. Его рассказы о преуспевании Японии, её близости к берегам России «*побудили русских купцов и правительство предпринять усилия для установления отношений*» [там же, с. 151]. Российские посланники, посещавшие Китай, также скрупулезно собирали сведения о Японии.

Вся эта информация была необходима для последующих исследований сопредельных территорий. Взгляд Петра был устремлён дальше на Восток. Встреча с Владимиром Атласовым и Дэнбэем убедила Петра I в необходимости дальнейшего исследования Камчатки для реализации замысла об установлении торгового пути со странами Азии, Индией и Японией [14, с. 138]. Северо-восточный проход, несомненно, был желательной частью этого замысла. После сообщения Д. Я. Анциферова и И. П. Козыревского о походе на северные острова Курильской гряды в 1711–1713 гг. по поручению Петра I в 1714 г. якутский воевода дал наказ служилому человеку К. Соколову, кормщику Я. Невейцыну, пятидесятнику М. Кривоносову о поиске морского пути на Камчатку и об описании открытых земель [8].

Пётр I заложил начало морского судостроения на Дальнем Востоке. Его стратегический замысел в отношении Тихого океана заключался в создании мощного порта Охотска. По указу Петра I в 1713 г. в Охотске были заложены верфи, строящие морские суда. Пётр приказал послать из Петербурга в Охотск опытных мореходов, выходцев из Архангельска. Это было необходимо, так как все прежние попытки достичь Камчатки морем, помимо всего прочего, были обречены на неудачу из-за отсутствия опытных мореходов и кораблестроителей. В Сибирь по распоряжению губернатора были посланы мореходы Кондратий Мошков, Никифор Треска, Иван Бутин, Яков Невейцын, плотники-кораблестроители Кирилл Плоских, Варфоломей Фёдоров, Иван Каргопол и голландский матрос Андрей Буш [25, с. 317].

На морском берегу у Охотска устроили «плотбище», первую верфь. Архангельские корабелы построили здесь и спустили на воду большую морскую лодью «Восток», оснащённую компасом и «навигацкими приборами» [13, с. 54]. В 1716 г. «Восток» под управлением штур-

мана-помора Никифора Трески впервые достиг Камчатки. Перед русскими судоводителями открылись новые морские пути [19].

С этого времени из Охотска было установлено постоянное морское сообщение с западным побережьем Камчатки. В XVIII в. Охотск – уже главный тихоокеанский порт России. Дальновидный царь не упускал из виду Охотска до конца своей жизни, какими бы делами не был загружен. Одна за другой по его указам сюда прибывали и отсюда уходили исследовательские экспедиции.

В 1716 г. сибирский губернатор князь М. П. Гагарин организовал, по указанию царя, экспедицию под руководством якутского воеводы Я. А. Ельчина. Эта экспедиция вошла в историю под именем «Большой Камчатский наряд». Перед ней были поставлены задачи: исследовать побережья от р. Колымы до р. Камчатки, острова вблизи Камчатки, Анадырского мыса, а также поиск полезных ископаемых, установление, по возможности, контакта с Японией [26]. Самому Елчину пришлось ограничиться только подготовкой экспедиции, так как в 1718 г. он был смещён. Его преемники из-за трудностей передвижения и снабжения не смогли осуществить больших задач экспедиции, часть экспедиции обследовала Шантарские острова. По указанию Елчина была составлена карта Чукотского полуострова и Камчатки – одна из первых географических карт северо-восточного района Азии. В 1719 г. в Якутске Елчин составил примечания к этой карте.

В том же году Пётр Великий продолжил свои действия в указанном направлении: геодезисты И. Б. Евреинов и Ф. Ф. Лужин, получив личную инструкцию царя: «*Ехать вам до Тобольска, и от Тобольска, взяв провожатых, ехать до Камчатки, и далее куда вам указано, и описать тамошние места: сошлася ль Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить*» [21, с. 607], совершили поход вдоль Курильских островов, обследовали и нанесли на карту 14 из них. Получившие специальное геодезическое и картографическое образование в Морской академии (первом в России учебном заведении, готовившем, начиная с 1716 г., геодезистов и картографов для всех ведомств страны), они явились на северо-востоке Сибири пионерами новой в России научной картографии.

Пётр I хорошо понимал значение географии для развития экономики России. Он принимал

активное участие во многих научных предприятиях: руководил съёмками и составлением карт, изучал местности в целях сооружения новых каналов и проводки судов, способствовал выбору и переводу на русский язык наиболее ценных зарубежных географических работ, приобретал географические атласы за рубежом и т. п. Всё это не могло не отразиться на живой и активной деятельности, на преемственности в развитии географических идей выдающихся русских географов того времени, сподвижников Петра I, Я. В. Брюса, И. К. Кирилова, В. Н. Татищева, Ф. И. Соимонова и др. Будучи крупными государственными деятелями, они были вместе с тем и крупными учёными-географами, и организаторами науки [12, с. 16].

Мысли о поиске морского пути в Азию и Америку с Камчатки высказывал императору капитан-лейтенант Ф. И. Соимов [11, с. 42–43]. Приближённый к Петру I А. К. Нартов сообщил о разговоре больного царя с генерал-адмиралом Ф. М. Апраксиным при вручении наказа Первой Камчатской экспедиции: «Я [Пётр I] вспомнил на сих днях то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию» [20, с. 14]. К открытию морского пути в Индию через Северный Ледовитый и далее Тихий океаны Пётр Великий стремился давно и упорно [16, с. 23–30].

Параллельно с географическими изысканиями по всей Сибири и Дальнему Востоку велись поиски полезных ископаемых для развития мануфактур, обеспечивавших, в том числе, и экспедиции. Одновременно с учреждением берг-коллегии в 1719 г. был издан Указ о горных привилегиях, по которому была объявлена полная свобода поисков полезных ископаемых и горнозаводского промысла по всей стране, как на казенных, так и на частновладельческих землях [18, с. 84].

В наказы воеводам, отправлявшимся из Москвы, обязательно включалось предписание об организации геологической разведки месторождений золота, серебра, железных, медных и свинцовых руд. Первый сереброплавильный завод на Дальнем Востоке – Нерчинский (Аргунский), основанный в 1704 г. по указу Петра I, был реконструирован с целью увеличения производства серебра. В дальнейшем его производственные площади постоянно расширялись. В 1721 г. Нерчинский завод по распоряжению Петра I был передан в ведение берг-коллегии и получил статус предприятия государственного значения. Нерчинский горный округ был единственным поставщиком серебра в России вплоть до второй половины XVIII в., когда на Дальнем Востоке возникла сеть серебросвинцовых заводов.

Пётр I лично формулировал задачи, которые потом выполняли сибирские власти, казаки и служилые люди. За время его правления были найдены более рациональные сухопутные маршруты, связывающие Якутск и Охотск, исследован морской путь от Охотска до Камчатки; изучены северные Курильские острова; обследована южная часть Охотского моря и Шантарские острова; подготовлена материальная база для дальнейшего продвижения к североамериканским берегам. Наносились на карты новые заливы и берега Камчатки, Чукотки, уточнялись данные о Курильских, Командорских и Алеутских островах, землях Японии и Америки. По воле Петра здесь были снаряжены знаменитые Первая, а затем и Вторая Камчатские экспедиции.

Таким образом, мы можем с полным правом сказать, что Пётр I не только «...в Европу прорубил окно», но и заложил геополитические основы развития Дальнего Востока, поразительным образом предвосхитив роль России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

1. Gibson J. R. Feeding The Russian Fur Trade: provisionment of the Okhotsk seaboard and the Kamchatka peninsula 1639–1856. Madison; Milwaukee; London : The Univ. of Wisconsin press, 1969. 337 p.
2. Golder F. A. Russian expansion on the Pacific 1641–1850: an account of the earliest and later expeditions made by the Russian along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions. Cleveland : A. H. Clark CO, 1914. 368 p.
3. Harrison John. F. The founding of the Russian empire in Asia and America. Coral Gables, Florida : Univ. of Miami press, 1971. 156 p.
4. Kerner Robert Joseph. The urge to the sea. The course of Russian History. The role of rivers, portages, oostrogs, monasteries and furs. Berkeley and Los Angeles : Univ. of California press, 1942. 193 p.
5. Lantzeff G. V., Pierce R. A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal : McGill-Queen's univ. press. 1973. 259 p.
6. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М. : Аспект Пресс, 2005. 335 с.

7. *Алексанян И. Э.* Правда и вымысел о завещании Петра I // Современные научные исследования и разработки. 2018. Т. 2, № 11.
8. *Алексеев А. И.* Охотск – колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск : Кн. изд-во, 1958. 158 с. Режим доступа: <https://flot.com/publications/books/shelf/alexeevohotsk>
9. *Ананьев Д. А., Комлева Е. В., Раев Д. Я., Резун Д. Я., Соколовский И. Р., Туманик Е. Н.* «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск : Сова, 2006. 227 с.
10. *Бердяев Н. А.* Судьба России. М. : Сов. писатель, 1990. 346 с.
11. *Гольденберг Л. А.* Фёдор Иванович Соймонов (1692–1780). М. : Наука, 1966. 263 с.
12. *Дивин В. А.* Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М. : Географгиз, 1953. 278 с.
13. *Зубов Н. Н.* Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М. : Географиздат, 1954. 472 с.
14. Инструкция поручику Кожину. Об отыскании водяного пути в Индию (14 февраля 1716 г.) // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5. С. 198.
15. *Красникова О. А.* Карты в истории установления российско-китайской границы в XVII–XVIII вв. и карта Китая, присланная Петру I императором Кам-хи // Наука из первых рук. 2011. № 3 (39). С. 54–69.
16. *Курукин И. В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М. : Квадрига, 2010. 381 с.
17. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1997. 189 с.
18. *Никиташина С. О.* Пётр I и становление горного дела в России // Записки Горного института. 2005. Т. 163. С. 83–85. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/petr-i-i-stanovlenie-gornogo-dela-v-rossii>.
19. Открытие морского пути из Охотска на Камчатку // Боевая вахта. 2020. 10 июня. № 22.
20. *Пасецкий В. М.* Витус Беринг (1681–1741). М. : Наука, 1982. 174 с.
21. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 5: 1713–1719: [№ 2620–3479]. 780 с.
22. Русско-китайские отношения в XVIII веке: материалы и документы / [сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников; ред. С. Л. Тихвинский]. М. : Наука, 1978. Т. 1: 1700–1725. 703 с.
23. *Самойлов Н. А.* Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-petra-velikogo-v-sotsiokulturnoe-vzaimodeystvie-rossii-so-stranami-vostochnoy-azii/viewer>.
24. *Соловьёв С. М.* Об историческом движении русского народонаселения: из публ. лекций О-ва любителей естествознания. [СПб.] : Воен. тип., 1867. 28 с.
25. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие: [журнал]. СПб., 1758. Апрель. С. 317.
26. Указ сибирского губернатора князя М. П. Гагарина Я. А. Ельчину о задачах и составе Большого Камчатского наряда: от 12 июля 1716 г. Режим доступа: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Reisen/XVIII/1700>.

И. А. Головнёв

КИНОАТЛАС СССР: «КАМЧАТКА»¹

Аннотация. Из истории государственного проекта этногеографической тематики «Киноатлас СССР», который осуществлялся в стране на рубеже 1920–1930-х гг., на примере фильма Николая Константинова «Камчатка» (1927).

Ключевые слова: этнография, документальное кино, Киноатлас СССР, визуальная антропология, Камчатка, Константинов Н.

«Киноатлас» как проект

Период 1920–1930-х гг. в целом характеризовался поиском форм новой жизни в СССР, что выразилось в колоритной палитре кросскультурных опытов, не получивших до сих пор должного научного осмысления. Внутренняя энергия раннесоветских проектов генерировалась в котле мотивов различных его акторов, в том числе учёных и кинематографистов. Внешней подоплёкой такой встречной активности был политический курс правящей партии, направленный на выстраивание науки и искусства в единый фронт для осуществления культурных преобразований.

В канун 10-летия Октября в СССР актуализировался вопрос о воплощении образов революции в «крупных формах», первый круглый юбилей правления требовал от партии большевиков, с одной стороны, убедительной отчётности за пройденный период, с другой – громких перспективных инициатив.

В кинематографе, ставшем в это время авангардной отраслью по реализации культурной революции в стране, таковым явился госпроект «Киноатлас СССР», который *послужил импульсом, стимулировавшим научно-кинематографические коллаборации в направлении этногеографического кино.*

Неслучайно в кинофонде Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД) сохранился значительный массив фильмов, снятых в различных уголках СССР в конце 1920 – начале 1930-х гг. Однако, несмотря на информативную ценность, актуализирующую необходимость их освоения, данные кинодокументы до сих пор остаются малоизученными источниками, лишь фрагментарно представленными в гуманитарном научном обороте, как в российском, так и в зарубежном [11; 17].

Предлагаемое исследование задаётся целью посылить заполнить обозначенный

тематический пробел путём рассмотрения репрезентативного примера – фильма «Камчатка» Николая Дмитриевича Константинова (1900–1960), известного советского кинематографиста, участника творческой группы «киноков», работавшей под руководством Дзиги Вертова. Ввиду отсутствия литературы, посвящённой непосредственно кинематографическим работам Константинова, а также крайнего дефицита исследований по истории проекта «Киноатлас СССР» [9] основными источниками для данной статьи стали архивные документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и материалы советской печати соответствующего периода.

Идея создания киноальманаха о народностях и регионах России имела хождение ещё в среде дореволюционных кинопредпринимателей. Не вызывая сомнений с культурной точки зрения, её реализация останавливалась скептическими соображениями относительно коммерческих перспектив проекта, требовавшего финансовых вложений на длительный срок [14]. Однако в той мультиведомственной форме, в какой этот проект развивался в раннесоветских реалиях, он не имел аналогов в истории. Проект, развивавшийся под эгидой ЦИК, предполагал создание 150-серийного киноальманаха о народностях и территориях страны.

Работы проводились усилиями представителей различных ведомств и организаций Советского Союза: Наркомата просвещения (А. С. Рождественский), Государственной академии искусствознания (Г. М. Болтянский, Н. М. Иезуитов, Н. Д. Телешов), Госплана СССР (М. М. Паушкин), а также крупнейших киностудий (В. А. Ерофеев, М. В. Израильсон-Налётный, Б. С. Перес). Ответственность за реализацию проекта была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда входили видные общественные и научные деятели (В. Г. Богораз, В. Д. Виленский-Сибиряков и др.).

¹ Исследование выполнено за счёт гранта РНФ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

С одной стороны, предполагалось последующее внедрение материалов этого идеологически выверенного кинопособия в систему образования. С другой, в задачи проекта входило своеобразное кинокартографирование территорий страны, для чего к проекту были подключены специалисты Института по изучению народов СССР (ИПИИ), где создавался в тот период новый печатный этноатлас СССР. Не последнюю роль «Киноатлас» должен был сыграть и в «экспорте революции» за рубеж, что по замыслам проектантов должно было иметь комплексный политико-экономический эффект.

Работа по созданию многосерийного «киноатласа», рассчитанная на годы реализации, на практике превратилась в витиеватый процесс, отражавший силуэты советской реконструкции в науке, культуре и идеологии изучаемого периода.

В первой половине 1920-х гг., несмотря на радикальные изменения политического и общественного строя, включая и национализацию кинематографической отрасли в СССР, краеведческие кинозарисовки продолжали создаваться кинематографистами без привлечения научных консультантов, имея целью развлекательный эффект.

Характерно, в частности, что автор, озвучивший одно из первых известных предложений о создании «Киноатласа СССР», понимая заявленную серийную форму как «нечто подобное Большой Советской Энциклопедии», в то же время обращал внимание, прежде всего, на экзотикотуристические свойства проекта: «Материальная и духовная культура народов Союза, их семейный и бытовой уклад, общественные условия, производство и промышленность, типы, география края – есть тот необычайно выгодный материал для кино, который и составит киноатлас СССР» [4, с. 1].

Подобная экранная эстетика и функциональная нагрузка визуального киносериала, как формы «кинотуризма», произрастающая ещё из опыта реализации дореволюционной киноколлекции «Живописная Россия», эффективно зарекомендовала себя с коммерческой точки зрения как выгодный государству товар для реализации в российском и зарубежном прокате. Ведь для многих зрителей экран кинотеатра был единственной возможностью совершить виртуальное путешествие по «Шестой части мира».

В середине 1920-х гг. в тематических дискуссиях стал набирать всё больший вес аргу-

мент о необходимости более глубокой специализации формата этногеографического кино как научно-популярного и, соответственно, о реорганизации его производства на основе паритетного взаимодействия профессионалов науки и кинематографа.

«Нужно бросить операторов во все углы нашего СССР, и сделанные ими ленты приобретут громадное значение. Следовало бы при всех киноэкспедициях, *отправляемых на окраины России, иметь всегда этнографы. Совместная работа учёного и оператора даст самые богатые результаты. Такие картины будут очень интересны и широкой публике*» [10, с. 11]. В этих тезисах К. Оганесова на страницах влиятельной газеты «Советский экран» уже намечались базовые постулаты проектировавшегося «Киноатласа»: тотальный киноохват территорий и народностей СССР, а также творческая кооперация учёных и кинематографистов.

В 1925 г. было организовано подведомственное Наркомпросу акционерное общество «Этномир», в задачи которого должны были войти вопросы координации научно-кинематографических экспедиций и последующего выпуска серии этнофильмов [15].

В том же 1925 г. на студии «Культкино» было подготовлено развёрнутое предложение, оформленное в виде Докладной записки в Центральный исполнительный комитет СССР, представлявшее собой непосредственный прообраз проекта «Киноатлас СССР».

Студия «Культкино», специализировавшаяся на производстве так называемых «культурфильмов», кинокартин об этнических сообществах и территориях Союза, была единственной советской кинофабрикой, управлявшейся учёным советом, куда входили видные учёные и партийные деятели: академик А. А. Белопольский, Нарком внешней торговли Л. Б. Красин, академик П. П. Лазарев, Нарком просвещения А. В. Луначарский, профессор Н. А. Семашко, профессор Л. А. Тарасевич и др. [8]. В тот период на студии работали и ведущие кинодокументалисты страны, включая творческую группу «киноков» под руководством Дзиги Вертова, именно в его архивном фонде и была обнаружена упомянутая Докладная записка.

В документе, разработанном совместными усилиями учёных и кинематографистов, формулировалась инициатива по организации на кинофабрике серийного производства

этногеографических фильмов, а в качестве базовой творческой методологии заявлялось объединение компетенций науки и кино: «Культикино может ежегодно отправлять несколько экспедиций одновременно в различные местности по маршрутам, устанавливаемым учёным советом, причём у каждой экспедиции будет определённое по данной местности и народности задание. Несомненно, что подобное дело должно быть поставлено самым широким образом, с расчётом, что таких картин оно выпустит 10–12 в операционный год» [19, л. 3об.].

Очевидно, данное обращение сыграло свою роль в формировании государственного заказа. В тематическом плане «Культикино» категория фильмов этногеографической направленности стала самой многочисленной в научно-популярном сегменте – 17 из 50 в год [1, с. 14]. Для данного же исследования особо примечательно то, что уже в 1926 г. Д. Вертовым на базе «Культикино» был реализован один из самых масштабных советских кинопроектов «Шестая часть мира», снимавшийся разными кинооператорами по всей территории СССР, выразившийся в фиксации многочисленных этнографических киноматериалов, ставших яркими элементами итоговой киноконструкции.

Кроме того, из не вошедших в вертовский фильм кадров впоследствии были смонтированы самостоятельные этнографические киноленты: «Бухара», «Дагестан», «Жизнь нацменьшинств», «Калмыки», «Охота и оленеводство в области Коми», «Тунгусы». Одним из главных операторов кинопроекта был Н. Д. Константинов, которому в следующем 1927 г. было поручено создание экспедиционной кинокартины «Камчатка».

Результатом тематических дискуссий, разворачивавшихся, в частности, на страницах советской прессы в середине 1920-х гг., стала консолидированная позиция научно-исследовательского и кинематографического сообществ о необходимости координации деятельности по подготовке и проведению киноэкспедиций [5; 12].

На Камчатке в этот период действовала единственная научно-исследовательская организация – Камчатское краеведческое общество (ККО), консультантами киногруппы Н. Д. Константинова на месте могли быть именно деятели ККО [2].

К тому времени о Камчатке было снято

лишь несколько сюжетов для киножурналов. Работа Константинова, вышедшая в прокат в 1928 г. и сохранившаяся до наших дней в фондах Российского государственного архива кинофотодокументов (18), стала первым полноценным фильмом, посвящённым комплексному освещению жизни этой «неведомой земли» на карте Союза.

В 1928 г. ответственность за разработку «Киноатласа СССР» была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока и Центральное бюро краеведения (ЦБК). Заметим, работа Константинова фигурировала в стартовом кинописке 1928 г., составленном сотрудниками фотокиносекции ЦБК для готовящегося атласа, однако в ходе развития проекта он был подвергнут критике ответственных за его реализацию персон. В этой связи пример «Камчатки» открывает дополнительную исследовательскую перспективу для рассмотрения эволюции «Киноатласа» в период так называемой «культурной революции» в СССР [16].

В силу специфики немного кино, этнографические картины изучаемого периода (включая серии «Киноатласа») представляют собой произведения, состоящие из равнозначного количества перемежающихся в повествовании кинокадров и титров. Текстовым вставкам уделялось особое внимание при создании фильмов, они имели не только информационную функцию, часто превращаясь в «надпись-образ», «надпись-лозунг» и т. д. Поэтому эффективным методом для анализа данных фильмов является их исследовательская расшифровка – «перевод» в текстовый формат содержания титров и кадров из кинокартин.

Ниже в статье приводятся титры (ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ – как в фильме), и кадры фильма (обычным шрифтом), а также соответствующие тематические выдержки из разработок по «Киноатласу», созданных в ЦБК, осевших в архивах, частично изданных впоследствии в виде статей (курсивом), с целью последующего формирования исследовательских выводов.

Фильм «Камчатка» как кинотекст

Кадры. Карта СССР. Карта Камчатского полуострова.

Титр. ДАЛЕКАЯ И СУРОВАЯ ОКРАИНА СССР.

Кадры. Виды природы. Река, деревья. Люди поднимаются по поверхности сопки.

По мнению разработчиков «Киноатласа СССР», в каждом из фильмов серии должны быть отражены: «1) Естественноисторическая часть – природная база, география; 2) Процессы производства – использование природных богатств. Разработка недр и промышленность, лесоразработки и охотпромысел; 3) Жизнь человека. Быт рабочих посёлков. Советская работа, культура и т. д.» [13, с. 71].

Кадры. Охотники у добытого тюленя. Рыболовные судна на реке. Виды посёлка.

Титр. ВЕЧНЫЕ ТУМАНЫ.

Кадры. Берега реки. Туманы над рекой.

Кадры. Вид горной цепи, снеговые шапки сопков. Вулкан Авача.

Титр. ПРИРОДА ПОРАЖАЕТ СВОИМ НЕОЖИДАННЫМ И РЕЗКИМ РАЗНООБРАЗИЕМ.

Кадры. Горная речка. Тундровый пейзаж. Долины, поросшие диким горохом... Женьшень. Ягодники. Цветы. Курильское озеро. Верховье реки Камчатки, гористые берега. Рыбацкие лодки на берегу. Камчадалы-ительмены на лодках плывут по реке.

Ещё одной базовой установкой проекта было стилевое единство серий «Атласа». *«Несомненно, что выпускаемые фильмы должны быть, прежде всего, краеведными. Каждый из них явится своего рода законченным целым; но совершенно также, как отдельные районы страны, представляя из себя более или менее завершённые единицы, в то же время органически связаны с другими районами, и в этом тесном и живом сцеплении составляют целостный организм СССР, – выпускаемые фильмы должны органически связываться между собой и объединённые как общей идеей, так и общностью методики, взятые вместе, составят полную картину Союза»* [7, с. 17].

Титр. БЕРЕГА РЕКИ ИЧА ЗАСЕЛЕНЫ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ-КОЛОНИСТАМИ.

Кадры. Посёлок колонистов на берегу реки. Вид колонии Афанасьевка. Выезд на рыбную ловлю. Лодки, рыбаки. Переселенец из Тамбовской губернии готовит снасти для рыбной ловли.

Титр. РЫБЫ И ПУШНИНА – ОСНОВНОЕ БОГАТСТВО КРАЯ.

Кадры. Выловленная рыба на берегу реки.

Титр. ЕЖЕГОДНЫЙ УЛОВ НА СУММУ СВЫШЕ 20 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ.

Кадры. Рыбаки тянут сети. Рыба в сетях.

Титр. ДОБЫТО ОДНИМ ОХОТНИКОМ ЗА СЕЗОН.

Кадры. Охотник у добытой пушнины – шкурок чернобурой лисы.

Титр. СОБАКА – ОСНОВА ХОЗЯЙСТВА КАМЧАДАЛОВ.

Кадры. Собаки камчадалов на привязи. Камчадал кормит собак.

«Строясь на органической связи трёх основных элементов – природы, человека и хозяйства, фильм должен демонстрировать человека не только как элемент природы (чем так злоупотребляла старая географическая школа), но главным образом показать его борьбу, его победу над ней, подчинение её себе и воздействие на неё в целях преобразования при посредстве новых форм общественной организации и новых форм техники» [там же] – декларировалось в проекте «Киноатласа».

Титр. КАМЧАТКУ ОМЫВАЮТ...

Титр. ОХОТСКОЕ МОРЕ...

Кадры. Рыбацкие лодки причаливают к берегу.

Титр. ТРУДНО БОРОТЬСЯ СО СТИХИЕЙ.

Кадры. Катер, выброшенный на берег штормом. Похороны погибших корейцев по корейскому обычаю. В могилу на гроб кладётся полотно, на котором написаны все добрые дела умершего.

Кадры. Группа корейцев. Один из них, сидя на могиле, плачет.

«Бесспорно, что в краеведном фильме показ культурной и общественной жизни СССР должен даваться не в отраслевом, а в районном плане. При этом степень дифференциации области, края, республики, связанная с величиной занимаемого пространства, разнообразием географических факторов, форм и видов хозяйства, будет определять и количество фильм, посвященных данной республике, краю, области», [там же] – подчеркивалось в работах ЦБК.

Титр. НАСЕЛЕНИЕ КАМЧАТКИ ОЧЕНЬ МАЛОЧИСЛЕННО.

Кадр. Географическая карта центральной части СССР.

Кадр. Карта с указанием населения Камчатки.

Кадры. Типы населения Камчатки.

Титр. ГОРОД УСТЬ-КАМЧАТСК – 600 ЧЕЛОВЕК ЖИТЕЛЕЙ.

Кадры. Вид города Усть-Камчатска.

Титр. ГЛАВНЫЙ ГОРОД КАМЧАТКИ – ПЕТРОПАВЛОВСК – 3000 ЖИТЕЛЕЙ.

В проекте «Киноатласа» предполагалось, что «однообразные по природно-хозяйственной структуре районы могут быть показаны в одном фильме, те же области, которые обладают сложным хозяйственным комплексом, разнообразием зональных и азональных факторов, своеобразием развития форм общественной жизни или национальных культур, потребуют такого количества фильм, сколько область включает в себя подобных своеобразных хозяйственных и национальных районов и микрорайонов» [7, с. 17].

Кадры. Виды города Петропавловска.

Кадры. Рыбаки переносят рыбу из лодки на берег. Консервация рыбы без соли кустарным способом. Приготовление кетовой икры: промывка, засолка, перемешивание. Укладка икры в бочки для отправки.

Кадры. Охота на китов в море. Добытый кит, надутый воздухом, привязанный веревкой, плывёт за судном. Подвозка китов к плавучему заводу. Снятие верхнего слоя жира с туши кита. Вытопка китового жира. Обработка внутреннего жира кита. Обработка мяса кита.

Планировались многообразные формы применения «Киноатласа» в деле культурного строительства СССР: «Киноатлас послужит средством массового обучения деревни и школы в области элементарной географии, он явится наглядным пособием в ВУЗ-ах и киноэнциклопедическим сборником материалов этнографически-экономического характера при различных научных и хозяйственных работах» [РГАЛИ, ф. 645, оп. 1, ед. хр. 20, л. 102].

Титр. ТАБЛИЦА ОЦЕНКИ СТОИМОСТИ ПРОДУКТОВ ПРОМЫСЛОВ КАМЧАТКИ.

Кадры. Погрузка бочек с рыбой в лодки, транспортировка их на пароход.

Титр. ПО БЕРЕГАМ КАМЧАТКИ И КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВОВ РАЗБИТЫ РЫБНЫЕ, КИТОБОЙНЫЕ И КОТИКОВЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Титр. КАЖДОЕ ЛЕТО ИЗ ВЛАДИВОСТОКА...

Кадры. Подготовка к отплытию пароходов и барж во Владивостокском порту.

Титр. ОХРАННОЕ СУДНО «БРЮХАНОВ»,

СНАРЯЖЁННОЕ ДЛЯ НЕСЕНИЯ РЫБНО-ПРОМЫСЛОВОГО НАДЗОРА, НАПРАВЛЯЕТСЯ НА КАМЧАТКУ.

Кадры. Бурлящая вода за кормой. Группа членов команды судна.

Титр. НА БОРЬБУ С ХИЩНИКАМИ.

Кадры. Группа пассажиров регистрируется на палубе судна.

По убеждению разработчиков, «особенно много даст Атлас деревне, путём ознакомления крестьян-переселенцев с географическими бытовыми и другими условиями неизвестной им Области, что облегчит и упростит переселенческий вопрос, так как даст возможность переселенцам наглядно знакомиться с тем, что их ожидает на новых местах» [там же].

Титр. НА КОМАНДОРСКИХ ОСТРОВАХ.

Кадры. Виды села Никольское.

Кадры. Сивучи на прибрежных скалах. Сивучи в море. Стаи птиц (птичьи базары) на скалах. Сбор птичьих яиц.

Кадры. Инспектора с винтовками охраняют котиковые лежбища. Морские коты у берегов и в море.

Титр. НА КАМЧАТСКИХ РЫБАЛКАХ.

Кадры. Рыбацкая артель. Лов рыбы с лодок.

Титр. ЧЕРЕЗ КАЖДЫЕ ПОЛЧАСА ЛОВЯТ 2000 ПУДОВ ГОРБУШИ.

Кадры. Лодка, наполненная выловленной рыбой. Горбуша в сетях и на палубе судна. Обработка рыбы на плавучей фабрике. Икра горбуши в лодке.

«Но кроме развертывания краеведческого комплекса данного района, в каждой фильме Атласа должна быть также и определённая «установка на будущее», т. е. надо фильмы Атласа строить так, чтобы каждый просмотревший фильм получил не только точные и исчерпывающие сведения о крае, а также ясно себе представил пути, по которым этот край будет развиваться» [13, с. 71] – предписывалось в регламенте «Киноатласа СССР».

Титр. ЯПОНСКИЙ СУХОЙ ПОСОЛ.

Кадры. Обработка рыбы на промыслах.

Титр. РУССКИЙ ЗАСОЛ В БОЧКАХ.

Кадры. Укладка рыбы в бочки для засола.

Титр. КОНСЕРВИРОВАННАЯ РЫБА ИДЁТ ГЛАВНЫМ ОБРАЗОМ НА КОРМ СОБАКАМ.

Кадры. Подготовка ямы для заквашивания рыбы. Природные панорамы Камчатки.

Наконец, ключевое правило «Киноатласа» гласило: *«Рассматривая человека в аспекте его хозяйственной деятельности, фильм должен будет демонстрировать природу главным образом в тех её элементах, которые имеют значение для хозяйства: пейзаж, ландшафт, картины природы, “взятые в себе”, не найдут места в киноатласе, они допустимы лишь как иллюстративные моменты, как общий фон для показа, например, развертывающейся промышленности, земледелия, постройки городов или энергетических установок. Несоблюдение этих условий, увлечение пейзажностью, так же как и увлечение этнографичностью (хотя несомненно, что такого рода фильмы имеют право на существование), ни в коем случае не может допускаться в киноатласе»* [7, с. 17].

«Киноатлас» как процесс

Соотношение фрагментов кинотекста «Камчатки» с положениями программы «Киноатлас СССР» позволяет рассмотреть процесс методологических поисков «эталона» советского этногеографического кино, проанализировать практические преломления теоретических разработок.

Благодаря опыту операторских работ в группе «киноков» на кинофильмах Дзиги Вертова, включая кинопроект всесоюзного масштаба «Шестая часть мира», Н. Д. Константинов имел подробное представление о теоретических и практических опытах учёных и кинематографистов в направлении экспедиционного кино. Отойдя от экспериментальных съёмочных и монтажных методов Вертова, Константинов остался верен принципу «киноков», предполагавшему категорический отказ от приёмов реконструкций и инсценировок событий, которые активно использовались в документальном кинематографе СССР.

По словам другого видного участника группы «киноков» М. А. Кауфмана, *«розыски интересных мест, значительных явлений, убедительных фактов... всесторонняя художественно-организационная подготовка съёмки... отбор материала, производимый под особым углом зрения. Таков метод киноков, создающих кинохронику»* [6, с. 3].

И в данном случае методологические принципы автора «Камчатки» и разработчиков «Киноатласа» совпадали. За редкими исключениями, от киногорупп, работавших для создания серий проекта, требовалась *«натуралистическая за-съёмка без какого бы то ни было декорирования*

обстановки, без привлечения статистов и актёров для создания добавочных искусственных сцен в целях эффективности и занимательности картин» [7, с. 18].

Серии «Киноатласа» должны были выполнять и утилитарные экономические функции: инспирировать переселенческие интересы по колонизации окраин среди населения страны, привлекать внимание коммерческих кругов Запада к ознакомлению с возможностями импорта и природными богатствами СССР. Согласно данным установкам, и кинорепрезентация Камчатки в фильме Константинова выражалась в выстраивании череды ключевых образов: «Край земли» (природное эльдорадо), «Территория коренных народностей» (поликультурные ресурсы), «Фронтирная колония» (геополитическое позиционирование). Роль кинематографа, таким образом, состояла, прежде всего, в фиксации и трансляции различных колонизационных емкостей: от природных богатств до социокультурных «капиталов» края.

«Киноатлас» планировался госзаказчиком и как средство позиционирования многонационального, поликультурного, богатого природными ресурсами Союза внутри страны и в мире. И в этой связи ещё одной ключевой целью проекта заявлялся «экспорт революции» за рубеж: *«Являясь ценнейшим научным документом, он сыграет громадную роль в культурно-просветительной работе, знакомя трудящееся население СССР с грандиозными картинами жизни и развития Союза, и в то же время может явиться и интересным материалом для экспорта»* [7, с. 18]. Реализация этой установки требовала от кинематографистов более искусной проработки материалов с идеологической точки зрения, их съёмки и подачи с применением художественных приёмов. Но учитывая то, что достаточного уровня ростки социализма на Камчатке в 1927 г. были ещё не видны «невооружённым объективом» кинодокументалиста, картина Константинова не могла отвечать данному требованию.

Эта работа, снимавшаяся режиссёром-оператором в одном лице, была выстроена им в форме экранного отчёта об основных картинах географического, экономического и этнографического характера, встреченных в ходе экспедиции, что было весьма распространённым киноформатом в советской документалистике изучаемого периода. В условиях логистических сложностей и технических проблем обращения с громоздкой киноаппаратурой Константинову

удалось произвести кинореид по Камчатскому полуострову, достичь Командорских островов, сделать одну из первых киносъёмок в с. Никольском на о. Беринга.

Однако растущие требования создателей «Киноатласа» предполагали более подробное киноописание особенностей регионов. *«Эта строго научная работа большого общественного значения несомненно лучшие всего может быть выполнена не отдельным автором, а бригадой, включающей в свой состав специалиста краеведа, экономгеографа и физикогеографа»* [7, с. 18]. В процессе развития «Киноатлас» все более связывался с задачами своеобразного кинокартографирования народонаселения территорий страны, для чего к проекту были подключены специалисты Института по изучению народов СССР (ИПИИ), где под руководством авторитетных учёных (В. Г. Богораза, Н. Я. Марра и др.) создавался в то же время печатный этноатлас СССР.

Неслучайно при рассмотрении тематических кинодокументов обращают на себя внимание характерные детали: 1) каждый фильм начинался с карты Советского Союза и обозначения на ней района и народности, его населяющей; 2) киноработы выстраивались по единой сценарной матрице, повествуя о «первобытном коммунизме» и переходе (перескоке) к социализму (минуя капитализм) среди этнических групп (как в известной большевистской формуле).

В 1928 г. фильм «Камчатка» вышел в широкий кинопрокат и в то же время был включён в базовый список фильмов «Киноатласа СССР», но с оговоркой о необходимости дополнительных съёмок о развитии края при советской власти. Как видно из вышеприведённого кинотекста, в части показа различных аспектов жизни края (географических, хозяйственных, этнокультурных) фильм Константинова вполне соответствовал принципам проекта. Основную критику вызвала аполитичность кинокартины и её недостаточная «марксистскость», требовавшая демонстрации социально-экономических явлений в борьбе, а производительных сил в развитии.

По мнению разработчиков «Атласа», как и большинству киноработ своего времени, «Камчатке» не удалось подняться выше уровня, при котором фильм представлял собой *«грандиозное собрание прекрасных видовых съёмок, разнообразящихся иногда тонко, иногда грубо подрисованными сценами из местного, сугубо подчёркнутого и декорированного быта»* [там же, с. 16]. Именно в части освещения процессов советизации края этот фильм к моменту своего выхода

уже не соответствовал эволюционизировавшим в рамках параллельного политического курса требованиям, предъявляемым к «Киноатласу».

Кроме того, по замыслу авторов концепции, *«поскольку фильм должен дать полное знакомство с хозяйственной жизнью района, при производстве съёмок нельзя ограничиваться только одной кратковременной экспедицией. Освещены должны быть все времена года, что имеет особое значение для областей с резко контрастными сезонами, а это выдвигает необходимость или длительной работы экспедиции, или же неоднократных выездов в тот же район»* [там же, с. 18].

Данные требования были учтены при организации новой Камчатской киноэкспедиции «Совкино» 1929–1930 гг. под руководством режиссёра А. А. Литвинова, которым в сотрудничестве с исследователем В. К. Арсеньевым был создан научно и идеологически взвешенный кинофильм «Terra incognita» [3], успешно дополнивший впоследствии материалы «Киноатласа СССР» о Камчатке.

Таким образом, проект «Киноатлас СССР», рассмотренный в статье в качестве контекста развития встречной активности учёных и кинематографистов, можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, как конкретный проект с одноименным названием, но с другой, как процесс, растянувшийся на десятилетия, параллельный с образованием и переустройством самого Советского Союза, процесс кинокартирования территорий страны: нанесения новых наименований, образного визуального «освоения» огромного пространства, его позиционирования как внутри страны, так и вовне.

Не реализовавшись полностью, условно выражаясь «от а до я», что было связано с постоянной изменчивостью политического курса, проект стал столь недостающей причинной акцией, мобилизовавшей научно-кинематографическое сообщество на совместную деятельность, что выразилось в разработке серии теорий и методик, а также в выпуске существенного количества этнографических фильмов, пусть формально и не обрамлённых общей заставкой «Киноатласа».

Безусловно, будучи произведением государственной воли, «Киноатлас СССР» привнёс идеологическую нагрузку в межведомственное творческое взаимодействие. Неслучайно при разнице творческих методик их авторов эти этнографические кинокартины были выстроены по схожей сценарной матрице, повествуя

о «естественном коммунизме» и переходе к социализму среди этнических групп. Каждый из тех опытов, включая рассмотренный в статье кинодокумент «Камчатка» Н. Константинова, на крупном плане отражал специфику поиска матрицы «марксистской этнофильмы» (термин В. Г. Богораза). На общем плане такие примеры, собранные воедино, действительно образуют большой этногеографический киноатлас, на страницах которого были запечатлены разножанровые образы научно-творческого и идеологического позиционирования Страны Советов в мире.

Уже во второй половине 1930-х гг., в связи с переходом национальной политики СССР от курса ленинского интернационализма к сталинскому тоталитаризму, параллельно с низведением этнографии до уровня вспомогательной исторической дисциплины, было свернуто и производство этногеографических фильмов. Киноистории о «первобытных» культурах и «отсталых» регионах стали невыгодной краской в «прогрессивном» образе Страны Советов. Всё предшествующее развитие этого кинонаправления в СССР было предано забвению, а его наработки стали «полочными».

Был «репрессирован» и «Киноатлас» – порождение экспериментов «культурной революции». Создававшийся как пёстрая кинокомпозиция многокультурной федерации, он

представлял конкурентную позицию в условиях складывающейся надэтнической унитарной госструктуры, где проектировались «социалистические по содержанию» и «национальные по форме» культуры (термины И. В. Сталина). Вынужденно остановились и киноисследовательские работы внутри направления, что привело к разрыву сложившихся к тому моменту связей ученых и кинематографистов, которые в сопоставимом масштабе не установились и по сей день.

Изучение архивных кинодокументов как исторических источников имеет не только ретроспективную, но и перспективную ценность для гуманитарной науки. С одной стороны, введённые в научный оборот в ходе подобных исследований фильмы, включая рассмотренную в статье работу Константинова «Камчатка», представляют собой своеобразную онтологическую базу исторической визуальной антропологии в России и в мире, открывают перспективу научного осмысления «визуальной истории». А с другой, обнаруживают подробные теоретические, практические и методические рекомендации по созданию этногеографических киноповествований, формам взаимодействия ученых с кинематографистами, форматам презентации полученных материалов, востребованных для современных теоретизирований и практических опытов в направлении визуальной антропологии.

1. Верещинский М. О культурфильме // Советское кино. 1927. № 4. С. 14–15.
2. Головин И. А. Учёный камчадал из страны вулканов: Прокопий Новограбленов и его образы Камчатки // Диалог со временем. 2020. № 3 (72). С. 181–194.
3. Головин И. А. «Terra incognita»: описание земли Камчатки в фильме А. А. Литвинова // Диалог со временем. 2018. № 1 (62). С. 257–272.
4. Касьянов В. Киноатлас СССР (в порядке предложения) // Кино. 1926. № 48. С. 1.
5. Канин Л. Культурфильм и научные экспедиции // Кинофронт. 1927. № 4. С. 2–3.
6. Кауфман М. С аппаратом в степь (из дневника оператора) // Советский экран. 1925. № 23. С. 3.
7. Коробков Н. Киноатлас СССР // Советское краеведение. 1933. № 2. С. 15–20.
8. Культкино // Советский экран. 1925. № 33. С. 19.
9. Магидов В. М. Киноатлас СССР: история создания серии фильмов по визуальной антропологии // Аудиовизуальная антропология. История с продолжением. М.: Институт Наследия, 2008. С. 136–141.
10. Оганесов К. Кино и этнография // Советский экран. 1925. № 19. С. 11.
11. Разлогов К. Э. Кино-Этнография-Антропология // Философские науки. 2010. № 7. С. 80–90.
12. Сухаребский Л. Научные экспедиции и их за съёмка // Советское кино. 1927. № 4. С. 12–13.
13. Сытин В. А. Киноатлас // Кино и культура. 1929. № 4. С. 71.
14. Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии. М.: Искусство, 1937. 176 с.
15. Этнография и кино // Кино. 1925. № 7. С. 3.
16. Cultural revolution in Russia, 1928–1931 / Edited by Sheila Fitzpatrick. Indiana: Indiana University Press, 1984. 309 p.
17. Henley P. Beyond observation. A history of authorship in ethnographic film. Manchester: Manchester University Press, 2020. 568 p.
18. Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Учётный № 2719.
19. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2091. Оп. 1. Ед. хр. 77.
20. РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356.

Е. В. Головнёва

СОВЕТСКАЯ КАМЧАТКА В ИНДУСТРИАЛЬНОМ ФОТОРЕПОРТАЖЕ Г. З. ГАЙДУКЕВИЧА¹

Аннотация. Об особенностях функционирования советского индустриального фоторепортажа 1930-х гг. на примере анализа фотоархива журналиста газеты «Камчатская правда» Г. З. Гайдукевича.

Ключевые слова: фотография, фоторепортаж, «Киноатлас СССР», «История фабрик и заводов», фотоархив, Гайдукевич Г. З., Петропавловск-Камчатский, г.

Производственная пропаганда в СССР 1930-х гг.: «Киноатлас СССР», «История фаб- рик и заводов» и фоторепортаж

Во второй половине 1920-х гг., со времени проведения знаковой для своего времени выставки, устроенной в Доме печати московской ассоциацией фоторепортёров (1926), газеты заговорили о возникновении фоторепортажа как самостоятельной отрасли советской фотографии [12, с. 31]. На протяжении десятилетия (1925–1935) советская пресс-фотография стала если и не самой лучшей в мире, то самой своеобразной и авангардной. Именно в советском репортаже были предложены и широко использованы такие виды фотоискусства, как «фотосерия (А. Родченко, Б. Игнатович), фотоочерк (А. Шайхет, М. Альперт, М. Марков-Гринберг), фотокнига (журнал «СССР на стройке», который оформляли Э. Лисицкий, А. Родченко, В. Степанова)» [1, с. 329].

При этом жанр фоторепортажа и крупные фотопроекты разворачивались в СССР параллельно с двумя большими советскими проектами 1930-х гг.: проектом по визуализации народов и культур Союза – «Киноатласом СССР» и литературным проектом «История фабрик и заводов» (ИФЗ), идеологическое обоснование которого принадлежало А. М. Горькому. И литературные описания индустриализации, и образы этногеографических фильмов в эти годы рассматривались в качестве ресурсов конструирования «новой» советской летописи – письменной и визуальной [2].

Так, главным итогом работы по созданию «Киноатласа СССР» должно было стать появление 150-серийного киноальманаха о народах и регионах СССР [3], а целью реализации ИФЗ – издание серии книг, составляющих в комплексе, по мысли Горького, «энциклопедию нашего строительства в динамике» [7, с. 153]. В рамках реализации «Киноатласа СССР» и ИФЗ особый акцент был сделан на производственной пропаганде, осве-

щении строительства Советского государства, целью чего было создание нового человека – человека труда.

По словам А. М. Горького, уделявшего большое внимание не только литературе и кинематографу, но и фотографии, участвовавшего в создании больших иллюстрированных журналов «СССР на стройке» и «Наши достижения», «основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организующего процессами труда, который у нас вооружён всей мощью современной техники...» [5, с. 463].

На киножурналы и фоторепортажи в прессе при этом возлагались особые надежды – доступным языком освещать строительство новой жизни и визуально «подгонять» возведение отдельных предприятий, создавая иллюзию высоких темпов производства. В этой связи индустриальная тематика в годы первых пятилеток переместилась на первые страницы журналов, а киновыпуски, посвящённые производственным процессам, являлись непрерывной «кинематографической газетой», освещающей социалистическую стройку [11, с. 220].

Например, на фабрике «Межрабпом-фильм» при поддержке А. М. Горького в 1929 г. был создан киножурнал «Наши достижения», съёмочный план которого детально прорабатывался совместно с редакцией одноимённого печатного журнала и охватывал самые широкие участки строительства и быта Союза.

На совещании писателей, композиторов, художников и кинорежиссёров в 1935 г. Горький утверждал: «Мы можем советский день показать, будничный советский день, весь день во всей стране, начиная от Арктики и кончая границами Средней Азии – до Памира, начиная от Владивостока и кончая Одессой, Астраханью или Эриванью, – весь наш советский день, что случилось за день» [6, с. 436].

¹ Исследование выполнено за счёт гранта РНФ № 21-18-00518, <https://rscf.ru/project/21-18-00518/>

Очевидно, что бум кино- и фотопродукции в конце 1920–1930-х гг. не был бы возможен без ведомственного госзаказа. В 1931 г. было создано «Союзфото» – всесоюзная государственная организация по централизованному выпуску фотоиллюстраций для газет и журналов, книжных издательств с целью повысить эффективность политической агитации и пропаганды. По словам влиятельного в тот период времени фотокритика Л. Межеричера, *«становится вопрос о направлении фотографии целиком на путь общественного служения, на путь участия в социалистическом строительстве страны, на путь выполнения пролетарских классовых задач»* [12, с. 95].

Акцент делался на рационализацию, научную организацию труда, приближение производства к источникам сырья, специализацию районов Союза в соответствии с их природными и социальными потребностями. Неслучайно редакции печатных изданий в различных регионах СССР уже с момента своего создания занимались организацией собственной сети фотокорреспондентов. В частности, в Камчатском крае в 1930-х гг. на страницах газеты «Камчатская правда» фотожурналистом Г. З. Гайдукевичем были созданы работы в жанре советского индустриального фоторепортажа, заслуживающие особого исследовательского внимания.

Заслуженный работник культуры РСФСР Гавриил Захарович Гайдукевич (1911–1996) – старейший журналист «Камчатской правды» и подлинный фотолетописец Камчатки. В общей сложности в 1930–1960-х гг. Гайдукевич напечатал в главной газете края около 10 тысяч фотографий. В настоящее время его фотоархив хранится в Камчатском краевом объединённом музее (г. Петропавловск-Камчатский). Фотоархив содержит городские виды и промышленные предприятия, строительные площадки и производственные помещения рыбокомбинатов, а также сцены из жизни жителей Петропавловска-Камчатского. На этих фотоснимках наглядно запечатлена история преобразования города на протяжении 1930-х гг., создание в нём градообразующих предприятий и инфраструктуры.

Образы Петропавловска-Камчатского в индустриальном фоторепортаже 1930-х гг.

Известно, что в послереволюционный период значительный импульс к развитию город получил в конце 1920-х гг. с образованием

специальной организации – Акционерного Камчатского общества (АКО), в задачу которого входило не только создание государственной рыбной промышленности и рыбодобывающего флота, но и широкое использование богатств полуострова (лесов, полезных ископаемых), развитие сельского хозяйства.

Именно с АКО связана история рыболовецких флотов Камчатки, портов и многих промышленных предприятий и организаций города и полуострова. Размещение правления и служб АКО в 1930 г. в Петропавловске привело к рождению нового посёлка в черте города – Акогограда и определило новые границы городской черты: *«От Никольской горы по берегу бухты до городского кладбища, по склону Мишенной горы, за старый совхоз и по руслу речки на подножие Зеркальной горы, по подножию таковой за постройки ОГПУ, по хребту Петровской горы до Гремучего ключа, по руслу ключа до берега бухты по прямой линии на Сигнальный мыс»* [9, с. 72].

Город постепенно прирастал многими организациями и учреждениями: типографией, облздравотделом, Камчатторгом, Акофлотом, морской рыболовной станцией, облпромсоюзом, пожарной охраной др. Осенью 1934 г. на берегу бухты Раковой началось строительство крупного промышленного предприятия – судоремонтной верфи [СРВ], на которой не только ремонтировали суда, но и делали гребные винты, китобойные гарпуны, топливные насосы.

В 1939 г. рядом с судоремонтным заводом вступила в строй жестяно-баночная фабрика (ЖБФ). На долю СРВ и ЖБФ приходился большой процент валовой промышленной продукции Петропавловска-Камчатского, и именно эти объекты оказались в фокусе внимания фотожурналиста Гайдукевича.

На его фотографиях можно увидеть сюжеты завоза на СРВ стройматериалов, организацию палаточного городка и самой стройки завода, также на них представлен подробный фотоотчёт о строительстве ЖБФ. На наш взгляд, эти фотоснимки можно с полным правом отнести к жанру индустриального фоторепортажа, учитывая то, что в них присутствуют устойчивые способы изобразительных решений, постановочно-технические приёмы, пространственная и предметная среда, значимые типы персонажей. Здесь ярко высвечивается стратегия раннесоветской фотожурналистики, особенно в сравнении с творчеством фотографов, которые снимали эффекты «социалистической

реконструкции» не в рамках какой-то программы, а по собственному разумению.

Приёмы данной стратегии были определены в рамках образованной в 1930 г. фотосекции объединения «Октябрь», руководителем которой был А. Родченко, и включали в себя: наклон горизонта и диагональную композицию, плотную упаковку кадра, присутствие крупной детали на первом плане, разгон материала по углам кадра и родченковские ракурсы. Эти приёмы фотоавангардного искусства с восторгом усваивались фоторепортёрами прессы [12, с. 185]. С 1925 по 1937 г. подавляющее большинство столичных фотожурналистов использовали при съёмке именно эти конструктивистские принципы. Очевидным образом эти разработанные методы заимствовались и применялись в региональных и локальных фотоотчётах местными фотокорреспондентами.

Выделим далее несколько формальных элементов образа, при помощи которых конструируется образ раннесоветского промышленного Петропавловска-Камчатского в индустриальной фотографии Гайдукевича.

Во-первых, это панорамные фотографии и виды стройплощадки, отражающие сам процесс строительства и функционирования промышленных предприятий на Камчатке. Данные конструктивистские фото соответствовали партийному лозунгу «Техника решает всё» и включали в себя снимки котлованов, строительных лесов, машин, труб, различных механизмов. Так, Гайдукевич делает фотоотчёт, в котором изображены расчистка территории, экскаваторные работы по расширению фабрики, строительство очередей, работа цехов, при этом строящиеся здания сняты с разных ракурсов.

Помимо того, что Гайдукевич делает панорамные фотографии строительства в нескольких ракурсах, он использует приём съёмки по диагонали, благодаря чему избегает статичного состояния изображенного, а моменту строительства придаётся динамизм. Фотографии Гайдукевича так и подписаны: «Последовательность производственного процесса в цеху», «В цехах».

Среди приёмов изображения форсированного строительства в 1930-х гг. приоритет отдавался также производству снимков, построенных по принципу «было-стало». Поскольку механизация производства в начале 1930-х гг. была достаточно редким явлением, рабочий выполнял вручную технически

сложные операции. На фотографиях первой пятилетки рабочие запечатлены с лопатой или ломом в руках на фоне подвод, запряжённых лошадьми, рыбаки-колхозники – с закидным неводом и т. п.

Подобное положение дел воспринималось как временное. Для тиражирования отбирались, прежде всего, фотографии, изображающие процесс механизации производства. На фотоснимках Гайдукевича обнаруживается подобный приём: снимки погрузки готовой продукции на ЖБФ вручную монтируются с укладкой готовой продукции, спущенной по транспортёру в штабелях; объединены между собой фотографии серии «Вид бухты Раковой до и после начала строительства».

Во-вторых, характерной чертой индустриального фоторепортажа 1930-х гг. являлось представление города как нового, советского, в противоположность старому [8, с. 123]. Так, на одних снимках Гайдукевича зритель мог видеть деревянные дома, брезентовые палатки, в которых размещали приезжавших на полуостров весной и летом сезонных рабочих и переселенцев, подсобные помещения, расположенные вокруг Култучного озера в Петропавловске-Камчатском, распаханные прямо у воды огороды, безлесные склоны Мишенной сопки; на других – двухэтажные здания на улицах Красинцев и Красноармейской.

Характерно также монтажное движение от общих планов строительства к планам отдельного цеха, что с помощью визуальных средств выражает повышение исторической и социальной значимости производственной жизни рабочих в контексте общей истории развития города.

Город в фотографии Гайдукевича репрезентируется также в противопоставлении времени работы и досуга рабочих заводов. Трудовой процесс на фотоснимках предстает как освобождение личности от удушающего быта, замкнутых пространств. Фотографии, отражающие производственный процесс, монтировались Гайдукевичем с непроизводственными сюжетами: заводчане после работы отдыхают на Паратунских источниках, в санатории, в парке культуры и отдыха.

Но даже на отдыхе люди показаны как тесно связанные с коллективом, отражая лозунг А. М. Горького о том, что *«социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда»* [5, с. 463]. Характерно, что здесь видна аналогия с установ-

ками в кинопроизводстве 1930-х гг. В частности, на киносовещании 1935 г. руководитель советской кинематографии Б. З. Шумяцкий озвучивал характерную ведомственную позицию: *«Мы снимаем объекты массового действия, объекты большой общественной значимости. В съёмке индивидуального объекта мы, как правило, никогда не берём его камерно, изолированно, а обязательно ставим лицом к лицу с той общественной средой, которая его выдвинула, в которой он живёт и работает, которую он организует и которой он руководит. Вот почему такое огромное место в композиции нашего кадра должна занимать так называемая массовая сцена»* [13, с. 144].

В-третьих, в индустриальный фоторепортаж, изображавший творческую героину социалистической реконструкции, включались снимки отдельных ударников и их бригад, которые сопровождались подписями и цифрами достижений. Фотоархив Гайдукевича содержит целую галерею погрудных портретов инженеров-конструкторов, электромехаников, бригадиров-монтажников, техников. Очевидным образом здесь прослеживается тенденция: опубликованные в местной газете фотопортреты являлись для запечатлённого человека своего рода моральным стимулом в условиях дефицита материальных поощрений. В фотографиях Гайдукевича сделан также явный акцент на фиксации рабочих с улыбающимися лицами во время работы. Улыбка как индикатор оптимизма вообще являлась неотъемлемым атрибутом в производственной фотографии 1930-х гг. [10, с. 5].

Показательно, что фотожурналист делал несколько кадров одного и того же человека с целью зафиксировать улыбку на его лице, показать либо радость рабочего от осуществления трудовой деятельности, либо его сосредоточенность на трудовом процессе. Отсутствующая на снимке линия горизонта, а также съёмка снизу вверх зрительно увеличивают рост ударника. Помимо персонально поименованных снимков фотоархив Гайдукевича содержит фотоизображения с плакатными надписями: «Рабочий у станка», «Электросварщик за работой», «Токарь показывает мальчику-ученику работу» и т. п.

Как видно, своим творчеством Гайдукевич развил и закрепил в камчатской фотожурналистике 1930-х гг. принципы индустриального фоторепортажа, для которого существенную роль играл цикл из нескольких снимков,

соотносимый с главным идеологическим посылом – построение новой жизни на Советской Камчатке.

Исследование фотоархива камчатского фотожурналиста Гайдукевича показало, что его творческие установки в полной мере отвечали распространённой в 1930-е гг. задаче фиксации социалистического быта и роста промышленного производства, даже в самых отдалённых регионах СССР [4], и соответствовали идее, *«чтобы в газете, на выставке или на заводском стенде сегодняшний гражданин “через фотоснимки” узнавал о свершающихся переменах»* [12, с. 172].

Это обусловило внимание фотографа к сюжетам, вытекающим из социальных и хозяйственных условий жизни людей. При сохранении региональной тематики содержание индустриальной фотографии Гайдукевича остаётся строго советским с агитационной направленностью.

В то же время политическая тематика в фотографиях Гайдукевича сочетается с творческими устремлениями, идеологический заказ – с авторским видением советской действительности. Стройка, промышленные конструкции, детали машин, автоматизация производства, новые дома, репортажные портреты передовиков производства, пропаганда идеалов «коммунальной» жизни в первые годы пятилетки – излюбленные темы фотожурналиста, собиравшего актуальный материал для газеты «Камчатская правда». В фоторепортажах сочетаются панорамные снимки местности г. Петропавловска-Камчатского, жанровые сцены и портреты крупным планом.

Снимки, созданные Гайдукевичем в 1930-е гг., характеризуются, на наш взгляд, также следующими чертами: социальной нагруженностью и детальным портретированием повседневной действительности Советской Камчатки, введением в фотосъёмку приёмов кинематографии (крупный план, необычная точка расположения фотоаппарата, акцент на отдельно взятом предмете), отражением динамики городской жизни, фиксацией непосредственного выражения лица персонажей, а также упором на фотоинформацию.

Конструктивистский характер фотоснимков Гайдукевича заключался в том, что фотожурналист стремился отразить моменты, представляющие для зрителя наибольший интерес, взвешивал все детали на снимке, заботился о правильном расположении его частей в композиции, искал новые ракурсы,

избегал видимости очевидной постановочности кадра, последовательно монтировал снимки в определённом порядке. В результате получалось изображение-конструкция, включающее в себя многообразие перспектив, масштабов и сюжетов, совмещенных в единое целое.

Согласно духу своего времени индустриальный фоторепортаж Гайдукевича в полной мере следовал принципам социалистического реализма (реалистичный по форме и соци-

алистический по содержанию), отражая идею построения новой советской жизни на Камчатке. В результате по своей направленности, приёмам и идеологическому основанию индустриальный фоторепортаж камчатского фотожурналиста Гайдукевича органично вписывается в систему научно-творческих поисков 1930-х гг., направленных на визуальное позиционирование социалистического переустройства отдалённых регионов Советского Союза.

1. Вальран В. Советская фотография. 1917–1955. СПб. : Лимбус Пресс, 2018. 283 с.
2. Головнёв И. А. Визуализация этничности в советском кино (опыты учёных и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб. : МАЭ РАН, 2021. 440 с.
3. Головнёв И. А. «Киноатлас СССР»: история проекта // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 38. С. 12–23.
4. Головнёв И. А., Головнёва Е. В. Образы Дальнего Востока в визуальных документах рубежа XIX–XX вв. СПб. : Нестор-История, 2021. 296 с.
5. Горький М. О литературе. М. : Сов. писатель, 1937. 479 с.
6. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1953. Т. 27. 590 с.
7. Журавлёв С. В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х гг. М. : Ин-т рос. истории, 1997. 213 с.
8. Кларк К. Соцреализм и сакрализация пространства // Соцреалистический канон / ред. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 119–129.
9. Козик Л. В. Страницы истории Петропавловска: Акогоград // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1991. Вып. 7. С. 68–84.
10. Морозов С. На путях к реализму, к народности // Советское фото. 1936. № 5–6.
11. Пиотровский А. И. Театр, кино, жизнь. Л. : Искусство, 1969. 511 с.
12. Стигнеев В. Т. Зарождение советской фотографии: 1920-е гг. М. : ЛЕНАНД, 2016. 227 с.
13. Шумяцкий Б. З. Пути мастерства. М. : Кинофотоиздат, 1935. 131 с.

П. А. Головнин
КАПИТАН ФОН ГАГЕМЕЙСТЕР
НА КАМЧАТКЕ И В РУССКОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. О Леонтии Андриановиче Гагемейстере (1780–1833), капитане 1-го ранга, русском мореплавателе, участнике трёх кругосветных экспедиций, исследователе, Главном правителе Российско-американской компании. Подробнее рассмотрен период его пребывания на Камчатке и Аляске.

Ключевые слова: история, флот, кругосветные экспедиции, Российско-Американская компания, Гагемейстер Л. А., Камчатка, п-ов, Русская Америка.

«Vivre, c'est faire du bien!» – «Жить – значит делать добро» (Пелисон)

Будущий знаменитый мореплаватель Леонтий Андрианович (Людвиг Карл Август) фон Гагемейстер (6.06.1780–24.12.1833) родился в местечке Дростенгоф недалеко от городка Цесиса (Латвия) в семье майора. С 10 лет воспитывался в семье дяди в Ревеле.

Службу на флоте начал 15-летним волонтером в 1795 г. 1 января 1797 г. был произведён в мичмана; 31 декабря 1804 г. – в лейтенанты; 12 декабря 1811 г. – в капитан-лейтенанты, 1 января 1829 г. пожалован в капитаны 2-го ранга. Произведён в капитаны 1-го ранга 5 ноября 1830 г.; 12 ноября переименован в полковники Корпуса флотских штурманов с назначением директором Училища торгового мореплавания.

Первое своё плавание совершил в 1795 г. из Ревеля до Дагерорда и обратно на корабле «Прохор» под командою капитана 2-го ранга барона Штейнгеля. В числе наиболее способных офицеров получил Высочайшее разрешение 2 июня 1802 г. отправиться из Кронштадта в Англию волонтером в английский флот, затем был послан к берегам Западной Африки на корабле «Арго» под командою капитана Галловеля.

В 1798 г. находился при высаживании на Голландский берег английских десантных войск в числе русских офицеров, рекомендованных вице-адмиралом Матчелем. В 1803 г. «*при высаживании войск в Вест-Индии на французский остров Св. Луция и штурмовании главной крепости онаго Морнфортюна под командою капитана Галловеля, коим был рекомендован Полномочному в Англии послу графу Воронцову*».

В 1805 г. «*на фрегате “Сигорз” отличился при атаковании испанского конвоя и всегда аттестован был очень хорошо*». В 1803 г. около Гвинейских берегов крейсировал; в 1804 г. – в Египте и других местах Средиземного моря. Гагемейстер участвовал в боях в губе Сан-Педро, под защитою крепости и канонерных лодок, «*имел желаемый успех и имел честь быть отмеченным и рекомендованным Главному начальнику флота лорду Нельсону, от коего при*

возвращении в Россию получил рекомендацию к товарищу Морского Министра Чичагову».

В 1805 г. возвратился в Англию и получил повеление возвратиться в Россию. Прибыл в Кронштадт 19 сентября 1805 г. В 1806 г. в Кронштадт прибыли шлюпы «Нева» и «Надежда», совершившие первое для русских кораблей кругосветное плавание. В 26-летнем возрасте лейтенанту Гагемейстеру доверили возглавить экспедицию на шлюпе «Нева» водоизмещением 370 тонн.

26 октября 1806 г. шлюп вышел из Кронштадта в столицу Русской Америки Новоархангельск вокруг Африки, через Индийский океан, южнее Австралии и через Тихий океан. В июне 1807 г. шлюп первым из русских кораблей посетил Австралию. В память об этом событии в 1957 г. Австралийское военно-историческое общество выпустило памятную медаль, приуроченную к 150-летию первого визита российских моряков в Австралию. Маршрут перехода получил наименование «*путь Гагемейстера*».

Несколько лет шлюп «Нева» по заданию правителя Русской Америки А. А. Баранова производил поиски несуществующих в реальности островов к югу от Аляски, в северной части Тихого океана, осуществил ценные океанографические, картографические и метеорологические наблюдения.

В 1810 г. в Русскую Америку шлюп «Диана» под командованием капитан-лейтенанта В. М. Головнина (1776–1831) доставил промышленные и продовольственные товары. Головнин встречался здесь с Гагемейстером, Правителем колоний А. А. Барановым, просветителем Германом Аляскинским и американскими капитанами, которые подарили Головнину боевую дубинку индейцев племени тлинкитов. На древке выцарапана дата «1810. June 6».

В 1810 г. команда оставила шлюп «Нева» на Камчатке, откуда перешла через Сибирь сухим путём в Санкт-Петербург, «*за сей поход командир награждён орденом Св. Владимира 4 ст., 600 рублями годового пенсионна и произведён в ка-*

питан-лейтенанты». С 11 июня по 8 сентября 1811 г. Гагемейстер плавал на различных кораблях между Кронштадтом и Санкт-Петербургом.

В 1812–1815 гг. капитан-лейтенант Гагемейстер возглавил Иркутское адмиралтейство, первым стал строить суда, специально предназначенные для плаваний на оз. Байкал. В 1815 г. Гагемейстер был командирован в Швецию, Норвегию, Англию и Францию.

В 1816–1819 гг. назначен командиром корабля Российско-американской компании «Кутузов» и вышел в новое кругосветное плавание, имея конечной целью Русскую Америку. Дважды посетил во время плавания в Тихом океане Верхнюю Калифорнию в районе Сан-Франциско, провёл важные гидрографические и гидрометеорологические наблюдения и исследования, обогатившие науку о Мировом океане.

25 августа 1816 г. РАК принимает решение о смещении Главного управляющего Аляской – 70-летнего А. А. Баранова. Это решение и везёт с собой на Аляску Гагемейстер, возглавивший плавание к берегам Русской Америки кораблей «Суворов» и «Кутузов». Корабли прибывают на Аляску 20 ноября 1817 г., где в течение двух месяцев Гагемейстер и К. Хлебников проверяют дела компании и Баранова.

11 января 1818 г. Гагемейстер берёт управление компанией на себя, проводит большую работу по организации экспедиции по изучению Аляски. Принял непосредственное участие в картировании 2600-мильного побережья Аляски, произвёл его минералогическое изучение.

За десятимесячное правление он принял ряд энергичных мер с целью поправить дела в колониях: привёл в порядок колониальное делопроизводство, составил должностные штаты основных поселений колонии (Кадьяк, Ситка, Форт-Росс), возобновил крепостное строительство в Новоархангельске, составил правила для иностранных судов, посещающих русские колонии в Америке, отправил летом 1818 г. экспедицию под руководством Петра Корсаковского для изучения центральных районов Аляски, эффективно урегулировал административные и земельные отношения Форт-Росса с местными индейскими вождями, фактически приведя их в российское подданство. С 1821 по 1828 г. находился в отставке, потом поступил в комплект 5-го флотского экипажа, где находился при берегу под командованием капитана 2-го ранга О. Е. Коцебу.

В 1828 г. от капитана 2-го ранга Коцебу «аттестован при благородном своём поведении, должность исправлял с отличным усердием, деятельность и расторопностью и точным выполнением, почему и к повышению чина достоин». Вернувшись на службу во флот, принял командование военным транспортом, 16-пушечным шлюпом «Кроткий» (водоизмещение 500 т., длина – 27,4 м, ширина – 8,8 м, глубина трюма – 3,9 м), построенным на Охтинской верфи корабельным мастером В. Ф. Стоке в 1824–1825 гг., на котором в 1828–1829 гг. совершил своё третье кругосветное плавание с Балтики в Русскую Америку. На переходе открыл и картографировал в Тихом океане атолл Меншикова (ныне Кваджалейн) в цепи Маршалловых островов, уточнил координаты и расположение некоторых других островов.

Знак отличия «За XX лет беспорочной службы» на Георгиевской ленте Гагемейстер получил 22 августа 1828 г. 5 ноября 1830 г. в воздаяние трудов, понесённых при командовании шлюпом «Кроткий» в 1828–1830 гг., награждён орденом Св. Анны 2-й степени, получил удвоенное жалование, награждён орденом Св. Георгия 4-го класса 18 декабря 1830 г. Чин капитана 1-го ранга Гагемейстеру был присвоен в 1830 г. Он назначается директором Училища торгового мореплавания, где проводит большую работу по подготовке кадров шкиперов коммерческого флота.

В 1833 г. он начал подготовку к походу, но 23 декабря 1833 г. (3 января 1834 г.) скоропостижно скончался от апоплексического удара. Леонтий Андреянович был дважды женат. Сначала на Каролине фон Шютц (Karoline von Schütz) (?–19.08.1827), после её смерти – на дочери надворного советника Зальца, баронессе Софии Ивановне (8.10.1807–10.01.1897), которая похоронена на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге. От брака с первой женой имеет сына Михаила девяти лет, дочерей Любовь семи лет и Александру пяти лет, и от брака со второй женой – дочь Марию трёх лет [1].

Представители дворянского рода фон Гагемейстер отличились как боевые офицеры, дипломаты, талантливые финансисты и помещики, меценаты и мореплаватели. Именем капитана 1-го ранга Л. А. Гагемейстера названы: атолл на о-вах Россиян в Тихом океане, гора на побережье Северной Америки в архипелаге Александра, остров в Беринговом море в Бристольском заливе [2].

1. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. № 3194.

2. Масленников Б. Г. Морская карта рассказывает: справочник / под ред. Н. И. Смирнова. М.: Воениздат, 1986. 365 с.

3. Головнин П. А. Капитан фон Гагемейстер в ВМФ России. Режим доступа: https://lib.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-368-2/25_golovnin.pdf.

П. П. Горохов
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (ВЕНИАМИНОВА)
В ЯКУТИИ И НА КАМЧАТКЕ

Аннотация. Рассматривается миссионерская и просветительская деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) на территории Камчатки и Якутии в период его службы епископом Камчатской, Курильской и Алеутской епархии. Анализируется научно-исследовательская деятельность святителя, акцентируется внимание на работе Комиссии по переводу церковно-богослужебных книг на якутский язык.

Ключевые слова: религия; православие; миссионерство; просветительская деятельность; Иннокентий (Вениаминов), свт.; Камчатская, Курильская и Алеутская епархия.

В 2022 г. мы отмечаем 225-летие святителя Иннокентия (Вениаминова) (в миру Иван Евсеевич Попов-Ангинский) – учёного-этнолога, лингвиста, переводчика, великого миссионера Сибири, Дальнего Востока и Аляски, архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского, митрополита Московского и Коломенского, члена-корреспондента Императорской Академии наук, почётного члена Императорского русского географического общества.

Жизнь и пастырская деятельность святителя Иннокентия оставила неизгладимый след в истории освоения и изучения коренных народов Дальнего Востока и Аляски. Неутомимый проповедник, он ещё при жизни стал знаковой фигурой не только в духовном мире, но и среди своей паствы, не зря среди местных его называли «Хорошим отцом». Выполняя миссионерскую службу, он с большой ответственностью подошёл к своим обязанностям. Активно путешествуя, посещая и знакомясь с различными народами, с каждым разом он открывал для себя всю глубину и богатство их культуры. В дальнейшем вся его духовная, научная, государственная деятельность сводилась к одной цели – приобщение людей к христианской вере и нравственности. Его любовь к своей пастве ярко проявляется в многочисленных путевых журналах, в которых он с искренним трепетом описывал своё служение. Нередко на страницах журналов можно встретить наполненные добротой строки, например: «...они встречали меня как отца, которого они, как видно, очень помнят (не скажу более); а я как детей, как братьев, как искренних друзей, которых я люблю (похваюсь) христианской чистой любовью...» [1, с. 120–121].

Ревностно проходя служение пастыря-миссионера, святитель Иннокентий не ограничивался им одним, он активно занимался

просветительской и научной деятельностью. Известный исследователь жизни и трудов святителя И. П. Барсуков писал: «Все эти путешествия по островам очень много способствовали отцу Вениаминову, как в изучении местных языков, так и относительно наблюдательности к окружающей природе. Имея при себе записную книжку, он аккуратно, ежедневно, не смотря ни на какие препятствия, а их было достаточно, вносил туда для памяти, в возможной подробности, все собранные им сведения и, по возвращении из путешествий, разбирал и приобщал их к своим учёным исследованиям» [2, с. 1–2]. Исследовательская деятельность святителя Иннокентия по сей день получает очень высокую оценку в научных кругах. Его многочисленные труды по этнографии и лингвистике входят в разряд лучших исследований своего времени, не потерявших большого научного значения по сей день.

1 декабря 1840 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) Святейший Синод принимает решение об открытии отдельной епархии в Америке и Восточной Сибири – Камчатской, Курильской и Алеутской епархии [3]. Незадолго до этого отец Иоанн Вениаминов принимает монашеский постриг с именем Иннокентий. 15 декабря 1840 г. последовало посвящение Иннокентия в епископа новой Камчатской епархии [2, с. 126–128], после чего он отбывает на место своего служения в Новоархангельск на остров Ситху [4, с. 86]. С этого момента начинается новая веха в жизни святителя в роли епископа Камчатского, Курильского и Алеутского.

Епископ Иннокентий неоднократно совершает длительные миссионерские поездки по своей обширной епархии. Посещает Алеутские острова, Камчатку, Охотское побережье. Во время поездок святитель активно вёл путевые

журналы и старательно заполнял «Дневники», которые сегодня являются ценными источниками для изучения Камчатки и всего тихоокеанского побережья. Например, выдержки из путевых журналов повествуют нам об усердии, с каким святитель Иннокентий исполнял своё служение, и о взаимной преданности святителя и его паствы: *«Чтобы в управлении вверенной мне епархии действовать сколько возможно обстоятельнее, я непременно должен иметь сколько возможно верные сведения о состоянии всех церквей и причтов и о их нуждах и прочее, а потому я поставил себе неперменной обязанностью обозреть всю епархию при самых первых случаях»* [1, с. 131–135].

Всего святитель Иннокентий совершил три путешествия по Камчатке и Охотскому побережью: в 1842–1843, в 1846–1847 и в 1850–1851 гг. При встречах с местными жителями он с большим вниманием относился к их рассказам о своей жизни. Из этих рассказов он узнавал о религиозных воззрениях и нравственных принципах туземцев, об их общих чертах характера, нравах и совершаемых обрядах, об укладе повседневной жизни, традициях семейных отношений и особенностях быта. Такой подход в пастырском делании создал крепкую духовную связь с местным населением, что помогало просветительской и миссионерской деятельности святителя Иннокентия.

В результате его трудов на Камчатке и побережье появились школы для местных детей, больницы, приюты. Впоследствии просвещением и культурной жизнью народов Камчатки продолжил заниматься выдающийся миссионер – митрополит Нестор (Анисимов) [5, с. 732].

В 1850 г. за выдающуюся миссионерскую деятельность святитель Иннокентий был возведён в сан архиепископа, а 26 июля 1852 г. к его огромной епархии была присоединена Якутская область, что открыло обширное поле для деятельности миссионера. В связи с этим 11 сентября 1853 г. архиепископ Иннокентий переезжает из Новоархангельска в Якутск. По приезду архиепископ энергично принимается за просвещение инородцев, открывая училища и школы, строя церкви и часовни [6, с. 30].

Самая главная заслуга святителя Иннокентия в Якутии – это начало переводческой деятельности церковно-служебных книг на якутский язык. Ещё в 1852 г. он проездом в Камчатку посетил Якутск, где оставил пакет с письмом, который по наставлению святителя должны были открыть после официального отделения

Якутской области от Иркутской епархии к Камчатской. После получения указа Синода о причислении Якутии к Камчатской епархии пакет был распечатан, где находилось предписание архиепископа Камчатского Иннокентия Якутскому духовному правлению по всем вопросам управления епархией, где особо была подчеркнута переводческая деятельность и проведение богослужения на якутском языке [7, с. 105].

В 1853 г. святитель Иннокентий учредил в Якутске Комитет по переводу священных и богослужебных книг на якутский язык [6, с. 31]. Известный русский писатель И. А. Гончаров, посетивший Якутск в 1854 г., подробно описал работу Комитета в своём романе «Фрегат Паллада». Приведём отрывок романа: *«Сличались греческий, славянский, русский тексты с переводом на якутский язык. Каждое слово и выражение строго взвешивалось и проверялось всеми членами... Один из миссионеров, именно священник Хитров, занимается, между прочим, составлением грамматики якутского языка, для руководства при обучении якутов грамоте»* [8, с. 200].

Председателем Комитета был избран протоирей Димитриан Хитров, также в Комитете работали члены Якутского духовного правления. Помимо этого было привлечено более 30 grado-якутских, улусных священников, благочинных и местных жителей [6, с. 32].

Всего за период 1853–1855 гг. Комитет перевёл почти все необходимые богослужебные книги. Приведём список переводчиков и названия переведённых книг: «Книга Бытия» – священник Л. Винокуров; «Псалтырь» – священник П. Петров; «Евангелие от Марка» – священник Ф. Карамзин; «Евангелие от Луки» – священник Д. Попов; «Евангелие от Иоанна» – священник М. Ощепков; «Послание Иакова» – священник М. Пономарёв; «1, 2 и 3 послание Петра» – священник С. Подгорбунский с причтом; «1, 2 и 3 послание Иоанна и Иуды» – священник М. Трифонов с причтом; «1-ое послание Коринфянам» – священник амгинский И. Винокуров и баягантайский священник А. Попов с причтом; «2-ое послание Коринфянам» – нюрбинский священник В. Попов с причтом и удский священник М. Попов; «Послание к Галатам» – сунтарский священник И. Охлопков с причтом; «Послание к Ефесянам» – борогонский священник А. Габышев с причтом; «Послание к Колоссянам» – борогонский священник И. Попов и амгинский священник И. Конюхов с причтом и чурапчинский причт; «1 и 2 послание Солунянам (Фессалони-

кийцам)» – соборный А. Иванов и преображенский диакон Ф. Попов; «1 и 2 послание к Тимофею» – вилюйский священник Н. Винокуров и диакон Е. Винокуров; «Послание к Титу» и «Послание к Филимону» – синский священник П. Жезлов и амгинский священник П. Дьячковский, олёкминский священник А. Соколов с причтом; «Послание к Евреям» – богородский священник Д. Винокуров, диакон Н. Винокуров [6, с. 38–39]. Кроме того, благочинными Д. Хитровым и Н. Запольским были переведены утренние и вечерние молитвы, а также некоторые места божественной литургии.

Все переведённые книги по указу Синода было решено печатать в Московской синодальной типографии. В 1857 г. по предписанию святителя Иннокентия в Москву отправляют протоиерея Д. Хитрова как корректора печатаемых якутских переводов. *«Наконец при помощи Божией мы собрались печатать наши якутские переводы Священных книг. Податель сего письма протоиерей Д. Хитров – один из моих сослуживцев в Якутске... – может рассказать всё, как составитель Якутской грамматики»* [9, с. 142], – писал Иннокентий графу А. Н. Муравьёву.

Кто же такой протоиерей Хитров? Димитриан Васильевич Хитров или архиепископ Дионисий – это по праву эпохальная личность для истории Якутии. Его имя заслуженно стоит наравне с именами наиболее значимых миссионеров и исследователей Сибири и Дальнего Востока. Ученик и соратник святителя Иннокентия, прослужив в Якутском крае сорок три года (1841–1884), он достойно и совестно нёс миссию проповедника. Совершая продолжительные и опасные миссионерские путешествия по Якутии, он обращал в православие десятки тысяч людей. Для общения с местным населением изучил якутский язык, научился правильно произношению. Под патронажем святителя Иннокентия Д. Хитров составил «Якутско-русский букварь» и «Краткую грамматику якутского языка». Впоследствии также стараниями святителя он станет первым епископом самостоятельной Якутской и Вилюйской епархии с именем Дионисий. Якутская епархия обязана ему открытием 36 новых церквей, приходов и церковно-приходских школ, Епархиального комитета православного миссионерского общества и епархиальной библиотеки [6, с. 35–36].

Итак, в Московской Синодальной типографии 1857–1858 гг. были отпечатаны: «Священное Евангелие» (в двух изданиях), «Апостол с книгою Бытия», «Божественная литургия свя-

того Иоанна Златоуста и Требник», «Канонник», «Часослов с Псалтырью», «Указание пути в Царстве небесное и поучения на якутском языке», «Краткая грамматика якутского языка», «Якутско-русский букварь» [там же, с. 37–38]. Всего 9 изданий. Сохранившиеся экземпляры бережно хранятся в фонде Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

Закономерным результатом плодотворного труда церковнослужителей явилось начало богослужения на якутском языке. 19 июля 1859 г. в Якутском кафедральном соборе впервые была совершена Божественная литургия на якутском языке. Святитель Иннокентий лично читал молитву. Вот что он пишет по этому случаю: *«Наконец столько лет продолжавшееся дело перевода некоторых священных книг на якутском языке совершенно кончено, и 19 числа сего июля в первый раз была отправлена литургия на сём языке... Отныне дозволяется отправлять литургии, бдения, а также читать Псалтырь и поучения на якутском языке по новонапечатанным книгам по всем церквям и часовням Якутской области»* [7, с. 105]. Вдохновленные нововведением головы якутских улусов обратились к архипастырю Иннокентию с прошением о том, чтобы день первого богослужения на якутском языке, т. е. 19 июля, был праздничным.

Святителем во время пребывания в Якутии (1853–1860) было дано благословение на возведение 20 храмов с привлечением к строительству местных мастеров. Он благоустроивал приходы, открывал церковно-приходские школы. Особое значение святитель Иннокентий придавал строительству часовен, благодаря чему они стали появляться почти во всех населённых пунктах. Якутская земля удостоилась чести пребывания святителя и сохраняет бережно передаваемую из поколения в поколение память о нём [10, с. 142].

В период деятельности святителя Иннокентия на Дальнем Востоке он посетил и описал тунгуско-маньчжурские народы, а также корейцев... как выдающийся учёный и просветитель внёс существенный вклад в исследование палеоазиатских (алеуты, эскимосы, юкагиры, чукчи, коряки, ительмены), тунгусо-маньчжурских (эвенки, эвены, нанайцы, нивхи, ороки, орчи, удэгейцы) и тюркских (якуты) народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России [11, с. 75.]. Ещё со времен миссионерской деятельности в колониях Российско-американской компании святитель Иннокентий всей силой стремился

нести в отдаленные края лучшие достижения европейской науки и культуры. Он стремился образовать свою паству не только духовно, но и душевно, интеллектуально. Так, святитель Иннокентий на всех местах своего служения создавал школы, составлял учебники и сам занимался преподаванием церковных и светских дисциплин, а также ремёсел. Для православной миссии школа стала заботой первой важности, ибо, по словам святителя Иннокентия, *«школа есть преддверие церкви»* [12].

Благодаря его подвижнической деятельности у доселе бесписьменных народов – якутов и алеутов появилась грамматика и букварь, на основе которых переводились и печатались религиозные книги. Грамматику алеутско-лисийского языка он создал сам. Кроме того, святитель Иннокентий является автором нескольких

научных трудов, среди которых – фундаментальная трёхтомная монография «Записки об островах Уналашкинского отдела», «Замечания о колошском и кадьякском языках и отчасти о прочих наречиях в Российско-Американских владениях, с присовокуплением Российского словаря», «Нечто об Амуре», многочисленные статьи и заметки по истории, этнографии, лингвистике, минералогии, флоре и фауне Сибири, Дальнего Востока России и Аляски.

И завершить мне хотелось бы высказыванием известного русского писателя И. А. Гончарова. По его словам, Преосвященный Иннокентий – *«...крупная выдающаяся личность. О нём писали и пишут много, и много будут писать, – и чем дальше населяется, оживляется и гуманизируется Сибирь, тем выше и яснее станет эта апостольская фигура»* [13].

1. Избранные труды святителя Иннокентия, митрополита Московского, апостола Сибири и Америки / [сост. протоиерей Б. Пивоваров]. Новосибирск : Изд-во Православ. гимназии во имя преподоб. С. Радонежского, 1997. 367 с.
2. Барсуков И. П. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М. : Фирма Алеся, 1997. 840 с.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2-е. [1825–1881]: в 55 т. СПб., 1841. Т. 15. Отделение первое. С. 842. Инв. № 53.
4. Громов Прокопий, (Протоиерей). Историко-статистическое описание камчатских церквей: слова и речи / отв. за вып. А. И. Белашов. Петропавловск-Камчатский : Скрижали Камчатки, 2000. 261 с.
5. Ефимов А. Б. Роль святителя Иннокентия (Вениаминова) в освоении территорий России // Humanity space International almanac. 2021. Vol. 10, № 6. Р. 730–736. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-svyatitelya-innokentiya-veniaminova-v-osvoenii-territoriy-rossii/viewer>.
6. Гуляева Е. П. Книга в Якутии (1812–1916) / [отв. ред. С. В. Максимова; библиогр. ред. А. Ф. Фёдорова]; Нац. б-ка Республики Саха (Якутия). Якутск, 2004. 207 с.
7. Степанова Н. С. Просветительская деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутии // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2021. № 9–10. С. 103–108. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prosvetitelskaya-deyatelnost-svyatitelya-innokentiya-veniaminova-v-yakutii/viewer>.
8. Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: в 12 т. СПб., 1899. Т. 7.
9. Барсуков И. П. Памяти Дионисия, епископа Якутского и Вилюйского, а затем Уфимского и Мензелинского. СПб., 1902. 148 с.
10. Юрганова И. И. Святитель Иннокентий (Иван Евсеевич Попов-Ангинский-Вениаминов): 225 лет со дня рождения // Якутия–2022: календарь знаменательных и памятных дат / сост. П. П. Горохов; ред. Э. М. Максимова; отв. за вып. С. В. Максимова. Якутск, 2022. С. 140–143.
11. Петров А. А. Православие как фактор сохранения этнокультуры народов Дальнего Востока // Христианство на Дальнем Востоке: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Хабаровск, 19–21 сент. 2006 г. Хабаровск, 2006. С. 74–79.
12. Никанор (Лепешев). Характерные черты православной миссии на Дальнем Востоке // Православный Хабаровск: офиц. портал Приамурской митрополии: [сайт]. Режим доступа: <http://pravkhabarovsk.ru/blog/harakternye-cherti-pravoslavnoi-missii-na-dalnem-vostoke/>.
13. Русское обозрение: [журнал]. 1891. Янв. С. 11–12.

А. А. Каргопольцев
ВТОРАЯ ШВЕДСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РЕНЕ МАЛЕЗА
НА КАМЧАТКУ 1924–1930 гг.
НОВЫЕ ЛИЦА

Аннотация. Новые данные о работе второй Шведской экспедиции на Камчатке в 1924–1927 гг. Представлены сведения об участниках, хронологии событий, маршрутах передвижения по Камчатке. По материалам архивов Шведского национального музея, музея этнографии, где хранятся документы Карла Шеблома и Рене Малеза, участников экспедиции.

Ключевые слова: история, географические экспедиции, Шеблом К., Малез Р., Нордстрём Э. Б., Швеция, Камчатка, п-ов.

«Трудно поверить, что это написала шведка: “Камчатка – это самое замечательное место на земле, нигде нет жизни такой, как там, полной радости и счастья существования,” – Эстер Бленда Нордстрем. В селе Ключи её звали Елизаветой Даниловной» (цитата от Ирины Перссон из Союза русских обществ в Швеции).

История Шведской экспедиции Стена Бергмана на Камчатку в 1920–1922 гг. долгое время была очень неоднозначной. Многие материалы свидетельствовали о том, что она не закончилась в 1922 г., а продолжилась почти до 1930 г. В частности, сам Стен Бергман писал в своих заметках: «Печальным было то, что мы не встретились здесь с товарищами. Малез оставался в центре Камчатки, ещё на несколько лет притянутый магнетической силой этой земли» [1; 2, с. 14].

Но выпуски камчатских газет того времени однозначно свидетельствовали о том, что 5 членов экспедиции отбыли с Камчатки в сентябре 1922 г. Три члена Шведской естественно-научной экспедиции: Дагни Бергман, Стен Бергман и Эрнст Хедстрём на пароходе «Кобе-Мару» отбыли из Петропавловска в Японию 18 сентября 1922 г., а супруги Эрих и Эльси Хультен – 26 сентября на судне «Хакухо-Мару». Встретившись в Японии, они прибыли вместе в Швецию 9 января 1923 г. То есть первая Шведская экспедиция работала на Камчатке три лета и две зимы, с 14 июня 1920 г. по 26 сентября 1922 г.

На Камчатке остался лишь один член этой экспедиции – энтомолог Рене Малез. Но и он осенью 1923 г. отбыл в Японию. Несмотря на это в интернете стали появляться его авторские фотографии, сделанные на Камчатке в 1924–1929 гг.

Кроме того, в 2000 г. был опубликован перевод интереснейшей книги шведской путешественницы Эстер Бленды Нордстем «Деревня в тени вулкана», в которой она описывала события, происходящие на Камчатке в с. Ключи

в 20-гг XX в. [3]. Но она не была членом экспедиции Стена Бергмана. Так кто же она, когда и как оказалась на Камчатке?

Эти вопросы вставали и перед третьей шведско-русской экспедицией «По следам Стена Бергмана», организованной в 2001 и 2002 гг. шведской журналисткой Леной Хаглунд. Но ответить на них тогда не удалось. О работе третьей экспедиции было рассказано в газете «Новая Камчатская правда» [4; 5].

Поиски продолжались. В 2014 г. Шведский национальный музей размещает на своём сайте 7 альбомов с документами и фотографиями неизвестного ранее инженера Карла Шеблома (Carl Sjoblom), а также Рене Малеза [6]. Разыскать их удалось только в 2022 г. Перевод этих материалов со шведского языка был осуществлён с помощью программы «Яндекс-Переводчик», поэтому в нём возможны некоторые неточности. Тем не менее, даты и основную последовательность событий удалось восстановить.

На основании данных документов можно сегодня однозначно утверждать, что в период с 1920 по 1930 г. на Камчатке было две экспедиции шведов, а Рене Малез был участником и первой, и второй экспедиций. Более того, он был инициатором, организатором и руководителем второй Шведской экспедиции на Камчатку. Почему же так произошло, кто были членами этой второй экспедиции? В найденных документах есть ответы на данные вопросы.

История второй Шведской экспедиции и действующие лица

В период с апреля 1924 г. по 1927 г. в нескольких шведских газетах стали появляться путевые письма инженера Карла Шеблома, в которых он довольно детально описывает начало его путешествия с Рене Малезом на Камчатку [6, р. 26, 50].

12 декабря 1924 г. газета «Falu Kuriren» («Курьер Фалу», шведская местная газета, издаваемая в г. Фалуне, Швеция. – А. К.) публикует полевые заметки Карла Шеблома «По дороге на Камчатку» из Москвы [6, р. 42]. В заметках сообщается, что едет он вдвоём с Рене Малезом, путь их должен пролегать от Москвы поездом до Владивостока (14 дней), далее морем в Японию, а затем морем на Камчатку. Весь путь должен занять один месяц.

Далее следуют ещё 22 публикации, которые начинаются 5 февраля 1925 г. и заканчиваются 14 апреля 1926 г. Несколько заметок проходят под заголовком «Печально известная Авантюрная экспедиция на Камчатку». Действительно, знакомясь с материалами этих публикаций, можно сделать вывод, что вторая экспедиция готовилась в спешке.

У Рене Малеза не было достаточно времени, а события развивались стремительно. После того как 5 членов первой Шведской экспедиции отбыли через Японию в Швецию, Рене Малез, оставшись на Камчатке, отправился в маршрут по окрестностям бухты Ольга в Кроноцком заливе. Там 3 февраля 1923 г. он пережил сильное землетрясение [7, с. 42–45]. Его землянка была разрушена, волной цунами смыло большую часть его снаряжения и дневников с записями, содержащими результаты исследований. До Петропавловска он сумел добраться только в конце июля 1923 г. Оставшись без фото- и видеоплёнки, фотопластинок и другого экспедиционного снаряжения, он принимает решение отправиться в Японию и приобрести там необходимые вещи [9, с. 67–69].

Прибыв в древний г. Камакуру на о. Хонсю, Малез вновь попадает под ещё более мощное, разрушительное землетрясение 1 сентября 1923 г. [8, с. 37–38]. (По масштабу разрушений и количеству пострадавших это землетрясение является самым разрушительным за всю историю Японии, погибло около 200 тыс. жителей. – А. К.). Опыт, приобретенный на Камчатке, помогает Малезу спастись. Наиболее сильно пострадали Токио и Иокогама. В такой обстановке что-либо быстро приобрести и вернуться на Камчатку стало невозможным. Он принимает решение ехать в Швецию, но мысль о продолжении исследований на Камчатке не оставляет его.

Малез спешит и для реализации своих планов сразу приступает к формированию новой экспедиции. Ему нужно прибыть на Камчатку до наступления холодов. Он понимал, что одно-

му на Камчатке работать будет крайне сложно, а планы у него были большие. Он загорелся идеей создания на Камчатке соболиного питомника. Дороговизна меха этого зверька и огромный спрос соблазняли на создание фермы по выращиванию камчатского соболя в неволе. *«Этот прекрасный кусочек меха, который заставлял вас покрываться холодным потом, потому что он был одним из самых драгоценных в мире»* [6, с. 82]. Житель Камчатки Михаил Акимович Кириченко в 2001 г. рассказывал, как шведы в 1925 г. организовали на оз. Ключевском соболиный питомник, но в тот раз опыт не удался, животные разбежались [4].

Согласно плану Малеза, экспедиция должна была состоять из трёх человек: сам энтомолог Рене Эдмонд Малез (1892–1978), инженер Карл Оливер Шеблом (1895–1972) и журналист Эстер Бленда Элизабет Нордстрем (1891–1948). В поездку они должны были отправиться в начале мая 1924 г., но сразу возникло множество проблем, как финансовых, так и организационных. Выяснилось, что по новым российским революционным законам женщина-иностранка могла посещать Камчатку только в качестве законной жены участника экспедиции. Эстер Бленда была к тому времени не замужем, в визе ей отказали. По этой же причине ей отказали и в 1920 г., когда она пыталась попасть в состав первой экспедиции. Следует отметить факт, что в первой Шведской экспедиции было две пары молодожёнов: Стен и Дагни Бергман, Эрих и Эльси Хультен, для которых начало того путешествия стало медовым месяцем.

Решив финансовые вопросы, найдя спонсоров и заключив договора с известными шведскими СМИ, Малез и Шеблом принимают решение отправиться в путь вдвоём. После получения виз, 24 августа 1924 г. они покидают Стокгольм, через Финляндию и Ленинград 27 августа прибывают в Москву. Здесь путешественников ждёт первое разочарование, их багаж (20 мест) и деньги не прибыли, а поезд отходит уже завтра. Только 3 сентября они сумели продолжить свой 14-дневный путь на сибирском экспрессе через Читу до Владивостока.

Шеблом пишет: *«Мы проедем по самой длинной в мире железной дороге через страну, которая сейчас является предметом интереса всего мира, страну, к которой практически применяется коммунистическая доктрина, и мы останемся в одном из самых труднодоступных уголков Сибири, и там посвятим себя научным исследованиям»* [6].

Их багаж прибывает перед самым отходом поезда, Рене Малезу чудом удаётся договориться с работниками багажного вагона и загрузить 20 мест. После потери брони в купе первого класса они смогли получить места только в плацкартном вагоне третьего класса. Путешественники быстро сдружились с попутчиками и увидели всю послереволюционную Россию, бедную, разрушенную гражданской войной, но гостеприимную и непонятную.

«Ехать пассажиром третьего класса на жёсткой деревянной скамье через всю Россию и Сибирь, от Москвы до Владивостока, звучит не заманчиво». Но через пару дней он уже пишет: *«Мы все испытываем чувство единения, и когда поезд останавливается на станциях, мы следим за тем, чтобы посторонние не проникли и не украли наши вещи»* [6].

9–10 сентября в районе Байкала, перед Улан-Удэ, они попали под «пурган», сильную метель и резкое похолодание. В это время они оценили прелесть общего вагона – в нём было тепло, а в купе 1 класса пассажиры замерзли. Перед Хабаровском два пролёта двухкилометрового моста через Амур были взорваны, их поезд переправляли на другой берег на примитивном пароме в течение 6 часов. 15 сентября путешественники прибыли во Владивосток. Он встретил их теплом и обилием фруктов.

В процессе всего путешествия на поезде у них сложилось унылое впечатление о России. Они отмечают катастрофическую нехватку денег в регионах, разруху и бедность. Шеблом пишет: *«У шведов, которые долгое время находились в стране и были хорошо знакомы с условиями, был один и тот же пессимистический взгляд на возможность создания по-настоящему счастливой России на основе нынешней системы правления»* [там же, р. 42, 44].

Трудно себе представить, что у кого-то в той обстановке сложилось бы другое мнение. Ведь Россия только что пережила революцию и гражданскую войну. Тем не менее, сибирский экспресс еженедельно курсировал по полуразрушенной железной дороге через 40 туннелей и переправ. Шеблом отмечал, что условия поездки в нём были довольно комфортные, почти соответствовали европейским. Он продолжает писать: *«19-го утром мы прибыли в Цуругу в Японии».* Далее через Токио и Иокогаму они добираются до Хакодате на севере Японии. Через неделю путешественники отправляются из Хакодате на судне «Муроран-Мару» и, попав в двухдневный тайфун в Охотском море, 11 ок-

тября 1924 г. прибывают в Петропавловск-Камчатский.

И вот оно первое впечатление Карла Шеблома о Камчатке: *«Как раз на самом рассвете я увидел Камчатку. Это зрелище было чудесным. Оно стоило больше, чем вся тяжёлая работа во время поездки. Высоко над облаками ряд заснеженных вершин, освещённых первыми лучами солнца, сияют, как золотые с разными оттенками, которые нельзя описать или нарисовать»* [там же, р. 47].

Камчатский период второй Шведской экспедиции. Октябрь 1924 г. – июнь 1927 г.

Шведов сразу впечатлило обилие и качество пищи, которое им предлагали старые камчатские знакомые Рене Малеза. *«Редко какая еда смотрелась для меня лучше, чем та, которой угощали нас за ужином в гостеприимной семье Подпругиных. Это были дикие северные олени, горные бараны и лосось, деликатесы к ним, которыми уже больше недели мы наслаждались. А также диета, основными составными частями которой, по-видимому, были морские водоросли, осьминоги и другие моллюски. И, естественно, несолёный рис и деревянные палочки»* [там же].

Началась камчатская эпопея, знакомство с новыми чиновниками, согласование маршрутов, оформление вида на жительство, приобретение ездовых собак и нарт, усиленные тренировки по первому снегу.

12 декабря 1924 г. Камчатский губотдел ГПУ выдаёт им справку за № 353, разрешающую беспрепятственное перемещение по территории полуострова. Кроме этого, Карл Шеблом получает от Камчатского губернского земельного управления разрешение № 126 на право производства охоты, убоя зверей и птиц для научных целей сроком с 24 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. Разрешение затем продлевается (за исключением соболя) ещё на 1 год, т. е. до 1 октября 1926 г.

6 января 1925 г. в сочельник, накануне Рождества, путешественники выехали в Паратунку в гости на ферму к Стефану Стефановичу. Они уже купили две хорошие упряжки по 10 собак в каждой и теперь, в 40-градусный мороз, осваивали навыки управления собаками и восторгались природой: *«В вулканах Камчатки есть что-то особенное. Дать полностью точное описание их невозможно, их нужно видеть. Далеко на юге густой и могучий дым поднимается от Мутновского кратера. Чуть правее от него возвышается величественный Вилучинский. К северу, в нескольких милях от отеля, нахо-*

дятся вулканы *Корякская, Авачинская и Козельская сопки*. Первые две находятся в деле, посылая в небо столбы дыма. Всё это выглядит так привлекательно, и мы чувствуем, что в природе царит рождественский дух».

После горячего чая с хлебом, перед ужином, они принимают термальную ванну, оборудованную в деревянном сарайчике. На улице 40 градусов мороза, а в ванне – плюс 39 градусов. «Это было чудесное рождественское путешествие по пейзажам, впечатление от которого было более острым, чем от многих рождественских проповедей, которое подарило нам вечное счастье и радость, то, на что способна только природа» [6].

Тренировки завершены. Они отправляются в длинный, 800-километровый маршрут в центр Камчатки. В Ключах они арендовали дом, дальнейшие все путешествия совершали отсюда, используя с. Толбачик как перевалочную базу. В начале марта 1925 г. (вероятно, 3 марта), оставив в Толбачике запасное снаряжение и питание, они отправляются в ламутский (эвенский) табун к вулкану Анаун в верховье реки Уксичан.

Перед поездкой они долго решали, брать ли им проводника и дополнительные нарты, так как груза у них было очень много. Они планировали провести в эвенских табунах около месяца, а затем посетить корякские табуны, кочующие за перевалом ближе к западному побережью. Толбачинский каюр Кайдалов был очень хорошим кандидатом, но запросил большую цену, и шведы отказались. В результате чего их нарты оказались сильно перегружены. Попав в горную местность, собаки часто не могли вытащить повозки наверх. Приходилось часто разгружаться, поднимать груз частями, а после пурги искать старый след и топтать колею для нарт.

Всё это заняло дополнительно несколько дней, и когда они прибыли к месту, где должна была стоять юрта ламутов, то обнаружили, что табун перекочевал, а часть их вещей, которые все-таки согласился подвезти Кайдалов, развешана на деревьях. Кайдалов тоже уже уехал. Куда двигаться дальше, они не знали. Корм для собак заканчивался, но на следующее утро, 7 марта, предупреждённые кем-то ламуты нашли их, помогли подняться на плато и привели к новому стойбищу. Тут они поняли, что Кайдалов их не обманывал, а был прав [там же, р. 60, 94]. В табуне их принимал «король ламутов» Иван Маркович, угощая большим количеством чая

без сахара, свежеприготовленным несолёным мясом оленя и кусочками белого жира. «Выглядеть это роскошно».

Путешественники провели в табуне около 20 дней, перемещаясь от юрты к юрте. Изучали быт эвенов, снимали на фото и видео их танцы и гонки упряжек, постигали науку выпаса и охраны табуна от волков. Они собрали 14 больших коробок с этнографическими материалами и отснятой плёнкой. Шеблом пишет: «Нас везде принимали с распростёртыми объятиями, мы без труда получали оленьё мясо для ежедневного корма собак. Мы заплатили табаком, мореными ножами и именно такими стеклянными бусами, о которых их женщины давно мечтали. Мы ходили на все их мероприятия и были очень популярны. В первой юрте я начал петь весёлые шведские песни с припевом “пой ла-ла, алло, ура”. После этого все ламуты, от самого большого до самого маленького, называли нас просто “Пой ла-ла”. Ламуты – умные, трудолюбивые и приятные люди. Их праздничные костюмы являются экстраординарными произведениями и свидетельствуют о вкусе и умении составлять цвета и узоры, которым позавидовал бы любой образованный художник... Мы привезли им несколько итальянских жемчужин, и восторг женщин был велик» [там же].

После серии пург и небольших пеплопадов появилась опасность быстрого схода снега, шведами было принято решение изменить маршрут и вернуться быстрее в с. Толбачик. В Козыревск дорога была короче, но там не было корма для собак. Ламут Серж, приехавший накануне с Толбачика, сказал, что нартовый след хороший, накатанный и добраться туда не составит труда. Но из-за новых снежных бурь выехать они смогли только через три дня.

Вот что произошло с ними на обратном пути: «Утром 4 апреля стояла необычайно прекрасная погода. У нас был собачий корм на три-четыре дня, и мы отправились в лучшем настроении... Возможно, что у собак было какое-то чувство опасности, так как они не хотели покидать табун и стартовая команда их не волновала. Ночью началась пурга. 5 апреля снежная буря продолжалась с неослабевающей силой. Нарты и собак занесло снегом, и не было другого выбора, кроме как лежать неподвижно и надеяться, что палатка выдержит. Я сделал себе пару самодельных снегоступов из ивовых прутьев, которые пригодились позже. 6 апреля мы смогли продолжить путь. Погода снова была как нельзя лучше. Возвращаться к ламутам за

дополнительной едой мы не сочли нужным, так как уже сегодня мы должны были добраться до того места, где оставили часть своих вещей. Теперь у нас есть прекрасная возможность полюбоваться необычайно великолепным горным миром Камчатки, покрытым белым снегом, который ослепляет глаз в лучах солнца. Здесь вы найдёте высокие равнины, горы, вулканы и долины в дикой местности. Насколько хватает глаз, не видно ни одного живого существа, и пейзаж кажется почти стерильным. Однако через несколько часов, когда разыгрывается снежная буря, всё меняется. Потом снова Сибирь. Сибирь, которую боятся все. В полдень мы спустились в долину по нашей старой дороге. Даже здесь выпало много снега, и мы теряем след. Однако в любом случае можно найти подходящий вариант. Собаки с трудом его улавливают, и мы медленно продвигаемся вперёд...

Вершины вулканов, однако, не одели «шапки» и, следовательно, не предвещали никакой бури, воздух вокруг нас также был кристально чистым. Но к концу ночи уже не было никаких сомнений в том, чего ожидать. Сегодня вечером будет ещё одна снежная буря. Было решено работать как можно дольше и попытаться достичь перевала, где было доступно топливо и защита от ветра. В полночь мы нашли подходящее место для палатки. Однако в темноте мы не нашли ничего, кроме нескольких палочек, которых едва хватило для приготовления чая. Однако мы должны довольствоваться этим. Собакам тоже достался жалкий ужин, потому что собачий корм почти закончился...

Утром 8 апреля я проснулся рано. Палатка казалась такой странно серой и непрозрачной. Если прошлой ночью выпало так много снега, то что это был за снег, который ворвался в щели в отверстии палатки? Снег был чёрным. Я смотрю в окно. Весь ландшафт изменился. Он был чёрный, как сажа. Горы и холмы, которые позавчера были белыми и прекрасными, облачились в траурные одежды. Это был пепел с вулкана Ключевская сопка, расположенного примерно в 15 милях отсюда. Пепел хуже всех снежных бурь, он смешивается со снегом и оседает под деревьями толстым слоем, прилипает к полозьям и тормозит движение, утомляя людей и животных. С этого момента мы поняли, что речь идёт о наших жизнях. Тем не менее, мы отправились в путь с большим мужеством. Один из нас шёл впереди и набивал след. Другой соскребал полозья нарт и перегонял собачьи упряжки на 15–20 метров, насколько это было возможно.

Дальше опять был дециметровый слой снега и пепла. И всё повторяется» [6, р. 94, р. 105].

«Мы медленно движемся вперёд. Мои снегоступы слишком малы, и с каждым шагом я проваливаюсь по колени. Прошло больше половины дня, а мы так и не проехали несколько километров. Собаки измучены, еда кончилась, а поскольку до нашей кладовой было ещё далеко, мы поняли, что продолжать путь с нашим тяжёлым багажом невозможно. Что-то должно быть принесено в жертву. Мы зарыли багаж в кучу на снегу в надежде уберечь от хищников. Посреди ночи мы, наконец, нашли небольшую берёзовую рощу, где мы могли бы переночевать. В тот день мы прошли не больше полумили и были измотаны. 9 апреля погода была немного лучше...

Сегодня мы должны попытаться преодолеть равнины и подняться в горы, где лес может обеспечить слабую защиту от ветра. Вечером мы добрались до леса и разбили палатку. На следующий день оказалось, что мы потеряли след, что дальше идти на нартах было невозможно. Мы собрали остальной багаж, кроме спальных мешков, жира и чая, и спрятали остатки снаряжения на дереве. Мы слишком устали, чтобы продолжать путешествие... и поэтому решили остановиться на денёк отдохнуть и приготовить последние куски мяса.

11 апреля мы вновь начали наш поход к подножию горы, по нашим следам идут 10 собак. Остальные предпочли остаться, а не продолжать утомительную прогулку. Утром 18 апреля мы, наконец, увидели первый проблеск реки Камчатка. В нескольких километрах ниже находилось село Средне-Камчатск. Последние 7 дней мы питались только оленьим жиром, подаренным нам женщинами-ламутками. Мы топили его в чае и пили, пока он не остывал. Без этого мы, вероятно, уже ушли бы из жизни после этой прогулки. Из наших более 250 килограммов тяжёлого багажа теперь не осталось ничего, даже спальных мест, которыми тоже пришлось пожертвовать в последний день, они были слишком тяжёлыми. Самый красивый вулкан в мире тщательно выполнил свою работу.

В деревне Средне-Камчатск нас приняла гостеприимная русская семья, которая заботилась о нас наилучшим образом. Испытывая невыразимое чувство благодарности, мы улеглись в настоящую постель и надеялись, что скоро придёт весна с солнцем, теплом и Kirumtja (возможно, это черемша. – А. К.), как лекарством от уже начавшейся цинги» [там же, р. 106].

Полтора месяца спустя (примерно в конце мая) отдохнувшие путешественники смогли вернуться на то место, где был оставлен их драгоценный груз. К счастью, ни медведь, ни росомаха здесь не появлялись. Из десяти собак только одна была жива, хотя и очень слаба. Нарты были разломаны на куски, упряжь и ремни съедены собаками.

8 июля 1925 г. Усть-Камчатским революционным комитетом НКВД Карлу Шеблomu было выдано удостоверение о том, что он сдал билет № 257, выданный Камчатским губревкомом, об оформлении российского вида на жительство.

11 июля 1925 г. Шеблом даёт телеграмму из Петропавловска в г. Orrefors в Швецию: «Шведская экспедиция в настоящее время находится на Камчатке» [10, р. 8, 114].

Вероятно, несколько ранее, понимая необходимость в третьем члене экспедиции, желательность женщины, а также учитывая страстное желание Эстер Бленды попасть на Камчатку, Рене Малез соглашается на её предложение о заключении фиктивного брака. Она должна была прибыть на Камчатку в начале июля из Японии. Но в августе она ещё находилась в Китае и отправляла оттуда заметки в шведский журнал, который писал: «Эстер Бленда Нордстрём, которая в настоящее время путешествует на восток, еженедельно отправляет интересные отчёты о беспокойной в настоящее время стране» [6, р. 106].

29 мая 1925 г. Шеблом даёт телеграмму из Усть-Камчатска в Orrefors следующего содержания: «Hetreser jinejini via sibirien bed bergslagen halla platsen oppen stop ordna forsakrinden telegrafera tusen rubel ust kamshatsk via kullager och sexhundra yen nichiro gyogyo hakodate». Перевод: «Сюда (т. е. на Камчатку) едет “JiniJini” через Сибирь. Попроси “Bergslaget” (это какая-то шведская ж/д компания в Falun. – А. К.) держать место открытым. Организуй страховку. Телеграфирую тысячу рублей в Усть-Камчатск через kullager и 600 иен в Японию, г. Хакодате, отель “GyoGyo”».

Поскольку телеграмма от 29 мая 1925 г., то «ДжиниДжини» – это, возможно, Эстер Бленда, которую так называли участники экспедиции между собой. Ведь где-то в это время она и начала собираться на Камчатку.

В конце августа 1925 г. Эстер Бленда Нордстрем прибывает в Петропавловск-Камчатский в качестве невесты, а 29 августа по Шёбергу, 31 августа по Хаглунд, или 5 сентября по публикации в Швеции, они с Малезом заключают официальный брак.

21 сентября 1925 г. Усть-Камчатским волостным революционным комитетом НКВД Нордстрём Эстер Бленде Елизовет было выдано удостоверение о том, что она сдала билет № 40, выданный Камчатским губревкомом, об оформлении российского вида на жительство. После этого ей дают вид на жительство в Ключах. Таким образом, завершилось полное укомплектование состава второй Шведской экспедиции.

4 января 1926 г. пришла телеграмма из Фалуна (Швеция) в Козыревск – Ключи Карлу Шеблomu: «Maarshalsning fraan fosterjorden otzh arkived groenblat Berlin hallenberg amers herstroem dalberg ahlgren mellerborg sigrif zarl stoom nebelund stemberg olunel lindstrom andershon hybinette stumsnir erikshon Soderbaum edeind hedlung».

Судя по этим телеграммам и фотоматериалам альбомов 2–7, после приезда Эстер, большую часть времени с октября 1925 г. по июнь 1927 г. путешественники проводят в районе с. Ключи. Здесь они плотно изучают быт ительменов, ездят с ними на охоту и рыбалку, на заготовку сараны, участвуют в жизни села, собирают коллекции, пытаются разводить соболей. Но неожиданная телеграмма прерывает их пребывание на Камчатке.

11 мая 1927 г. Шеблomu в Ключи приходит телеграмма из Orrefors (Швеция) о необходимости возвращения: «For eventual refillment of yosr employment by bergslaget most important for you to return as soon as possible. Wire when you expect to be back in Sweden. Gunnar».

Перевод: «Для окончательного уточнения вашего трудоустройства в bergslagen наиболее важно, чтобы вы вернулись как можно скорее. Телеграфируйте, когда вы рассчитываете вернуться в Швецию. Гуннар». (Музей Бергслagens – один из старейших промышленных музеев в Швеции, был открыт в 1922 г. в Фалуне крупной горнодобывающей компанией Stora Kopparbergs Bergslags Aktiebolag. – А. К.).

9 июня 1927 г. секретарь сельсовета с. Ключи Копылов заверяет подпись Рене Малеза. Эстер Бленда навсегда прощается с деревней в тени вулкана, с селом Ключи.

11 июня 1927 г. Рене Малез получает в Ключах или в Усть-Камчатске телеграмму из Петропавловска о предоставлении фильмов в ГПУ для получения разрешения на их вывоз за границу. После этого Карл Шеблом и Эстер Бленда покидают Камчатку.

С 30 июня по 2 июля 1927 г. Карл Шеблом

и Эстер Бленда Нордстрем проживают в гостинице «Версаль» во Владивостоке. Они снимают два номера стоимостью 5 руб. 10 коп. в сутки. 17 июля 1927 г. Карл Шеблом, вероятно вместе с Эстер, пересекает границу РСФСР и прибывает в Швецию [10, pp. 14, 99, 102, 106, 110, 112].

Рене Малез вновь остаётся на Камчатке и, вероятно, уже в Елизово организует новый соболиный питомник, так как опыт в Ключах не дал результатов. В 1929 г., судя по гербарной этикетке на фото «Козья ива. 14.08.1929 г.» – «Елизово, около соболиного питомника R. Malaise», шведский путешественник и предприниматель ещё не выехал с Камчатки.

Шведский биолог, журналист и писатель, Фредрик Шёберг тщательно изучал биографию Рене Малеза, многие факты его жизни, в том числе о его непростых отношениях с Эстер Блендой и Стеном Бергманом. Эти материалы он отразил в своей книге «Ловушка Малеза, или О счастье жить в плену необычной страсти, мухах и причудах судьбы» [9].

Вот что он писал о заключительном периоде жизни Малеза на Камчатке: «Мне удалось обнаружить лишь одно письмо, написанное Малезом в декабре 1927 г. и адресованное одной из его тётушек (в это время он заведовал советской соболиной фермой в деревне Елизово неподалеку от Петропавловска): «Двести пятьдесят рублей в месяц при том,

что от меня требуется только разгуливать, изображая начальника, и раздавать указания... Не думай, что мы с Эстер Блендой расстались как-нибудь не по-доброму, напротив, я почти уверен в том, что она сюда вернётся». Но она не вернулась. В 1929 г. они развелись» [там же, с. 71] (по другим источникам, они развелись в 1927 г. – А. К).

«Возможно, возникало слишком много бюрократических проблем. Его сохранившаяся советская трудовая книжка выдана в 1929 г. Она полна штампов и таинственных записей, а среди «чердачных» находок имеются также две потрёпанные, но читаемые справки, детально регламентировавшие отлов соболя, за счёт чего он временами жил. Я прекрасно представляю себе, что Малез, или «гражданин М.», как его именовали в документах, был не слишком доволен тем, что Управление сельского хозяйства Камчатской области связывало его по рукам и ногам. Он бросил свою затею и навсегда покинул тундру. Возможно, он просто уже сделал там то, что хотел... После нескольких месяцев интенсивной охоты на перепончатокрылых под Владивостоком летом 1930 г. Малез отправился на поезде в Стокгольм» [там же, с. 88–90].

С Камчатки Малез выехал в апреле-июне 1930 г. Так завершилась вторая Шведская экспедиция на Камчатку.

1. Bergman S. Kamtschatka. Stockholm : Bonniers, 1928.
2. Борисов В. И. Шведская научная экспедиция на Камчатке // Гордиться славою своих предков: материалы XXXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 9–14.
3. Нордстрём Эстер Бленда. Деревня в тени вулкана. Петропавловск-Камчатский : Камшат, 2000. 134 с.
4. Борисов В. И. По следам шведской экспедиции // Новая Камчатская правда. 2001. 20 сент.
5. Каргопольцев А. А., Борисов В. И. По следам Стена Бергмана. Дикая Камчатка спустя 80 лет // Новая Камчатская правда. 2002. 8 мая.
6. Архивные материалы шведского национального музея, музея этнографии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/F5O.SjoblomParm1/mode/2up> и <https://archive.org/details/swedishnationalmuseums?query=Carl+Sjoblom>.
7. Малэс Ренэ. В стране охоты и вулканов: путешествия и приключения на Камчатке. Хабаровск; Благовещенск : Книжное дело, 1928. 69 с.
8. Вердел Х., Таэгер А. Жизнь Рене Малеза: от дикого востока до затонувшего острова / пер. Л. А. Абрамян // Всеобщее богатство человеческих познаний: материалы XXX Крашенинник. чтений, Петропавловск-Камчатский, 2013. С. 35–43.
9. Шёберг Фредрик. Ловушка Малеза, или О счастье жить в плену необычной страсти, мухах и причудах судьбы. М. : Астрель, 2011. 318 с.
10. Архивные документы и справки второй Шведской экспедиции на Камчатку 1924–1927 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/F5O.Sjoblom.parm2Images/page/n17/mode/2up>.

А. И. Кириллова

ЛИКБЕЗЫ НА КАМЧАТКЕ В 1920–1950-х гг.: ФОРМЫ И ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Аннотация. Из истории организации и функционирования ликбезов на севере Камчатки в 1920–1950-х гг. Подробно рассмотрены такие формы организации, как культбазы, их структура, кадровый состав, особенности работы с кочевым населением. По материалам архивов Дальнего Востока и Камчатки.

Ключевые слова: история, безграмотность, малограмотность, ликбез, культурное строительство, культбаза, коренные народы, Камчатка, п-ов.

Камчатка – один из труднодоступных регионов страны, как на современном этапе развития, так и в период становления и укрепления советской власти и первых социалистических преобразований. Следует отметить, что в начале 1920-х гг. Камчатка обладала рядом особенностей, которые отличали её от центральных регионов страны:

- значительная роль частных инициатив купцов и торговых компаний в экономике региона, особенно в зонах с преобладанием кочевого населения. Причем купцы и торговцы были как русскими, так и иностранными [1];

- значительная численность иностранно-подданных: китайцы, корейцы и японцы, не имевшие гражданства Российской империи, а с 1918 г. РСФСР, и сохранявшие тесные связи с исторической родиной [2];

- преобладание туземного (коренного) населения над русским [3]. В начале 1920-х гг. доля коренного населения составляла 7/8, а к началу 1930-х – свыше 2/3. Всё это создавало языковой барьер между новой властью и основной массой жителей региона;

- незначительная численность рабочего класса на Камчатке [4], а также вовлечённость, в том числе и коренного населения, в трапперский промысел пушнины, ориентированный на рынок, то есть на продажу и перепродажу;

- сохранение кочевого и полукочевого образа жизни у коренного населения Камчатки, а также родового принципа управления, лишь частичной юрисдикции судов России (вопросы уголовных и государственных преступлений).

Таким образом, Камчатка для полной интеграции в формирующееся советское государство нуждалась в ускоренных преобразованиях. Однако ни административно-территориальные, ни экономические и социальные преобразования, ни реформы управления не могли происходить без активного участия или хотя бы несопротивления коренных жителей полуострова. В этих условиях особую важность при-

обретали преобразования в сфере культуры, так называемая «культурная революция».

Одной из ключевых её задач на Камчатке было преодоление языкового барьера, массовое научное, культурное и политическое просвещение туземного населения. Для подрастающего поколения и молодёжи таким инструментом реализации задач культурной революции было создание сети школ, введение всеобщего (обязательного обучения в школах всех детей старше 7 лет), вовлечение школьников в пионерскую и комсомольскую организации. Взрослое население уже не могло обучаться в школах, вечерних школ в кочевьях и удалённых районах не существовало, поэтому правительством РСФСР был создан иной инструмент вовлечения в культурную жизнь строящегося социалистического общества – ликбезы, курсы по ликвидации безграмотности и малограмотности.

Следует отметить, что в Российской империи грамотным населением считали тех, кто умеет читать, а в Европе – тех, кто умеет и читать, и писать [5]. Поэтому при работе ликбезов население делилось на категории: неграмотных и малограмотных, то есть умеющих читать и писать отдельные слова. Причём в среде самого коренного населения Камчатки понимающие русский язык и хотя бы фрагментарно читающие на нём уже считались образованными. Таких представителей коренных народностей советским властям представляли как грамотных и образованных, готовых к ведению административной работы. Однако в практической деятельности эти люди не всегда справлялись с поставленными задачами. Поэтому их дополнительное обучение также было одной из ведущих задач курсов по ликвидации безграмотности и малограмотности на местах.

Значительная часть жителей севера Камчатки к 1920-м гг. сохраняла кочевой образ жизни, у них не было оседлых населённых пунктов, поэтому ликбезы располагались при культбазах. Официальное определение гласит: «Культбазы

(культурные базы), форма обслуживания малых народностей Севера в 1920–1930-е гг., комплекс судебно-административных, просветительских, лечебных, производственных учреждений» [6].

Фактически они включали в себя целый комплекс культурно-бытовых учреждений: ликпункт (пункт ликвидации безграмотности и малограмотности), школу для детей с интернатом или юртами для размещения, школу политпросветработы (для обучения будущих работников районных исполнительных комитетов), больницу или фельдшерский пункт, ветеринарную лечебницу и ветеринарную лабораторию, жилые строения (так называемые заезжие дома) и бани. Однако от случая к случаю структура культбазы могла варьироваться.

Так, в своих статьях исследователь Л. В. Алексеева пишет, что «культбаза включала туземный совет, кооперативно-торговые организации, больницу с амбулаторией и врачебно-подвижным пунктом, школу-интернат, ветеринарно-зоотехнический пункт с бактериологической лабораторией и опытно-показательным оленьим стадом, продовольственный магазин, склады, дом туземца (клуб), радиостанцию, баню, дома для сотрудников, краеведческий пункт... Более экономичный вариант культбазы включал туземный совет, кооперативно-торговые организации, школу-интернат, медицинские и ветеринарные пункты, магазин и склады» [там же].

Таким образом, для культбазы ликпункт не был обязательным и структурообразующим элементом, кроме того курсы ликбезов на культбазах носили бессистемный характер и не могли решить проблему неграмотности и малограмотности кочевого населения.

Прибывавший на культбазу охотник или оленевод в первую очередь обменивал в фактории пушнину на товары первой необходимости (патроны, оружие, капканы, сети, чай и табак), реже обращался за медицинской или ветеринарной помощью. По расчётам учёных и властей, при перекочёвках представители коренных народностей на 1–3 недели заезжали на культбазу, где проходили медицинское обследование, смотрели фильмы, обучались новым ремёслам, прослушивали важную политинформацию и проходили курсы по ликвидации безграмотности и малограмотности.

Так как работа от случая к случаю была неэффективна, то существовала и разъездная форма работы с кочующим населением: Красные Яранги, Красные Полога, Красные Баты и реже Красные Лодки. Работники культбаз по-

сещали кочевья, стоянки и рыбалки, где проводили работу с населением. Однако работники культбаз, выезжавшие в табуны, кочевья и на рыбалки, также не могли обеспечить регулярность занятий по обучению чтению, письму и политпросветработе с кочевым населением. Так, на севере Камчатки в 1920–1930-х гг. функционировала лишь одна культбаза Корякская (Пенжинская), второй близлежащей к Камчатке была Восточно-Эвенская культбаза, но она на ликвидацию безграмотности и малограмотности на Камчатке оказывала незначительное влияние.

Таким образом, мы видим, что ликбезы при культбазах не были достаточно эффективны, поэтому уже в 1930-х гг. произошёл пересмотр форм организации и функционирования ликбезов, их стали прикреплять к создаваемым у коренного населения Советам. Каждый из формируемых и существующих Советов был обязан в 1930–1950-х гг. обеспечивать работу курсов ликбеза. Так, место ликбеза в культурной жизни населения определялось как решающее, ведь ликбез – это учреждение, «которое должно быть поставлено в центре всей политико-просветительной работы» [7, с. 14].

Ликбезы должны были служить ретрансляторами марксистско-ленинских идей и вести антирелигиозную пропаганду. Русский язык должен был стать основным языком преподавания. Как пишет Н. К. Крупская, он «должен быть центром преподавания в школе для взрослых, так как цель этих занятий – дать человеку возможность ясно, отчётливо понимать чужую речь, устную и письменную, следить за всеми изгибами мысли других людей, с одной стороны, с другой – дать ему умение самому точно, ясно, сильно передавать другим путём устной и письменной речи все свои многосложные мысли и чувства» [8, с. 2]. Язык должен выступить инструментом сближения людей. Эта роль отводилась русскому языку. Русский язык фактически являлся государственным языком РСФСР ещё согласно Конституции 1918 г. (никакие иные языки текстом Конституции не закреплены, а девиз закреплён на одном языке, на русском) [9].

Однако в практике своей деятельности ликбезы на Камчатке сталкивались с целым рядом трудностей. Для проведения курсов нацсоветами назначались штатные ликвидаторы и культармейцы из среды грамотных колхозников, они ежемесячно были обязаны отчитываться о проделанной работе перед сессиями нацсоветов. Сами культармейцы при этом были членами сельхозартелей, позже колхозов, поэтому,

прежде всего, были обязаны выполнять норму трудодней, а выезды в кочевья для проведения курсов ликбеза срывали их основную работу. Второй трудностью был поиск и подбор самих грамотных кадров для ликбезов: учителя малокомплектных школ были перегружены работой, а иногда и вовсе школы простаивали без учителей [10]. По этой причине в культармейцы вербовалось грамотное коренное население, которое, однако, само не всегда было таковым в действительности, о чём мы писали выше.

Несмотря на то, что советские власти ещё к 1927 г., к 10-летию Великой Октябрьской революции, хотели ликвидировать безграмотность, борьба с ней продолжалась даже в годы Великой Отечественной войны, а в некоторых районах Камчатки – даже после неё.

Так, в Соболевском районе курсы ликбеза проходили в 1952/53 учебном году [11], более того, отмечено, что коренное (в данном случае корякское) население не имеет возможности учиться, а работники Красной Яранги почти не бывают в табунах. В материалах протоколов сельсоветов Соболевского района отмечается, что культработники осенью привлечены к полевым работам (заготовка сена и кормов). Таким образом, и в 1952 г. полной ликвидации безграмотности среди коренного населения Камчатки не произошло. Лишь к 1956 г. из протоколов сельских советов исчезает вопрос организации ликбезов и обучения коренного населения.

В целом, можно отметить, что в 1920–1950-х гг. советская политика по реализации идей культурной революции и организации всеобщего обучения населения Камчатки была планомерной и поступательно достигала своих целей. Так, к концу 1950-х гг. обучение взрослого населения

грамоте завершилось, Красные Яранги, клубы и библиотеки стали центрами политпросветработы. Столь длительный процесс ликвидации безграмотности и малограмотности (в сравнении с центральными регионами РСФСР) объясняется как особенностями развития Камчатки, географическим положением территории, так и невысокой плотностью населения, практически полным отсутствием грамотного населения в зонах обитания кочевых этносов, сложностями с вербовкой кадров, а также особенностями организации ликбезов на местах.

Во многих районах так называемые культармейцы, то есть ответственные за проведение курсов, были членами артели/колхоза, поэтому имели плановые обязательства. Кроме того, сами колхозы в 1930–1950-х гг. привлекали культработников к экстренным сельхозработам (посевные и отельные кампании, заготовка кормов и дикоросов) и агитработам (активизация участия населения в госзаймах и денежно-вещевых лотереях, участие в соцсоревнованиях с другими артелями/колхозами). Отсутствие транспорта и/или переброска собак и лошадей на доставку почты или сельхозработы также осложняли выезды культармейцев в кочующие бригады для обучения взрослого населения. Помимо этого ликбезы Камчатки сталкивались с проблемой нехватки чернил и бумаги, прописей и букварей. Несмотря на все сложности ликбезы к концу 1950-х гг. выполнили поставленные перед ними задачи. Благодаря их работе коренное население Камчатки научилось читать и писать на русском языке, смогло понимать законы и нормативные акты советского правительства, узнало о своих правах, а также, став грамотным, приобрело возможность активного участия в работе Советов, то есть органов местного самоуправления.

1. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 3. Л. 55–56.
2. РГИА ДВ. Ф. Р-3138. Оп. 1. Д. 105. Л. 20.
3. Там же.
4. Там же. Ф. Р-1382. Оп. 1. Д. 34. Л. 10.
5. Миронов Б. Н. Развитие грамотности в России и СССР за тысячу лет. X–XX вв. Режим доступа: <http://annales.info/rus/small/gramotnost.htm>.
6. Алексеева Л. В. Культбазы (культурные базы) // Историческая энциклопедия Сибири. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/kultbazy_kulturnye_bazy_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.
7. Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. М.: Изд-во АПН. 1960. Т. 8: Библиотечное дело. Избы-читальни. Клубные учреждения. Музеи. 759 с.
8. Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. М.: Изд-во АПН. 1960. Т. 9: Ликвидация неграмотности и малограмотности. 749 с.
9. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всерос. съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>.
10. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-286. Оп. 6. Д. 1. Л. 37, 37об.
11. ГАКК. Ф. Р-574. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

О. А. Красникова

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ

Аннотация. О деятельности геолога, географа и палеонтолога И. П. Толмачёва как руководителя ряда значительных полярных экспедиций, в том числе Чукотской (1909–1910 гг.), инициированной Министерством торговли и промышленности для исследования возможностей создания Северного морского пути.

Ключевые слова: история, географические экспедиции, Северный морской путь, Толмачёв И. П.

Истории поисков, исследования и освоения Северного морского пути (СМП) посвящён громадный массив научной, научно-популярной, популярной и художественной литературы. Северный морской путь, Северный морской коридор – кратчайший морской путь между Европейской частью России и Дальним Востоком законодательством РФ определён как «исторически сложившаяся национальная единая транспортная коммуникация России в Арктике».

Среди основных этапов практического освоения СМП обычно выделяют три.

Первый – экспедиция А. Норденшёльда на барке «Вега» (1878–1879 гг.), отправленная на средства шведского короля Оскара II, банкира экспедиции О. Диксона и российского промышленника, мецената А. М. Сибирякова. Она впервые прошла весь маршрут СМП с запада на восток с одной зимовкой. Основным итогом экспедиции стало доказательство того факта, что все омывающие Сибирь арктические моря доступны для плавания на пароходах в определённый период года.

Второй – первое сквозное плавание в направлении с востока на запад с зимовкой у п-ва Таймыр, совершённое Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана под руководством А. И. Вилькицкого на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» в 1914–1915 гг.

Третий – первый проход по СМП за одну навигацию экспедицией О. Ю. Шмидта на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» в 1932 г.

Этим успешным, несмотря на все сложности, предприятиям предшествовали годы упорного труда многих людей, радеющих о развитии Сибири и всей России.

Среди них Иннокентий Павлович Толмачёв (1872, Иркутск – 1950, Cheswick, USA) – геолог, географ и палеонтолог, первый исследователь Кузнецкого Алатау (1898), руководитель Хатангской (1905), Чукотской (1909) и Семиреченской (1914–1916) экспедиций, исследователь геологии Северного Кавказа и Кольского полуострова (1917),

учёный хранитель Геологического и Минералогического музея Академии наук, автор трудов по палеонтологии и геологии, многие из которых стали классическими. Ссылки на работы Толмачёва встречаются в геологических отчётах и научных статьях, характеризующих районы Кузнецкого Алатау и Чукотки, Урала и Минусинской впадины, Главного Кавказского хребта и Черноморского побережья, Анабара и Русской платформ.

Главным местом приложения его сил была Сибирь, особенно её северные районы. Проведя много месяцев в экспедициях, он познакомился с жизнью местного населения и бедственным экономическим положением жителей этого богатого края. Как истинный патриот, был поборником развития Сибири и открытия северного мореплавания, сделав для этого всё, что было в его силах.

Гидрографические работы Морского ведомства в Северном Ледовитом океане, начавшиеся в 1894 г. и охватившие пространство от Кольского полуострова до устья р. Енисей, остановились из-за Русско-японской войны 1904–1905 гг. Отсутствие северной морской магистрали губительно сказалось на её результатах, когда из-за отсутствия транспортного сообщения с отечественным Дальним Востоком оказалось почти невероятным доставить сюда какие-либо грузы.

Позднее Толмачёв писал об этом: «Как известно, действующая армия базировалась на однопутной Сибирской железной дороге. Каждый солдат, каждая пуля, которую он выпускал на поле битвы, каждый бинт, которым перевязывались его раны, всё доставлялось по железной дороге из Европейской России. Железная дорога была перегружена до последней возможности военными грузами...» [1, с. 218–219].

Для экспедиции Министерства путей сообщения 1905 г., устроенной с целью разгрузить железную дорогу, торговые суда закупили за границей, в России их было недостаточно. Из 26 судов, направленных к Енисею, дошли 22, доставив около 600 тыс. пудов грузов, однако проход

судов даже в этой исследованной части Северного Ледовитого океана оказался сопряжён с определёнными трудностями. Далее, до Берингова пролива, побережье Ледовитого океана было не изучено. Более полутора веков назад лишь Великая Северная экспедиция 1733–1743 гг. нанесла на карту несколько мест. Берега Полярного бассейна (Восточно-Сибирского и Чукотского морей) к западу от Колючинской губы были обследованы Ф. Врангелем во время его экспедиции 1820–1824 гг., но детальная гидрографическая съёмка с тех пор так и не проводилась.

О возобновлении гидрографических работ в Морском ведомстве заговорили уже в 1906 г. Разработкой вопроса о значении Северного морского пути и возможности его осуществления занялась Комиссия при Главном гидрографическом управлении, в которую вошли А. И. Вилькицкий, Ю. М. Шокальский, А. Н. Крылов, Л. Л. Брейтфус, А. А. Бунге, И. П. Толмачёв, а также другие мореплаватели и учёные.

Эта комиссия в течение двух лет занималась подготовкой Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, перед которой ставился комплекс задач – кроме сквозного плавания вдоль берегов Сибири планировалось тщательное изучение условий плавания, оборудование его района средствами навигационного ограждения. Для этого необходимы были береговые исследования.

Тогда Толмачёв предложил использовать внутренние водные пути Северной Сибири, чтобы миновать самый сложный участок Северного морского пути – п-ов Таймыр. Для этого основные суда экспедиции могли производить общую опись берега, а детальную съёмку выполняли бы береговые партии: «Разделение труда таким образом, чтобы судно производило общую опись берега и занималось гидрографическими исследованиями, а детали изрезанной береговой линии были бы предоставлены береговой партии, значительно бы облегчило общую работу, увеличив в то же время и точность» [2, л. 50; 3, с. 291].

В вопросе о судах экспедиции Толмачёв придерживался мнения, что исследования должны проводиться на ледокольных судах небольших размеров с запасом угля, которые могли бы ломать лёд в 2–3 фута толщиной и пробиваться через ледяные перемычки. Это было принято во внимание при постройке первых железных ледокольных пароходов «Таймыр» и «Вайгач».

Толмачёв работал над проектом сухопутной Таймырской экспедиции из четырёх отрядов,

которая могла бы в 1909–1910 гг. описать побережье Таймырского полуострова. Но реализован был другой проект, автором и руководителем которого также стал Толмачёв.

В экспедиции, получившей название Чукотской, были сформированы два отряда. Западный отряд – для исследований между устьями рр. Колымы и Лены, а также восточный, занимавшийся изучением побережья от устья р. Колымы до м. Дежнёва.

В западный отряд под начальством геолога К. А. Воллосовича вошли военный топограф Н. А. Июдин, астроном Е. Ф. Скворцов. В восточный, руководимый Толмачёвым, – капитан корпуса топографов М. Я. Кожевников, астроном-геодезист Э. Ф. Вебер.

Оба отряда составляли Чукотскую экспедицию и находились под общим начальствованием Толмачёва. Начинались исследования восточного сектора Арктики – берегов Восточной Сибири, совершенно неизученных в гидрографическом и геологическом отношениях.

Сведения о гидрографических условиях в устье р. Колымы получила экспедиция 1909 г. Морского министерства под руководством Г. Я. Седова [4; 5, с. 93–105]. Толмачёв писал: «Эти самостоятельные сухопутные и морские исследования весьма ценно дополняют друг друга, и можно сказать, что, по крайней мере, до Колымы морской путь теперь известен довольно хорошо, и его доступность аттестуется с наилучшей стороны...» [6, с. 238].

Исходя из своего богатого опыта, он замечал: «Детали описи берега часто легче даются сухопутной экспедиции, и моряку не придётся тратить дорогое время на съёмку отдельных проливов, глубоко врезающихся бухт и т. п., раз это всё уже снято или снимается сухопутными путешественниками» [там же, с. 239].

Результаты работ были высоко оценены как российским правительством, так и научным сообществом. Географические и метеорологические сведения, полученные участниками Чукотской экспедиции, позволили сделать вывод о возможности плавания вдоль восточной части побережья Северного Ледовитого океана, в том числе из Владивостока до устья р. Колымы, где впервые работали в 1910 и 1911 гг. суда Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана – «Таймыр» и «Вайгач».

Первые практические результаты исследований не заставили себя ждать. Уже с 16 июля по 17 сентября 1911 г. контр-адмирал П. А. Троян, по поручению Министерства торговли и про-

мышленности, впервые прошёл из Владивостока в устье р. Колымы на обыкновенном купеческом транспорте «Колыма», принадлежавшем Добровольному флоту, доставив туда около 40 т казённого груза, продовольствия и продуктов первой необходимости.

Позднее Толмачёв на собственные средства издал описание путешествия своего отряда, приложив к нему новую карту побережья Восточной Сибири, – «По Чукотскому побережью Ледовитого океана: предварительный отчёт начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряжённой в 1909 году Отделом торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности».

3 декабря 1911 г. в Главном Гидрографическом управлении, в библиотеке Морского министерства состоялось торжественное заседание, посвящённое Северному морскому пути, на котором присутствовал морской министр, министр торговли и промышленности, а также их товарищи (заместители), члены Государственного совета и Государственной думы. По сообщениям в прессе, большой библиотечный зал был переполнен.

Заседание открыл А. И. Вилькицкий с докладом, в котором обрисовал историю плаваний в Северном Ледовитом океане с XVI в., появление первых карт, относящихся к арктическому мореплаванию [7]. Затем прозвучал доклад И. П. Толмачёва, в котором он подчеркнул значение Чукотской экспедиции, прямо связав её с работами Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана по отысканию Северного морского пути [8]. Далее – доклады контр-адмирала П. А. Трояна о плавании транспорта «Колыма» и лейтенанта Б. В. Давыдова о гидрографических работах «Таймыра» и «Вайгача».

Кроме того, Давыдов выступил с докладом на общем собрании Императорского общества судоходства. «Вся громадная территория Северной Азии, – говорил он, – принадлежит России, и в наших интересах упрочить здесь своё влияние. В результате работ экспедиции решилась сама возможность плавания северным путём! Вслед за этим да продвинутся вперёд и торговые сношения с нашим Севером. От этого непременно придёт та “великая польза”, которую гениально предвидел великий Пётр» [9].

8 марта 1912 г. Толмачёв доложил об итогах экспедиции на общем собрании Общества для содействия русской промышленности и торговле.

Доклады Толмачёва, посвящённые Северному морскому пути, как и все его работы, отличало глубокое знание предмета, историзм и взгляд на перспективу. Работавший в Хатангском крае, прошедший лично всё побережье Северного Ледовитого океана от устья р. Колымы до м. Дежнёва, Толмачёв в то время был, несомненно, лучшим и наиболее знающим специалистом среди российских исследователей Севера.

Основная мысль, которую Толмачёв хотел донести до слушателей: освоение и использование СМП для России – это путь к развитию экономики, серьёзному повышению благосостояния жителей Сибири и усилению безопасности страны.

В последней части доклада Толмачёв остановился на практических шагах, уже осуществляемых правительством для технического оборудования северного пути. Так, например, в Государственную думу был внесён законопроект об отпуске средств для устройства четырёх станций беспроводного телеграфа, которые должны были облегчить проход судов в Карское море.

Завершая доклад, Толмачёв высказал ряд пожеланий, которые способствовали бы развитию Северного морского пути и его использованию, и прежде всего, чтобы Морское министерство, с таким успехом исследовавшее путь из Европы к устьям Енисея и между Беринговым проливом и устьем Лены, продолжило бы свои исследования и на оставшуюся ещё неосвещённой часть между устьями рр. Лены и Енисея – вокруг Таймырского полуострова.

Кроме того, он вновь настаивал на осуществлении ряда мер по оборудованию Северного морского пути наблюдательными знаками, станциями и пр., продолжении работ по исследованию северных рек, в т. ч. Колымы, начатых Министерством путей сообщения, что способствовало бы развитию мировой торговли.

В это же время Толмачёв стал членом Комитета для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и исследования полярных стран. Комитет был организован в 1912 г. для подготовки экспедиции Г. Л. Седова к Северному полюсу. Основной его задачей был сбор средств для её проведения.

Председателем первого состава Комитета, получившего название «Седовского», был избран член Государственной думы, лидер Национальной партии П. Н. Балашев. Был выработан Устав, утверждённый 28 июля 1912 г. с Высочайшего соизволения министром внутренних дел. Комитет

получил название, которое расширяло его задачи и значение, – «Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию Русских полярных стран» [11]. Это ставило в его задачи не только снаряжение экспедиции Седова, но и вопрос по изучению Русского Севера.

Последний пункт Устава, который, в основном, был посвящён описанию порядка сбора и расходования средств, гласил: «Комитет прекращает свои действия по постановлению 2/3 всего состава Комитета. В случае прекращения действий Комитета капиталы и имущество по ликвидации дел передаются Имп. АН на предмет исследования Русского Севера» [там же, с. 6].

Состав членов комитета со временем изменился. Толмачёв значится в списке, опубликованном в 1914 г. [12, с. 16]. Комитет горячо откликнулся на открытия, сделанные экспедицией ГЭ СЛО: «Минувшим летом открыта капитаном 2-го ранга Вилькицким громадная территория, названная Землею Императора Николая Второго. Ввиду этого Комитет занимается, не покладая рук, популяризацией Русского Севера, чтобы русские люди узнали его, познали его богатства и сами взяли его в свои руки». С этой целью «уже подготовлены и подготавливаются к печати несколько популярных брошюр под общим заглавием “Северные полярные страны”, в которых описываются плаванья и открытия, сделанные главным образом нашими соотечественниками,

а равно иностранцами, изучавшими Русский Север» [там же, с. 3–4].

Значительно позднее, уже находясь во Владивостоке, где он в течение непродолжительного времени (до своего отъезда в США) работал в Дальневосточном геологическом комитете, Толмачёв опубликовал ещё одну статью о СМП – «Северный морской путь» (Русский Дальний Восток. Токио, 1921. № 4).

Вынужденный покинуть Россию, Толмачёв не оставлял мыслей о завершении работы. Уже во время работы в Питтсбурге, в Музее Карнеги, ему удалось договориться о подготовке и высылке ему машинописной копии его экспедиционного дневника, один из этих экземпляров сохранился в СПбФ АРАН. Эти материалы легли в основу книги, ставшей итогом его многолетней научной и практической деятельности, замысел которой он вынашивал долгие годы, – «Siberian Passage: An Explorer's Search Into the Russian Arctic» (New Brunswick: Published by Rutgers University Press, 1949. 238 p.).

Судя по сведениям, приведённым в некрологе на смерть Толмачёва, книга стала его последней публикацией [13]. С возобновлением в наше время активного интереса к Арктике «Siberian Passage» Толмачёва снова оказался на пике читательского интереса. В 2011 г. книга была переиздана [14], а в 2019 г. книга вышла третьим изданием [15].

1. Толмачёв И. П. Северный морской путь // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. 1913. Ч. 30. Отд. III. С. 217–247.
2. РГА ВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 6107.
3. Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан : Кн. изд-во, 1970. 368 с.
4. Седов Г. Я. Путешествие на Колыму в 1909 г. // Записки по гидрографии. Петроград, 1917. Т. XLI, вып. 2–3.
5. Красникова О. А. Колымская экспедиция Г. Я. Седова // Наука из первых рук. 2012. № 4 (46). С. 93–105.
6. Толмачёв И. П. Северный морской путь // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. 1913. Ч. 30. Отд. III. С. 217–247.
7. Вилькицкий А. И. Краткий исторический обзор гидрографических работ по исследованию берегов Северного Ледовитого океана: (сообщ. ген.-лейт. А. И. Вилькицкого, 3 дек. 1911 г.). СПб., 1911. [6] с.
8. Сообщение И. П. Толмачёва в библиотеке Морского министерства 3 декабря 1911 г. // СПбФ АРАН. Ф. 269. Оп. 3. № 6.
9. Шенталинский В. Берег гидрографа Давыдова // Вокруг света. 1979. № 12. С. 48–51. Режим доступа: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/5891/>.
10. Толмачёв И. П. По Чукотскому побережью Ледовитого океана. Предварительный отчёт начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряжённой в 1909 г. Отделом торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности. СПб. : Экон. тип., 1911. 117 с.
11. Комитет для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию полярных стран: [Устав, список членов]. СПб., 1912. 8 с.
12. Пояснительная записка и денежный отчёт. Полный список пожертвований, полученных Коми-

тетом [для снаряжения экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран]: составлен по 31 марта 1914 г. СПб., 1914. 71 с.

13. *Johnson H.* Memorial to Innokenty Pavlovich Tolmachoff (1872–1950) // Proceedings volume of the Geological society of America. Annual report for 1962. June, 1963. P. 147–154.
14. *Tolmachoff I. P.* Siberian Passage – An Explorer’s Search Into the Russian Arctic. Read Books Design, 2011. 248 p.
15. *Tolmachoff I. P.* Siberian Passage – An Explorer’s Search Into the Russian Arctic. Chicago : Borodino Books, 2019. 154 p.

И. В. Лисиенко

РУССКИЙ САМОРОДОК СТЕПАН ПЕТРОВИЧ КРАШЕНИННИКОВ

Аннотация. О деятельности С. П. Крашенинникова, участника академического отряда Великой Северной экспедиции, учёного, путешественника, исследователя Сибири и Камчатки, автора комплексного труда «Описание земли Камчатки», посвящённого её географии, естественной истории, описанию быта и языков местных народов.

Ключевые слова: история, наука, учёные, географические экспедиции, Великая Северная экспедиция, Крашенинников С. П., Камчатка, п-ов.

Со времени легендарного похода атамана Ермака «со товарищи» в землю Сибирскую Русское государство стало стремительно расти на восток. Присоединённые земли, которые простирались от Уральских гор до берегов Тихого Океана, обладали неисчислимыми природными богатствами, культурным многообразием малых народов Сибири. Все эти земли мало было пройти и присоединить к быстро растущему Русскому государству. Эти земли ждали своего исследователя, пытливых умов, которые будут изучать всё природное многообразие вновь открытого мира. Когда была открыта Российская академия наук, были приглашены для работы маститые зарубежные учёные, одним из них был академик Г. Ф. Миллер, написавший первую историю сибирской земли. Но очень скоро из недр русского народа родились люди, ставшие академиками и, наравне с приглашёнными учёными, поставившие русскую науку на недостижимую высоту. Первые русские академики были настоящими самородками. Одного из них, Михаила Ломоносова, знают все, но многие ли помнят второго русского самородка – Степана Крашенинникова?

На камчатской земле Степана Крашенинникова знают, пожалуй, все, так как наибольшую известность учёный приобрёл своим великим трудом, выпущенным уже после его смерти, «Описание земли Камчатки», а жизнь его была весьма интересной.

Первые годы. По просторам Сибири в составе академического отряда

К сожалению, данных об этом замечательном учёном и человеке очень мало. По большей части основным источником о жизненном пути С. П. Крашенинникова является его автобиография, написанная им в период между 25 февраля и 2 марта 1754 г. Сведения настолько краткие и неполные, что мы не знаем точно, когда он родился. Учёные до сих пор спорят, родился он в октябре 1711 или 1713 г. Можно толь-

ко утверждать, что Степан Петрович родился в семье солдата Преображенского полка в Москве. С 1724 по 1732 г. обучался в Московской Заиконоспасской школе (Славяно-греко-латинской академии). В эту же школу через семь лет поступит Михаил Ломоносов. Крашенинников получил хорошее знание латинского и греческого языков, а также общеобразовательную подготовку гуманитарного направления. После окончания школы в 1732 г. указом Правительствующего сената взят в числе других двенадцати выпускников школы в Академию наук в Санкт-Петербурге, где обучался по август 1733 г.

17 апреля 1732 г. был издан Высочайший указ об организации Второй Камчатской экспедиции под командованием В. Беринга. В истории эта экспедиция получит своё второе название – «Великая Северная экспедиция». Состав экспедиции был огромен, она состояла из семи отдельных отрядов. Отряды двигались по разным направлениям и выполняли свои задачи. Первые отряды отправились в путь в феврале 1733 г.

В качестве студента академии Степан Петрович был зачислен в штат Великой Северной экспедиции в так называемый «академический отряд» с жалованьем 100 рублей в год. Состав отряда был весьма знатным. Во главе его были поставлены профессор астрономии Л. Делиль де ла Кроер и профессор истории Г. Ф. Миллер. Указом 11 июня 1733 г. к ним был присоединён профессор естествознания И. Г. Гмелин, намечавшийся и ранее в состав экспедиции, но заменённый вследствие болезни Миллером. При них состояли живописец Беркхан (Johann Christian Berckhan), рисовальщик (в изданиях Академии наук XX в. указан как шрайбмейстер – учитель чистописания) Люрсениус (Johann Wilhelm Lürsenius), И. К. Декер, пять студентов: Степан Крашенинников, Фёдор Попов, Лука Иванов, Василий Третьяков, Алексей Горланов и академический инструментальный ученик Гаврила Кобылин.

В начале августа 1733 г. отряд выехал из Петербурга и уже 18 октября прибыл в Казань, где была организована метеорологическая служба. Присмотр за новой станцией и ведение наблюдений было поручено местному учителю Куницыну. В декабре метеорологические наблюдения были организованы в Екатеринбурге, в январе 1734 г. – в Тобольске, где академический отряд догнал Беринга.

Здесь отряды ненадолго разделились. 24 мая отряды продолжили путешествие и Де ла Кроер вместе со студентами Поповым и Ивановым отправились вместе с обозом Чирикова в Енисейск, а Миллер и Гмелин, освобождённые Берингом от подчинения ему, отправились на юг, вверх по Иртышу. Сделав короткие остановки в Таре, Омске и Ямышевской крепости, 26 июля академический отряд прибыл в мой родной город Семипалатинск, далее по приграничной дороге через Усть-Каменогорскую крепость достиг недавно открытых Колыванских медных заводов.

По пути учёные изучали флору и фауну, собирали коллекции редких растений, проводили геологические исследования. Миллер помимо архивной работы занимался археологическими раскопками, Гмелин – организацией метеорологических наблюдений. Далее путь отряда лежал через Кузнецк, Томск, Енисейск, Красноярск, Канск, Удинск, Балаханск. 8 марта 1735 г. отряд прибыл в Иркутск, где остановка была непродолжительной, и учёные вскоре отправились дальше.

В том же месяце отряд пересекает оз. Байкал, едет в Селенгинск, затем – в Кяхту, потом – назад к Удинску, на Еровинский и Читинский остроги, после чего на плотах по Ингоде и Шилке – в Нерчинск, куда они прибывают 15 июня. Последний участок пути Миллер описал так: *«Обширные луга, испещрённые прекрасными цветами, раскиданные холмы, чудесные долины, местами густые леса и под тенью их светлые ручейки или широко разливающиеся реки; многочисленные стада; гостеприимство и услужливость бурят и тунгусов; прекрасная погода и новосты предметов доставляли истинное наслаждение нашим путешественникам».*

После Нерчинска отряд Миллера посетил сначала Аргунский серебряный завод, потом одноимённый острог, далее по китайской границе Читинский острог. Сделав такой большой круг, отряд вновь прибывает в Удинск, а оттуда по р. Селенге и оз. Байкал возвращается 20 сентября в Иркутск.

В Иркутске экспедиция делает достаточно большую остановку и вновь пускается в путь 26 января 1736 г. Месяц отряд пробыл в г. Илинске, затем его участники выехали к верховьям великой сибирской реки Лены, через Усть-Кут на Усть-Ильгинскую крепость, где дождались специально построенных для экспедиции судов для плавания по реке Лене. Здесь они на шести дощаниках в шести весьма удобных каютах отправились вниз по реке. Открывались невиданные красоты обширного края, но учёные не только любовались великолепными видами, но и занимались изучением этого неизведанного региона. Делались частые остановки с целью исследования местности, её картографирования, отправлялись небольшие отряды студентов с научными заданиями в разные пункты. Надо сказать, что учёный Л. Делиль де ла Кроер, отплывший вместе с отрядом, вскоре отделился от учёных и устремился вперёд. Он прибыл в Якутск 1 июня, а академический отряд, проводивший научно-исследовательскую работу, прибыл в начале сентября.

В Якутске в то время находился Витус Беринг, начальник восточного, так называемого японского, отряда М. Шпанберг и ещё множество людей, имевших отношение к Великой Северной экспедиции. Это свыше 800 человек (из них 500 служилых и ссыльных, специально собранных для перевозки экспедиционных грузов в Охотск).

Академики Миллер и Гмелин за время экспедиции для своего отряда получали всё самое лучшее и, надо сказать, путешествовали с большим комфортом. Россия не жалела денег для всех семи отрядов. Для поездки на Камчатку учёные запросили большое и комфортабельное судно. Так как Степан Петрович за время экспедиции значительно преуспел в изучении географии и натуральной истории, академики решили послать именно его в Охотск и далее на Камчатку, чтобы он подготовил для отряда помещения и произвёл предварительные изыскания.

Крашенинников отправился в путь, но сам отряд на Камчатку не приехал. Беринг, который командовал постройкой кораблей, выделить судно для академиков не смог. Во время пожара в городе дом, где остановился Гмелин, сгорел дотла. Все вещи и оборудование ученого погибли, погиб и архив академика, собранный во время последнего этапа путешествия. Гмелин и Миллер пустились в обратный путь, где, как смогли, восполнили

утрату. Вернувшиеся в Якутск учёные переправились в Киренск.

Миллер заболел и уехал на зимовку в Иркутск, весной к нему прибыл Гмелин. Учёные не могли вернуться до окончания экспедиции, подали заявления об отставке, но ответа не получили. В менее комфортабельных условиях академики работали вплоть до 1743 г., когда окончилась экспедиция, совершили ряд интересных экспедиций внутри Сибири. Эти поездки дали весьма богатый результат. В феврале 1743 г. академики вернулись в столицу Российской империи, а затем уехали к себе на родину. Так город Якутск, по сути дела, стал крайней точкой работы академического отряда, дальнейшее изучение Камчатского края проводил самостоятельно студент Степан Крашенинников.

Камчатский край.

Самостоятельная работа

Вернёмся к путешествию Крашенинникова. Степан Петрович на судне «Фортуна» вышел в море из Охотска 4 октября 1734 г. Гмелин и Миллер снабдили молодого учёного инструкцией, которая включала в себя, помимо этнографических, многие другие задачи. По пути следования на Камчатку и на самом полуострове предписывалось описывать языки местных народов, границы их расселения и численность, систему питания, физический облик, их занятия, народную медицину, обычаи и обычаи, религиозные верования. Отдельные пункты инструкции были посвящены собиранию этнографических предметов для Кунсткамеры.

Вскоре после отплытия корпус судна дал течь. Принялись откачивать воду двумя насосами, вычерпывали вручную, были вынуждены выбросить за борт порядка 400 пудов грузов. Несмотря на все усилия спасти судно не удалось. Через десять суток плавания судно было выброшено на берег в устье р. Большой. Степан Петрович лишился практически всего своего имущества и только 22 октября на лодке местной постройки добрался до Большерецкого острога, куда должно было приплыть судно.

В 1738 г. Крашенинников, взяв небольшое число помощников из числа казаков и солдат, приступает к активному изучению Камчатки. Он дважды пересёк южную часть полуострова. В январе молодой исследователь в долине р. Бааню (р. Банная), относящейся к бассейну р. Большой, обнаружил и впервые описал

камчатские гейзеры, в марте он обнаружил гейзеры в долине р. Пауджи (левый приток р. Озерной).

В том же году неутомимый исследователь обследовал Авачинскую сопку, метко названную казаками, как и все действующие вулканы, «горелой сопкой». Кроме того, Крашенинников осмотрел юго-западное побережье Камчатки, не дойдя около 60 км до м. Лопатка. Этот мыс и Курильское озеро посетил его помощник, служилый человек Степан Плишкин.

Крашенинников собрал сведения и впервые подробно описал цунами, которое обрушилось на южное побережье Камчатки после землетрясения незадолго до прибытия учёного на полуостров. Сила стихии была столь велика, что волна, обрушившаяся на побережье, достигала 6,4 м, а сбивающие с ног повторные толчки чувствовал сам учёный, 14 октября высадившийся в устье р. Большой.

Всего Крашенинников пробыл на Камчатке четыре года. За это время он пересёк полуостров в разных направлениях десять раз. Надо сказать, что исследователь подсчитывал пройденные вёрсты в своём путевом журнале с 1735 до 1742 г. Молодой учёный не включил в пройденный маршрут длинные маршруты от Санкт-Петербурга до Аргунских серебряных рудников, от Верхотурья до столицы Российской империи. Однако пройденный маршрут впечатляет и сегодня. В путевом журнале отмечены 25 773 версты, что в переводе в понятные современному человеку единицы составляет приблизительно 27,5 тыс. км.

Учёный, хоть он и числился студентом, провёл колоссальную работу. Изучил растительный и животный мир полуострова, описал четыре восточных камчатских носа – Шипунский, Кроноцкий, Камчатский и Озерной, а также образуемые ими заливы – Кроноцкий, Камчатский и Озерной. Огромная работа была проведена в описании рек. Была описана и самая большая река Камчатки, одноимённая с полуостровом, её протяжённость – 758 км. При описании были отмечены места безопасной стоянки для судов, места, где удобно расположить казармы.

Он лично исследовал и описал почти все самые высокие действующие вулканы Камчатки. Это сопки Авачинская, Корякская, Кроноцкая, вулкан Толбачик и самая легендарная сопка, величайший действующий вулкан Евразии – Ключевская сопка. Описал гейзеры, горячие источники на рр. Банной, Паратунке, Озерной,

Паужетке, Семячике, составил подробную климатическую карту местности.

Учёный собрал обширный материал о коренном населении Камчатки и Курильских островов: ительменах, коряках, курильцах, их языке и культуре.

В 1743 г. Степан Петрович вернулся в Петербург уже зрелым исследователем, однако два года продолжал числиться студентом и лишь в 1745 г. получил первое учёное звание – адъюнкта, а ещё пять лет спустя – профессора натуральной истории и ботаники. Звания не избавили учёного от бедности. Крашенинников заболел туберкулёзом, но до последних дней

жизни продолжал работу над книгой. Будучи тяжело больным, он подписывал корректуру последних печатных листов. Учёный умер в возрасте сорока трёх лет 25 февраля 1755 г. в день, когда был отпечатан в типографии последний лист «Описания земли Камчатки».

Значение и обилие собранных материалов было настолько огромно, что делом всей последующей жизни учёного стала их обработка и подготовка к изданию его главного труда – книги «Описание земли Камчатки». Книга вышла после смерти учёного и принесла ему мировую славу. Несмотря на то, что труд вышел в XVIII в., он не потерял своей актуальности и в XXI в.

1. *Островский Б. Г.* Великая Северная экспедиция. 1733–1743. Архангельск : Севгиз, 1937. 206 с.
2. *Ципоруха М. И.* Первопроходцы. Русские имена на карте Евразии. М. : ЭНАС, 2010. 350 с.
3. Крашенинников, Степан Петрович. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Крашенинников>.

А. П. Янков
КНЯЗЬ ДМИТРИЙ МАКСУТОВ –
ЗАЩИТНИК ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО
И ПОСЛЕДНИЙ ПРАВИТЕЛЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Аннотация. О жизни и деятельности князя Д. П. Максutowа (1832–1889), контр-адмирала, героя Петропавловской обороны, Главного правителя Российско-американской компании, последнего российского губернатора Русской Америки.

Ключевые слова: история, Петропавловская оборона, Российско-американская компания, Максutow Д. П., Русская Америка, Аляска.

Занимаясь историей татар в Азиатской части России, я заинтересовался судьбой крещёного татарина Дмитрия Петровича Максutowа, биография которого интересна любопытными сюжетами, а «татарский характер» стал «притчей во языцех».

Родился он 12 мая 1832 г. в Перми в семье управляющего Пермской удельной конторой, коллежского асессора князя П. И. Максutowа, род которого происходил из золотоордынской знати, принявшей подданство Москвы [4]. Часть родственников остались приверженцами ислама, другие приняли православие. Но и те, и другие помнили и гордились происхождением, как и немало дворян, часть из которых вошла в элиту Российской империи. П. И. Максutow, как искренний в своей вере, уже на следующий день по рождению сына крестил его, выбрав имя почитаемого христианского святого.

Отец же определил судьбу троих из четверых сыновей, отдав их в престижный Морской кадетский корпус. По окончании корпуса в 15 лет Дмитрий стал гардемаринном, а по возмужании – успешно строил свою флотскую карьеру на Балтийском и Чёрном морях.

С марта 1851 г. Д. П. Максutow связан с Дальним Востоком, куда прибыл лейтенантом с назначением в 46-й Амурский экипаж. В тот момент ещё шёл процесс присоединения Приморья и Приамурья к России, а беспокойный регион требовал надёжной охраны на сухопутных и водных рубежах.

Строившийся морской и речной флот на окраине империи нуждался в опытных офицерах. Дмитрий Петрович уже стал таковым, несмотря на молодость. В составе экипажа корвета «Оливуца» он ходил по Тихому океану, а Охотское, Японское и Китайское моря хорошо освоил как возможную зону морских сражений.

В то время политические отношения в Европе накалились, Россия оказалась в плотном

окружении флотов Турции и её союзников – Англии и Франции, поддерживающих высадку десантов на Крымское побережье.

(О трагизме и героизме защитников Севастополя прекрасно написал Лев Толстой, упомянув 28-й Тобольский пехотный полк, чья история и герои почитаемы в Тюменской области. Боевая биография этого полка, казалось, закончилась в 1918 г., если бы не недавний приказ Министерства обороны Российской Федерации о присвоении его наименования вновь создаваемой на Дальнем Востоке воинской части.)

Там уже служили родные братья Д. П. Максutowа, которые переписывались с Дальним Востоком.

Камчатка, далёкая от основного театра Крымской военной кампании, привлекала англичан и французов, решивших нанести удар по незащищённому (как им казалось) тылу России. Неприятель рассчитывал взять порт Петропавловск за несколько часов или, максимум, за сутки.

Вот что писал Д. П. Максutow брату Павлу о происходивших событиях: *«В то время не было телеграфов, и хотя война уже была объявлена, но мы об этом ещё ничего не знали. Заботливый генерал Завойко (это всё же, не генерал, а вице-адмирал, первый военный губернатор Камчатки. – А. Я.), однако, не сидел сложа руки, и у него уже было намечено, где строить батареи, и приготовлен лес для платформ. Меня он сейчас же списал с корвета, назначил своим помощником и поручил строить батарею № 2, которой я и назначен был командовать. Припомня уроки фортификации, я составил план батареи и, по утверждению его генералом, приступил к постройке.*

Батарея вышла у меня некрасивая и неуклюжая, над которой немало издевался приехавший впоследствии военный инженер Мровинский, строитель всех следующих батарей, однако на

деле она показала свои достоинства. В июле мес[яце] пришёл транспорт “Двина” и привёз чел[овек] 300 солдат, назначенных в пополнение 46 экипажа, а затем, кажется 19 июля, фрегат “Аврора”.

Видя военное судно, входящее под всеми парусами, мы ожидали, что оно подлетит к якорному месту, бросит якорь и сразу уберёт все паруса, но не тут-то было. Оно начало убавлять их поочередно и долго возилось с уборкою. Это обстоятельство нас крайне поразило; но скоро выяснилась причина. Фрегат “Аврора”, ввиду ожидающегося разрыва, редко заходил в порты, оставался в них самое короткое время и не имел возможности освежать команды, вследствие это[го] на судне развился сильный скорбут [цинга] и по приходе в Камч[атку] около 200 чел[овек] лежало. Фрегат сейчас же втянули в гавань, а больных свезли на берег и поместили в палатках, где они сейчас же начали поправляться, хотя многие умерли. Затем пришло одно американское судно и привезло формальное известие о войне с Англией и Францией. В это время были мы уже совершенно готовы и ждали прихода неприятеля. Только никто из нас никогда не думал, чтобы для овладения Камч[аткой] пришла бы такая сильная эскадра. В это время люди уже были расписаны по орудиям, назначены стрелковые партии, и каждая единица уже знала и своё место, и свои обязанности. На “Авроре” пришёл мой брат Саша, с которым я не виделся 3 года. 17 авг[уста] 1854 г. в 10 ч. утра с дальнего маяка был дан сигнал: “Вижу военную эскадру из 6 судов” [4].

Дать полноценное морское сражение оказалось невозможно, но, собрав всех военных и добровольцев, Завойко организовал оборону Авачинской бухты. С российских кораблей были сняты орудия, а уж управлять ими морской офицер Д. П. Максutow умел. Поэтому батарея № 2 на Кошке (Косе) под его командованием очень отличилась. Как сказано в наградном представлении к ордену св. Георгия: «Командуя батареею № 2 из 11 орудий при 127 нижних чинах, подавал пример неустрашимости в течение 8 часов, в бою 20 августа 1854 г. при отражении нападения на Петропавловский порт Англо-Французской эскадры, состоявшей из 3 фрегатов с 156 пушками и парохода, вооружённого бомбическими орудиями, причём меткими выстрелами нанёс неприятельским судам значительные повреждения». На батарее Дмитрия оставались действующими лишь пять орудий, но атака была успешно отражена.

Его родной брат Александр возглавил соседнюю батарею № 3, на которой и погиб. Батарею брата называли «Смертельной», настолько трагичной была битва. Заметим, что Александр Петрович Максutow до сих пор поминается как «Почётный гражданин Петропавловска», как и Василий Степанович Завойко. А на Никольской сопке можно увидеть батарею из пяти орудий (макеты), которая напоминает о героизме защитников города.

В 2018 г. на новом здании, но на месте бывшего сражения, установлена мемориальная доска в память о подвиге братьев Максutowых. Там же воспроизведена картина художника и бывшего офицера И. Пшеничного с изображением поединка российских артиллеристов с неприятельскими кораблями.

По окончании осады города Завойко предложил офицерам выбрать из своей среды достойного для доставки в Петербург победного рапорта. Сослуживцы назвали таковым 22-летнего Дмитрия Петровича Максutowа.

Путь в столицу был сложен и чуть не закончился гибелью ставшего уже знаменитым защитника батареи № 2. 14 сентября 1854 г. Максutow сел на американское судно «Noble», зафрахтованное для плавания в Охотск. В пути по сухопутной части маршрута в Якутск морской офицер провалился под воду на ледяной переправе через реку Маю. Он чудом спасся и 6 ноября прибыл в Иркутск, а уже через 20 дней – в Санкт-Петербург.

Генерал-адмирал Российского флота великий князь Константин посчитал новость важной и лично препроводил Максutowа к венценосному брату в Гатчину. Николай I был обрадован, на фоне печальных сведений из Причерноморья победа на Дальнем Востоке окрыляла. Максutow тут же был произведён в капитан-лейтенанты (такой скорости в продвижении по чинам удаивались лишь члены царской семьи).

В 1859 г. открывается новая страница в его биографии. Дмитрий Петрович поступает на службу в Российско-американскую компанию (РАК). Он отправляется на Аляску, где становится помощником Главного правителя РАК.

1863 г. стал счастливым для Дмитрия Максutowа, в начале года его вызвали в столицу, после ознакомления со многими (оказалось, не всеми!) документами в декабре он был назначен Главным правителем Русской Америки. Перед отъездом на Аляску князь Максutow женился на дочери бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири Александровича – Марии Владимировне.

Молодожёны 26 мая 1864 г. прибыли в «столицу» Русской Америки – Новоархангельск, стали обустраиваться. Но новый правитель, строивший планы по превращению Аляски в сказочный край, «пришёл в бешенство», узнав лишь в мае 1867 г. о продаже Аляски [2, с. 31]. При назначении никто не поставил его в известность о стратегических планах России и тайных дипломатических переговорах.

Для России на тот период мировой истории продажа Русской Америки была нужна по многим политическим причинам, а её содержание оказалось не приносящим прибыли делом. 6 октября 1867 г. в Новоархангельске, ставшим Ситкой, прошла церемония спуска российского флага и подъёма американского. Через восемь дней был подписан официальный протокол о передаче (по сути, продаже) Русской Америки [3, с. 395–416].

Ещё в течение двух лет Д. П. Максutow оставался в Америке, но уже в качестве российского консула. В Петербург тем временем стали поступать сведения о злоупотреблениях купцов и чиновников РАК, включая высших администраторов. В обращении ещё живших на американском континенте 110 сотрудников компании писалось и о Главном правителе: *«Максutow постоянно действовал в ущерб компании, не принося никакой пользы ей; страна при нём была в печальном, мрачном положении. Его цель была – постоянно преследовать действительно честных людей, которые вынуждены были терпеливо сносить все обиды, делаемые им»*.

Далее следует примечательная характеристика, отражающая вековые стереотипы русского общества: *«Его татарский характер постоянно был направлен к любостыжанию, и он в течение пяти лет набил более сорока сундуков драгоценными пушными товарами, которые и отправил в Россию. При передаче колонии американцам он первый сделался компаньоном Гутчинсонской компании. В последнее время своего пребывания в колониях он не управлял ими, но грабил колонии и служащих!»* [1, с. 205].

В жалобе указывалось особо: *«С управляющих делами Максutow брал взятки разными предметами, а американцев дарил бобрами, предоставляя им выбирать лучших из всей партии в магазинах компании. Некоторых американцев дарил домами, мебелью и посудой, принадлежавшими компании. Адвокату Вуду он платил по 200 долларов в месяц за то только, чтобы тот присутствовал в его кабинете во время расчётов со служащими, а также давал ему ещё по 10 долларов за написание ложных бумаг о нарушении контрактов и пр.»* [там же, с. 208].

Печально, но «соответствуя нравам империи» при отбытии каденции Максutow «наградил себя» на дорожную в размере 8 000 долларов. При этом он не рассчитал ни приглашённых из европейской России служащих РАК, ни принявших российское подданство и православную религию алеутов. Аборигенам он, увы, не вернул и кредиты, которые брала у них компания в виде колониальных марок, которых числилось к 1 июля 1867 г. на сумму 32 360 рублей. Печально для Максutowа было оставлять на американском континенте могилу жены, с которой прожил несколько счастливых лет.

После возвращения в Россию с апреля 1869 г. Максutow служил на коммерческих судах, второй раз женился и в семье родились дети. Несмотря на жалобы прежних сослуживцев в РАК, отложившихся в Морском министерстве, 17 мая 1882 г. он был произведён в контр-адмиралы, но с условием увольнения со службы. В 1889 г. князь Дмитрий Петрович Максutow умер. Он был погребён с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище Санкт-Петербурга.

Его сложная и неоднозначная биография – это «плен» обстоятельств и намерений (не всегда добрых). Тем не менее, имя Д. П. Максutowа запечатлено в наименованиях улиц американского города Ситка и русского Петропавловска-Камчатского. Память о предке сохраняют живущие в Москве и Петербурге Максutowы.

1. Огородников П. От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию. СПб. : Изд. книгопродавцев Ф. Колесова и Ф. Михина, 1872.
2. Рокот В. Князь Русской Америки. Д. П. Максutow. М. : Центрполиграф, 2007. 351 с.
3. Pierce R. A., Prince D. P. Maksutov: Last Governor of Russian America // Journal of the West. Vol. VI, № 3 (July 1967).
4. Воспоминания (в письме к брату). Режим доступа: <http://kamvesti.com/vospominaniya-v-pisme-k-bratu-d-p-maksutov/#:~:text=>

Раздел II

ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ И КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

С. В. Гаврилов

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ ГЕОРГИЯ ПОРОТОВА

Аннотация. Сведения из биографии Г. Г. Поротова, писателя, поэта, музыканта, фольклориста, члена Союза писателей СССР (с 1976 г.), по документам архива Камчатской писательской организации.

Ключевые слова: литературоведение, писатели, поэты, Поротов, Камчатская писательская организация.

21 октября 2021 г. в Петропавловске-Камчатском отмечалось десятилетие со дня образования Информационно-библиотечного центра для детей и юношества им. Георгия Германовича Поротова. Этот замечательный камчатский писатель, поэт, музыкант, собиратель и толкователь народного творчества жил и трудился в доме, где позже и был размещён названный в честь него центр.

Помимо прочего, собравшимся были впервые показаны малоизвестные документы из жизни и творчества писателя, почерпнутые из его личного дела. Оно сохранилось в архиве Камчатской писательской организации, членом которой он был с 1976 г. Бумаги касаются представления мастера к так и не состоявшемуся присвоению почётного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Они датированы 1984–1985 гг., последними годами жизни Поротова. Нам кажется, что изложенные в них сведения могут дополнить уже существующие его жизнеописания.

Первая автобиография, написанная хорошо поставленным почерком, помечена 2 апреля 1984 г.:

«Родился 3 мая 1929 г. в селе Елизово Камчатской области в семье рыбака-охотника. Коренной житель Камчатки, камчадал. Отец – Поротов Герман Васильевич, из бедняков, рос сиротой, уроженец села Николаевка. Мать – Бобрякова Надежда Андреевна, из крестьян-середняков, уроженка села Мильково.

(В газете «Полярная звезда» от 25 мая 1927 г. содержится вот такая заметка: «В сел. Елизово гр. Поротов Герман подал заявление об исключении его из списков верующих». – С. Г.)

В 1930 г. переехали в село Мильково. С девяти лет пошёл в школу. Окончил семь классов. В 1944 г. пошёл на работу. Сначала работал уче-

ником у кузнеца, молотобойцем, затем направили в поле учётчиком Мильковской МТС. В мае 1945 г. по просьбе правления колхоза имени Сталина был назначен учётчиком, а затем помощником бухгалтера колхоза.

1948–1949 гг. – слушатель одногодичной Благовещенской школы счетоводов.

С 1950 г. – бухгалтер колхоза имени Сталина села Мильково.

1952–1953 гг. – бухгалтер колхоза имени Сталина Хабаровского района Хабаровского края.

В августе 1953 г. Мильковским райисполкомом направлен на учёбу в Хабаровскую краевую культпросветшколу.

После окончания в июле 1957 г. работал завклубом, художественным руководителем, директором районного Дома культуры.

В марте 1959 г. областным управлением культуры направлен в Корякский национальный округ для организации окружного Дома народного творчества (ДНТ. – С. Г.) и оказания помощи в развитии национальной художественной самодеятельности.

В 1960 г. был организован Дом народного творчества в Палане, проведён первый окружной смотр художественной самодеятельности и создан ансамбль при ДНТ.

В 1964 г. переведён на работу заведующим отделом культуры Мильковского райисполкома.

В 1967 г. переведён на работу старшим методистом по национальному искусству при областном ДНТ.

С 1976 г. – на творческой литературной работе, оказывал практическую помощь коллективам национальной художественной самодеятельности.

С ноября 1978 г. – инструктор-методист Камчатского отделения Всесоюзного общества книголюбов.

С апреля 1980 г. – на творческой литературной работе.

Стаж творческой деятельности писателя исчисляется с мая 1957 г. по настоящее время.

Член ВЛКСМ с 1947 г.

В ноябре 1954 г. принят в ряды КПСС.

За развитие искусства малых народов Камчатки награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалью “За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина”, грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Лауреат всероссийских и всесоюзных фестивалей и смотров художественной самодеятельности.

Участник ВДНХ СССР 1982 г.

Издано пять поэтических книжек. Вышел исторический роман “На околице Руси” в двух книгах. Написаны пьесы, песни, музыка к танцам, сценарии, либретто, как для самодеятельных, так и для профессиональных коллективов.

За книгу стихов “Ое” стал первым лауреатом премии Камчатского комсомола имени Виталия Кручины.

Участвую в художественной самодеятельности с 1943 г. до настоящего времени.

Принимал участие в работе партийных, комсомольских, профсоюзных выборных органов, а также в выборных органах Советов.

В 1976 г. принят в Союз писателей СССР.

Кроме литературы занимаюсь изучением и пропагандой искусства малых народов и музыкой.

Имеется и вторая автобиография, полностью повторяющая первую. Она написана немногим более чем через год – 8 апреля 1985 г.

Недатированная «Справка представляемого на утверждение областного комитета КПСС», подписанная секретарём обкома С. Захаровым, гласит: «...Национальность: русский. Соцпроисхождение: служащий. Член КПСС с 1954 г., партбилет № 13189327. Образование среднее специальное. Окончил Хабаровскую краевую культпросветшколу, г. Биробиджан, 1957 г.

1. Специальность по образованию – методист-организатор клубной работы. 2. Был ли за границей (где, когда): не был. 3. Имеет ли партвзыскания (какие, когда наложены, кем и за что): не имеет...».

Здесь же перечислены имевшиеся государственные награды и приведены сведения о «работе в прошлом», повторяющие и уточняющие изложенные в автобиографиях:

«1944–1946 – молотобоец, учётчик Мильковской МТС, село Мильково Камчатской области.

1945–1948 – учётчик, помощник бухгалтера колхоза имени Сталина, село Мильково Камчатской области.

1948–1950 – слушатель годичной школы счетоводов, город Благовещенск Амурской области.

1950–1952 – бухгалтер колхоза имени Сталина, село Мильково Камчатской области.

1952–1953 – бухгалтер колхоза имени Сталина, Хабаровский район Хабаровского края.

1953–1957 – учащийся Хабаровской краевой культпросветшколы, город Биробиджан Еврейской автономной области.

1957–1959 – заведующий клубом, художественный руководитель, директор районного Дома культуры, село Мильково Камчатской области.

1959–1964 – директор окружного Дома народного творчества, посёлок Палана Корякского автономного округа.

1964–1967 – заведующий отделом культуры райисполкома, село Мильково Камчатской области.

1967–1975 – старший методист областного Дома народного творчества, город Петропавловск-Камчатский.

1975–1978 – на творческой литературной работе, город Петропавловск-Камчатский.

1978–1980 – инструктор-методист Камчатского отделения Всесоюзного общества книголюбов, город Петропавловск-Камчатский.

С апреля 1980 по настоящее время – на творческой литературной работе, город Петропавловск-Камчатский».

Основные вехи творческого пути соискателя отражает также недатированная характеристика, подписанная ответственным секретарём Камчатской писательской организации Н. Саниным и секретарём партийной организации С. Степановым:

«Поротова Георгия Германовича невозможно характеризовать вне его творчества. Им, творчеством самобытным и разносторонним, пронизана вся его сознательная жизнь. Вначале это было увлечение музыкой, приведшее его в художественную самодеятельность и обозначившее первые шаги к творчеству. А потом сложились и первые стихи, которые самодеятельный композитор перекладывал на музыку. В конце пятидесятих годов имя Георгия Поротова стало появляться на страницах местных газет, сначала районных, а потом и областных. Песни на его стихи зазвучали со сцен клубов и домов культуры. С той поры и ведётся отсчёт гражданского и литературного возмужания.

Пройдя трудовую школу в кузнице, а затем, поработав учёщиком и заместителем бухгалтера в колхозе, после учёбы в Хабаровской культпросветшколе, Поротов целиком отдаётся любимому делу – культурно-просветительной работе: заведует клубами, возглавляет художественную самодеятельность, районный Дом культуры в селе Мильково, а с 1959 г. направляется в окружной центр Палана в качестве организатора и руководителя окружного Дома народного творчества, который сыграл очень важную роль в развитии национального искусства народов Севера Камчатки.

На благодатной ниве культпросветработы наиболее ярко проявились творческие способности Георгия Поротова. Его труд высоко оценён партией и правительством: он был награждён за большой вклад в развитие культуры области, национального искусства орденом Трудового Красного Знамени, медалью “За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина”, почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Многолетняя неутомимая деятельность Г. Поротова в художественной самодеятельности сделала его лауреатом всероссийских и всесоюзного фестивалей художественной самодеятельности.

В то же время зрел его литературный талант, который питали благодатные живительные соки устного народного творчества – фольклора. В Дальиздате, а затем и в Москве выходят наиболее значительные поэтические сборники Георгия Поротова “Ое” и “Песни страны Уйкоаль”, открывшие автору дверь в Союз писателей СССР, членом которого он является с 1976 г. За книгу стихов “Ое” Георгий Поротов становится первым лауреатом премии Камчатского комсомола.

Расширяется диапазон литературного творчества писателя. Наряду с созданием поэтических сборников, он много работает в прозе и в драматургии. В Дальиздате выходит его исторический роман “На околице Руси”, а на сцене камчатского драмтеатра по его пьесе ставится спектакль для детей “Потерянный праздник”. Давно взяты на вооружение пьесы Поротова камчатским кукольным театром, а также театром в городе Черновцы на Украине.

Георгий Поротов в разное время принимал активное участие в работе комсомольских организаций и в выборных органах местных Советов. Как коммунист добросовестно выполняет все партийные поручения.

С 1976 г. Георгий Поротов занимается только литературной работой. Но широка его

общественная деятельность. Он выступает в самых различных коллективах, как писатель, по-прежнему не порывает связи с художественной самодеятельностью, пишет для неё, выступает чутким наставником молодых дарований, является активным пропагандистом искусства малых народов Севера Камчатки.

8 апреля 1984 г. Г. Г. Портов собственноручно заполнил «Личный листок по учёту кадров». В нём он, помимо прочего, записал: «национальность: русский; социальное происхождение: из крестьян; партстаж: ноябрь 1954 г.».

В 15-м пункте «Листка», означенном как «Участие в центральных, республиканских, краевых, областных, окружных, городских, районных, партийных, советских и других выборных органах», отметил, что с 1950 по 1952 г. был депутатом Мильковского сельсовета, одновременно – членом бюро Мильковского райкома комсомола, а с 1961 по 1964 г. – депутатом Паланского поселкового Совета депутатов трудящихся.

В 18-м пункте «Отношение к воинской обязанности и воинское звание» указал: «не военнообязанный».

Пункт 19-й «Семейное положение в момент заполнения личного листка»: «женат», далее названы члены семьи: жена – Надежда Алексеевна (1936 г. р.), дочери – Любовь (1958 г. р.) и Галина (1961 г. р.). Указан и домашний адрес в Петропавловске: улица Войцешека, дом № 7.

26 апреля 1984 г. бюро Камчатской писательской организации, включавшее Н. В. Санин, В. П. Кудлина и Е. В. Гропянова (последний – нештатный уполномоченный Литфонда СССР по Камчатской области), в числе прочих вопросов рассмотрело и представление Г. Г. Поротова к званию «Заслуженный работник культуры РСФСР». О присвоении решено ходатайствовать единогласно.

14 июня 1984 г. секретариат Союза писателей РСФСР (председатель правления С. В. Михалков) рассмотрел ходатайство Камчатской писательской организации об установлении творческого стажа Г. Г. Поротова и постановил: «В соответствии с представленными документами... установить стаж... с мая 1957 г.».

(В мае 1957 г. было опубликовано его стихотворение «Друзья, на фестиваль», посвящённое первому Московскому фестивалю молодёжи и студентов. Первый поэтический сборник «Ое» напечатан спустя десятилетие, в 1967 г.)

Следующий по хронологии датированный документ – совместно принятое 29 марта 1985 г. бюро

Камчатской писательской организации и президиумом Камчатского областного комитета профсоюза работников культуры постановление «О представлении т. Поротова Г. Г. к присвоению почётного звания “Заслуженного работника культуры”»:

«Просить Камчатский обком КПСС и облисполком ходатайствовать перед Президиумом Верховного Совета РСФСР о присвоении почётного звания заслуженного работника культуры РСФСР т. Поротову Георгию Германовичу, камчатскому поэту, прозаику, драматургу, за большой вклад в развитие литературы на Камчатке, самобытного устного народного творчества, активное участие в художественной самодеятельности, особенно малых народов Севера полуострова». Подписано ответственным секретарём Камчатской писательской организации Н. В. Санеевым и председателем обкома профсоюза работников культуры Е. С. Ханиным.

4 апреля 1985 г. помечена выписка из протокола № 4 заседания бюро Камчатской писательской организации. Это – ещё одно ходатайство о представлении к званию:

«В составе бюро – три члена СП (Союза писателей. – С. Г.). Присутствовали все: Н. Санеев, В. Кудлин, Е. Гропянов, а также председатель ревкомиссии (ревизионной комиссии. – С. Г.) Камчатской писательской организации Е. Сигарёв. Повестка дня: 3. О представлении члена СП тов. Поротова Г. Г. к званию “Заслуженный работник культуры РСФСР”. По этому вопросу слушали сообщение ответственного секретаря Камчатской писательской организации Николая Санеева. Постановили: ходатайствовать о присвоении звания заслуженного работника культуры РСФСР писателю Поротову Георгию Германовичу. Голосовали единогласно».

24 апреля 1985 г. Камчатская писательская организация адресовала Октябрьскому райкому КПСС и Октябрьскому райисполкому Петропавловска очередное ходатайство. В нём буквально повторено содержание приведённой выше характеристики, но имеются новые сведения и оценки:

«В Дальиздате, а затем и в Москве выходят наиболее значительные поэтические сборники Георгия Поротова “Ое” и “Песни страны Уйкоаль”, открывшие автору дверь в Союз писателей СССР. За книгу стихов “Ое” Георгий Поротов становится первым лауреатом премии Камчатского комсомола.

Расширяется диапазон литературного творчества писателя. Наряду с созданием поэтических сборников он много работает в прозе и

драматургии. В Дальиздате выходит его исторический роман “На околице Руси”, а на сценах камчатского драмтеатра и кукольного театра ставятся спектакли по его пьесам.

Как коммунист Георгий Поротов принимает активное участие в жизни партийной организации, широк диапазон его общественной деятельности. Он выступает с отчётами о своём творчестве в различных коллективах города, является проректором районного университета культуры, созданного на базе Петропавловского горпищекомбината. Всю сознательную жизнь не порывает Г. Поротов связи с художественной самодеятельностью, пишет для неё, выступает чутким наставником молодых дарований, является активным пропагандистом искусства малых народов Севера Камчатки.

12 мая 1985 г. бюро Октябрьского районного комитета партии и исполнительный комитет Октябрьского районного Совета народных депутатов города Петропавловска-Камчатского приняли постановление: «Ходатайствовать перед Камчатским обкомом КПСС и облисполкомом о представлении к почётному званию “Заслуженный работник культуры РСФСР” т. Поротова Георгия Германовича, камчатского поэта, прозаика, драматурга, собирателя и большого знатока устного творчества народов Севера Камчатки». Этот документ подписали секретарь райкома КПСС Е. Фомичёва и председатель райисполкома М. Окунев.

4 июня 1985 г. увидело свет решение № 219 «О представлении т. Поротова Г. Г. к присвоению почётного звания заслуженного работника культуры РСФСР» исполнительного комитета Камчатского областного Совета народных депутатов: «За заслуги в области культуры присвоить почётное звание заслуженного работника культуры РСФСР т. Поротову Георгию Германовичу, камчатскому поэту, прозаику, драматургу». Решение скрепили подписями председатель и секретарь облисполкома Н. А. Синетов и М. А. Захаров.

Наконец, 13 июня 1985 г. Камчатский обком КПСС обратился в Президиум Верховного Совета СССР с заявлением о поддержке решения исполнительного комитета Камчатского областного Совета народных депутатов «о представлении т. Поротова Георгия Германовича к присвоению почётного звания “Заслуженный работник культуры РСФСР”». При этом была снова повторена характеристика, ранее данная Камчатской писательской организацией.

Дошли ли все эти казённые бумаги до Москвы-столицы, мы доподлинно не знаем. Но

давно заслуженного своим подвижническим трудом званием наш замечательный земляк так и не дождался, его сердце остановилось через две с половиной недели от последней упомянутой даты. Георгий Германович Поротов скончался 1 июля 1985 г., он погребён на новом Петропавловском кладбище.

Человек ушёл, но память о нём и его дела живут. Недавний пример этого – ряд торжественных действий по случаю девяностолетия со дня его рождения (2019), официальное присвоение его имени детско-юношескому центру (2021). Издано и переиздано многое из его творческого наследия. Земляки чтят своего классика, говорившего о себе: «Пусть считают меня ительмены – ительменским поэтом, коряки – корякским. Главное счастье в творчестве – быть принятым народом и сердцем служить ему».

Спустя год с небольшим после кончины Г. Г. Поротова, в пятницу 5 декабря 1986 г., мельковская районная газета «Знамя труда» известила: «Сегодня в Мильково откроются первые Поротовские чтения»:

«Сегодня, в 19 часов, в районном Доме культуры состоится открытие чтений. Перед мельковчанами выступит Николай Санеев, ответственный секретарь Камчатской писательской организации. Писатель Владимир Косыгин-Коянто и хореограф Сергей Кевевтегин познакомят с литературно-музыкальной композицией по творчеству Г. Г. Поротова, Наталья Селиванова, член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры, сделает сообщение «Г. Г. Поротов и молодая литература народностей Севера». Тема выступления поэта Евгения Сигарёва «Георгий Поротов, писатель и человек». Обзор творчества Г. Поротова сделает Татьяна Куркан, библиограф областной библиотеки. Основу выступления В. В. Петрашевой, заведующей кафедрой философии Дальрыбвтуза, кандидата философских наук, составят исторические зарисовки жизни народностей Севера. Наш земляк Михаил Угрин расскажет о том, какое место в творчестве Г. Поротова занимает народный юмор.

В фойе районного Дома культуры будет организована выставка книг Г. Поротова, произведений камчатских художников.

Завтра, в 18 часов, в районном Доме культуры пройдёт литературный вечер с участием делегации писателей. Накануне здесь же будут показаны спектакль областного драматического театра «Потерянный праздник» и представление театра кукол «Корел» по одноимённым произведениям Г. Поротова.

Участники чтений посетят домик Г. Поротова, его литературный кабинет в этнографическом музее, встретятся с матерью и родственниками поэта» [1].

Здесь же объявлено: «Исполнительный комитет Мильковского сельского Совета народных депутатов принял решение “О переименовании переулочка Нового села Мильково в улицу Поротова”. В целях увековечения памяти земляка писателя Георгия Германовича Поротова решено установить мемориальную доску на доме № 1 по улице Поротова, в котором он проживал» [1].

10 декабря 1986 г. в главной газете полуострова «Камчатская правда» опубликован небольшой отчёт о первых Поротовских чтениях за авторством их участницы Н. Н. Селивановой:

«Три дня в Мильково проходили литературные чтения, посвящённые камчатскому писателю Георгию Поротову. Как желанных гостей принимала мельковская земля писателей, артистов, музыкантов, художников, искусствоведов, прибывших из Петропавловска.

Праздничный вечер в Доме культуры открыла первый секретарь Мильковского райкома партии Т. Н. Гиренко. В нём приняли участие писатели и поэты Н. Санеев, В. Коянто, Е. Сигарёв, Ю. Манухин, Б. Агеев, Ю. Дружинин, члены литобъединения “Родник долины” и “Земля над океаном”, библиограф областной библиотеки имени С. Крашенинникова Т. Куркан, художники Ф. Тебиев и В. Тришкин, режиссёр Камчатского телевидения Е. Егоров, директор Мильковского музея М. Угрин, музыканты В. Киселёв и В. Феофилактов. Состоялись выступления танцевального ансамбля музыкального училища “Уйкоаль” под руководством С. Кевевтегина, облдрамтеатра и театра кукол “На нартах” Г. и Т. Корсак, показавших спектакли по пьесам Г. Поротова “Потерянный праздник” и “Корел”.

В Мильковском музее была организована экспозиция рабочего кабинета писателя, выставка живописи и графики камчатских художников А. Винокурова, К. Килпалина, В. Тришкина. Богатую коллекцию произведений декоративно-прикладного искусства комментировали искусствовед М. Белова и член Союза художников СССР, народная мастерица А. Попова.

В фойе Дома культуры демонстрировалась фотовыставка члена Союза журналистов СССР, преподавателя музыкального училища В. Кравченко, работы учащихся Мильковской художественной школы. В Мильково работала творческая группа Камчатского телевидения

под руководством оператора, лауреата премии В. Кручины С. Верченко, редактора Л. Осиповой. Участники чтений встретились с тружениками совхоза «Комсомольский» [2].

На торжестве 21 октября 2021 г. прозвучали великолепные поротовские строки, в том числе из его знаменитого стихотворения про гамулов: «Я в жерло вулкана перо обмакнул». Всегда, когда я их слушал, ощущал то, что называют «мурашки по коже». Так было и в этот раз. Но почему-то подумалось, а что же конкретно, кроме яркого образа, имел в виду их создатель?

Зачастую эти слова воспринимались буквально. Так, некоторые оформители при удобном случае эффектно изображали вулкан с торчащим из его жерла гусиным писательским пером. Грозный исполин представлялся ими в виде банальной чернильницы. «Велись» на них и весьма «подкованные» люди. Пример – стихотворение Е. К. Мархинина «Поэту Георгию Поротову», написавшему: «Я в жерло вулкана перо обмакнул»:

*Ты видел вулканы из тихих долин
Бродя с сигареткой меж лип и осин.
И всё же, Георгий, ты круто загнул,
Что в жерло вулкана перо обмакнул.*

*Я в кратеры лазил не раз и не два,
И в пепле вулканов моя голова,
Но я про себя написать не рискнул,
Что в жерло вулкана перо обмакнул.*

Возможно, что поэт Поротов в вулканический кратер никогда и не спускался. Наверное, он хотел сказать, что одним из первых, если не первым, прикоснулся к ещё недавно запретным для аборигенов («табуированным») темам, касающимся взаимоотношений со сверхъестественными силами. Сделал их, так сказать, «фольклорным материалом». Эти запреты соблюдались долго и тщательно, но под нажимом «цивилизации» постепенно исчезли.

Известно, что одно из первых восхождений на близлежащую к Петропавловску Авачинскую сопку совершил в начале 1910-х гг. Борис Перфильев, сын тогдашнего правителя Камчатки – губернатора В. В. Перфильева. Вместе со спутником он поднялся на вулкан. Но при этом их проводники из простых местных обитателей, доведшие «белых людей» до подножья, дальше идти отказались. Восходители попали в тяжёлое положение, угрожавшее их жизни, но всё в тот раз обошлось благополучно. Описание этого похода обычно подразумевает некий укор в сторону проводников. А те всего лишь выполнили древний завет предков: не тревожить гамулов, то есть горных духов, живущих в этих самых вулканах.

Спустя десятилетие с небольшим на Авачу хаживал Прокопий Трифонович Новограбленов (в 1923 г. его поход с В. К. Арсеньевым был уже третьим), тоже местный уроженец, но теперь «просвещённый», получивший образование в Томском учительском институте. Он считается первым камчатским интеллигентом, внёсшим большой вклад в исследование разных сторон жизни полуострова. Да и новая, советская, власть к этому времени уже отринула многие стародавние обычаи.

Ещё через два десятка лет, в 1941 г., состоялось «открытие» Долины гейзеров. Его совершил уроженец селения Сероглазка Анисифор Крупенин, случайно наведший на неё специалиста-геоморфолога Татьяну Устинову. Позже это было объявлено «величайшим географическим открытием двадцатого века». Но с трудом верится, что тысячелетиями населявшие Камчатку аборигены «не знали» о существовании этого запретного для них «чуда природы».

Ну и, наконец, к середине 1960-х гг. в литературный и хореографический оборот были введены образы, давным-давно сложившиеся у коренных народов полуострова. В этом как раз и есть одна из заслуг Г. Г. Поротова. Видимо, именно это он и имел в виду.

1. Сегодня в Мильково откроются первые Поротовские чтения // Знамя труда. Мильково, 1986. 5 дек. С. 1.
2. Селиванова Н. Мильково, улица Поротова // Камчатская правда. 1986. 10 дек. С. 1.

Ю. А. Слепцов

**ОБУЧЕНИЕ НАВЫКАМ ВЕДЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА
ДЕТЕЙ ЭВЕНОВ ВО ВРЕМЯ ЛЕТНИХ КАНИКУЛ¹**

Аннотация. Рассматривается процесс внедрения новых форм образовательных объединений для детей из числа коренных малочисленных народов Севера – эвенов в Республике Саха (Якутия). Объединения создаются и функционируют в целях трудового воспитания, обучения родному языку, сохранения культуры и традиционных видов хозяйствования, включая домашнее оленеводство. Из опыта работы кочевой лагеря Улахан-Чистайской средней школы.

Ключевые слова: коренные народы Севера, эвены (ламуты), школьники, кочевой лагерь, традиционные виды хозяйствования, оленеводство, этнопедагогика, Республика Саха (Якутия).

Кочевые лагеря начали свою деятельность в 2000 г. при помощи Министерства образования и Министерства по делам народов Республики Саха (Якутия) в Момском районе Республики Саха (Якутия). Так, кочевой лагерь «Нелтэнкэ» (эвенск. «Солнышко») был организован в 2000 г. на территории р. Тиректях на базе оленеводческой бригады «Чолой» и проработал в данном месте два года.

В пос. Буор-Сысы при Индигирской средней школе был организован кочевой экологический лагерь «Маранга» (эвенск. «Радуга»), который в 2001 г. работал в местности Тойон Уйалах, а в 2002 г. – на территории оленеводческой бригады «Бэркичэх» МУП «Победа».

В 2002 г. на особо охраняемой природной территории (ООПТ) «Момский национальный природный парк» около Мраморной горы начал свою деятельность этноэкологический кочевой лагерь «Гарпанга» (эвенск. «Первые лучи солнца») при Улахан-Чистайской средней общеобразовательной школе, который работает до настоящего времени на территории родовой общины им. Степана Слепцова.

Основной целью кочевой лагеря является обучение детей родному языку, культуре и традиционным видам хозяйствования в условиях кочевой и полукочевой образа жизни.

Причиной организации кочевой лагеря явилось то, что в 1950-е гг. основной формой обучения на Севере стали школы-интернаты. Это было одной из главных причин современного бедственного положения народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Интернаты привели к ослаблению, а зачастую и к разрыву связи поколений [2, с. 118]. Наиболее сильный удар коренные народы Севера получили в 1980–1990 гг., когда стихийно стали ликвидироваться сельские производственные предприятия – совхо-

зы, что привело к значительному сокращению поголовья домашних оленей. Если в 1980 г. в Республике Саха (Якутия), тогда Якутской АССР, было 360 тыс. голов оленей, то в 2020 г. их число составило чуть более 130 тыс. голов.

В кочевом лагере были предприняты следующие практические шаги: обучение детей родному языку в естественной среде; изучение местных топонимов; погружение юного поколения детей-эвенов в традиционный общинный стиль жизни и исконные занятия их предков-олeneводо-в [7, с. 28].

В ходе работы кочевой лагеря коллективом педагогов и наставников применялись основные критерии для характеристики общего личностного развития детей, а также проводились непрерывное наблюдение, фиксирование, корректирование учителями тех или иных фактов и явлений в процессе деятельности воспитанников, характеризующих их традиционную этническую идентичность [4, с. 32].

При искусственном создании кочевой образа жизни и при непринуждённом общении учащихся в процессе деятельности лагеря по традиционному воспитанию, при педагогическом сопровождении педагогов и опытных наставников-олeneводо-в детям предоставляется возможность погружаться в самобытную кочевую жизнь и хозяйственную деятельность, что обеспечивает действенность и результативность воспитательно-образовательного процесса.

Изучение топонимики родного края является одним из обязательных требований в кочевом лагере. Каждая местность в Улахан-Чистайском наслеге, кроме якутского названия, имеет и эвенское. Каждая из них обладает своей легендой или мифологической основой. К примеру, проходя мимо р. Киникич (эвенск. «Вода, выходящая из-под земли»), дети из рассказов на-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Главы Республики Саха (Якутия) № 2449.

ставника узнают, что в этой местности поспори-ли два шамана, что река выходит из-под земли, а иногда, несмотря на ясную погоду, может на-гряться гроза с молнией [1, с. 9]. Дети легко запо-минают названия тех мест, где проходит марш-рут передвижения кочевого лагеря, и не только усваивают смысл названия, но и узнают о небез-опасных для жизни людей и оленей местах.

Приобщение детей сызмальства к труду являлось основной задачей любого народа. В трудовой деятельности с малого возраста формируются умственные, физические, нрав-ственно-духовные личностные качества ребён-ка. Без труда нет результата [5, с. 171].

Распад кочевых семей в 1950-х гг. резко по-влиал на состояние одного из традиционных видов хозяйствования – домашнее оленевод-ство. Сейчас можно наблюдать, что в олене-водстве трудятся в основном люди старшего возраста, молодёжь неохотно идёт работать в отрасль. Причин этому несколько, главная – потеря связи поколений. Поэтому в кочевом лагере мы стараемся, чтобы все дети проходили трудовое воспитание в оленеводстве.

С глубокой древности олень в жизни эвенов играл важную роль. Он давал кочевнику всё, что было ему необходимо: питание, оружие тру-да и охоты, различную сезонную одежду, обувь, головные уборы, спально-постельные принад-лежности, покрывала на зимне-летние жилища и т. д. [6, с. 83]. В качестве основного средства передвижения олень остаётся незаменимым во все сезоны года.

С оленеводством связаны многие древние ве-рования, бытовые традиции и обычаи, семейные, ритуальные, погребальные обряды. Многие оле-неводы говорят: *«Наш народ будет жить, пока есть олень. Не станет оленя – не будет и нашего народа»* [3, с. 23]. Эвены с детства овладели ма-стерством приручения оленя. Верховая езда на оленях требовала особых навыков, которые пе-редавались с малолетства. Маленькие дети коче-вали вместе со взрослыми верхом на оленях. Дет-ские сёдла («ханка») изготавливались в виде короба, куда усаживали детей в возрасте от трех до шести лет. На задней спинке иногда из тальника дела-ли навес для защиты от дождя и комаров. Кроме того, ребёнка пристёгивали к седлу специальной лямкой. Ребёнок мог сидя играть, спать без опа-

ски. Для перевозки ребёнка выбирался смирный, непугливый олень («онерук»).

Эвены учили детей с пяти-шести лет ездить самостоятельно: мальчики на мужском седле (эмгун), девочки – на женском [7, с. 101].

В кочевом лагере все мальчики и девочки учатся ездить верхом на олене. Ребята постар-ше, которые умеют ездить верхом, при помощи опытных наставников осваивают навыки рабо-ты в пастбище оленей.

Многие ребята впоследствии дополнили ряды работников в оленеводческих стадах ро-довых общин, муниципальных предприятий и коллективных хозяйств.

Опыт работы кочевого лагеря можно приме-нить в любых условиях. Для этого необязательно постоянно передвигаться, можно организовать и стационарный лагерь, где дети получают возмож-ность изучить родной язык и культуру. Первое условие кочевого лагеря – это удалённость от на-селённого пункта. Дети должны быть искусствен-но отдалены от цивилизации. Это обеспечивает сосредоточение ребёнка на процессе повседнев-ного труда и обучения. Воспитанники кочево-го лагеря «Гарпанга» (2002 г.) при встрече всегда отмечают, что во время пребывания в лагере они научились труду в условиях кочевья, полученные навыки пригодились в жизни.

Интерес к проблемам Севера возрастает во всём мире в различных его направлениях. Учё-ные отмечают, что жизненные условия изучае-мых народов в последние 15–20 лет значитель-но ухудшились. Самое трагичное, что может произойти с коренными северными народа-ми, – это то, что их язык, история, традицион-ный уклад жизни могут исчезнуть навсегда. Пе-ред нами стоит задача сохранить родной язык и самобытную культуру, традиционные виды хозяйствования и образ жизни северян. Одним из способов решения данной задачи является организация кочевого лагеря. Таким образом, мы видим, что деятельность кочевого лагеря приводит к положительному результату в тра-диционном воспитании подрастающего поко-ления коренных народов Севера, этот опыт мо-жет быть применён многими этносами, что даст возможность сохранения самобытной культу-ры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

1. Дегтярёв А. М., Дегтярёва Р. Г., Слепцов Ю. А. По родным местам: (топонимика Момского улуса). Якутск : Изд-во ЯГУ, 2005. 32 с.
2. Еремин С. Н., Траскунова М. М. Проблемы воспитания и образования молодёжи народностей Севера // Народы Сибири на современном этапе: национальные и региональные особенности развития. Новосибирск, 1989. С. 114–122.

3. *Йернсленттен Й. Л.* Устойчивое оленеводство: арктический совет 2000–2002 / [пер. с англ. Г. И. Рыбкиной, К. Б. Клокова]. Тромсе, 2002. 159 с.
4. *Неустроев Н. Д., Слепцов Ю. А.* Традиционное воспитание детей малочисленных народов Севера – эвенов в условиях кочевого лагеря // Педагогика и просвещение. 2018. № 2. С. 31–37. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/traditsionnoe-vospitanie-detey-malochislennyh-narodov-severa-evenov-v-usloviyah-kochevogo-lagerya/viewer>.
5. *Подласый И. П.* Продуктивная педагогика: книга для учителя. М. : Народное образование, 2003. 494 с.
6. *Попова У. Г.* Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья, 1917–1977 гг. М. : Наука, 1981. 304 с.
7. *Слепцов Ю. А.* Этнопедагогические традиции воспитания детей эвенов // Наука и образование. 2010. № 4. С. 27–29.
8. *Слепцов Ю. А.* Кочевая педагогика: маут и ханка // Наука из первых рук. 2013. Т. 51. № 3. С. 100–109. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kochevaya-pedagogika-maut-i-hanka/viewer>.

М. А. Стреляева

ПРАКТИКА ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОИСКОВЫХ ОТРЯДОВ

Аннотация. Общероссийская общественная организация «Поисковое движение России»: история возникновения, цели и задачи деятельности, основные мероприятия и акции, вовлечение молодёжи. Есть сведения о военно-патриотическом клубе «Беркут» из пос. Палана (Корякский округ).

Ключевые слова: история, Великая Отечественная война, общественные организации, Поисковое движение России, молодёжь, патриотическое воспитание.

За время Великой Отечественной войны Советский Союз потерял 26,6 млн человек [1]. Для осознания масштаба потерь нашей страны в сегодняшних реалиях можно представить, что с лица Земли исчезнет всё население современной Австралии или Северной Кореи. Стоит уточнить, что в данное число, 26,6 млн, входят убитые в бою, умершие от ран и болезней военнослужащие и партизаны, мирное население, погибшее во время бомбежек, артиллерийских обстрелов и карательных акций, умершие от голода, расстрелянные и замученные в концентрационных лагерях, а также не вернувшиеся в страну люди, угнанные на каторжные работы в Германию и другие страны. Всех военнослужащих, чья судьба была неизвестной, а также оказавшихся в окружении, относили к без вести пропавшим. За всю войну их число составило 5 059 тыс. человек. Судьбу их определили только после войны, когда вернулось из плена 1 836 тыс. человек и вторично призвали на освобождённой территории 939,7 тыс. человек, ранее считавшихся пропавшими без вести. Всего оказались живыми из числа пропавших без вести 2 775,7 тыс. человек [там же].

К сожалению, после окончания войны государством не были в полной мере совершены все действия по достойному захоронению павших в боях советских военнослужащих, их эксгумации, и, соответственно, исправлению статистических данных по уточнению числа без вести пропавших. Советский Союз восстанавливал промышленность, отстраивал разрушенные города и сёла. В некоторых местах ожесточённых боев происходила мелиорация, засаживались леса, вспахивались поля.

В 1946 г. на станцию Мясной Бор Новгородской области приехала семья путевого обходчика Ивана Орлова. Его сын Николай ходил в лес за ягодой и грибами, где видел помимо оружия и взрывоопасных предметов полуистлевшие тела воинов печально известной 2-й Ударной армии, попавшей в этих местах в окружение. Николай Орлов находил в карманах бойцов смертные

медальоны и писал по указанному в них адресу родственникам погибших. Постепенно в Мясной Бор начали приезжать близкие и друзья найденных солдат и офицеров, в этих местах стали появляться братские могилы. Николай Иванович Орлов считается одним из основоположников поискового движения в нашей стране.

Первое всесоюзное мероприятие по розыску и перезахоронению павших защитников Отечества состоялось в 1988 г. Несмотря на трудные времена, которые переживала наша страна в 1990-е гг., полевые выезды различных поисковых отрядов, проводивших «Вахты Памяти» на собственные средства, не прекращались.

В 2006–2008 гг. Военно-мемориальным центром Вооружённых сил Российской Федерации была проведена уникальная по масштабам, технологии и срокам исполнения работа, в результате которой создана информационно-справочная система, не имеющая аналогов в мировой практике. Профильная база данных содержала в себе информационно-поисковую интернет-систему архивных документов, хранящихся в Центральном архиве Минобороны России и в Военно-мемориальном центре Вооружённых сил России. С этого момента у родственников погибших и пропавших без вести советских воинов появилась возможность при помощи интернета узнать данные, которые раньше были доступны для ознакомления только при обращении в архивы.

В апреле 2013 г. в Российской Федерации было создано общероссийское общественное движение «Поисковое движение России». С этого времени деятельность поисковых отрядов становится структурированной, полевые выезды проводятся в соответствии с планами, утверждёнными Министерством обороны страны. На сегодняшний момент «Поисковое движение России» – это крупнейшая в стране организация, занимающаяся полевой и архивной поисковой работой.

Всего за время существования движения силами поисковых отрядов были найдены остан-

ки более 190 тыс. бойцов, установлены более 10 тыс. имён [2]. По данной статистике видно, что, к сожалению, подавляющее большинство найденных солдат и офицеров остаются безымянными.

В составе «Поискового движения России» более 45 тыс. поисковиков со всей страны. Силами активистов реализуются десятки проектов, которые находят отклик у населения, во многих из них принимают участие школьники и студенты.

Поисковая работа предполагает под собой не только участие в полевых экспедициях на местах боев, но и работу в архивах.

Один из самых востребованных проектов движения – это проект «Судьба солдата». Он был запущен в 2017 г. и ставит своей целью розыск и уточнение боевого пути защитников Отечества. Информацию о военнослужащих поисковики получают как при помощи открытых интернет-ресурсов, так и осуществляя запросы в военкоматы и архивы. По состоянию на 2021 г. уточнены сведения о более чем 25 тыс. советских бойцов и командиров [3]. В силу специфики сбора онлайн-заявок по проекту, а также поиска в базах данных («ОБД-мемориал», «Память народа», «Подвиг народа» и др.) в данном проекте принимают участие школьники и студенты.

Другой важной составляющей сохранения и передачи подрастающему поколению памяти о войне и её героях является уход за воинскими захоронениями, могилами фронтовиков и местами, связанными с защитниками Отечества. Проект «Дорога к обелиску» призван привлечь молодых людей к шефству над воинскими мемориалами, изучению их истории, увековечению на них имён погибших защитников. Активисты «Поискового движения России» собирают информацию обо всех мемориалах и обелисках в своих регионах, приводят в порядок памятники и следят, чтобы на них появились имена захороненных под ними солдат.

Фиксация мест захоронений фронтовиков, умерших в мирное время, стала основной идеей проекта поисковиков Дальнего Востока. Проект «Хабаровский некрополь. Сохраним память о ветеранах!» ставит перед собой задачи, направленные на поиск, инвентаризацию и предоставление информации заинтересованным лицам о судьбах и местах захоронений ветеранов. В рамках реализации проекта было разработано мобильное приложение, в котором отражена информация о геолокации захоронений, фотографии фронтовиков, биографические справки. В реализации проекта принимали участие школьники, студенты, неравнодушные жители Хабаровска.

3 декабря 2014 г. в России впервые отметили

новую памятную дату – День Неизвестного Солдата. Её история восходит к 3 декабря 1966 г., когда в ознаменование 25-летней годовщины разгрома немецких войск под Москвой прах неизвестного солдата был перенесён из братской могилы на 41-м км Ленинградского шоссе и торжественно захоронен в Александровском саду. 8 мая 1967 г. на месте захоронения был открыт мемориальный архитектурный ансамбль «Могила Неизвестного Солдата».

Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России» в 2013 г. впервые провело Всероссийскую акцию «День Неизвестного Солдата». В сентябре 2014 г. в ходе встречи руководителя Администрации Президента РФ Сергея Борисовича Иванова с участниками профильной поисковой смены во Всероссийском детском центре «Океан» было предложено сделать этот день памятной датой России. Данное предложение поддержали, 5 ноября Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подписал соответствующую поправку в закон «О днях воинской славы и памятных датах России». Этот день посвящён всем пропавшим без вести и безымянным воинам, отдавшим свою жизнь за Родину. Кроме традиционного возложения цветов к Вечному огню, в рамках акции «Огни Победы» зажигаются свечи у всех мемориалов страны, в этот день можно пройти онлайн-тестирование на знание исторических фактов, связанных с Днём Неизвестного Солдата.

Каждый год поисковики со всей страны выезжают в полевые экспедиции по поиску незахороненных бойцов, погибших во время военных действий 1941–1945 гг. «Вахта Памяти» – это всероссийская акция, главная цель которой – почтить память погибших в Великой Отечественной войне. Акция включает в себя комплекс мероприятий, среди которых поисковые экспедиции, организация выставок и патриотических акций, связанных с увековечением памяти погибших защитников Отечества, благоустройство воинских захоронений. Традиционно «Вахта Памяти» проводится дважды в год – за несколько недель до 9 мая и в конце лета, но во многих регионах с тёплым климатом она проходит с ранней весны до глубокой осени. В это время участники поисковых групп выезжают на места боёв времён Второй мировой войны.

К концу «Вахты Памяти» все найденные останки воинов торжественно перезахоранивают. Одни из масштабных «Вахт Памяти» – это международные учебно-тренировочные мероприятия, которые способствуют взаимодействию поисковиков из Российской Федерации и

стран СНГ. С недавнего времени на международных учебно-тренировочных «Вахтах Памяти» стал реализовываться уникальный проект – «Полевая школа». У многих участников поисковых отрядов есть маленькие дети, которых нельзя оставлять одних во время экспедиций. Для таких «маленьких поисковиков» и функционирует «Полевая школа», в которой занимаются с детьми, проводят конкурсы, организуют питание, знакомят с окружающим миром, пока их родители несут «вахту» по поиску без вести пропавших советских военнослужащих.

Основным инструментом, который помогает вовлекать в ряды поисковиков молодёжь и школьников, стал проект под названием «Научись помнить». В рамках данного проекта активисты «Поискового движения России» приходят в школы, техникумы и вузы, рассказывают о проделанной работе, показывают находки и, главное, учат ребят искать в интернете документы о своих близких, принимавших участие в Великой Отечественной войне. Экспедиционная деятельность, возможность новых знакомств и «походная романтика» привлекают молодёжь, поисковые отряды пополняются новыми активистами, которые после успешной теоретической и практической подготовки могут участвовать в полевых поисковых выездах по местам боев.

По состоянию на начало 2022 г. в составе «Поискового движения России» действуют 430 школьных поисковых отрядов, общая численность которых составляет 8313 человек. Школьные отряды «Поискового движения России» представлены в 46 субъектах Российской Федерации.

Часть исследований, осуществляемых школьными поисковыми отрядами, выходит на международный уровень. Так, школьный архивно-исследовательский проект «Алексей, Алёшенька, сынок...», реализуемый педагогами и учащимися московской школы № 185 им. Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда В. С. Гризодубовой совместно с городским поисковым центром, в масштабах своих изысканий уже вышел за пределы России. Данный проект имеет целью адресную передачу в семьи героев Великой Отечественной войны редких, ранее не опубликованных материалов (фотографий, кадров кинохроники и голосов солдат) как способа сохранения исторической памяти народа.

Задачами проекта является как разработка методики архивных исследований социально-значимого характера, так и её популяризация, поощрение познавательной архивной деятельности учащихся. За шесть лет силами активистов московской школы № 185 г. совер-

шены десятки поездок в архивы. Поездки по стране и телемосты с родственниками участников Великой Отечественной войны проводились в среднем по десять раз в год. Семьи 60 героев Великой Отечественной войны, Второй и даже Первой мировых войн получили фотографии, кадры военной кинохроники, фоновые записи голосов и письма с фронтов [4]. Вести «из прошлого» получили родственники солдат, проживающих на территориях России, Белоруссии, Грузии, Соединенных Штатов Америки.

Своей конечной целью участники проекта видят создание в субъектах страны системы изучения региональных архивных фондов для поиска ранее неопубликованных фотографий, аудио- и видеофрагментов, на которых изображены участники войны, труженики тыла, медицинские работники, дети войны. Распространение опыта проекта «Алексей, Алёшенька, сынок...» и создание системы работы школьников с архивной информацией позволит многократно повысить интерес, чувство сопричастности учащихся школ к отечественной истории в целом, а также восполнить пробелы в личной семейной истории адресатов проекта и юных исследователей в частности.

Среди поисковых мероприятий для подростков есть события с многолетней историей. Поисковики из Сибири в течение 30 лет проводят межрегиональный лыжный поход для школьников под названием «Ледовый марафон». Данное мероприятие посвящено памяти красноармейцев, без вести пропавших в годы Великой Отечественной войны, и подвигу воинов 28, 29 и 30-й отдельных лыжных бригад, сформированных в Сибири. В течение похода, длящегося несколько дней, школьники посещают места боевой славы, музеи, памятные точки на карте районов. В 2022 г. в «Ледовом марафоне» участвовали 475 человек из шести сибирских регионов. Протяжённость пути, пройденного участниками мероприятия на лыжах, составила более 200 км [5].

Для привлечения молодёжи в поисковые отряды и поддержания интереса к истории своей страны активисты «Поискового движения России» помимо проведения уроков мужества, выставок, классных часов, организуют военно-исторические реконструкции. Воспринимая происходящее как игру, в реальности подростки постепенно узнают о событиях и сражениях Великой Отечественной войны, обмундировании, вооружении, приобщаются к военному быту и походным условиям.

На территории Камчатского края военно-исторические реконструкции проводятся сила-

ми патриотических молодёжных объединений, в частности, военно-патриотического клуба «Беркут» из пос. Палана. Данным объединением проводятся реконструкции по историческим событиям Великой Отечественной войны и штурму о. Шумшу в августе 1945 г., как на территории Камчатского края, так и в Сахалинской области. Формат военно-исторических реконструкций наглядно демонстрирует обмундирование, оружие, воссоздает исторические сражения, привлекает внимание участников своей зрелищностью. Молодёжь имеет возможность стать частью захватывающего действия, узнать подробнее о героических страницах истории своей Родины.

Для поисковых отрядов при средних профессиональных и высших учебных заведениях в составе «Поискового движения России» функционирует Ассоциация студенческих поисковых отрядов. Студенты-поисковики выступают инициаторами студенческой «Вахты Памяти», Всероссийского слёта студенческих поисковых отрядов, а также других мероприятий, направленных на привлечение молодёжи в поисковое движение. В Ассоциацию по состоянию на 2022 г. входят 104 студенческих отряда, 1750 человек из 23 регионов России [6].

Ассоциация проводит работу по следующим направлениям:

- 1) работа со студентами средних специальных и высших учебных заведений;
- 2) работа в социальных сетях и интернет-пространстве;
- 3) работа с проектами «Поискового движения России», курирование этих проектов в студенческой сфере;
- 4) организация студенческого полевого сезона.

Для молодых людей, являющихся активными участниками поисковых отрядов и подлежащих призыву на срочную военную службу, су-

ществует такая преференция, как возможность отдать долг Родине в составе 90-го отдельного специального поискового батальона (в/ч 11115). Данное подразделение было сформировано в апреле 2007 г. и уже 15 лет участвует в проведении поисковых работ на территории Российской Федерации. На данный момент 90-й отдельный специальный поисковый батальон входит в состав войск Западного военного округа.

Таким образом, общероссийской общественной организацией «Поисковое движение России» выстроена система, включающая в себя полевою и проектную деятельность, а также предлагающая ряд возможностей для юных поисковиков:

- 1) участие в патриотических и профильных мероприятиях и конференциях по всей стране;
- 2) приобретение полезных навыков и знаний по истории, археологии, антропологии, оружейному делу и работе в архивах;
- 3) помощь соотечественникам обрести утраченные семейные связи, предметы, сохранить память о близком человеке;
- 4) получение общественного поощрения за активную поисковую деятельность в виде наград и благодарностей различных уровней.

Поисковая деятельность на сегодняшний день постепенно становится одной из форм обучения, воспитания и развития личности подрастающего поколения. Участие в «Поисковом движении России» способствует духовно-нравственному, патриотическому, гражданскому воспитанию молодёжи через вовлечение в социально полезную деятельность, организацию и проведение различных мероприятий. Помимо этого, полевая поисковая деятельность развивает здоровый образ жизни, закаляет характер и силу духа, побуждает молодёжь знать историю своей страны, её героев, любить свою Родину, свой родной край.

1. Великая Отечественная война: юбилейн. стат. сб. М. : Федерал. служба гос. статистики, 2020. 299 с.
2. Общероссийское общественное движение по увековечению памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России»: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rf-poisk.ru/page/230/> (дата обращения 19.08.2022 г.).
3. «Судьба солдата»: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rf-poisk.ru/project/2/> (дата обращения 20.08.2022 г.).
4. Матюхина О. Московские поисковики передали на Алтай фотографию солдата Первой мировой войны. Режим доступа: <https://barnaul.press/news/moskovskie-poiskoviki-peredali-na-altay-fotografiyu-soldata-pervoy-mirovoy-voyny.html> (дата обращения 20.08.2022 г.).
5. Поисковики Сибири провели Межрегиональный лыжный поход «Ледовый марафон – 2022»: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rf-poisk.ru/news/12094/>.
6. Ассоциация студенческих поисковых отрядов «Поискового движения России»: [электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rf-poisk.ru/project/14/> (дата обращения 22.08.2022 г.).

В. В. Татауров

НИЖНЕКАМЧАТСКИЕ ПЕСНИ О ЗЕМЛЕПРОХОДЦАХ

Аннотация. Автор – поэт, член Союза писателей России о поэме «Нижнекамчатские песни о землепроходцах», написанной к 325-летию присоединения Камчатки к России и посвящённой первооткрывателям полуострова – Луке Морозко и Владимиру Атласову. Дан анализ произведения.

Ключевые слова: стихи, поэзия, история, землепроходцы, казаки, Морозко Л., Атласов В., Камчатка, п-ов.

Причиной, побудившей меня написать поэму «Нижнекамчатские песни о землепроходцах», послужило ознакомление в октябре 2020 г. с работой камчатского историка и краеведа С. И. Вахрина «Дело об убийстве Володимира Атласова. Камчатская Сибириада», а также предстоящий юбилей – 325-летие присоединения Камчатки к России в 2022 г.

Трудно объяснить и описать события, происходившие в России на рубеже XVI–XVII вв., без упоминания имени мистика и философа Даниила Андреева: *«Духовный процесс этого времени чрезвычайной важности, приведший к способности одновременного созерцания противоположных духовных глубин проявил в духовной сфере исконной русской способности к неограниченному размаху – тому самому размаху, который во времена примитивных и цельных натур выражался психологически в слитности душевного склада с ширью необозримых лесов и степей, эмоционально – в богатырской удали, а исторически – в создании монолитной державы от Балтики до Тихого океана. Это время землепроходцев и опричников, иноков и разбойников, казачьих атаманов и сживших самих себя раскольников»* [1, с. 320].

XVII в. вообще задал исторической мысли немало загадок, и одна из самых глубоких заключается в следующем: почему и ради чего, какими именно социально-экономическими причинами понуждаемый русский народ, и без того донельзя разрежённый на громадной, необжитой ещё Восточно-Европейской равнине, в какие-нибудь столетия усилиями отнюдь не государства, а исключительно частных людей, занял пространство, в три раза превышающее его родину, пространство суровое, холодное, неудобное, почти необитаемое, богатое только пушниной да рыбой, а в следующем столетии перешагнул через Берингово море и дотянулся до Калифорнии?

Русских казаков, дескать, привлекали изобилие зверя и рыбные богатства Дальнего Востока. Да, привлекали. Но не одни ведь русские знали, что рыба – вкусная вещь, не одни же русские носили меха и торговали ими. Почему же, странное

дело, эти самые богатства не привлекали, например, китайцев, обитавших к ним гораздо ближе, в культурном отношении стоявших в XVII в., бесспорно, выше русских, и к тому же страдавших от перенаселённости в стране?

На эти вопросы, сами собой напрашивающиеся ещё на школьной скамье, невозможно добиться ответа потому, что из факторов, с которыми достаивает иметь дело современная наука, этого ответа не извлечёшь. Что же это за непреодолимый зов, увлекавший землепроходцев всё дальше и дальше? Из глубин души поднимается бессловесный, грозный и непререкаемый зов Бессознательного, Соборная Душа народа.

А деяния, внушавшиеся землепроходцам, сводились к одному – только к одному, но великому: силами нескольких сотен богатырей захватить и закрепить за сверхнародом российским грандиозные пространственные резервы – всю пустующую территорию между массивами существующих ныне на земле культур. Ни один казак, ни один герой сибирских завоеваний этого, конечно, даже приблизительно не понимал. Перед каждым возникала не эта общая историческая цель, а мелкая, частная, конкретная: бороться за своё существование путём устремления на Восток за горностаем, за белкой, за соболем. И остановиться было невозможно. Этому мешали дикие запахи с неведомых пустошей Востока, ударяющие в ноздри и пьянящие, как вино. Этому мешало курлыканье журавлей, трубные клики оленей, напряжённые, страстные, вольные голоса звериного мира. Этому мешала синеватая дымка, затуманивавшая на востоке дремучий лесной горизонт. Этому мешали бездомные ночлеги, костры, лица и рассказы товарищей, песни, удаляя жизнь. Главное же – мешала собственная кровь, учившая именно так понимать голоса ветра и солнца, зверей и птиц, кровь, гудящая по жилам властным призывом ВДАЛЬ, вне разумным и провиденциальным хмелем бродяжничества.

«Да это даже не психология, это просто поэзия!», – скажет кто-нибудь. Что же, разве историческая наука выше поэзии, чтобы позволить

смотреть на неё свысока? А если они равноценны, если они должны друг друга оплодотворять, то закономерна не только *история поэзии*, но и *поэзия истории*. В особенности же не стоит иронизировать над поэтическим элементом в истории тому, кто без привлечения на помощь этого элемента не сумел ответить на поставленные вопросы ничем, кроме словесного топтания вокруг них или же стыдливого молчания.

Итак, решено – надо писать *историческую поэму* «Землепроходцы». Но как воплотить в скромном размере поэмы огромный массив событий, проходивших в Московии (России) на рубеже XVI–XVII вв.?

Как здесь не вспомнить в этот момент слова Вольтера: «Случайностей не существует – всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие». Предвестием и наградой для написания поэмы явилась случайно попавшая на глаза информация из интернета о том, что при строительстве мостового перехода через реку Зея в городе Благовещенске на следующий день после дня святого преподобного Зосимы игумена Соловецкого 30 апреля 2022 г, в день Великой Субботы 1 мая 2022 г., накануне Святой Пасхи 2 мая 2022 г., мостостроителями АО «Строительная компания “Мост”» с 10-метровой глубины реки была обретена медная икона святых преподобных Зосимо и Савватия Соловецких. А спустя месяц в Благовещенск «неожиданно» поехал в командировку наш земляк – писатель А. А. Смышляев. Он по возвращении показал мне фото из Амурского областного краеведческого музея обрётённой иконы и рассказал историю её обретения.

Так возник замысел написания поэмы о присоединении Камчатки к России с названием «Нижекамчатские песни о землепроходцах» с посвящением моему современнику поэту Приамурья Виктору Еращенко.

Почему Виктор Еращенко? Поступив на очное отделение Хабаровского политехнического института по специальности «Мосты и тоннели» в 1973 г., я невольно окупился в литературную жизнь города с литературными встречами при газетах «Молодой дальневосточник» и «Тихоокеанская звезда». Периодически в редакциях газет появлялся выпускник Литературного института им А. М. Горького Виктор Еращенко, первый сборник стихов которого, вышедший в Москве в издательстве «Молодая гвардия», я выучил наизусть «от корки до корки». А потом появились незабываемые стихотворный

цикл «Странники» и поэма «Тоннель» о тех, кто *«вольный путь торил от Забайкалья до Курил»*. Безвременье России накануне 90-х гг. минувшего века не позволило по экономическим причинам выйти в свет в издательстве «Советский писатель» сборнику стихов «Взыскую града». А потом – трагическая гибель поэта...

Почему «Нижекамчатские...»? В Нижекамчатском поселении, ликвидированном в 60-х годах прошлого века как неперспективном, в полном безлюдье в своих стенах находится с 1741 г. старейшая на Дальнем Востоке церковь – храм Успения Пресвятой Богородицы. Ну не Чудо ли это? Это – место Силы Камчатки! Здесь невольно ощущаешь *«былых столетий истовую силу»*! И доказательство этому – после первого посещения Храма в 2017 г. мной была написана поэма «Храм Успения Пресвятой Богородицы», тепло встреченная читателями.

Почему «песни...»? Так называются главы поэмы, посвящённой историко-героическим событиям присоединения Камчатки к России землепроходцами.

Поэма «Нижекамчатские песни о землепроходцах» состоит из запева и пяти песен: «Песнь 1. Даниил Андреев. “Роза мира”», «Песнь 2. Мэнэрик Шарморнэл», «Песнь 3. Лука Морозко», «Песнь 4. Владимир Атласов», «Песнь 5. Икона».

ЗАПЕВ

Что, как ни мосты, должно связывать берега, людей, события... Я – это мост между минувшими событиями и грядущими. Всё чаще вспоминаются минувшие времена моего участия в строительстве мостовых переходов на бамовских реках Амурской области – Мульмуги, Дымкоуля, Зеи... А уже мечтают про сахалинский и беринговоморский мосты... Недавно появился крымский мост. А нынче в Благовещенске строится двухкилометровый мостовой переход через реку Зея.

1 мая 2021 г. мостостроитель АО «Строительной компании “Мост”» Александр Вайгант увидел при погружении опоры благовещенского моста:

*Вода и ил бурлили.
На волнах
Мелькала, вся облепленная тиной,
Поднятая со дна реки пластина.*

*А к Вайганта ногам принёс поток
Под V-образным мостовым пилоном
Из глубы Зеи древнюю икону
Зосимо и Савватия святых...*

По этому факту в начале сентября 2021 г. я приехал в Соловецкий монастырь осмыслить чудо обретения иконы святых преподобных Зосимо и Савватия Соловецких в Благовещенске. Встретился с трудниками и послушниками монастыря, монахами и друзьями из Соловецкого поселения. Несмотря на эпидемию ковида в монастыре было много отчаянных паломников-богомольцев и туристов, пренебрегавших ношением масок. Глубокоуважаемый отец Фотий посодействовал мне устроиться в относительной безопасности. В студёные предосенние соловецкие ночи в тёплой избушке на берегу Святого озера я слушал истории о борьбе насельников Соловецкого монастыря со шведскими завоевателями, о беспримерном Соловецком сидении с 1668 по 1676 г., о СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения).

*И ночи напролёт текли беседы
О древних и таинственных местах,
О городах заморских и соседних...
И даже про распятого Христа.*

Так в мыслях появлялась спасительная ясность о будущей поэме. Пора наконец-то возвращаться на Камчатку. Но куда? Конечно, в Нижнекамчатск. К храму Успения Пресвятой Богородицы!

*Неведомые радость, плачь и стоны
Корёжат душу грешную мою.
Под горлового пенья обертоны
Я вам спою...
Что вижу – то пою!*

ПЕСНЬ 1. Даниил Андреев. «Роза мира»

Это неоднозначная песнь поэмы. 18 декабря 2021 г. при чтении поэмы в Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова слушатели выразили пожелания – не перегружать поэму Песнями с излишней информацией, мешающей цельному её восприятию. Я посчитал, что таковой является «Песнь. Даниил Андреев. “Роза мира”». Тем более, что отец Афанасий, иеромонах Соловецкого монастыря, выразил недоумение – почему в православной историко-героической поэме присутствует информация мистического учения «Роза мира», написанного человеком, не обладавшим духовным христианским опытом.

*Вот и уснул Владимирский централ.
И скоро благодать полночных бдений*

*В темницу снизойдёт
И до утра
Проявится картинами видений
Затомисов неведомых миров...*

Колодники идут по Владимирке в ссылку на севера, в Даурию... Ведь не зарекаются на Руси «от сумы и от тюрьмы».

*А погоняло у страны – Терпила.
И, как всегда, безмолвствует народ.
В сараях косы острые и вилы
Стоят, на всякий случай, у ворот.
Так и живём. Для нас закон не писан.
Пускай пугают судьи нас зазря.
Не может быть иного компромисса –
Ведь Божья правда посильней царя.*

И вот уже освоение севера и окраин России осуществляется преступниками и безвинно осуждёнными.

*А имя у него звучит, как сталь.
Он если скажет: «Надо», –
Значит – надо!
И трансполярной лентой магистраль
Пошла от Салехарда на Анадырь.*

*Вдоль полярных морей
Побегут поезда на восток.
На знамёнах державы
Бессмертные Сталин и Ленин.*

*В победный сорок пятый славный год
В сирени майской радостном кипенье
Он поднял тост: «За русский наш народ!»
Потом в усы добавил: «За терпенье...».*

И, несмотря на невыносимые условия жизни и труда на Севере, люди выживали, любили, творили в Соловецком лагере особого назначения, на урановых рудниках и золотоносных приисках Колымы, на строительстве довоенного БАМа и Северного широтного хода.

*Пусть в нищете.
Порой живём убого.
И не всегда понятен нам закон.
За рёбрами – душа и вера в Бога!
За душу ставим свечи у икон.*

«Песнь. Даниил Андреев. “Роза мира”» я убрал из поэмы, напечатанной в сборнике избранных стихов «Былых столетий истовая

сила». Желающие могут ознакомиться с полным вариантом поэмы в альманахе «Литература. Краеведение. Камчатка. 2022».

ПЕСНЬ 2. Мэнэрик Шарморнэл

Мэнэрик Шарморнэл – так называют юкагиры Зов Полярной звезды, загадочный полярный психоз, известный у поморов как мерячение или мерячка. Это изменённое состояние сознания, при котором люди становятся похожими на зомби, уходят на север в сторону океана, а после приступа не помнят, что с ними происходило.

*Зов Полярной звезды.
В путь зовёт Мэнэрик Шарморнэл!
Все уходят в мерячку.
Оттуда уже не вернуться...*

*Засыпают снегами
Остывшие угли костра.
По ушедшим в мерячку
Камлают и пляшут шаманы.*

Но в северном полярном безмолвии вдруг появляются люди с иной внешностью, одетые в иные одежды, с иным вооружением... и с образом печальной женщины, держащей на руках младенца, который протягивает людям **два перста**. Это изображение Путеводительницы – Одигитрии, иконы Богоматери с младенцем Иисусом.

*Но с надеждой и верой
Уходят из отчего дома
С Одигитрией,
Писанной евангелистом Лукой,
Неуёмные люди
Встречь солнца стезёю ведомы.*

И вот уже по ним, ушедшим в иных временах, я – наследник их подвигов, деяний, я – мост между ними и грядущими поколениями, стою перед нижнекамчатским храмом Успения Пресвятой Богородицы.

*Со свечой к Одигитрии благостной
В церковь спешу я
И шепчу: «Божья Мати!
Их грешные души спаси!»
...И двуперстием –
Чело,
Перси
И одесную – ошую...*

ПЕСНЬ 3. Лука Морозко

Песнь рассказывает о Луке Морозко Семёнове, сыне Старицына, ступившем на камчатскую землю до Владимира Атласова.

Ночью в пургу Лука Морозко спешит вернуться из поездки на Камчатку в Анадырский острог. Устали олени. Ехать дальше – гибель. Остаётся одно – ночевать в тундре. Каждый прожитый день землепроходца равнозначен подвигу, а каждая проведённая ночь в бушующей тундре равносильна игре со смертью.

*И олени – на колени,
И посыпало снега.
По небесному велению
Разыгралась вдруг пурга.
Надо прятаться под нарты,
Завернуться в зипуне.
Уплотняет ветер настом
Над Лукой пушистый снег.
Сохрани Господь во сне...*

Над сугробом раскачивается от ветра хорей, способствуя притоку воздуха в полость сугроба. Под завывание ветра слышатся Луке песни из детства о гибели Ермака, и в отрывочных сновидениях видится Луке родной город Великий Устюг и отец Семён Старицын.

Вот они с отцом ходят на шитиках (гребное судно класса река-море) по Двине, доходя до Архангельска и Соловецкого монастыря. И обратно везут в Великий Устюг в бочках знаменитую соловецкую сельдь монастырского посылка и икону.

*Монахи даровали нам икону
По меди, где благие старички
Святейшие Савватий и Зосимо,
Дабы в пучине нам не утонуть,
За мореходов молятся, вестимо,
Бывальцев провожая в добрый путь.*

А потом Лука уходит из дома в сибирские неведомые земли. Отец навешивает ему под рубаху на грудь медную икону преподобных святых Зосимо и Савватия.

*А как остался жив-здоров и цел
Напоминают вмятины на медной
Иконе от копья и вражьих стрел.*

В данной Песне первой реперной точкой истории является эпизод 1676 г. – «Соловецкий монастырь» о беспримерном Соловецком сидении с 1668 по 1676 г.

*Осьмой как год в монастыре сидельцы
Исправленные книги жгут дотла.
От еретиков лживая идея пришла на Русь,
Чтоб на латинский лад
Над православной верой надругаться.*

22 января 1676 г. с помощью изменника воевода И. А. Мещеринов овладел обителью.

*В ночь стрельцы из Великого Устюга,
Феоктистом-иудой ведомы,
В тайный лаз незамеченно спускаются.*

С насельниками монастыря воевода Мещеринов поступил варварски, все деревья вокруг монастыря были увешаны трупами монахов, часть монахов была выгнана Мещериновым на лёд Святого озера и бухты Благовещения, где они были заморожены.

Это плоды реформы патриарха Никона. Он предписал совершать крестное знамение **тремя перстами**, что противоречило актам Поместного собора 1551 г., закрепившим двуперстие. Далее Никон продолжил реформу, собирая соборы. Собор 1654 г. положил начало делу унификации московских книг по греческим книгам, напечатанным в XVI в. на Западе. Всех **крестящихся двумя перстами объявили еретиками и предали анафеме**. Поспешная анафема собора 1656 г. на всех крестящихся двумя перстами стала главной причиной раскола XVII в.

Второй реперной точкой истории стал эпизод от 24 апреля 1682 г. казни протопопа Аввакума Петрова.

*А на костре в полярном Пустозерске,
Другому невадно было чтоб,
Сожжён прилюдно проповедник дерзкий.
С **двуперстьем** к небу грозный протопоп.*

Лука Морозко, как устюжанин, конечно, был возмущён жестокостью своих земляков-стрельцов в Соловецком монастыре.

*Пришёл в острог Якутский. И в церквушку.
Свечу перед иконой.
И щепоть
зажал в кулак.
Потом к челу – **двуперстие**.
(Ой, окаянную и буйную жизнь остени,
Господь!)
Потом на перси.
И одесную.
И ошуюю...*

После этого вопиющего случая пошла о Луке Семёнове Морозко молва, как явствует из окладных книг Якутского острога, был «в бунту и одиначестве», вёл себя дерзко, «не боялся Бога и не помня крестного целования», жил «бесстрашно».

За своё бунтарство он в 1688 г. послан «идти на покати», то есть к Становому хребту и к верховьям реки Зеи. Во время этого похода он открыл месторождение слюды-мусковита.

*Взмахнул рукой из отходящей лодки.
И на прощание в последний раз
Я прокричал Атласову Володьке:
«Не надо лихом поминать, Атлас!»*

Что могло связывать этих двух людей – Луку Морозко и Владимира Атласова, почему именно этот «бесстрашный» якутский бунтарь Лука Морозко оказался в окружении молодого Атласова? Может быть, причина заключалась в том, что и Лука Старицын не был уроженцем Якутска, а был устюжанином, то есть выходцем с Руси, из Великого Устюга, и столкнулся здесь, в Якутске, с местными традициями и нравами, смириться с которыми не мог? Обращает внимание и тот факт, что в 1688 г. (а затем и повторно) Лука Старицын совершает беспримерный (даже по тому времени) по трудности поход на Зею в поисках полезных ископаемых. И вполне вероятно, что ему был «симпатичен» тот героизм Атласова, который Владимир Владимирович проявлял в борьбе с самогонщиками, а точнее, с сильными мира сего... Но в том же 1688 г. пути-дороги Атласова и Старицына на какое-то время разошлись. Лука отправился на Зею, а Атласов был сослан в Анадырский острог.

*С Зосимо и Савватием святыми
Отправился отыскивать следы
Тех мест, где затаились кладовые
Месторождений кварца и слюды.*

*...увидеть, как в Амур впадает Зея,
Даурию и крепость Албазин.
О, Господи! Ты только знаешь, Суций, –
Аз же есмь червь иль человек такой?
Так подскажи мне, где он, Град грядущий,
Сходящий с неба Город золотой!*

Взыскание Града грядущего – вот что зовёт в дорогу Луку Морозко. «Не имамы бо зде пребывающего града, но грядущего взыскуем», как явствует из евангельского текста. И идёт

бесстрашный якутский бунтарь Лука, взыскую грядущего Града, в поисках социальной справедливости, лучших форм жизни.

Третья реперная точка истории – это эпизод от 1687–1689 гг., крепость Албазин.

*На берегах широкого Амура
Лежат семьсот героев, как один,
Две с половиной тысячи маньчжуров
Не пропустивших в русский Албазин.*

Несмотря на то, что казаки отстояли Албазин, 6 сентября 1689 г. был заключён Нерчинский договор, первый в истории российско-китайских отношений договор о демаркации границ и торговле. Согласно Договору, китайской стороне отошёл водораздел реки Амур с крепостью Албазин.

С чудотворной Албазинской иконой Божией Матери «Слово плоть бысть» уходят русские люди от берегов Амура.

И тогда Лука Морозко отдаёт самое ценное, что есть у него –

*Зосимо и Савватие, прискорбно
Рискну вас, преподобных, испросить –
Позвольте Албазинскую икону
Иконой Соловецкой заменить.
Пожнут потомки то, что мы посеём.
И на коленях стоя, потому
Я, о содеянном не сожалея,
Икону снял с груди и вверил Зее –
Пушай волна несёт её в Амур,
Чтоб били там, как шведов, богдыхана!*

Без соловецкой иконы, но с чувством исполненного долга, Лука Морозко возвращается в Якутск и идёт дальше, взыскую грядущего Града, на Чукотку.

ПЕСНЬ 4. Владимир Атласов

Между тем уже закончилась пурга в тундре. Над наметённым сугробом торчит хорей, к которому привязаны олени. Едущий на оленьей упряжке по свежему уплотнённому ветром снегу приказчик из Анадырского острога Владимир Атласов подъезжает к сугробу с хореем и вытаскивает из сугроба из-под нарт путешественника. Это заспанный Лука Морозко.

В беседе Лука сообщает, что он разыскал грядущий Град и оттуда сейчас возвращается. Там у него в друзьях род берегового коряка Камака, который безропотно заплатил ясак соболями шкурками.

*Не город это. Целая страна!
Там видел я из льда до неба гору
С вершиной, раскалённой докрасна...*

*Конечно, не проста туда дорога.
Она идёт на полдень от острога.*

Атласов понял, что у него появился реальный шанс выбраться из рутины прозябания в должности приказчика и до конца жизни выискивать самогонщиков. Он должен быть победителем, хозяином жизни. Но он ни с кем не намерен делить славу, даже с Лукой.

*Не Атласов я буду, коль не разужнаю дорогу
К той стране, где Лука был.
Я – пятидесятиником стал!
Поутру направленьем на полдень
пойдём от острога,
Юкагиры с казаками, нас чуть поболее ста.*

*Дольше – только вперёд,
по-другому уже невозможно.
Я на этот поход задолжал
полтора ста рублей.
Горем луковым стать на посмеище –
тоже возможно.
Но к победе иду! В крайнем случае –
к смерти своей.*

Четвёртая реперная точка истории относится к 4 апреля 1697 г., Анадырский острог. В этот день приказчик Григорий Постников с казаками пытался догнать ватагу Владимира Атласова, чтобы их вернуть в острог, так как на опустевший острог могут напасть воинствующие коряки. Но участвующие в погоне потеряли следы ватаги.

*Все воротились – лишь Лука Морозко
По перевалам двинул без оглядки
В безлюдье, где ни чумов, ни яранг.
И кто бы знал, что на кону Камчатка!
А на него Атласов шёл ва-банк!*

Как ни в чём не бывало встречается Морозко с Владимиром Атласовым. Договариваются разделить на два отряда и продолжить путь дальше.

*Быстрее застолбим христовы земли.
А канителиться нам не с руки –
Дорогой объясчим всех туземцев.
Встречаемся вблизи Большой реки.*

Отряд Атласова идёт маршрутом, которым уже ходил Морозко. Казаки повторно требуют ясак с рода Камака. Ведь Атласову надо возвращать долг за экспедицию в 150 рублей. А тем временем, тойоны Ома и Тыкно устроили засаду на отряд Атласова на реке Палане.

*В один миг окружили ватагу.
Стрелы над головами летят.
Юкагиры поднялись в атаку.
Шесть казаков убили, однако.*

*Страшен яростный сабельный бой.
Все изранены. Ранен Атласов.
Снег от крови стал липким и красным,
Вспыхнул огненною купиной.*

В критический момент битвы из зарослей ольшаника раздались выстрелы пицалей. Это отряд Луки Морозко, узнав от ясачных коряков о готовящейся засаде, пришёл на помощь к Атласову.

И снова отряды разделились. Сменили маршруты, и Лука по пути на реку Нанок заглянул в тимусчичь (жилище) рода Камока. Камок потребовал от Луки вернуть шкурки соболей, которые с него казаки требуют дважды.

*Только вскрик над Нанок, над рекою.
Жизнь свою, Морозко, подытожь –
Намылана сильною рукою
Грудь Луки вспорол бурятский нож.*

Где она та соловецкая икона, ранее прикрывавшая грудь Луки Морозко?

Пятая реперная точка истории относится к нашему времени. 1 мая 2021 г. на реке Морошечной (бывшей Нанок) и на реке Зея.

Оказывается, что образ святых Зосимо и Савватия Соловецких в этот день потоками воды всплыл из илистых отложений десятиметровой глубины реки Зея. А Морошечной реку Нанок переименовали в память об убиенном здесь Луке Морозко.

*К нам вернулись старцы. Чтоб по чтимым
Веру и деяния сверять.
Отмолили и Амур и Зею.
И навстречу мыслям и мольбам
Верю – из запасников музея
Их вернут нам. Крестным ходом. В храм.*

Но Владимир Атласов продолжает свой беспримерный поход.

*Среди нехоженных далёких мест,
Куда не каждый может и добраться,
Стоит большой восьмиконечный крест.
А значит, здесь прошли когда-то братья.*

«7205 (1697) года июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов со товарищи 55 человек».

Отныне земля Российская приросла Камчаткой!

В 1700 г. Владимир Атласов возвращается в Якутский острог с ясаком и записями (скасками) о походе. Из шестидесяти казаков вернулись только пятнадцать. А в феврале 1701 г. Атласов прибывает в Москву.

*За хорошую службу получит герой сто рублей.
И хоть не из дворян –
головою казачьим назначают.*

*А в Европу рубили окно, чтоб задули ветра.
Медный всадник привстал над седлом,
опираясь на стремя.
И Атласов почувствовал,
что настает его время.
Открывала Россию железная воля Петра.*

С пушками, ядрами, бисером, славой и почётом едет из Москвы на Камчатку голова казачий – Владимир Атласов. Вот только задержка произошла на Енисее. Нет речных судов (дощаников), чтоб идти по реке дальше.

*Забрать суда желанье возымею.
Я – голова казачий или нет?*

Но у владельца дощаников, купца Добрынина, оказались высокие покровители, и «отправился Атласов на цугундер» за грабёж купца и самоуправство.

*А Камчатка в то время стонала
от зла и разбоя.
Невозможно уже перечесть
всех бесчинств и обид.
И тогда «кто-то умный»
вдруг нашего вспомнил героя –
Кто Камчатку открыл,
тот пуцай и её усмирят.*

И возвращается на Камчатку казачий голова Владимир Атласов, и приступает к наведению порядка казачьей вольницы на открытых им землях. Но это уже не тот Атласов, который

ватажником шёл со товарищами казаками по неизведанным землям. Он усвоил урок, что с жестокими и злыми надо быть более жестоким и злым. И даже быть хитрее.

*Они, конечно, потеряли страх.
Ужо кнутом я преподам науку!
А кто-то слух пустил, что в этот раз
Я утаил лисицу чернобурку!*

И почему-то всё чаще вспоминается давний друг Лука Морозко.

*Лукашка... Где ж твой Город золотой?
Ведь я в твоём убийстве виноватый
на речке Нанок. Был бы я простой
казак. Пятидесятник, вероятно.
Но ты поведал о Камчатке мне.
По праву ль я ношу твои заслуги?*

Атласов надломлен и душевно, и физически. Надо побыть одному. Надо куда-то съехать из Большерецкого острога. Хоть куда-нибудь, но подальше. В Нижнекамчатск.

Шестая реперная точка истории переносит нас в 1 февраля 1711 г., в Нижнекамчатский острог, в избу, где живёт Владимир Атласов.

*Мне сообщили, что они пришли.
А если б не пришли, то было б чудо.
Они бы всё равно меня нашли.
И под рубаху надо бы кольчугу
надеть.*

Атласов устал от безумной гонки за удачей, славой, властью... Вознесение от чукотского чума до кремлёвских палат и... падение в бездну цугундера. Он одинок. У него нет друзей, верных товарищей.

*Морозко не хватает мне сейчас
Уж он бы мне прикрыл надёжно спину.
Как я устал. Ах, если б только час
Поспать. Гори, сгорай моя лучина!*

*Стук в двери. Что – уже?! Пойду открою...
Анциферов Данило первым вхож.
.....
Данило вышел из избы, от крови
О голенище вытирая нож.*

ПЕСНЬ 5. Икона

В заоблачной России всё устроено иначе. Если мы всегда весной отмечаем Пасху, то там только на Пасху приходит весна. И только на Крещение приходит морозная зима. Там в бе-

лоснежных одеждах гуляют не хозяева жизни, купцы и дворяне, а бродяги и святые.

И по мосту из заоблачной России к нам на встречу идут святые Зосимо и Савватий Соловецкие. И, как всегда, в бесконечных беседах вспоминают они, как землепроходцами шли к полярным широтам и возводили Соловецкую обитель во славу России и православной веры.

*Что же правильной будет –
двуперстие или щепоть?
Для меня до сих пор
в этих пальцесложеньях интрига.
Лишь бы жили без брани, Савватий.
Храни их, Господь!
Пусть по вере, Зосимо,
и крестятся, лишь бы не фигой.*

Стремительно летит время. Уходит прочь всё наносное, придуманное. В Нижнекамчатском остроге закончилась удивительная жизнь казачьего головы Владимира Атласова.

*Увы, на пепелище не найти
Атласова могилу или яму...
Он в том остроге, души их эти,
Зарезан был надёжными друзьями.*

А в память об Атласове, 325 лет назад прирастившего Россию Камчаткой, остался депрессивный посёлок в центральной части полуострова, прославившийся нахождением там поселения заключённых, да ещё пыльная, грязная улочка в частном секторе на склоне сопки в Петропавловске-Камчатском. Вот, пожалуй, и всё...

*... И, Зосимо, не наша вина,
Что на место героев
приходят глупцы и подонки.*

И неспешно идут на встречу с нами святые Зосимо и Савватий.

А над солнечным полем куда-то плывут облака...

*Верьте, люди, в Россию,
как верите в Господа Бога.*

Ну как тут не вспомнить удивительные слова сына фельдмаршала Бурхарда-Христофа Миниха графа Эрнста фон Миниха три века назад сказавшего: «**Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует**» [2, с. 489].

1. Андреев Д. Л. Роза мира. М., 1999.
2. Мемуары Антона Бюшенга. Галле, 1789.

А. М. Токранов
ОДИН ИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ СЕВЕРНОЙ
ПАЦИФИКИ В. В. ФЁДОРОВ

Аннотация. Фёдоров В. В. (1939–2011), видный отечественный учёный-ихтиолог, один из ведущих и признанных в мире экспертов по фауне рыб северной части Тихого океана, кандидат биологических наук, научный сотрудник лаборатории ихтиологии Зоологического института РАН. Его деятельность и научные труды.

Ключевые слова: наука, учёные, ихтиология, рыбохозяйственная наука.

Хотя Владимир Владимирович Фёдоров не был публичным человеком и, по возможности, избегал многочисленных научных форумов с шумными дискуссиями, предпочитая им общение в узком кругу коллег, его вклад в изучение ихтиофауны Северной Пацифики, пожалуй, трудно переоценить. Недаром при жизни он считался одним из ведущих и признанных в мире экспертов по фауне рыб северной части Тихого океана [1].

В. В. Фёдоров родился 2 января 1939 г. в Калинин в семье учителей. В 1944 г. вместе с родителями он переехал в Одессу по месту новой службы отца, где окончил школу и поступил на биологический факультет Одесского государственного университета им. И. И. Мечникова. Рано проявившийся интерес к изучению природы привёл его вначале в кружок юннатов при Дворце пионеров и на областную станцию юннатов, а в студенческие годы – на лекции и семинары известного зоолога и краеведа профессора И. И. Пузанова. К своему университетскому учителю Фёдоров относился с огромным почтением [там же], поэтому назвал в его честь описанный им новый род из семейства бельдюговых рыб – *Puzanovia* (Пузановия) [2].

После окончания университета в 1961 г. Владимир Владимирович по распределению был направлен во Владивосток, где в должности инженера-ихтиолога поступил в управление Дальневосточной научно-промысловой перспективной разведки Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ДВНПР ТИНРО). Здесь он сразу же активно включился в экспедиционные исследования сырьевых ресурсов новых районов промысла, став вскоре одним из пионеров рыбохозяйственного изучения больших глубин Тихого океана (особенно Берингова моря). В руководимых им морских экспедициях были не только открыты скопления многих традиционных и новых для отечественного промысла рыб, но и собраны богатые научные материалы по их биологии и условиям обитания [1].

В 1966 г. Владимир Владимирович перешёл на работу в лабораторию океанического рыболовства ТИНРО, где, наряду с оценкой сырьевых ресурсов батиали, начал углублённо заниматься изучением систематики и зоогеографии рыб Северной Пацифики. Итогом этих исследований стали его известные сегодня каждому морскому ихтиологу обзорные публикации о фауне рыб Берингова моря, вышедшие в 1973 г. [3, 4].

В 1975 г. по приглашению профессора А. П. Андрияшева Владимир Владимирович Фёдоров переезжает с семьёй в Ленинград, где занимает должность научного сотрудника в лаборатории ихтиологии Зоологического института АН СССР. Первоначально он начинает работать по антарктической тематике, обрабатывая коллекции бельдюговых рыб южного полушария. Но с 1977 г. переходит в отделение дальневосточных рыб, чтобы, учитывая его опыт и высокую квалификацию, продолжить начатое профессором Г. У. Линдбергом много томное издание определителя «Рыбы Японского моря и сопредельных частей Охотского и Жёлтого морей» [1].

Этот переход стимулировал также завершение уже подготовленной ранее кандидатской диссертации «Глубоководные рыбы Берингова моря и их происхождение» [5]. Данная работа, защищённая в Ленинградском государственном университете в 1979 г., стала одним из крупнейших фаунистических обобщений в отечественной океанической ихтиологии второй половины XX в. По мнению многих учёных, она соответствовала докторской диссертации, поскольку только общий список видов рыб Берингова моря был дополнен Фёдоровым более чем на 30 % [1].

Трудно переоценить вклад Фёдорова в пополнение коллекционного фонда рыб и морских беспозвоночных Зоологического института. Будучи руководителем или участником более 30 морских экспедиций, он собрал, пожалуй, самую крупную и представительную коллекцию

дальневосточных рыб из тех, что поступили в фонд хранилище лаборатории ихтиологии со времён Курило-Сахалинской комплексной морской экспедиции ЗИН-ТИНРО 1947–1949 гг. [1].

Это были не только собственные сборы из Северной Пацифики, но и материалы из таких районов, как воды вблизи Австралии, Новой Зеландии, и даже морей тихоокеанского сектора Антарктики. Благодаря личным связям Владимира Владимировича и благожелательному отношению руководства ТИНРО, все эти коллекции пересылались в Зоологический институт, где основная работа по их разбору и постановке на учёт лежала на его плечах. В этом Фёдорову помогало прекрасное знание мировой литературы по таксономии и зоогеографии рыб.

Достоинство продолжая традиционное для лаборатории ихтиологии Зоологического института направление исследования фауны рыб дальневосточных морей России, Фёдоров успешно завершил издание многотомного определителя «Рыбы Японского моря и сопредельных частей Охотского и Жёлтого морей». Этот совместный труд, номинированный на Государственную премию России, по мнению многих ихтиологов и морских биологов, не имеет аналогов в мировой литературе [там же]. Владимир Владимирович подготовил сначала самостоятельно 6-ю часть данного определителя, посвящённую рыбам отряда камбалообразных [6], а затем совместно с З. В. Красюковой – завершающую, 7-ю, часть этого капитального издания [7].

С 1992 г. в рамках программы «Совместных российско-японских комплексных исследований резервных и недоиспользуемых объектов на скалистых, задевших грунтах материкового склона северных Курильских островов и юго-восточного побережья Камчатки» специалисты ВНИРО, СахНИРО, КамчатНИРО и ТИНРО-центра в течение десятилетия проводили в тихоокеанских водах северных Курильских островов и юго-восточной Камчатки широкомасштабное изучение сырьевых ресурсов донных и придонных рыб российской экономической зоны [8]. В выполнении исследований, кроме специалистов этих организаций, участвовали научные сотрудники некоторых академических институтов, в том числе в июле-августе 1993 г. и ноябре-декабре 1994 г. Фёдоров.

В процессе выполнения донных тралений на глубинах от 100 до 850 м ему с коллегами удалось собрать материал по видовому составу рыб, встречающихся как в традиционных районах отечественного промысла, так и за

их пределами [9, 10], а также обнаружить на участках материкового склона со сложным рельефом дна неизвестных ранее науке и новых для фауны России редких или малоизученных видов рыб, один из которых – безногий лиценхел *Lycenchelys fedorovi* был назван в честь Фёдорова [11].

Поскольку Фёдоров считался одним из ведущих и признанных в мире экспертов по фауне рыб северной части Тихого океана, его не раз привлекали к участию в подготовке различных сводок и каталогов по рыбам этого региона. Во второй половине 1990-х гг. специалистами Камчатского института экологии и природопользования (в настоящее время – Камчатский филиал Тихоокеанского института географии) ДВО РАН совместно с сотрудниками других научных организаций впервые был дан в печать «Каталог позвоночных животных Камчатки и сопредельных морских акваторий», в одной из глав которого приведён аннотированный список морских и пресноводных рыбообразных и рыб водоёмов п-ва Камчатка и сопредельных морских акваторий, включающий 505 видов и подвидов [12]. Авторами этой главы стали Фёдоров и его ученик Б. А. Шейко, работавший в те годы на Камчатке. В 2003 г. во Владивостоке в издательстве «Дальнаука» вышел «Каталог морских и пресноводных рыб северной части Охотского моря», подготовленный научным коллективом во главе с Владимиром Владимировичем Фёдоровым [13].

Будучи всегда готовым поделиться своими обширными знаниями с учениками, студентами, аспирантами и со всеми учёными, приезжавшими с исследовательскими целями в лабораторию ихтиологии из многих стран мира, Фёдоров пользовался большим авторитетом среди коллег-ихтиологов. Те же из них, кому посчастливилось лично работать вместе с Владимиром Владимировичем в море, всегда с благодарностью будут помнить его уроки при анализе видового состава уловов, а также умение создать в научной группе атмосферу добрососедства, столь необходимую в трудных экспедиционных условиях [1].

В заключение следует отметить, что Фёдоров является автором и соавтором более 80 различных научных публикаций, в том числе двух из семи частей такого капитального академического издания, как определитель «Рыбы Японского моря и сопредельных частей Охотского и Жёлтого морей». За время работы им лично и совместно с коллегами описано свыше 20 но-

вых для науки видов и родов рыб. Как признание вклада этого учёного в изучение Северной Пацифики и развитие ихтиологии его именем

названы 10 новых для науки представителей ихтиофауны, обитающих в самых различных районах Мирового океана.

1. Балушкин А. В., Парин Н. В. Памяти Владимира Владимировича Фёдорова (02.01.1939–03.03.2011) // Вопросы ихтиологии. 2012. Т. 52. № 2. С. 265–269.
2. Фёдоров В. В. Описание нового рода и вида бельдюговых рыб *Puzanovia rubra*, gen. et sp. n. (Pisces, Zoarcidae) из северной части Тихого океана // Вопросы ихтиологии. 1975. Т. 15. Вып. 4. С. 587–591.
3. Фёдоров В. В. Ихтиофауна материкового склона Берингова моря и некоторые аспекты её происхождения и формирования // Известия ТИНРО. 1973. Т. 87. С. 3–41.
4. Фёдоров В. В. Список рыб Берингова моря // Известия ТИНРО. 1973. Т. 87. С. 42–71.
5. Фёдоров В. В. Глубоководные рыбы Берингова моря и их происхождение: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Ленинград : ЛГУ, 1978. 22 с.
6. Линдберг Г. У., Фёдоров В. В. Рыбы Японского моря и сопредельных частей Охотского и Жёлтого морей. Ч. 6. Teleostomi. XXXI. Pleuronectiformes. СПб. : Наука, 1993. 272 с.
7. Линдберг Г. У., Фёдоров В. В., Красюкова З. В. Рыбы Японского моря и сопредельных частей Охотского и Жёлтого морей. Ч. 7. Teleostomi. XXXII. Dactylopteriformes – XXXVII. Pegasiformes. СПб. : Гидрометеиздат, 1997. 350 с.
8. Орлов А. М. Российско-японские ихтиологические и рыбохозяйственные исследования батииали тихоокеанских вод северных Курильских островов и юго-восточной Камчатки // ВНИРО – 75 лет наблюдений, исследований, открытий. М., 2008. С. 252–260.
9. Фёдоров В. В., Парин Н. В. Пелагические и батипелагические рыбы тихоокеанских вод России (в пределах 200-мильной экономической зоны). М. : Изд-во ВНИРО, 1998. 154 с.
10. Фёдоров В. В. Видовой состав, распределение и глубины обитания видов рыбообразных и рыб северных Курильских островов // Промыслово-биологические исследования рыб в тихоокеанских водах Курильских о-вов и прилежащих районах Охотского и Берингова морей в 1992–1998 гг.: сб. науч. трудов. М., 2000. С. 7–41.
11. Anderson M. E., Balanov A. A. *Lycenchelys fedorovi*: a new species of eelpout (Teleostei: Zoarcidae) from the northwestern Pacific Ocean // Copeia. 2000. № 4. P. 1056–1061.
12. Шейко Б. А., Фёдоров В. В. Класс Cephalaspidomorphi – Миноги. Класс Chondrichthyes – Хрящевые рыбы. Класс Holocerphali – Цельноголовые. Класс Osteichthyes – Костные рыбы // Каталог позвоночных животных Камчатки и сопредельных морских акваторий. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 7–69.
13. Фёдоров В. В., Черешнев И. А., Назаркин М. В., Шестаков А. В., Волобуев В. В. Каталог морских и пресноводных рыб северной части Охотского моря. Владивосток : Дальнаука, 2003. 204 с.

Е. В. Фирсова

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОСЁЛКА СЕВЕРНЫЕ КОРЯКИ

Аннотация. Из истории посёлка Северные Коряки Елизовского р-на (Камчатский край) с 1940 г. по настоящее время. Особое внимание уделено деятельности лесопункта, развитию социальной инфраструктуры. Основано на архивных документах и воспоминаниях старожилов.

Ключевые слова: история, населенные пункты, Северные Коряки, пос., Елизовский лесопункт.

Посёлок Северные Коряки – одно из самых красивых и уютных мест Камчатки. Расположенный между реками Вахталкой и Авачей, он почти не виден среди ветвистых крон деревьев.

Село было основано в 1940-х гг. и первоначально называлось Новые Коряки. В 1950-х гг. на восточных окраинах села находился военный аэродром, являвшийся вспомогательным при постройке и начале эксплуатации ракетного полигона «Кура».

Из краткого топонимического словаря В. П. Кускова: «Северные Коряки – село Елизовского района. Возникло до 1953 г. Названо в связи с расположением к северу от села Коряки» [1].

Согласно материалам по изучению наиболее благоприятных зон для проживания на Камчатке, здесь самый оптимальный микроклимат. Предполагается, что эта территория осваивалась ещё до нашей эры. Так, семь лет назад на базе Камчатского государственного университета им. В. Беринга была создана археологическая экспедиция во главе с доцентом кафедры археологии А. В. Пташинским, изучавшая культурные слои в долине р. Вахталки. Найденные обсидиановые наконечники стрел датировались примерно 5–4 тысячелетием до н. э.

История посёлка более известна с 1940-х гг., после Великой Отечественной войны. Новые Коряки представляли собой военный городок, население составляло, предположительно, до 3 тыс. человек. Здесь проживали в основном коренные жители, а в 1940-х гг. располагался военный гарнизон, функционировал военный аэродром. В посёлке были построены дома для проживания, большой Дом культуры, школа, детский сад, столовая.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СТАРОЖИЛОВ

Гончарова Евгения Савельевна: «В Северных Коряках с 1953 г. В посёлке находился военный гарнизон (летний состав), функционировали 4 клуба, 2 столовые, пекарня, пошивочная мастерская, почта, продовольственные склады, подсобное хозяйство. Сюда даже привозили японцев на лечение. В то время автобусы

не ходили, только военный транспорт. Многие жители держали хозяйство. В 1960-х гг. военные покинули посёлок, стали разбирать аэродром, все объекты были закрыты, но посёлок продолжал жить. Об этом времени сохранились самые тёплые воспоминания». Евгения Савельева – заядлая рыбачка, с мужем Георгием Ивановичем сплавлялись по бурной реке с Заимки до 15-го км.

Богомолов Леонид Константинович:

«В Северных Коряках с 1951 г. Первоначально жили с бабушкой в землянке, а поскольку от военных оставалась пилорама, напилили доски, построили дом.

Здесь после войны оставался запасной аэродром, поэтому военнослужащие ещё проживали, давали работу жителям, но в основном занимались сельским хозяйством: разводили скот, сажали картофель, капусту, рыбачили. Жили дружно, праздники праздновали сообща, процветали взаимопомощь, взаимовыручка.

В домах не было замков. Там, где сейчас улица Дачная, проходила улица Чкалова, соединяясь с улицей Кирова. Дорога до Коряк была насыпная (48 поворотов). В Коряки зимой ездили на лыжах. На тракторе доставляли автолавку. Жили семьи: Поляковы, Вольных, Басалаевы, Болдаревы, Васильевы, Герасимовы, Беловы, Суворовы, Сизовы».

Якимов Сергей Анатольевич: «Родился в Северных Коряках в 1949 г. Посёлок делился на несколько частей: центральная; гарнизон, где проживали военные; правая – подсобное хозяйство, где давали участки под индивидуальную застройку. До 1964 г. была школа десятилетка, затем восьмилетка. В гарнизоне при каждой части был клуб. На футбольном поле и волейбольных площадках всегда было много молодёжи. На зиму заливался каток. Работали два магазина – рыбокооператив и военторг, снабжение было замечательное. При каждом доме были свои огороды. Летом выезжали на заготовку сена. Вместе отмечали праздники, в клубе проходили концерты, где активное участие принимали школьни-

ки. Отношения среди односельчан только тёплые. Директором школы был Толмачёв Фёдор Михайлович, учитель – Яшина Таисия Михайловна».

В выписке из похозяйственной книги Корякского сельского совета за 1955–1958 гг. «О создании индивидуальных хозяйств на территории Северных Коряк» сообщается, что получили «дома в личную собственность: Власов Иван, 4 человека; Марченко Александр, 7 человек; Курактин Михаил, 4 человека; Чегликов Андрей, 7 человек; Беликов Виктор, 7 человек; Казиков Алексей, 7 человек; Казанцев Александр, 5 человек; Худяков Алексей, 2 человека; Козлов Василий, 5 человек; Ерёменко Сергей, 9 человек; Марьясов Сергей, 5 человек; Чернышов Василий, 8 человек; Стародуб Иван, 6 человек; Карaulьнов Степан, 4 человека; Хомич Иван, 5 человек; Швед Савва, 6 человек; Хацесевич Михаил, 5 человек; Саргин Пётр, 10 человек; Вазаева Елена, 2 человека; Устюжанин Алексей, 2 человека; Лиднёв Константин, 2 человека; Ларкина Анна, 5 человек; Тарасова Татьяна, 1 человек; Герасимов Александр, 3 человека; Селенкова Мария, 4 человека; Селенков Парфирий, 2 человека».

В основном работали в воинской части.

Из доклада о работе комиссии по благоустройству и дорожному строительству от 23 августа 1974 г. Корякского совета: «Построена новая дорога до Северных Коряк, протяжённостью 9 км.

- отремонтировано 2 моста через р. Корякскую и приток р. Авача,
- введена высоковольтная линия до Северных Коряк,
- введено в эксплуатацию 5 двухквартирных домов».

Мероприятия по благоустройству 1971–1975 гг.: «...отремонтировано 2 колодца, заканчивается подвод и подключение высоковольтной линии, ремонтируется клуб, почта, библиотека».

Посёлок начинает стремительно развиваться в 1970-е гг. К 1975 г. построено 15 коттеджей, общежитие, водоканал, создаётся промзона. В посёлке проживали работники близлежащего прииска. Начинается заготовка топлива для Елизовского района. Елизовский лесопункт функционировал как филиал Петропавловского Гортопсбыта, затем выделился в самостоятельную единицу для снабжения дровами жителей Елизовского района.

Лесопункт работал круглосуточно. Дрова заготавливались вахтовым методом в 30 км от

посёлка. Мастером являлся Д. М. Садовник, механиком – Н. А. Фирсов. Лесорубы были на полном обеспечении. Работала библиотека, приезжали лекторы из областного общества «Знание», кинопередвижка доставляла фильмы по заявкам рабочих, функционировали баня, столовая.

Первоначальные объёмы производства по заготовке дров в 1972 г. – 10 тыс. м³, в 1975 г. – 15 тыс., в 1980 г. – 20 тыс., в 1983 г. – 85 тыс. м³. Развивается техническое оснащение. К 1985 г. парк лесопункта составлял до 30 единиц техники.

Руководителями предприятия были последовательно: Н. Д. Качерян, В. Д. Климато, В. П. Черепов, Ю. Г. Сиходжок, В. Л. Пушленков, А. М. Андреев. Ветераны лесопункта: Виктор Андреевич Селиванов, награждённый орденом Знак Почёта, В. И. Белов, Л. К. Богомолов, Д. С. Лаврухин, В. М. Мягких, В. И. Коновалов, Л. М. Коновалова, П. А. Елистратов, Л. И. Васькин, Ю-Бен-су.

К 1980 г. отреставрирован старый бокс, принадлежащий ранее военной части. К 1985 г. развивается инфраструктура: построена контора, общежитие, трёхквартирный жилой дом, начал функционировать детский сад. В разное время дошкольным учреждением руководили: Л. И. Денисенко, Т. С. Головова, А. Левченко, Е. В. Фирсова; работали: Г. В. Селиванова, Т. В. Киндякова, Г. Ф. Белова, Т. Л. Лаврухина, Н. Бирулёва, Л. Б. Мягких. Детский сад, рассчитанный на две группы, был по-домашнему уютным и тёплым. Многие его выпускники и сейчас проживают в посёлке и вспоминают его с благодарностью.

В 1980-е гг. посёлок активно развивался. Около своих домов жители посадили саженцы, и теперь вдоль дороги стоит аллея, которой уже тридцать лет. До 1993 г. функционировала торговая точка. Снабжение обеспечивало Елизовское райпо, товар привозился по заявкам жителей. В 1990-х гг. продукты распределялись по талонам. По очереди продавцами работали: Л. М. Кастыря, В. Ф. Олос, Г. П. Вострых, Л. Я. Мыльников, Л. М. Дементьева, В. Ф. Шигапова.

Обеспечивалось медицинское обслуживание жителей. В медпункте работали отзывчивые и внимательные работники: И. Е. Шварцман, А. Г. Крашенинникова, З. Н. Шумейко. Санитарками были: Л. Б. Мягких, Г. Ф. Белова. С 2000 г. здесь работали чуткие и опытные медработники В. С. Мишнева, затем – Н. А. Волобоева. Жителям посёлка оказывалась своевременная медицинская помощь.

Посёлок прочно связан с районным центром, регулярно, шесть раз в день, ходит рейсовый автобус до г. Елизово.

С 1990-х гг. лесопункт переименован в лесоучасток, затем прекращается финансирование производства, заготовка дров сокращается. К 1997 г. он был приватизирован, в дальнейшем прекратил своё существование.

Что можно сказать о развитии поселка в 1990-е гг. Та же красивая природа, тот же благоприятный микроклимат, но для жителей появилось много значений со словом «НЕТ» – нет

лесопункта, нет детского сада, нет магазина, а самое печальное, что нет того единения, общности интересов, которые так помогали в трудную минуту и в минуту радости.

Но в 2000-е гг. начались преобразования: в посёлке оборудована детская площадка, проведено освещение, поставлены мусорные баки, предполагается строительство спортивной площадки, ремонтируется старый колодец. Таким образом, жизнь продолжается. В селе насчитывается 157 человек взрослого населения, 14 ребят учатся в Корякской школе.

1. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области: (из истории происхождения геогр. названий). Петропавловск-Камчатский, 1967. 126 с.
2. Данные Государственного Архива Камчатского края.
3. Данные научно-отраслевого архива Института археологии РАН.
4. Отчёт комиссии по благоустройству и дорожному строительству Корякского сельского совета.
5. *Пономаренко А. К.* Археологи провели разведку на аэродроме : [в районе Северных Коряк] / записала Р. Семёнова // Комсомольская правда. 2001. 24 авг. Прил.: КП на Камчатке. С. 2.
6. *Халоймова Н. В.* Прославленные трудом. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 460 с.

Раздел III

КАЗАЧЕСТВО. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. В. Бянкин

ВОЗРОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА НА КАМЧАТКЕ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ

Аннотация. Казачество Камчатки с 1990-х гг. до настоящего времени. Особое внимание уделено правовой структуре организации, её экономической деятельности, сохранению традиций и воспитательной работе среди молодёжи.

Ключевые слова: история, казаки, казачество, Камчатский край.

На определённом этапе истории России, после Октябрьской революции и гражданской войны, историческая роль казачества была искажена, казачество лишилось своего исторического статуса.

Возрождение казачества по всей стране началось в 90-е гг. XX в.

В сентябре 1991 г. в Петропавловске-Камчатском инициативная группа в количестве 13 человек во главе с подполковником В. А. Старковым впервые собралась в здании Облисполкома с целью создания организации потомков казаков для возрождения казачества в регионе. Был представлен план первоочередных мероприятий, избран председатель оргкомитета (подполковник Владимир Алексеевич Старков), определены следующие цели организации:

- возрождение казачества на Камчатке и его правовое оформление;
- объединение потомков казаков всех казачьих войск бывшей Российской империи, проживающих на Камчатке;
- патриотическое воспитание казачьей молодёжи в традициях казачества и православия;
- служение и любовь к Отечеству;
- верность долгу;
- взаимовыручка;
- сохранение хозяйственного и семейного традиционных укладов;
- возрождение казачьей культуры, традиций, обычаев.

В результате работы оргкомитета 30 октября 1991 г. отделом юстиции Камчатской области были зарегистрированы Камчатский отдел Союза сибирских казаков (КОССК) и его Устав.

На сходе казаки утвердили эскиз знамени отдела, поручили оргкомитету заняться работой по подготовке Большого круга. В состав правления отдела вошли: В. А. Старков, Г. Н. Скачков, А. М. Андреев, Н. В. Бянкин, А. Крицкий.

Камчатский отдел входил в состав возрождающегося Сибирского казачьего войска (войсковой атаман Смоляков). Однако из-за невозможности оперативного управления, вследствие отдалённости решением Совета атаманов сибирских казаков в феврале 1992 г. КОССК был выделен в самостоятельную структуру с войсковым статусом.

Правление активно проводило работу по выявлению потомков казаков и их привлечению к организации. 4 апреля 1992 г. в гарнизонном Доме офицеров Советской армии в Петропавловске состоялся первый Большой круг казаков Камчатки. Присутствовало 116 выборных делегатов от казачьих организаций, гости, приглашённые. Большой круг благословил священник Русской православной церкви отец Ярослав (Левко). На круге был утверждён Устав и принята Программа деятельности отдела. Атаманом отдела на Большом круге избрали есаула Н. В. Бянкина.

Началась работа по созданию казачьей экономики, куда вошли:

- ассоциация казачьих, крестьянских и фермерских хозяйств;
- охранные предприятия на базе атаманской сотни;
- производственно-коммерческий центр;
- сеть казачьих фермерских магазинов по реализации произведённой сельхозпродукции.

Упор на создание экономической базы был продиктован необходимостью, основанной на истории и традициях казачества. Мы принялись реализовывать экономический проект как базис экономической независимости.

Был создан казачий производственно-коммерческий центр «Альциона». Так называется одна из ярких звёзд в созвездии Тельца, с помощью её света штурман в море определяет курс корабля. Среди потомков казаков, вставших в строй по возрождению казачества, было много

моряков. Знание звёздного неба повлияло на выбор названия.

Создана также ассоциация казачьих, крестьянских и фермерских хозяйств, через которую сельхозпроизводители получали машины, трактора, комбайны и автомобили в лизинг. В казачьем округе имелаась целая автобаза техники, автобусы, грузовые и легковые автомобили.

Были взяты в аренду сельскохозяйственные участки земли под посадку картофеля, моркови, капусты, свеклы. В Елизовском районе работали и давали урожай несколько теплиц. Создана казачья конная ферма с несколькими десятками лошадей, на базе которой действовала школа верховой езды.

В данный период организована и успешно работала сеть казачьих магазинов, ларьков, велась оптовая реализация сельскохозяйственной продукции, функционировала сеть доступных учреждений общепита.

В аренду был взят и осуществлял перелёты по Камчатке самолет Л-410. В море работали два малых рыболовных сейнера, набраны две бригады водолазов, казачеству выделялись рыболовные участки на западном и восточном побережьях Камчатки.

Возникла острая необходимость систематизировать управление округом и процессом возрождения казачества в крае. Мы приступили к реализации проекта по формированию казачьей инфраструктуры округа.

Сформировали постоянно действующие на профессиональной основе правление и штаб казачьего округа Петропавловска-Камчатского общей численностью около сорока казаков и казачек. В штабе находилась объединённая бухгалтерия, касса. Действовали правления и штабы в станичных и хуторских казачьих обществах.

Неспокойное время периода 90-х гг. требовало создать и реализовать проект по охране общественного порядка. Проект реализовывался совместно с УВД Камчатской области путём заключения договора о сотрудничестве и взаимодействии.

Были созданы и действовали охранные предприятия, лицензированный учебный центр по подготовке охранников-телохранителей на стадионе «Водник». Осуществлялись совместное патрулирование и охрана общественного порядка в областной столице и муниципалитетах. ГУВД Петропавловска-Камчатского нам предоставил опорный пункт милиции в районе проспекта Рыбаков.

Казаки осуществляли контроль за соблюде-

нием правил дорожного движения совместно с ГАИ Камчатской области. В штабе казачьего округа круглосуточно велась дежурная служба. В её состав входил дежурный взвод, который выезжал по тревоге в любое время суток, в любое место. Во взвод входило до пяти радиофицированных легковых автомобилей. Действовала служба инкассации на базе охрannого предприятия.

Казаки исторически были воинами, защитниками Отечества. На основании этого мы приступили к реализации проекта военно-патриотического воспитания казаков и казачьей молодёжи.

В летний период проводились военно-полевые сборы на полигонах 25-й мотострелковой дивизии, группировки Войск и Сил на Северо-Востоке России, Камчатского пограничного округа. Была налажена системная работа по военно-патриотическому воспитанию казаков, особое внимание уделялось подрастающему поколению. В этот период была организована молодёжная учебная казачья сотня, разработана и утверждена программа её обучения.

Следуя казачьим традициям, на службу в Вооружённые силы казаков провожали по старинному обычаю с молитвой и благословением священника Русской православной церкви. Мы старались, чтобы казаки служили вместе, в одной части.

Вёлся учёт казаков допризывной молодёжи и находящихся в запасе.

В казачьем округе на тот период времени работало свыше полутора тысяч человек. Была организована служба отдела кадров, служба ВУС, паспортист.

Наличие устойчивой казачьей экономической системы позволило заниматься подготовкой кадров для несения государственной службы и иной деятельности, вести подготовку и обучение казаков.

В то время мы приступили к реализации проекта казачьего образования. Упор делался на готовность казаков действовать в случае возникновения военной угрозы или чрезвычайной ситуации. Более трёхсот казаков прошли обучение через систему подготовки на учебной базе МЧС и получили соответствующие сертификаты.

В 1992 г. началась работа по созданию казачьего училища с трёхлетней программой обучения, дававшей среднее образование и возможность получить следующие специальности: младший командир пограничной службы, механизатор широкого профиля, водитель категорий «В» и «С», фермер.

В июле 1993 г. на базе СПТУ-10 в пос. Сосновка Елизовского района было создано казачье отделение училища. С 1 сентября того же года 75 кадетов-казачат приступили к учебным занятиям. После первого года обучения кадеты прошли сборы на базе Камчатского пограничного отряда Северо-Восточного пограничного округа. Сборы проводились под непосредственным руководством казаков и офицеров-пограничников.

С 1 сентября 1994 г. в училище обучалось уже 134 казака-кадета из Магаданской, Сахалинской и Камчатской областей. По ряду объективных и субъективных причин казачье отделение в мае 1995 г. было закрыто.

Большое внимание обращалось на возрождение и сохранение казачьей традиционной культуры. Был реализован проект «Казачья культура».

В селе Мильково в 1992 г. создан первый казачий ансамбль, руководителем которого стал станичный атаман хорунжий Геннадий Иванович Чудаев. В Петропавловске активно развивал свою деятельность фольклорный ансамбль под руководством потомственной казачки Галины Азаренко, в Елизово руководила казачьим коллективом родовая терская казачка Зинаида Ржевская. Далее развитие казачьей культуры подхватили Роза Козлова, Наталья Горлова, Елена Топчий, Наталья Швецова, Маргарита Ларина, Ирина Подоляка, Ирина Протасова и многие другие творческие личности, которые сумели создать прекрасные коллективы, популяризирующие казачью тематику. Казачьи ансамбли получили признание и пользуются большой любовью, они востребованы и популярны в крае и далеко за его пределами.

За период с начала возрождения казачества в регионе созданы и действуют 7 казачьих творческих коллективов, которые взаимодействуют с Министерством культуры Камчатского края. В Елизовском районе создан районный «Центр казачьей культуры» на базе Муниципального бюджетного учреждения культуры «Елизовский районный Дом культуры «Юность».

Для координации действий казачьих обществ на Северо-Востоке России Советом атаманов Союза казаков России летом 1995 г. было принято решение о создании Северо-Восточного Союза казаков Отдельного Северо-Восточного казачьего округа (СВСК ОСВКО) с центром в Петропавловске-Камчатском. В округ вошли казачьи организации Камчатской, Магаданской областей, Чукотского и Корякского автономных округов.

В декабре 1995 г. состоялся Большой круг СВСК ОСВКО. На круге присутствовали атаман

Союза казаков России Александр Гаврилович Мартынов, атаман казаков Калмыкии Павел Николаевич Шарманжинов. Круг избрал атаманом СВСК ОСВКО Николая Васильевича Бянкина, утвердил Устав округа и его структуру. В СВСК ОСВКО вошли Камчатский, Чукотский, Колымский, Корякский казачьи отделы.

30 октября 1996 г. Северо-Восточный Союз казаков Отдельного Северо-Восточного казачьего округа (СВСК ОСВКО) был зарегистрирован Камчатским отделением Министерства юстиции Российской Федерации за № 304. В Северо-Восточном Союзе казаков на этот период было 4 500 человек.

Осенью 1996 г. на Совете атаманов в Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации, с согласия Правлений СВСК ОСВКО и Уссурийского казачьего войска, было принято решение о создании на базе казаков Приморья и Камчатки реестрового казачьего войска. Уссурийское казачье войско было создано в территориальных границах Приморского края и Камчатской области на принципах добровольности, равенства в правах, уважения к сложившимся историческим традициям, с сохранением исторической формы одежды.

После вхождения Уссурийского казачьего войска в Государственный реестр 6 декабря 1996 г. был организован и проведён Большой круг казаков Камчатки. Круг избрал атаманом Отдельного Камчатского казачьего округа Уссурийского казачьего войска (ОККО УКВ) войскового старшину Н. В. Бянкина и утвердил Устав Отдельного Камчатского казачьего округа Уссурийского казачьего войска (ОККО УКВ).

На основании решения Большого круга распоряжением начальника Главного управления казачьих войск России генерал-лейтенанта А. П. Семёнова от 12 января 1998 г. войсковой старшина Николай Васильевич Бянкин был утверждён в должности атамана ОККО УКВ.

Не всё было так гладко в возрождении и становлении казачества в России и на Камчатке, существовали определённые проблемы. В истории нашей страны времена были непростые. Взаимоотношения с властью складывались, как на американских горках: то вниз, то вверх, в зависимости от политической конъюнктуры. Действовал девиз, провозглашённый Ельциным: «Казакам всё обещать, но ничего не давать!», а кое-где по инерции он действует и сейчас.

Переломным моментом в истории казачества стал период конца 1990 – начала 2000-х гг. Это был период политических деклараций, при-

нения законов, нормативно-правовых актов по отношению к казачеству, в которых отсутствовал механизм их реализации. Была провозглашена государственная служба и иная деятельность казачества, которой до сих пор так и нет.

Казачья экономика Камчатки, выстроенная на казачьей ментальности, столкнулась с чиновничьей коммерческой ментальностью, в основе которой лежало личное обогащение. Поэтому наша экономика была обречена.

В 2006–2007 гг. было создано Министерство специальных программ, а в 2011 г. – Министерство специальных программ и по делам казачества Камчатского края.

В 2012 г. в крае принят закон «О развитии российского казачества на территории Камчатского края» и ряд подзаконных актов в отношении казачества.

По состоянию на 15 ноября 2013 г. на учёте в казачьих обществах ОККО УКВ состояло 1 847 казаков.

В 2014 г. на круге Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья» в Москве было принято решение создать на Камчатке региональное отделение СКВРиЗ. 9 декабря 2014 г. в Петропавловске-Камчатском состоялся Большой круг казаков, который принял Устав РО СКВРиЗ в Камчатском крае, атаманом регионального отделения был избран казачий полковник Н. В. Бянкин.

Министерство специальных программ и по делам казачества Камчатского края работало с казачеством до конца 2020 г.

С 2021 г. распоряжением губернатора Камчатского края казачьи общества должны взаимодействовать с Правительством края через Министерство развития гражданского общества и молодёжи Камчатского края, в котором организован отдел по работе с некоммерческими организациями и по делам казачества.

В 2021 г. в целях организации в крае казачьего образования Министерством образования Камчатского края проведена организационно-методическая работа по созданию и обеспечению деятельности казачьих кадетских классов. Комплекс мер по организации казачьего образования

в крае на 2021–2023 гг. включает мероприятия по организационно-методическому сопровождению и обеспечению в пилотном режиме воспитательно-обучающего компонента в казачьих классах двух средних общеобразовательных школ.

По программе повышения квалификации в сфере казачьего образования в Краснодарский край были направлены 4 педагога средних общеобразовательных школ и методист КГАУ ИРО «Камчатский институт развития образования». Специалисты прошли обучение в Институте развития образования Краснодарского края на курсах повышения квалификации «Современные методики и технологии преподавания модулей казачьего образования».

На 1 июня 2022 г. на территории Камчатского края зарегистрировано 9 казачьих обществ общей численностью 997 казаков.

Работа исполнительных органов власти Камчатского края с казачьими обществами осуществляется на основании «Плана мероприятий по реализации “Стратегии государственной политики в крае в отношении российского казачества на 2021–2023 годы”». Образована рабочая группа при губернаторе края по реализации данной Стратегии.

«Стратегия государственной политики в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» была утверждена указом Президента России от 09.08.2020 г. и отнесена к документам стратегического планирования в сфере национальной безопасности страны. Финансирование реализации Стратегии в Камчатском крае проводится через субсидии и гранты.

Возрождение казачества состоялось!

Становление казачества как государственной службы есть великое дело для России, для тех, кто хочет могущества и процветания нашей многонациональной страны, нашей России-матушки, нашей малой родины – Камчатки! Но оно не может осуществляться без системной, эффективной поддержки казачества органами государственной власти всех уровней.

Выполнить эту миссию во благо России и всего русского Мира – задача великая!

Мы, казаки, готовы к этому!

Честь имею!

В. В. Дмитривич

ВОЛЯ КАК СКВОЗНАЯ ИДЕЯ СТАНОВЛЕНИЯ ВСЕХ СЛОЁВ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Анализируется феномен воли человека в современном обществе.

Ключевые слова: мораль, воля.

Двадцать первый век, на мой взгляд, оказался в положении человека озирающегося по сторонам в поиске ресурсов, им пока ещё непонятых и неиспользуемых, но крайне необходимых. Увеличивается крен в технологический и бюрократический пути развития: технологизация, роботизация, цифровизация и др. процессы буквально вынуждают искать ответы, в чём же заключается человекообразность. И здесь просматривается выход на прямо противоположную линию развития – очеловечивания человеческого в человеке.

Немного истории.

Огромную роль в освоении и присоединении Сибири и всего Дальнего Востока к России сыграли русские казаки, которые, породнившись с местным населением, вобрав в себя их национальные особенности, образовали этническую группу людей – гуранов, чалдонов, камчадалов и т. п. Это был новый тип человека, воплотившего в себе силу и удаль, выносливость и неприхотливость, терпеливость, трудолюбие и бескорыстие. В своём мироощущении казаки уже в то время выстраивали свои отношения на доверии, были не «служивыми людишками», но – «товарыщами» [5].

«Два начала – религиозно-православное и национально-русское, глубоко заложенные в душу казачью, всегда крепко связывали казачество с Россией, роднили, объединяли его со всем русским народом...» Такую характеристику дал Российскому казачеству генерал-лейтенант А. И. Деникин [4]. А в силу того, что казаки отличались соборностью, взаимовыручкой, готовностью не только к труду, но и к обороне родного края, эти качества определяли и определяют потомков Камчатских казаков сегодня.

Остановимся в этом исследовании на нескольких стержневых понятиях, которые помогали обустраивать жизнь казаков в целом. Их, на мой взгляд, три: воля, вера и самоорганизация. Рассмотрим феномен воли.

Человек от создания обладает естественной волей, природной волей, по определению святых отцов. Природная воля – это «естественная свобода» (преп. Максим Исповедник), это

естественное тяготение существа к добру. Она совпадала с волей Божией. Природа человека – это создание Божие, и потому природная воля – это осуществлённая воля Божия [6].

И всё-таки как разумно устроена жизнь. Берём феномен воли и замечаем, что любили казаки застолье, общение, любили и выпить, но не напиться, а попеть песни, повеселиться, поплясать. Не принято было неволивать: хочешь – пей, не хочешь – не пей, но рюмку обязан поднять и пригубить, ибо «подавать можно, неволивать нельзя» [7]. Так как от самой сути понятия «воля» зависит наша жизнь и та власть, которая от имени нашей воли управляет нами!

Необходимо отметить ещё один аспект. Жизнь по воле уходит корнями в изречения из Евангелия. Христос говорит: «38. Я сошёл с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца» и «39. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить...» [1].

А как у казаков? Лучшая их часть, подсматривая волю у Природы и Небес, входила в резонансные отношения и стремилась следовать им, гармонично вырастая в соответствии. Так как соблюдение небесных заповедей (верь в Бога Небесного) делали человека верующим, а следуя заповедям природы: чти отца и мать, через них Бог дал тебе жизнь; не убивай без нужды; не блуди; не воруй; не лги; не завидуй – делало человеческим.

Воля – сложный феномен, она побуждала и побуждает не менее сложные человеческие отношения. Так неограниченная воля как личная свобода человека часто оценивается негативно. Говорят: «Своя воля страшнее неволи», «Воля губит, неволя изводит», «Боле воли – хуже доля». А любой призыв к неограниченной свободе – это призыв к беспорядкам, а там где беспорядок, там упадок и слабость. Более того, свободный в обществе гражданин – это тот, который никому не нужен.

Сильный Духом Человек не стремится к личной Свободе, потому, что чувствует свою ответственность перед Слабыми, и перед всем своим Родом [8].

В современном Мире собственное *Воле-Изъявление* почти разрушено. Чаще всего люди стремятся быть «Как Все»... Не выделяться... Зачем нужна какая-то Воля, если есть Свобода в современном понимании этого слова. Свобода – пить что хочешь, делать что хочешь и жить как хочешь... Только это не свобода, а вседозволенность и распущенность... ЧЕЛОВЕК не может быть свободен от общества, живя в этом самом обществе и одновременно в едином механизме мироздания, поскольку существует Закон космического единства всего сущего во Вселенной. Звучит он так: «Всё во Вселенной ВЗАИМО-СВЯЗАНО, ВЗАИМОПРОНИКАЕМО, ВЗАИМОЗАВИСИМО», а значит, ВСЁ ВЛИЯЕТ друг на друга! Всё является частью одного целого [3]. И в этом заключается Божественная мудрость. А отсюда проистекает то, что когда человек живёт по своей воле, бывают ошибки, жить же по воле божественной можно без ошибок (хотя это очень трудно делать). Поэтому и подмечается в пословице – «Наша доля – Божья воля».

С другой стороны, терять свою волю и переходить, например, в волю мужа означало то, что жизнь теперь будет течь по воле мужа. Замужество невесты воспринималось как переход или продажа в неволю. «Девкам воля, бабам – нет». Однако проявлялось и согласование воли, когда супруги жили душа в душу, то есть дружно, в согласии.

В различных фольклорных текстах воля сочетается или сближается по смыслу с понятием доли, судьбы, участи. Сравни поговорки: «Своя воля, своя и доля», или «Ваша воля – наша доля»,

воля может обозначать ещё и девственность, невинность, девичью честь, например, девушке наказывают «Воли не терять, ты девушка» [2].

Другой аспект: когда люди отдают свою Волю в системе негармоничных отношений, устанавливаемых в обществе, то они начинают полагаться на «ВЛАСТЬ», действуя лишь в рамках ЗаКОНа, а не СоВЕСТИ, то таким образом теряют «ВОЛЮ» [7].

Сегодня мы уже замечаем, здесь явно просматривается закон многообразия и поддерживается право каждой индивидуальности на своё развитие. Что естественным образом закреплялось в обрядах, традициях и поговорках.

И ещё один штрих. Преп. Максим Исповедник пишет: «Свобода, согласно учению отцов, есть воля» [6]. В этом исследовании я придерживаюсь того, что свобода и воля это синонимы, хотя, на мой взгляд, феномен воли действительно более многоаспектный и значительно сложнее.

Сегодня необходимо понять, какую роль в формировании человекообразности, очеловечивания человеческого в человеке играет воля. Какие необходимы для этого условия? Быть в воле своей другого человека и, наконец, в Божественной, требует сегодня своей детальной проработки.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать такой вывод: феномены веры, самоорганизации, воли ждут своих исследователей, а опыт, накапливаемый веками в казачьих сообществах, должен быть востребован современным обществом.

1. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христ. [Б. м.] : Московский Патриархат, Симбирская и Мелекеская епархия, Женский монастырь Михаила Архангела ; Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2014. 562 с.
2. Гура А. В. Воля // Славянская мифология: сборник. Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/2-9-3-slavyanskaya-mifologiya/68.htm>.
3. Закон Космического Единства всего сущего во Вселенной. Режим доступа: http://agni-yoga.kg/article/zakon_kosmicheskogo_edinstva.
4. Бянкин Н. В. Казаки на Камчатке – Российское казачество. Режим доступа: https://kazak-center.ru/publ/novosti_kazak_inform/rossijskoe_kazachestvo/kazaki_na_kamchatke/168-1-0-5918.
5. Лысенко Н. Как казаки за Камчатку воевали. Режим доступа: <http://ksovd.org/ksovd/902-kak-kazaki-za-kamchatku-voevali.html>.
6. Святые отцы о воле. Режим доступа: <https://ok.ru/group/61086720917656/topic/154494042451352>.
7. Ульянов Ю. Власть – Суть потери Воли народа. Режим доступа: <https://proza.ru/2013/08/27/34>.
8. Чем Свобода пуще НеВоли? Режим доступа: <https://dzen.ru/media/id/5ddc279f576a853bcc85e006/chem-svoboda-pusce-nevoli-5de9d3aa97b5d400b1086e06>.

И. В. Кисличенко

ТРАДИЦИОННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ И ОРУЖИЕ КАЗАКОВ-ПЕРВОПРОХОДЦЕВ

Аннотация. Представлены подробное описание и характеристика плавательных средств и оружия казаков-первопроходцев. Роль данных предметов материальной культуры в походах казаков на Дальний Восток, включая Камчатку.

Ключевые слова: история, материальная культура, казачество, казаки, первопроходцы, коч, булава, пищаль, нагайка, топор.

Материальная культура казаков-первопроходцев XVII–XVIII вв. внесла огромный вклад в освоение Камчатки и её дальнейшее развитие. Целый ряд предметов, сопутствующих казачьим походам по полуострову, впоследствии вполне успешно употреблялся не только населением полуострова, но и на всей территории Дальнего Востока России.

Прежде всего, это плавательное средство – **коч**, на котором казаки пришли на Камчатку в XVII в. и которое являлось практически основным судном в сибирском морском и речном плавании вплоть до второй половины 19-го столетия.

Коч (в разных говорах – *коча*, *кочмора*, *кочмара*) – это судно, приспособленное как для плавания по битому льду, так и для волока. Учёные считают, что название судна произошло от слова «коца» – ледовая обшивка, ледовая шуба. Так называлась вторая обшивка корпуса, предохранявшая основную обшивку от ледовых повреждений, её делали из прочных дубовых или лиственных досок в месте переменной ватерлинии. Ещё одной особенностью коча был корпус, по форме напоминающий скорлупу ореха. Такая конструкция предохраняла судно от разрушения при столкновении с крупными льдинами. Когда коч застревал во льдах, его не сжимало, а просто выдавливало на поверхность, и судно могло дрейфовать вместе со льдами [5, с. 62].

На судне имелось два якоря по четыре с половиной пуда каждый, иногда встречались и двухпудовые якоря. Поморы использовали якорь и при волоке: если судно находилось в ледяных полях и не могло идти под парусом или на вёслах, мореходы спускались на лёд, вставляли лапу якоря в вырубленную лунку, а затем выбирали якорный канат и протягивали судно. Точно так же они могли перетаскивать судно через ледяные перемычки.

Контуры судна мастер намечал палкой на песке. Постройка коча начиналась с днища, оно больше всего страдало от контакта со льдом,

поэтому его делали особенно прочным. Киль большого коча имел длину около 21,6 м и состоял из нескольких деталей. От повреждения при волоке или посадке на мель эту конструкцию предохранял фальшкиль. Если же он разрушался, крепили новый, ремонт занимал немного времени. Это изобретение поморов впоследствии позаимствовали зарубежные мастера, оно применялось на протяжении всей истории деревянного судостроения.

Сочленения досок бортовой обшивки имели свою особенность: в месте швов они покрывались планками, прикреплёнными к бортам небольшими скобами, – типичный для северорусского судостроения способ герметизации бортов. Чтобы полностью «ускобить» коч, требовалось несколько тысяч металлических скоб. Пазы обшивки конопатились смолёной паклей. Поверх основной обшивки крепилась «шуба» (коца) – ледовая обшивка, доски которой прибивались «вгладь».

Набор судна составляли «кокоры» – так на севере назывались шпангоуты. У коча была оригинальная судовая деталь, не имеющая аналогов ни в древнерусском, ни в западноевропейском судостроении XVI–XVIII вв., – «коряник». Это кокорная деталь, которая устанавливалась на скуле судна и предназначалась для формирования перегиба борта и придания ему дополнительной жёсткости.

Ровная палуба также была особенностью конструкции коча, нахлынувшая штормовая волна свободно стекала за борт. А на европейских судах борта палубы заканчивались ступенькой. Ширина коча доходила до 6,4 м. Малое соотношение ширины и длины, один к трём или к четырём, делало судно «рыскливым», что устранялось за счёт увеличенной площади руля.

Корма коча по ватерлинии имела заострение около 60°. Выше ватерлинии кормовое заострение закруглялось. Такая конструкция впервые появилась именно у поморов. Корма делалась

почти отвесной, нос – сильно наклонённым. Максимальная осадка коча была 1,5–1,75 м. Малая осадка и наклонный форштевень свидетельствуют о приспособленности коча к плаванию на мелководье, битом льду и волоку.

Корпус делился на отсеки поперечными переборками. В носовом отсеке выкладывалась печь, там располагался кубрик для экипажа. В кормовом отсеке находилась каюта кормщика, а средняя часть судна отводилась под трюм для грузов, люк трюма закрывался герметично [5, с. 64].

В зависимости от условий плавания значительно изменялись конструкция и размеры кочей. Для морских околобереговых, речных и волоковых участков строили кочи грузоподъёмностью 500–1600 пудов (малые кочи), а для морских и речных путей, не требовавших прохождения по сухим волокам, – до 2500 пудов (большие кочи). К началу XVII в. большой коч являлся основным судном в сибирском морском и речном плавании [там же, с. 66].

Было бы ошибкой думать, что коч, возникший как промысловое судно, использовался только промышленниками и торговцами. Коч, воплотивший в себе весь многолетний опыт поморских мореплавателей, был рождён для великих экспедиций. Именно на кочах Семён Дежнёв и Федот Попов совершили плавание от р. Колымы вокруг Чукотского полуострова на р. Анадырь в 1648 г. Это были первые европейцы, совершившие плавание в северной части Тихого океана.

На Камчатку первые русские пришли именно на кочах. Летом 1662 г. Иван Рубец повторил путь Дежнёва-Попова через пролив. Он вышел из Якутска в июне, а в августе уже достиг Тихого океана. Мореходов интересовал моржовый промысел близ устья р. Анадырь, но моржового лежбища они не обнаружили и пошли дальше на юг. Так они достигли восточного побережья Камчатского полуострова, где два русских коча впервые бросили якоря в устье р. Камчатки.

Наиболее древняя разновидность коча – *ладья* (в северных говорах – *ло́дья*) или *гукор* успешно использовалась участниками Второй Камчатской экспедиции. Гукор «Святой Пётр» был построен участниками экспедиции на о. Беринга из разбившегося одноимённого пакетбота. Строительством руководил красноярский казак Савва Стародубцев. Судно было спущено в начале августа 1742 г., и с 14 по 27 августа пережившие зимовку участники экспедиции перешли на нём в Петропавловскую гавань [1, с. 486].

Летом 1743 г. гукор был переведён в Охотск и использовался в качестве транспортного судна для доставки грузов в порты Охотского моря. В октябре 1753 г. по пути из Охотска на Камчатку находился в составе отряда лейтенанта В. А. Хмелевского. 12 октября шквальным ветром судно было выброшено на берег между устьями рек Воровская и Компаковская. Во время кораблекрушения погибли 12 членов экипажа. Впоследствии гукор был снят с берега, отремонтирован, введён в строй и продолжил использоваться в качестве грузового судна Сибирской флотилии [5, с. 113].

Казачество служило не только передовым авангардом приращения к России территорий Дальнего Востока и Камчатки, в частности, оно несло в себе специфические механизмы культурной интеграции с народами, входящими в состав Российской империи.

Нередко утверждается, будто казаки были ретроgrадами. Это, разумеется, не так. Просто они сумели сохранить принцип, характерный для допетровской России, – принимать лучшее чужое, но при этом не забывать и не перечёркивать лучшее своё. Причём своё должно оставаться основой. А просвещение и культурное развитие отнюдь не противоречили фундаменту казачьих традиций и шли на том же уровне, что в остальной России.

Как известно, казаки, отправляясь в походы, готовили «справу» сами и за свой счёт. Они надевали не парадный, а домашний кафтан или халат, бешмет или длинную рубашку с пуговицами, часто полы их заправлялись в шаровары, которые заворачивались в полусапоги. На Дальнем Востоке, где суровый климат, для зимних походов использовался дополнительный комплект одежды.

Оружие было своё, «дедовское» или трофейное. В необходимый комплект входили: сабли или шашки, пики и пистолеты (пищали), нагайки и булавы.

Войсковая *булава* (*пернач*, *насека*) относится к войсковым клейнодам. От немецкого слова *kleinod* – драгоценность, дорогая вещь. Они являют собой персональные знаки отличия атаманов и старшин всех уровней [9, с. 23].

Казачья булава имеет древнюю историю не только в качестве оружия, но и в качестве символа воинской власти. Отсюда и пошли казачьи поговорки: «Была бы голова, будет и булава», «Не атаман при булаве, а булава при атамане», «При войсковой булаве, да при своей голове» и т. д. Булава генетически восходит к традициям

прародителей донского казачества – бродникам и новгородским ушкуйникам [10].

Когда говорят «булава», то чаще всего представляют некое большое и даже огромное грушеобразное и, видимо, цельнометаллическое оружие, которое художники любят прикреплять к седлу или на запястье богатыря Ильи Муромца. Видимо, здесь сыграли свою роль и сказочные герои, которые заказывают у кузнецов «стопудовые» булавы.

Между тем, в реальности всё было намного проще и эффективнее. Булава представляла собой железное или бронзовое, иногда заполненное внутри свинцом, навершие весом 200–300 г, которое укрепляли на рукояти длиной в 50–60 см и толщиной 2–3 см. Рукоять иногда обшивали для прочности медным листом. По мнению исследователей, булава была вспомогательным оружием конных дружинников и служила для нанесения неожиданного, быстрого удара в любом направлении. Булава кажется менее грозным оружием, чем меч или топор, но она была отличным вспомогательным оружием.

Историки сообщают, что на Древней Руси не все битвы были «до последней капли крови». Иной раз хватало демонстрации, когда более решительная дружина опрокидывала другую, и летописец записывал: «...и на том разошлись, и раненых было много, убитых же мало». Задача была не истребить врага поголовно, а сломить его волю к сопротивлению, заставить отступить, признать себя побеждённым. В таком бою и нужна была булава, которой можно было «ошеломить» неприятеля (ударить по шлему, оглушить его), сбив с коня [3, с. 15].

Булава – дальнейшее развитие палицы, произошедшей, в свою очередь, от примитивной дубины. Это простое, надёжное и весьма эффективное оружие рукопашного боя, широко применявшееся человеком с древнейших времён, вплоть до начала XX в. Она прекрасно приспособлена для поражения противника, защищённого мягкими доспехами – кольчужными, чешуйчатыми, кожаными, войлочными и т. п. (кольчужный доспех, клёпаная кольчуга).

Простые булавы, как правило, имеют гладкое шарообразное навершие. Однако такое навершие склонно соскальзывать с поверхности щитов и жёстких доспехов, что в свою очередь приводит к бесполезной потере большей части энергии удара. По этой причине в процессе эволюции навершие булавы стали оснащать шипами. Шипы *булавы-перначи* вонзались в щит или доспехи, навершие резко останавливалось,

и энергия удара расходовалась эффективно. Шипы могли быть длинными, либо короткими. Длинные причиняли более опасные раны, но наибольшее распространение получили короткие, т. к. не «вязли» в щитах и доспехах, были удобней и безопасней в носке в дальнем походе [4, с. 33]. И гладкие шарообразные казацкие булавы, и перначи при покорении бескрайних камчатских просторов стали не только предметами воинской доблести, но и крайне необходимым предметом при продвижении на плавательных средствах в зимних условиях по льду.

Если мы обратимся к картинам русских художников, изображающих казацкие баталии, то из оружия, изображённого в руках у русских воинов, выделяются *пищали* с длинным металлическим дулом, с массивным деревянным цевьём и прикладом. Воины или стреляют из пищалей, или держат их одной рукой в походном положении, наклонно на одном плече. В момент выстрела показано, как из дула вырываются пороховые газы. Инженер и картограф Гийом де Боплан обратил внимание, что, отправляясь в поход, каждый казак обязательно брал с собой пару пищалей и шесть фунтов пороха. Меткость стрельбы из них у воинов была очень большой [2, с. 67].

Первоначально конструкция разных пищалей была очень схожей. Конструктивные различия появились в конце XV в. с изобретением фитильных замков. В XVI в. появились ручные кремнёвые пищали, которые состояли на вооружении до XVIII в. Фактически это уже была русская реализация мушкета. Такие пищали вышли из употребления при реформе армии, проводившейся Петром I.

Существовали как ручные пищали (известные также под названиями ручница, самопал), так и крепостные, затинные (от древнерусского слова «тын» – ограда, укрепление), предназначенные для стрельбы со стен укрепления или станка (треноги или лафета). Словом «пищаль» также нередко именовали *пушки* (производно от «пуцать», означавшего «метать», «пускать», «стрелять»).

Различали разнообразные виды пищалей-орудий:

- по тактическому назначению: крепостные, осадные, стенобитные, полковые, полевые;
- по конструкционному материалу: железные, стальные, медные, бронзовые, чугунные.

В качестве снарядов использовались преимущественно железные или чугунные ядра (для ручных пищалей – пули).

Огнестрельное оружие на полуострове появилось с приходом русских в середине XVII в. Его, естественно, не продавали и не дарили врагам. Старики-коряки так описывали первое знакомство чукчей с огнестрельным оружием: *«Главной причиной их поражения была паника, наведённая на них огнестрельным оружием. <...> Чукчи приняли выстрелы из ружей за гром небесный и раны от пуль за ранения от молнии».*

При первом столкновении страх внушал и сам вид противника с блестящим железным вооружением. Однако подобный эффект мог иметь своё действие лишь при первых столкновениях, позднее противники «привыкают» к огнестрельному оружию. А, например, аляскинские эскимосы не боялись ружей, поскольку за них в бою было удобно хвататься, а затем поражать противника. Сначала ружья появились у «туземных союзников» русских, но уже в XVIII в. распространились и у большинства коряков. К чукчам же оружие попадало в качестве трофея или путём обмена с соседями. Естественно, речь идёт о ружьях, пистолеты – нечастое оружие даже у казаков, не использовали, как и захваченные пушки, поскольку не умели из них стрелять, но быстро научились использовать их как материал для переплавки и изготовления других бытовых и боевых предметов [8, с. 24].

Уже в 1689 г. чукчи, захватив русские ружья, стреляли из них. Однако это было скорее исключение из общего правила, ведь ещё в 1741 г. сенатская справка отмечает, что у чукчей нет огнестрельного оружия. Однако в 1752 г. чукчи используют ружьё для передачи сигналов тревоги, возможно, позаимствовав этот обычай от казаков. В первой четверти XIX в. запрет на продажу чукчам огнестрельного оружия ещё существовал, но его особо не соблюдали. Кроме того, уже в начале 1820-х гг. американцы продавали чукчам ружья. В 1837 г., согласно договору с русским правительством, чукчи получили разрешение на покупку ружей и свинца, тогда как порохом их должны были снабжать казённые заводы.

В 1844 г., по замечанию священника, миссионера Андрея Аргентова, исследователя Якутии, Чукотки и Дальнего Востока Российской империи, на Анюйской ярмарке чукчам продавали ружья. Именно во второй половине XIX в. у чукчей распространяется огнестрельное оружие. Впрочем, ружьё использовали нечасто, предпочитали охотиться с традиционным оружием, поскольку порох и свинец стоили дорого, а достать их не всегда было возможно. Да и при

государственной монополии на производство вооружения, как указывает К. Дитмар, государственные магазины отпускали порох и свинец по норме. Лишь к началу XX в. у каждого жителя побережья было от одного до трёх ружей [там же, с. 25].

Более подробно рассмотрим казацкую **нагайку**, которая тесно связана с историей российского казачества. Она сопровождала казака в течение всей его жизни: её вешали над колыбелью младенца для отпугивания злых духов, дарили мальчикам, когда их обучали езде на лошади, брали в бой и на охоту, ею наказывали провинившихся, а когда казак умирал, его хоронили вместе с шашкой, нагайкой и уздечкой. Этот инструмент, предназначенный для управления лошадью (ведь казаки не имели шпор), против человека превращался пусть и не в летальное, но грозное оружие.

Изначально нагайка – это плетё с узким концом, с помощью которой управляли лошадью. Вообще плетё с древнейших времён была орудием пастухов, то есть опять же инструментом, используемым в повседневной жизни, который впоследствии приобрёл функции оружия. Для этого было необходимо усилить конец плети своего рода грузилом, что превращало инструмент управления лошадью или коровой в оружие, если не нападения, то, по крайней мере, самозащиты [11].

У калмыков кнут назывался *маля*, у татар – *камча*, а у казаков – *нагайка*. Некоторые связывают название нагайки с именем Ногай, беклярбека, то есть административного правителя какого-то региона, который, тем не менее, не был чингизидом и, соответственно, не мог называться ханом (хотя Ногай, как отмечают, по линии старшего сына Чингисхана Джучи был с ним в родстве). Ногай правил на самой западной территории Золотой орды между Дунаем и Днестром. От его имени пошло имя тюркского народа ногайцы. Соответственно, достаточно логично выглядит предположение, что подобно тому, как одежду черкесов называли черкесской, плетё получила имя нагайка. Согласно другой версии, с изменением способа ношения оружия, например, не на руке, а в сапоге, то есть «у ноги», тюркское название *камча* преобразовалось в ту самую нагайку.

Предшественником нагайки, именно как оружия, мог быть и кистень, считают некоторые исследователи. Принцип действия и даже форма действительно имеют некие сходства: к деревянной рукояти прикреплён ремень

(в случае кистеня это могла быть и цепь), на конце которого подвешен небольшой груз. С изменением доспеха необходимость в пробивной, ударной силе кистеня пропала, а вот нагайка вполне выполняла необходимую оглушающую функцию, особенно для конного воина [11].

Кстати, неким переходным этапом между кистенём и нагайкой, который до сих пор используется казаками, вполне можно считать «волчатку». Её казаки применяли, охотясь на волков. Это был более тяжёлый, нежели классический, вариант нагайки: её вес составлял 400 г, достаточно длинный – от 60 до 80 см и толстый в обхвате – 2,8 см. Интересно, что, несмотря на большее сходство с кистенём, груз в плетё «волчатки» не вставляли, а рукоять была не деревянной, а также туго сплетённой из полос сыромятной кожи вокруг так называемого *витеня* – внутренней части плетения, прочно перетянутого ниткой [10].

Классической же нагайкой принято считать донскую и кубанскую. У первой есть металлические кольца, которые соединяют плетё с рукоятью, при этом длина рукояти и длина плети, как правило, были равными, хотя каждый мастер делал по-своему. В среднем рукоять мерили по руке – от локтя до середины ладони, что примерно равнялось 30–40 см. В свою очередь, кубанская нагайка была короче – около 15–20 см. В отличие от донской её плетё продолжала рукоять, как волчатку.

Основу этого оружия делали из дерева, которое впоследствии оплеталось полосками кожи. Затем крепился темляк – петля, через которую продевали кисть. Сама оплётка называлась сервень. На конце сервеня был тот самый шлепок – кожаный карман, который укреплял плетение, не позволял ему распускаться и, соответственно, защищал кожу лошади от рассечения [9, с. 54].

Правда, в этот самый кармашек и можно было положить что-то типа пули, тогда простой инструмент превращался в оружие. В конце XIX в. издаётся Приказ № 125 «О вновь вводимом казачьем конном снаряжении», который уже чётко прописывает обмундирование и вооружение казачьего войска и параметры нагайки, которая получает название уставная. Её рукоять становится тоньше, но длиннее, а конец сервеня не имеет кармашка. Правда, впоследствии уже сами казаки преобразуют уставную нагайку в уставно-боевую. Так, например, в рукоять нередко вставлялся клинок, который можно было достать, прикрутить к рукояти и,

взяв шлепок, раскручивать нагайку [4, с. 211].

В бою нагайка выполняла вспомогательную роль и в целом служила для оглушения противника, если была утеряна шашка или пика. Но всё же опытные воины с её помощью могли нанести смертельный удар и даже стащить седока с лошади.

Нагайка успешно использовалась камчатскими казаками в разные периоды военной истории Камчатки. Существует достаточно много свидетельств использования впоследствии представителями коренных народов Камчатки для бытовых нужд и во время охоты казачьей нагайки (волчатки) [6].

Оформившееся к XVI в. как воинское сословие, казачество использовало различные виды холодного и огнестрельного оружия. Среди холодного оружия казаков на раннем этапе их истории первое место занимала, конечно же, сабля, одинаково хорошо подходившая и пехотинцу, и кавалеристу, но так как казачество активно пополнялось беглыми крестьянами, то казаки не чурались и крестьянского арсенала, важное место в котором занимал боевой **топор**.

Казачий топор XVI–XVIII вв. является вершиной развития этого вида холодного оружия. Обычный казачий топор имел расширенное и отогнутое вниз лезвие с кованым обухом и проушиной, насаженное на топорнице, иногда окованное железом, длиной от 60 до 85 см [3, с. 98].

К XVI в. в полной мере искусством владения боевыми топорами обладали только казаки, причём они не только рубились ими в рукопашных схватках, но и использовали их как метательный снаряд. И в том, и в другом случае применение казаками топоров в бою влекло самые печальные последствия для их противников: казачьи топоры с лёгкостью пробивали любые, даже самые прочные, доспехи, нанося страшные раны, зачастую оказывавшиеся несовместимыми с жизнью. Только унификация холодного оружия в русской армии, проведённая в середине XVIII в., избавила всех врагов России от перспективы близкого знакомства с казачьими боевыми топорами [там же, с. 100].

Вместе с этим широкое распространение в казачьей среде получили и топоры, внешне не отличавшиеся от обыкновенных плотницких, разве что топорнице у них было легче и удобнее, что и понятно, ведь казаки в первую очередь оставались тружениками, и топор для них был не только оружием, но и рабочим инструментом, который стал большим подспорьем на полуострове в постройке первых острогов, а

в дальнейшем – деревянных строений в поселениях коренных народов Камчатки.

Материальная культура казаков-первопроходцев сыграла огромную роль в истории развития Камчатки. Так полюбившиеся камчатцам ещё в XVII–XVIII вв. предметы до сих пор являются дорогими и ценными атрибутами

для потомков многих камчатских родов. И хотя современный мир диктует уже совсем другие правила жизни, потомки казаков-покорителей камчатских просторов продолжают существование со своими традициями и устоями, подерживая преемственность поколений и способствуя укоренённости жизни на полуострове.

1. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / пер. с нем. и примеч. Ю. И. Бронштейна. Л. ; М. : Изд-во Главсевморпути, 1940. 175 с.
2. *Зиннер Э. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII века. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. 247 с.
3. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. М. ; Л. : Наука, 1966. Вып. 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX– XIII вв. 147 с.
4. *Кирпичников А. Н., Борисевич Г. В., Даркевич В. П.* Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. 431 с.
5. *Кузнецов Н. А. Соломонов Б. В., Золотарёв А. Н.* 100 великих кораблей. М. : Вече, 2012. 427 с.
6. Материалы Камчатской Региональной Общественной Организации «Камчатские военно-исторические реконструкции».
7. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М. : Наука, 1999. Т. 1. 630 с.
8. *Нефедкин А. К.* Военное дело чукчей (середина XVII – начало XX вв.). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 346 с.
9. *Фролов Б. Е.* Оружие и мундир кубанских казаков конца XVIII – начала XX вв. Краснодар : Традиция, 2018. 119 с.
10. Как менялась казачья походная амуниция. Режим доступа: <https://taynikrus.ru/zagadki-istorii/kak-menyalas-kazachya-rohodnaya-amuniciya/>.
11. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wikimedia.org>.

В. В. Черников

КАЗАЧЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ КАЗАЧЕСТВА

Аннотация. Представлен анализ казачества как исторического и социокультурного феномена, его становление и сущность, экономические основы и духовные ценности. Рассмотрены проблемы и перспективы возрождения казачества на современном этапе.

Ключевые слова: история, казачество.

В истории народов России казачество представляет собою уникальный народ, не имеющий аналогов в мире. Казачество уникально по этническому составу, сословному положению, культуре, традициям и обычаям. Трагичные страницы истории казачества – это страницы истории России.

Сегодня казачество переходит в новую фазу своей исторической миссии в российском социуме. И эта фаза, имея свои специфические особенности, может оказаться весьма позитивной для развития современной России. В российском социуме формируется потребность становления своего собственного пути, важнейшим элементом которого является патриотизм, беззаветная преданность своей земле, своему народу.

Эти основы морально-нравственного воспитания молодого поколения после известных событий 1991 г. активно размышлялись под различными благовидными предлогами и разговорами о «мировых ценностях» и «свободах», что привело к заметному ослаблению социоцефента российского социума, к разрушению экономики и общему ослаблению государства.

Казачество, в своей многовековой социогенетике несущее патриотизм, беззаветное служение народу России, сегодня оказывается на острие борьбы за усиление страны. Однако в процессе возрождения самого казачества имеется ряд проблем, которые требуют своего решения.

Краткий экскурс в историю казачества. История казачества насчитывает многие сотни лет и уходит в древнейшую историю Руси. Происхождение казачества имеет несколько гипотез: 1) казаки произошли от беглого люда из центральных областей России; 2) казаки являются выходцами из Азии и Кавказа, принявшими православие, русскую культуру и язык; 3) казачьи поселения были образованы вне пределов России, русские князья привлекали казаков для охраны своих границ.

Происхождение самого слова «казак» имеет несколько гипотез. Слово «казак» существовало издревле в языках многих народов Востока, Средней и Малой Азии, Кавказа. У персов «казак» – стоящий на службе, оплачиваемой казной. У арабов – всадник, сражающийся за веру и законы пророка. У монголов – свободный воин, крепкий оплот, страж границ. В обобщённом варианте – вольный человек.

Вольные люди, собиравшиеся вместе для более успешного выживания, стали называться казаками. Часто они жили разбойным промыслом, были храбрыми и отчаянными воинами. Эти качества и определили их дальнейшую судьбу.

Исторические исследования свидетельствуют о том, что во времена Золотой Орды казачьи соединения участвовали в татаро-монгольских походах. Казачьи поселения в Диком поле существовали задолго до нашествия татаро-монголов. Казачество как этническая, социальная и историческая общность связало всех казаков в единое целое. В формировании казачества участвовали представители самых разных народностей, в первую очередь русские, а также калмыки, буряты, башкиры, татары, эвенки, осетины и др. Казачество определяли как отдельный этнос, самостоятельную народность и даже как особую нацию смешанного тюрко-славянского происхождения.

С распадом Золотой Орды русские князья начинают привлекать казаков для охраны границ и выполнения других служебных функций. За свою службу русским князьям казаки получали награду в виде земель, свободу проживания и самоуправления по своим обычаям и уставам. Уже в те далёкие времена у казаков формируется особая форма самоуправления, которую на современном языке можно назвать уникальной демократией. Выборность своих командиров осуществлялась на казачьем круге, казачье войско полностью обеспечивало провиантом семьи погибших казаков, помогало снаряжением, обрабатывало земельные наделы пострадавших семей.

Первый официальный договор с казаками по охране южных рубежей Руси от набегов крымчан заключил ещё царь Иван Грозный 3 января 1570 г. В грамоте, подписанной Иваном Грозным и посланной на Дон с боярином Новосельцовым, казакам и их атаманам предлагалось: *«..тем бы есть нам послужить, а мы вас за вашу службу жаловать будем»*. Фактически казакам предлагалась наёмная служба за конкретное жалование. Эту дату принято считать официальной датой создания Донского казачьего войска. Иван Грозный устанавливает деловые отношения и с гребенскими казаками, к тому времени проживающими в предгорьях Кавказа, примыкающих к Чечне. Гребенские казаки сопровождали русские миссии в Персию и Закавказье.

Внутренние изменения в казачьем быту начались после того, как они в 1671 г. принесли присягу на службу московскому царю Алексею Михайловичу, чем поставили себя в определённую зависимость от Москвы (реестровые казаки). Речь идёт о донских, яицких и сибирских казаках.

Само понятие «реестровые казаки» идёт от переписи («реестра») днепровских казаков, поступивших на службу польскому королю Стефану Баторию в 1576 г. Те же, кто отказался служить шляхте, ушли за днепровские пороги, где основали Запорожскую Сечь. Независимая Запорожская Сечь будет уничтожена только через сто лет при Екатерине Великой (1775 г.). Вскоре возникнет Кубанское войско.

Русские служилые казаки использовались для защиты засечных черт и городов, получая за это жалование и земли в пожизненное владение. Первая община русских вольных казаков возникла на Дону, а затем на реках Яик, Терек и Волга. Коренным отличием казачества от жителей центральной России являлось отсутствие в казачьих землях крепостного права, угнетения человека человеком, наличие духа свободолюбия и независимости, вооружённость казачьих поселений.

В казачьих землях не было анархии, но была военная дисциплина. Служение государю и отечеству было главной задачей казачьих поселений. В отличие от служилого казачества центрами возникновения вольного казачества стали побережья крупных рек и степные просторы, что накладывало заметный отпечаток на казачество и определяло его жизненный уклад. Неслучайно способность казаков выживать в самых суровых условиях позволила форми-

ровать из них отряды землепроходцев в северные и восточные земли страны. Отряды Ерофея Павловича Хабарова, Семёна Ивановича Дежнёва, Владимира Владимировича Атласова и многих других русских землепроходцев были казачьими отрядами, которые в тяжелейших условиях северных широт в XVII и XVIII вв. присоединяли земли под руку Москвы. Как скажет Л. Н. Толстой: «Казачьими сёдлами Русь прирастала».

Присоединив эти земли к Российской короне, казаки не только осваивали эти далёкие земли, пополняя казну, но и защищали эти края от внешних агрессоров. Именно при участии казаков были отбиты атаки англо-французского десанта в период Крымской войны XIX в., в русско-японскую войну 1904–1905 гг. казачьи отряды отстояли Камчатку. И сегодня, находясь на дальних рубежах страны, казаки несут свою службу в рядах современной армии России. Камчатское казачество является важнейшим надёжным стратегическим форпостом на востоке нашей державы.

Казачество на протяжении веков являлось универсальным родом вооружённых сил. Про казаков говорили, что они рождались в седле. Во все времена они считались великолепными наездниками, не знавшими равных в искусстве джигитовки. Военные специалисты оценивали казачью конницу как лучшую в мире лёгкую кавалерию.

Со времён Петра Великого старые казачьи льготы стали урезаться. Так была запрещена прямая выборность казачьих войсковых атаманов, стали посылаться три кандидатуры, из которых атаман утверждался государём. В царствование Николая Павловича главным атаманом казачьих войск стал назначаться наследник престола, а на местах ставились наказные атаманы. Урезание казачьих льгот привело к нескольким крупным казачьим бунтам.

Воинская слава казачества укрепилась на полях сражений в Северную и Семилетнюю войны, а также во время Швейцарского похода А. В. Суворова в 1799 г. Особенно отличились казачьи полки в наполеоновскую эпоху. Воинство, возглавляемое легендарным атаманом М. И. Платовым, стало одним из главных виновников гибели армии Наполеона в России, а после заграничных походов русской армии, по словам генерала А. П. Ермолова, «казаки стали удивлением Европы».

«Мы рождены не для прогулок по паркам и не для сидения на мягких диванных подушках. На-

шей священной миссией всегда были сражения за родную землю в бескрайних степях, в лесах и болотах, под палящим солнцем и проливным дождём. Таков наш удел, таковым ему оставаться вовеки...» (М. И. Платов).

Сущность казачества составляли: 1) ответственность на землю; 2) самоуправление; 3) военизированность поселений. Именно эти основы казачества были уничтожены Советами после переворота 1917 г.

Принципами казачества были – «Свобода, равенство, братство». Позже – «За веру, царя и Отечество». Сегодня – «Все казаки – братья», «Жизнь за семью и Отечество».

До 1917 г. по закону казачество являлось особым воинским сословием, имевшим привилегии за несение обязательной службы.

В Российской империи на октябрь 1917 г. насчитывалось 11 казачьих войск (в некоторых источниках – 12). На старой карте начала, предположительно, XIX в. представлены районы расселения основных казачьих войск. Донское войско занимало территорию на юге Российской империи, примыкающую к Азову. Южнее Донского войска расположилось Кубанское войско, охватывающее Северный Кавказ и Черноморское побережье. Ещё южнее по Кавказской линии располагалось Терское войско, охватывающее Кабарду, Осетию, Чечню, Ингушетию с выходом на Кизляр. В низовьях Волги располагалось Астраханское войско. По реке Урал располагалось Уральское войско, которое смыкалось с Оренбургским войском. В низовьях Оби располагалось Сибирское войско, прикрывающее казахские степи, как и Оренбургское войско. Между Алтаем и Балхашем располагалось немногочисленное Семиреченское войско. В низовьях Енисея – Енисейское войско. Далее следовали земли Забайкальского войска, за которым располагалось Амурское войско. Самым восточным было Уссурийское войско.

Во все века казаки верой и правдой служили Отечеству, не жалели своих жизней, выполняли как охранные пограничные функции, так и функции ударных отрядов в военных действиях. Имена Ермака Тимофеевича, Матвея Ивановича Платова, братьев Ивайловских, Якова Петровича Бакланова и многих тысяч других защитников Отечества хранят в памяти и сердцах их потомки казаки.

Попробуем обозначить существенные характерные черты, которые отличали казаков от других этносов и определяли их ментальность. Достаточно глубоко и детально эти вопросы

рассматриваются в двухтомнике известного историка казачества – Ф. А. Щербины [8]. Прежде всего, основанием, на котором базировались казачий менталитет, обычаи и традиции, психология, жизненный уклад, морально-нравственные нормы и ценности, было независимое от верховной власти самоуправление, основой которого была собственность на землю. Казачество во все века, будучи надёжной опорой российского государства, было экономически и политически свободным. По современным понятиям уровень демократии в казачьих краях был такой, которого не имели нигде в мире никакие народы за всю историю человечества. И существовал он веками!

Казачество конца XIX – начала XX вв. стояло на трёх базовых социально-экономических столпах: 1) вооружённые поселения, несущие пограничные охранные функции, за которые казакам давались особые преференции; 2) собственность на землю, составляющая экономическую основу свободы и независимости; 3) общинное демократическое самоуправление.

Для казаков служба на благо Отечества и даже смерть были смыслом жизни. Не могли казаки оставаться в стороне, если беда приходила на русскую землю. Свои головы клали казаки за Русь и в Сибири, и в боях с польской шляхтой, с турками, Наполеоном. Казачьими костями усеяны Кавказ и Средняя Азия, Дальний Восток и Командоры.

Истинное народовластие и общественное землепользование существовало у казаков не одну сотню лет. Эти основы казачьей демократии сформировались задолго до появления кабинетных идей западной демократии. Различия западной демократии денег и казачьей демократии духа и образа жизни – это два полюса противоположных миров [5].

«Казаки создали свой особый мир, свою особую духовную культуру, свой собственный идеал общественно-человеческого общежития, проверенный в грозе и буре прошедших тысячелетий. Идеал общежития, доселе не превзойдённый современностью», – читаем в статье «Духовный облик казака» [4].

«Казачество – это явление необычайное, исключительное в истории всех народов. В пустынном, диком месте, вдали от культуры и науки, природный разум казачества выковал дивную форму самого справедливого устройства человеческого общества. Одухотворил её идеями, которые и поныне являют собой непревзойдённый образец социального и политического по-

строения. Из поколения в поколение, через бурю гонений, войн и всяческих потрясений дошёл до нас этот общественный идеал. Не устарев и не померкнув...».

И далее: *«Это означает такое общественное устройство, при котором главные жизненные блага, как, например, владение землёй, недрами, лесами, водами и другими дарами природы, составляют ненарушимую собственность казачьего общества в целом. Никто на войсковой территории не может иметь на эти блага личной собственности или даже преимущественного права распоряжаться ими. Ими казаки владеют равномерно в лице войска»*, – подчёркивает Е. И. Балабин [1].

Власть была выборной и принадлежала атаману, избранному казачьим кругом. Никакой светской власти над атаманом не было. Не мог приехать в станицу прокурор или судья с солдатами и отменить решение атамана, казачьего круга. Это был бы уже военный конфликт, на что власти не могли пойти. Да, казаки, как известно, имели такие льготы не зазря. Они несли пограничную службу, которая и составляла одну из сущностей казачества.

Всё это казак впитывал сызмалства, с молоком матери, в седле отца. Казак пахал поле с карабином за плечами. И по первому приказу атамана он был в седле. Для решения локальных проблем не требовалось указующего слова из Москвы. Когда же дело касалось государственных проблем (война), тут уже вступал в действие механизм военного времени – формирование казачьего войска. И каждый казак знал своё место в строю, которое мгновенно занимал. И очень важно то, что Русь прирастала казачеством.

«Границы Государства Российского лежат на арчаке казачьего седла», – говорит старая поговорка [2]. *«Да, в казачестве жила вольность, но вольность дисциплинированная, насыщенная патриотизмом и без трусливой и коварной психологии раба»*, – подчёркивает Т. Т. Попов [3]. Казачьи войска покрыли себя неувядаемой славой на полях Первой мировой войны. Имена Кузьмы Фирсовича Крючкова, Харлампия Васильевича Ермакова и многих других казаков останутся в памяти русских людей в веках. И когда власть в России захватили революционеры-марксисты, казаки выступили против этой тёмной силы.

Гражданская война, спровоцированная большевиками, выдвинула новых героев-казачков. Лавр Георгиевич Корнилов, Андрей Гри-

горьевич Шкуро, Константин Константинович Мамонтов, Тимофей Ипполитович Сладков, Пётр Николаевич Краснов и многие другие истинные борцы за свободу своего народа были оклеветаны и преданы забвению, казнены как «враги народа». Многие казаки покинули Россию и оказались в вынужденной эмиграции, сохраняя веру в праведность своей борьбы с захватчиками России. На набережной г. Новороссийска сегодня воздвигнут красивый памятник тем, кто был вынужден покинуть родину в 1920 г. На граните высечены слова Антона Ивановича Деникина о том, что гражданская война была величайшей трагедией русского народа.

В 1919 г., после Октябрьской революции, начались массовые репрессии казаков. 24 января 1919 г. оргбюро ЦК РКП(б) выпустило директиву вести «самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путём поголовного их истребления». В первой половине 1920-х гг. была реализована политика притеснений казачества, которая носила ярко выраженный характер массовых репрессий. Была уничтожена экономическая база казачества, казаки были выселены из мест традиционного проживания.

Принудительное переселение привело казачество к отрыву от земли, утрате обычаев и традиций, затруднило адаптацию в новых местах проживания. Казаки, оказывающие сопротивление этим жестоким мерам, были репрессированы. Многие из них помещались в концлагеря, выселялись на Север, подвергались расстрелу. Иначе говоря, на заре Советской власти были ликвидированы не только военизированные казачьи поселения и военизированные структуры управления этими поселениями, но и ликвидирована система самоуправления в казачьих землях. В период расказачивания все казачьи земли, составляющие основу их экономической независимости, были экспроприированы, а сами казаки были физически истреблены как «враждебное власти сословие».

Репрессии против казачества были одной из причин исчезновения казачества как влиятельной военной организации Российского государства. Советская власть беспощадно расправилась с защитниками Отечества, видя в них единственную реальную угрозу своему режиму. В расказачивание и голодомор были зверски уничтожены от шести до семи миллионов казаков по всему СССР. Но ни в одном учебнике истории об этом не упоминалось!

Наиболее жестоко уничтожались казаки Кубани и Дона, стоящие у истоков белоказачьих

соединений. Тринадцать станиц Кубани и две станицы Дона были приговорены к полному уничтожению в назидание другим. В советский период бывшие кормильцы и защитники Отечества были преданы забвению, а само слово «казак» было синонимом слов «миродед», «кровопиец», «царский сатрап». Казаки считались «непролетарскими элементами» и подвергались ограничению в правах.

Поколения россиян выросли в плену лживых исторических моделей. Откроем учебник «История СССР» для средней школы под редакцией профессора А. В. Шестакова (М., 1948). Первое упоминание о казаках на странице 155, где, говоря о расстреле 9 января 1905 г., сказано: *«Более тысячи людей было убито, зарублено шашками, задавлено казацкими лошадьми»*. Эта откровенная ложь насаждалась советской властью через школьные учебники. Усвоение этих сведений формировало у ученика представление о казаках как врагах рабочих и крестьян, царских сатрапах, мироедах и кровопийцах.

Тяжёлая жизнь в вынужденной эмиграции не сломила дух казаков и надежду на освобождение страны от коммунистического режима. Следует заметить, что часть казаков-эмигрантов выступила на стороне Германии против советского режима, уничтожившего миллионы казаков. И хотя они не принимали участия в военных операциях на восточном фронте, советская пропаганда использовала этот факт для показательной мести «врагам советской власти».

На Ялтинской конференции в феврале 1945 г. с союзниками по антигитлеровской коалиции был заключён договор о выдаче казаков. Были пункты выдачи казаков в Кемптене, Дахау и Платтлинге. Массовая выдача казаков происходила в начале июня вблизи Лиенца (Австрия). Накануне английские танки гусеницами раздавили казачьи лагеря, оставшихся в живых передавали в руки советских органов. Тысячи казаков переводили через речку и тут же расстреливали. Женщин и детей бросали в вагоны и увозили в сибирские лагеря. Так были уничтожены десятки тысяч казаков.

Сегодня история казачества воссоздаётся по крупинкам.

После 1989 г. отдельные уцелевшие малочисленные зёрна, оставшиеся от древнейшего народа – казаков, начинают прорастать сквозь забвение и преграды. По последней переписи населения сегодня в России более восьми миллионов человек относят себя к казакам. После разрухи и раздора, устроенного на Руси «рево-

люционерными-демократами», казаки вновь начинают браться за руки во имя спасения России.

На Камчатке дух казачества изначально был силён. Усилиями родового казака, бессменного атамана Камчатского казачества Николая Васильевича Бянкина, удалось создать одно из наиболее крепких казачьих войсковых объединений, которое систематически принимает участие в учениях Дальневосточного военного округа.

На базе каких ценностей, норм и принципов сегодня идёт возрождение казачества в России? Какие цели и задачи определяют для себя новые казаки? С начала 1990-х гг. на Дону и Кубани начинают возникать казачьи общины. Власти, заявившие о том, что «демократии и свободы можно брать столько, сколько можно унести», в какой-то момент осознали, что самоорганизация казаков «снизу» может породить неуправляемые властями и непредсказуемые последствия, которые могут послужить западом для других казачьих краёв. Начинается активное формирование властных контрольных структур, в задачу которых вменяется контроль казачьих объединений. Согласно закону № 145 создаётся реестровое казачество, фактически ставшее государственной структурой, отдельной от родовых казаков, которые объединились в Союз казачьих войск России и зарубежья (СКВ). Сегодня верховным атаманом СКВ является донской генерал Виктор Николаевич Ратиев, а верховным атаманом реестрового казачества (специальный орган при Президенте РФ по делам казачества) является представитель Кубанского казачества Николай Александрович Долуда.

Опуская многочисленные перестановки и смены верховных атаманов, деление казаков на реестровых и не реестровых, следует отметить, что Н. А. Долуда занимает этот пост с 2020 г. К нему у представителей других казачьих войск, в частности Донских казаков, имеется множество достаточно серьёзных претензий. Такого рода конфликтные ситуации в казачьей среде наблюдаются от начала возрождения казачества и отражают несовершенство государственной политики в данном вопросе, как по части юридического обеспечения этого процесса, так и по части практического взаимодействия казачьих общин и власти на местах. Разделение казачества на реестровое казачество и нереестровое не идёт на пользу возрождения казачества.

В вопросе возрождения казачества есть три главных репера, определяющих сущность каза-

чества в его истории: собственность на землю, демократическое самоуправление и вооружённость казачьих поселений, несущих служебную функцию. Без этих трёх основных реперов прежнего казачества не будет.

Место казачества в современной России. Перспективы

Как известно, процессы в мире необратимы. «Нельзя дважды войти в одну реку», – утверждали ещё древние греки. В этой связи возникает естественный вопрос о целесообразности возрождения казачества в совершенно новой социально-экономической среде. Очевидно, что столь глубокие изменения социально-экономической среды на территории России практически свели на нет те функции, которые несло казачество до 1917 г. Сегодня границы державы охраняются специальными пограничными войсками, оснащёнными современной техникой. Конечно, казачьи пограничные поселения, в своё время обеспечивавшие целостность границ конными разъездами, сегодня кажутся архаикой, атавизмом далёкой ушедшей эпохи. В казачьих краях выросли новые поколения людей, зачастую не имеющих прямых казачьих корней. Но остались потомки настоящих казаков, в жилах которых течёт кровь их великих предков, а в их генах сохранилась отвага и беспримерное мужество, приводящее в смятение противника, силы которого многократно превосходили отряды казаков.

В этой связи логично поставить ряд вопросов. Что значит возрождение казачества? Что положить в основу процесса возрождения? Какие ценности надо возродить?

Современная Россия понимается как часть метасоциума, в которой многие процессы обусловлены глобальными, объективными подвижками в мире, которые невозможно игнорировать. В частности, мы являемся частью техногенной цивилизации, обратного пути из которой нет. Мы пользуемся автомобилями и тракторами, современными средствами связи и прочими благами этой цивилизации. Развитие этих современных технологий является условием нашего существования и безопасности. А значит, мы вынуждены развивать свою науку и образование, готовить соответствующие кадры, создавать современные средства производства, оборонные системы. Новые информационные технологии (интернет, телекоммуникации и пр.) являются частью этой цивилизации и нашей обороны. Однако они имеют и ряд не-

гативных сторон. Так, современные информационные технологии позволяют осуществлять информационную агрессию в любом социуме, трансформируя или разрушая его сложившиеся морально-нравственные нормы, традиции, обычаи, которые веками обеспечивали данному социуму стабильное существование. Очевидно, что новая среда и новые технологии требуют принципиально новых знаний, необходимых молодому поколению казаков, требуют новых технологий сообщения этих знаний.

Если раньше знания передавались от отца к сыну, то сегодня требуются специальные учебные учреждения для сообщения этих знаний. Современный казак должен усвоить знаний новой эпохи. Если раньше быт казака, его служба были связаны с лошадью, то сегодня он управляет мощной техникой. И это процесс необратим. Если раньше мир казака, его менталитет, морально-нравственные ценности и нормы, традиции, уклад формировались в общении со станичниками, в военных походах, то сегодня мир казака формируется под влиянием мощнейших, зачастую неконтролируемых информационных потоков, регулируется общероссийскими законами, которые во многих случаях противоречат законам казачества.

Сегодня у казаков не осталось земли, на которой они всей семьёй работали. Наличие земли требовало рабочих рук, семьи казаков всегда были многодетными и дружными. Все занимались одним делом, все семьи в станицах знали друг друга, атаманы выбирали по делам и военным заслугам. Сегодня даже на исконно казачьих землях живёт много иногородних. И казаки, и иногородние занимаются разным трудом, зачастую далёким от земли. Всё это не способствует возрождению бытовых традиций, поскольку быт казаков, их культура, традиции, обычаи, ментальность были привязаны к работе на земле, к военной службе. Исчезновение основ казачьего быта делает бессмысленными многие прежние старые обычаи, традиции, ментальность.

Современные казаки давно уже не ездят на лошадях, и большинство из потомков казаков не знает, как подойти к лошади. Они мастерски владеют комбайном, мощным трактором в сотни лошадиных сил, автомобилем, компьютером, пользуются мобильной связью и Интернетом, отдыхают на дорогах заморских курортах.

Конечно, сохранилась малая среда – семья, друзья, малая родина, что очень важно. Однако и в этой сфере произошли необратимые изме-

нения. Новые, современные технологии в корне изменили характер труда мужчины и женщины, что в свою очередь внесло изменения в социальные, бытовые отношения в казачьих семьях. Это в свою очередь привело к изменению, трансформации или отмиранию вековых традиций морально-нравственных норм, ценностей. Ушли в прошлое казачьи саманные хаты с камышовыми крышами, ушли с казачьих подворий телеги, конские упряжи, плуги и бороны, а с ними и часть старого казачьего быта и функциональных обязанностей членов семьи.

Огромные изменения произошли в сфере воспитания детей в казачьих семьях. Если раньше дети всегда были при родителях, с раннего возраста усваивали тонкости трудного казачьего быта, то сегодня дети много времени проводят вне семьи, в детском саду, школе, училище, институте. Если раньше дети с утра до ночи были при деле, помогая родителям по хозяйству, то сегодня, имея свободное время, они «убивают» его у телевизора, за компьютером.

Сегодня всё реже можно встретить казачку, сидящую дома с десятком детей. Как правило, большинство женщин вынуждены работать в различных учреждениях, а многие казачки стали настоящими бизнес-леди, возглавляют серьёзные бизнес-структуры.

Утратив свои охранные функции и лишившись своих земель, казаки лишились жизненной опоры. Без этих начал не имеет смысла и самоуправление. Следовательно, возрождение казачества – это возрождение экономической базы казачества, собственности на землю, самоуправления в казачьих поселениях, вооружённости казачьих поселений. Следует заметить, что эти основы сущности казачества неразрывно связаны между собой. Нет земли – нет экономической базы – нет и самоуправления. Очевидно, что в прежнем виде эти базовые начала казачества возродить уже невозможно.

И всё же возрождение казачества сегодня идёт и снизу, и сверху. За движением «снизу» стоит историческая ностальгия по тому порядку, что был в казачьих краях, по надёжной экономической базе огромного числа людей России. За движением «снизу» просматривается утрата доверия к власти, к судебной системе, криминально-коррупционной экономике.

За движением «сверху» стоят определённые круги власти, понимающие, что такой процесс «снизу» нельзя пустить на самотёк, а надо взять под свой контроль и управлять этим процессом. В этой ситуации казаки должны понимать, что

нынешняя власть не станет возвращать потомкам казаков те земли, что были экспроприированы советской властью у их предков в период расказачивания. Не допустит она и возвращения оружия казакам в местах их компактного проживания. Даже самоуправление возродить пока чрезвычайно сложно в новой социально-экономической среде, в новой юридической реальности. И всё же процесс «возрождения» казачества идёт.

В этой связи возникают вопросы: «Что возродить? Что сохранять?».

Прежде всего, в казачьей среде на генетическом уровне сохранилась вера в справедливость, дискредитированная и испачканная потребительской ментальностью «демократических временщиков», растаскивающих русскую землю. Не удалось вытравить из казаков любовь к земле предков, патриотизм, замешанный на крови павших за эту землю предков. Осталась в казачьих генах и любовь к земле, к хлебу, которым казаки кормили не только Россию, но и Европу.

Работа на земле требовала многих рабочих рук. Неслучайно казачьи семьи всегда были многодетными. За счёт многодетных семей хлебоборонов население России приросло только за правление Николая II более чем на 60 миллионов человек. Уничтожение казачества и кулачества подорвало демографическую ситуацию в России, которую так и не удалось восстановить до настоящего времени! Не имея надёжной экономической основы и веры в завтрашний день, рождаемость на селе пошла на убыль. Кроме того, войны и всевозможные реформирования села окончательно разрушили необходимость в большой семье, подрубив рождаемость в сельской местности. А, как известно, «без приплода нет народа, без народа нет страны».

В городе семьи всегда были значительно меньше. Дальнейшая индустриализация и перетекание населения из деревни в города окончательно определили тенденцию падения рождаемости. Сегодня соотношение сельского и городского населения составляет 30 к 70 %, обратное к 1917 г. При отсутствии экономической основы семьи, все эти факторы в совокупности негативно влияют на демографическую ситуацию в России.

Непростой вопрос в ряде проблем возрождения казачества – отношение современного казака к Вере. Одним из принципов служения казачества до 1917 г. был: «За Веру, Царя и Отечество». Православную Веру казак получал

с молоком матери, как и другие атрибуты казачества. За период советской власти выросли целые поколения атеистов, поколения людей с новым уровнем образования, новой ментальностью. К Вере многие относятся как к культурному наследию наших предков, не отвергают, но и особо не придерживаются церковных традиций. Кое-где в казачьих краях начинают восстанавливать разрушенные казачьи храмы, однако это не под силу маленьким казачьим общинам в тех станицах. Да и храмовые земли ушли под застройку. Вот и ставят казаки железные кресты в память о миллионах невинно убиенных казаков, чьими костями устлана вся Россия.

В последние годы активно восстанавливаются казачьи фольклорные коллективы, проводятся фестивали казачьей песни, в казачьих станицах возрождаются праздники, скачки, традиционные гулянья. Восстанавливаются форменные одежды различных казачьих войск, восстанавливаются традиционные казачьи ремёсла.

Краткий анализ ситуации, сложившейся вокруг процесса возрождения казачества, позволяет сделать следующие выводы:

1) нынешней власти «демократов» – приемнице «большевиков» нет резона возрождать казачество, но сложившиеся реалии заставляют власть играть в эту игру;

2) в этой ситуации казакам необходима чёткая стратегическая цель возрождения, такой целью может быть только традиционное управление и землепользование. Тогда на этой основе, с учётом новых реалий, сформируется и менталитет, и морально-нравственные ценности, воз-

родятся традиции. Это не идёт в противоречие с процессом развития социума, с развитием науки и техники. Более того, возрождение казачества в его традиционных формах управления и землепользования позволит снять множество проблем, неразрешимых в рамках имеющейся законодательной базы. В частности, в казачьем управлении исключено хищническое использование земельных ресурсов;

3) проблема демографии в России не может быть решена без полноценного возрождения основ казачества в исторических казачьих краях.

Каковы механизмы решения проблемы? Как заметил Наполеон Бонапарт: «Все великие победы начинаются за школьной партой». Начальным шагом, по убеждению автора, является формирование молодого поколения казаков, овладение знаниями, соответствующими требованиям новой эпохи.

Процесс возрождения казачества в России имеет положительную динамику, но существуют как объективные причины (законодательство), так и субъективные (человеческий фактор), тормозящие этот процесс.

Казачество является носителем позитивного начала, своего рода скрепой многонациональной и многоконфессиональной России, и эта историческая миссия казачества находит всё большее понимание в российском обществе. Несмотря на попытки расчленения казачьих рядов, втягивания их в различные политические структуры, казачество, имеющее большой исторический опыт, в целом придерживается взвешенных позиций и постепенно оптимизирует процесс возрождения.

1. Балабин Е. И. Казачество // Бюллетень Музея лейб-гвардии казачьего полка. Париж, 1970. № 17.
2. Казем-Бек А. Л. О казачестве // Информационная газета. Прага, 1933.
3. Попов Т. Т. Беседы с казаками о том, что такое казачьи традиции // Донской Атаманский Вестник. Бруклин (США), 1952.
4. Черников В. В. Феномен демократии казачества в модели развития российского социума // Экологическая и экономическая безопасность: проблемы и пути решения: материалы XII междунар. конф. Краснодар, 2007.

А. В. Шестаков
КАЗАЧЬЯ ТЕМАТИКА В ХАБАРОВСКОМ КРАЕВОМ МУЗЕЕ
ИМЕНИ Н. И. ГРОДЕКОВА

Аннотация. Анализ коллекции казачьей тематики в фондах Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова: описание экспонатов, источник и хронология их поступления. Рассмотрена работа музея по пополнению коллекции, её изучению и популяризации в настоящее время. Особое внимание уделено издательской и выставочной деятельности.

Ключевые слова: история, казачество, музейное дело, Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова.

Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова с начала своей деятельности в конце XIX в. связан с изучением истории Приамурского казачества. Первые предметы коллекции по культуре казачества начали поступать в музей ещё при первом кураторе музея, помощнике Приамурского генерал-губернатора, председателе Приамурского отдела Императорского русского географического общества (ПО ИРГО), генерал-лейтенанте Николае Ивановиче Гродекове. Он считал необходимым иметь для показа хабаровской публике предметы, связанные с освоением Приамурского края, отражающие героическую историю возвращения р. Амур России в середине XIX в.

В начале 1896 г. Н. И. Гродеков разослал по казачьим войскам письма и телеграммы с просьбой прислать образцы старого казачьего оружия и обмундирования времен графа Н. Н. Муравьёва-Амурского. Обмундирование для музея было подготовлено казаками Забайкальского казачьего войска (первого из трёх Приамурских казачьих войск, созданных по инициативе Муравьёва-Амурского в 1851 г.), о чём сообщил в письме Гродекову наказной атаман войска Евгений Осипович Мациевский (1893–1901). По его распоряжению специально для показа в музее Хабаровска *«построены чекмень с шароварами в трёх экземплярах: один конного казака с напатронниками, другой артиллериста и третий – пешего урядника; папаха пешего, фуражка конного казака и один... кушак»*. Шаровары старого образца достать не удалось, поэтому по распоряжению Мациевского принято решение доставить в музей образцовые шаровары. Из средств канцелярии войскового правления на «постройку обмундирования» было выделено 70 рублей, компенсировать затраты должен был ПО ИРГО. Кроме того, в сентябре 1897 г. Мациевский отправил в музей по просьбе Гродекова *«два ружья старых систем, бывших на вооружении казаков в прежние времена»* [8, с. 38–39].

Две винтовки с принадлежностями к ним системы Карле и семилнейная были присланы в музей в ноябре 1897 г. с юга Приморской области из пос. Камень-Рыболов. Командир Уссурийского казачьего дивизиона войсковой старшина Токмаков уверил тогда полковника И. П. Надарова, сменившего Гродекова на посту председателя ПО ИРГО, что в скором времени пришлёт в музей и другое оружие старого образца, *«если таковое будет у населения дивизиона»* [там же]. Однако Приамурский генерал-губернатор Гродеков запретил отбирать оружие, находящееся в собственности у казаков, и просил прислать в Хабаровский музей лишь те образцы, которые он «лично обозревал» в арсеналах станиц Козловской или Казакевичевской [там же, с. 39].

От Приамурских казачьих войск музей получал в дар не только вооружение, но и этнографические предметы, археологические, палеонтологические, энтомологические, зоологические и геологические коллекции. Так, например, подъясаул Уссурийского казачьего войска (УКВ) Куртуков из пос. Венюковского выслал в адрес музея «двух деревянных бурханов ороченского изделия, взятых у орочен с верховья Хора». Начальник конного завода УКВ на станции «Галенки» есаул К. Е. Федосеев передал чучело цапли. Казак Михаил Илларионович Декин из ст. Гродеково УКВ – другу горного хрусталя и три образца серебро-цинковой руды [там же].

Есаул амурского казачьего войска (АКВ) Николай Киприянович Сотников, временно исполняющий обязанности командующего Амурским пешим казачьим полубатальоном, прислал в 1895 г. в музей семь окаменевших зубов и бивень мамонта, а также пакетик с киноварью, найденные при разработке золотосодержащих пластов на приисках Приамурского края, охранявшихся казаками. В 1897 г. войсковой старшина Сотников отправил Гродекову четыре снимка казачьей станицы Радде [там же, с. 39–40].

Больше всего пожертвований поступило в Хабаровский музей от казака окружной станицы Козловской УКВ Прокопия Трифоновича Быкова. Ещё в начале 1893 г., до создания музея, им были переданы в дар 323 экземпляра жуков редких видов, 60 экземпляров перепончатокрылых, около 420 чешуекрылых, шкуры птиц, зверьков и черепах, спиртовые растворы с рыбами, рога гурана, образцы каменного угля, а также два бурхана (антропоморфное изображение духа) уссурийских гольдов – Ганьки и Агбми и чучело сибирской белки.

Сам Прокопий Трифонович родился на р. Уссури в ст. Козловской в 1866 г. Отец его был терским казаком, переселившимся на Амур в числе первых переселенцев. Быков с отличием окончил Иркутскую учительскую семинарию, затем служил в Уссурийском казачьем дивизионе в Хабаровске, но оставил службу из-за травмы ноги. Быков был страстным охотником и рыбаком, с удовольствием участвовал в различных научных экспедициях по изучению Приамурского края и населявших его народностей. Помимо этого, он писал статьи для хабаровской газеты «Приамурские ведомости», издавал книги собственного сочинения («О гольдах», «Рыболовство и промышленность Приамурья», «Флора и фауна Приамурского края»), пользовавшиеся огромной популярностью в городе и крае. А так как он мог изготовить чучело любого животного, то неслучайно, что именно ему предложили стать препаратором музея Приамурского отдела ИРГО, учреждённого в 1894 г. в Хабаровске. Здесь им были изготовлены *«крупные чучела: моржа, лося, 2-х медведей, медвежонка, тигра с кабаном, калуги и других разных зверей: 12 зверей, 20 птиц и 9 рыб»*. Одновременно он занимался преподавательской деятельностью в Николаевском городском училище [8, с. 40–41].

В период революции и гражданской войны на Дальнем Востоке России, в мае 1918 г. 5-й (ликвидационный) войсковой круг УКВ принял решение упразднить войско, а все войсковые реликвии передать или в музей, или в церковь [9, с. 149].

Во исполнение этого решения войскового круга были доставлены из г. Имана в Хабаровск и 31 мая 1918 г. переданы Гродековскому музею Приамурского отдела Русского географического общества как пожертвование от войскового совета УКВ, войсковое знамя 1907 г. с древком и войсковая насадка УКВ 1904 г. [1]. Но после свержения советской власти в Хабаровске Особым казачьим

отрядом во главе с атаманом УКВ И. П. Калмыковым 5 сентября 1918 г., 10 сентября знамя и насадка УКВ под расписку были выданы из Гродековского музея атаману Калмыкову [там же].

Войсковая насадка впоследствии была утеряна в протоке р. Сунгари, а войсковое знамя в 1947 г. передано в Государственный музей революции СССР (ныне – Государственный центральный музей современной истории России) [9, с. 149–150].

После окончания гражданской войны в 1920-е гг. Хабаровский краеведческий музей продолжал сбор казачьей коллекции. В основном это были фотографии казаков, принимавших участие в партизанском движении на стороне коммунистов. Кроме того, 15 февраля 1927 г. в Хабаровский музей были переданы такие уникальные предметы Амурского казачьего полка, как братина, статуэтка казака и крышка от памятного альбома 1888–1898 гг. Серебряная крышка с надписью «Альбомъ Амурскаго казачьяго полка 1898 1888 16/VII 17/III» (ХКМ КП 4489) была изготовлена на фабрике золотых и серебряных изделий И. П. Хлебникова в Москве в конце XIX в. Братина (ХКМ КП 4488) была заказана командиром Амурского казачьего полка в 1898–1903 гг. полковником Иваном Николаевичем Печёнкиным с разрешения генерал-майора Е. В. Коленко, начальника штаба 2-го Сибирского армейского корпуса в 1900–1902 гг., в связи с победоносными и героическими действиями полка на территории Маньчжурии в ходе Русско-Китайского конфликта в 1900–1902 гг. Братина с блюдом и двенадцатью кубками также была изготовлена на фабрике золотых и серебряных изделий И. П. Хлебникова в Москве из серебра, в технике цветной перегородчатой эмали в 1900–1902 гг. Серебряная скульптура казака с надписью на постаменте «Амурский казачий полк» (ХКМ КП 4490) также относится к полковым памятным вещам и, по одной из версий, до поступления в музей была установлена на отсутствующей ныне крышке братины.

В 1940 г. от заместителя воинского коменданта Хабаровска Конкина в музей поступило как «булава атамана» навершие от насадки с надписью «Атаманъ посёлка Покровскаго / Бикинскаго станичнаго округа / Уссурийскаго казачьяго войска» (ХКМ КП 13392) [11, с. 132–133].

Для открытого просмотра памятные экспонаты Амурского казачьего войска впервые были выставлены в исторической экспозиции музея в сентябре 1941 г. под влиянием патриотической волны, поднявшейся в СССР после нападения фашистской Германии [10, с. 85–93].

К сожалению, в феврале 1946 г. три чарки из экспозиции музея были похищены, и до настоящего времени сохранилось лишь девять чарок.

В 1940-х гг. на волне интереса к истории казачества больше внимания уделялось вопросу о роли дальневосточного казачества в освоении восточных окраин России. В 1947 г. сотрудниками музея был составлен список литературы по истории казачества, разработан план реконструкции музейной экспозиции, где истории появления казачества на Дальнем Востоке должна была быть посвящена небольшая часть отдела дореволюционного прошлого Приамурья. В разделе по Амурскому и Уссурийскому казачьим войскам планировалось представить копии документов об образовании казачьих войск на Амуре и Уссури, фотографии казачьих станиц и «натуральные экспонаты» – братину Амурского казачьего полка, альбом и статуетку казака [8, с. 41–42].

Следует отметить, что несмотря на процессы «расказачивания», репрессии и активное выселение казачьих семей с их исконных территорий, в амурских и уссурийских сёлах и в послевоенное время продолжали проживать потомки первых переселенцев-казаков, которые помогли сотрудникам музея восстановить историю культуры местного казачества.

В 1952–1954 гг. в Хабаровском краеведческом музее началась большая работа по созданию экспозиции «Заселение края во второй половине XIX – начале XX вв. и развитие сельского хозяйства», освещающей в т. ч. и историю дальневосточного казачества. Сотрудники музея Л. С. Григорова, П. А. Говзман и В. И. Стрельникова составили новый тематико-экспозиционный план, в который были включены наряду с прежними материалами новые, собранные в ходе экспедиций по бывшим казачьим станицам и посёлкам [там же, с. 43].

В результате в 1950-е гг. в фонды музея поступают различные уникальные предметы, связанные с историей амурского и уссурийского казачества, обнаруженные на территории бывших казачьих посёлков и станиц. В 1950 г. в музей поступила мемориальная доска с текстом о передаче в 1907 г. Уссурийскому казачьему войску войскового знамени, дарованного за храбрость и мужество, проявленные «в военных действиях против китайцев в 1900–1901 гг. и в войне с Японией 1904–1905 гг.» (ХКМ КП 5361). В 1954 г. – должностной знак станичного судьи станицы Казакевичевской Уссурийского казачьего войска (ХКМ КП 5360) [там же, с. 62, 64].

2 февраля 1958 г. на складе матросского клуба в Хабаровске была найдена и 13 февраля передана Николаем Фёдоровичем Мишиным (Мишиным) в фонды Хабаровского краеведческого музея насека поселкового атамана «Амурского казачьего войска Платоно-Александровской станицы». Насека в 1886–1889 гг. принадлежала атаману одного из посёлков Платоно-Александровской станицы – Благодатного, Богуславского, Комиссаровского или Нестеровского. Сами насеки, как особые знаки для всех станичных и поселковых атаманов казачьих войск, были присвоены Александром III атаманам 10 мая 1885 г., а с 26 июня 1889 г., когда на базе населения Уссурийского полубатальона Амурского казачьего войска было образовано особое самостоятельное Уссурийское казачье войско, эти посёлки находились уже в составе УКВ [11, с. 129–130].

В 1959 г. на огороде одного из хозяйств в с. Венцелево Ленинского района ЕАО был найден молоточек для крепления знамени к древку Амурского казачьего полка (ХКМ КП 6179) [8, с. 63].

С конца 1950-х гг. предметы казачьей культуры, бытовавшие в семьях казаков Амурского и Уссурийского казачьих войск, стали поступать в фонды музея уже, в основном, в результате работы научно-исследовательских экспедиций.

В марте 1963 г. сотрудники музея Е. П. Мельниченко, В. И. Готванский, Н. И. Белых совершили экспедицию по бывшим казачьим посёлкам бывшего Бикинского станичного округа УКВ – Корсаковка, Казакевичево, Невельская, Лончаково, Васильевский. Потомки основателей этих населённых пунктов передали для Хабаровского музея такие дорогие их сердцу фотографии и вещи, как части конского снаряжения конца XIX – начала XX вв.: деревянный ленчик седла, стремяна и шпоры (ХКМ КП 6679), казачий топорик и нож-сечку для рубки капусты (ХКМ КП 6672), фотографии Астафьевых и Позевалкиных из пос. Оренбургского (ХКМ КП 6661), казаков Бикинского станичного округа Пашнина, Савельева, Плахотина, Таторова с супругой, Соколова, Чернева, Шестакова, Шелякина и др. (ХКМ КП 6674, ХКМ КП 6675, ХКМ КП 6677).

В декабре 1970 г. Е. П. Мельниченко и А. А. Пономарёва побывали в с. Венюково и собрали предметы казачьей кухонной утвари – ступки, горшок для молока, ухват (ХКМ КП 7165, ХКМ КП 7167), мягкую обувь землепашца – олочи (ХКМ КП 7168), резной наличник одного из полуразрушенных домов.

В июне 1983 г. в с. Лончаково и Покровка научным сотрудником музея Н. А. Соболевской были собраны такие уникальные предметы, как ступка деревянная для толчения чая (ХКМ КП 8716), сельница в виде деревянного корыта для хранения сухих продуктов (ХКМ КП 8717/1), сепаратор «Diabolo» (ХКМ КП 8717/2), орудия для обработки шкур и деревянные наметы-выкройки для изготовления повседневной обуви олочей разного размера (15 ед. хр.) (ХКМ КП 8716/2,3, ХКМ КП 8717/6-18), предметы рыболовного промысла (форма для изготовления глиняных грузил, сами глиняные грузила, трехзубчатая острога) [8, с. 43–46].

С 1978 г. под руководством Соболевской регулярно проводились научно-исследовательские экспедиции по сёлам среднего течения р. Амур в пределах Еврейской автономной и Амурской областей, где ранее располагались посёлки и станции Амурского казачьего войска. В общей сложности было обследовано 11 населённых пунктов (Екатерино-Никольское, Пузино, Столбовое, Нагибово, Михайло-Семёновское, Радде, Башурово, Иннокеньевка, Касаткино, Пашково, Дим). Потомки казаков поделились с исследователями воспоминаниями о прежней жизни казаков АКВ, трудностях службы, ведении хозяйственной и промысловой деятельности. Были также собраны интересные артефакты: тёрка для картофеля, скалка для теста, деревянная хлебопекарная лопата, крынки, кувшины, горшки, ступки, корчаги, тиски слесарные и др. (ХКМ КП 7904/2,3, ХКМ КП 8384/9,10,12,14, ХКМ КП 8720/5, 7, 13), несколько пар олочей разного кроя, ичиги (ХКМ КП 7904/5,9-10,11-12, ХКМ КП 8384/19-20,23-24, ХКМ КП 8720/11-12).

Некоторые из дарителей продолжили сотрудничество с музеем и в дальнейшем. В 1983 г. житель с. Екатерино-Никольского В. С. Семёнов пожертвовал музею меховую охотничью шапку-орогду (ХКМ КП 8384/22) и унты из ровдуги (ХКМ КП 8384/23-24), в 1986 г. изготовил для музея традиционную верхнюю охотничью одежду амурских казаков – козляк из меха козули по выкройкам конца XIX – начала XX вв. (ХКМ КП 9099) [там же, с. 46–48].

Предметы казачьей культуры поступали в музей и из городов края. В 1981 г. хабаровская журналистка Ольга Андриановна Журавина пожертвовала музею коллекцию предметов, бытовавших в семье сотника Амурского казачьего полка, поэта и литератора Л. П. Волкова (1870–1900), погибшего во время русско-китай-

ского конфликта 1900–1902 гг. (ХКМ КП 8490). В последующие годы коллекцию, посвящённую Волкову, пополнила в 1983 г. дочь поэта – Нина Леонидовна Тихая-Тищенко (ХКМ КП 8687) [там же, с. 48–50].

В настоящее время коллекция предметов и фотографий ХКМ, связанных с культурой и бытом приамурского казачества, включает 209 единиц хранения. Комплектование коллекции продолжается [там же, с. 50].

С культурными и военными традициями такой этнической группы русских, как казаки, посетители Гродековского музея смогли познакомиться на экспозиции «История освоения Россией Приамурского края (конец XIX – начало XX)», открытой в 1996 г. и доступной сейчас посетителям Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, а также на музейных выставках.

В 2011 г., совместно с Российским этнографическим музеем, военно-морским музеем (г. Санкт-Петербург) и Ростовским областным музеем краеведения (г. Ростов-на-Дону), в Хабаровске демонстрировалась выставка «Казаки – защитники отечества». В 2013 г. – «Бикинские казаки (1858–2012 гг.)» (из собрания МУК «Бикинский краеведческий музей»). В 2018 г. была разработана выставка «Доблесть Приамурцев» (1655–1917 гг.) (к 160-летию Амурского казачьего войска). В 2022 г. на площадке нашего музея впервые в России была представлена выставка Государственного исторического музея «Казачество на государственной службе» с XV в. по 1917 г. как первый шаг к созданию музея российского казачества.

В 2006 г. в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова и в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН было принято решение о начале издания особых тематических сборников, посвящённых истории казачества региона [2].

За шестнадцать лет Хабаровским краевым музеем им. Н. И. Гродекова под научным руководством Олега Игоревича Сергеева, который недавно (30 июня 2022 г.), к огромному нашему сожалению, ушёл из жизни, издано шесть выпусков сборника «Казачество Дальнего Востока во второй половине XIX – XX вв.», в котором объединились не только дальневосточные специалисты, но и историки из Сибири и Европейской части страны [3; 4; 5; 6; 7].

В подготовке материалов для сборников участвовали специалисты как из городов Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Южно-Сахалинск), так и иных городов

Сибири и Европейской части России (Москва, Новочеркасск, Омск, Новосибирск, Барнаул). Среди авторов есть сотрудники высших учебных заведений, государственных и муниципальных музеев, государственных архивов, властных структур.

В статьях сборников проанализированы сложные межэтнические отношения русских служилых людей и коренного населения региона в XVII–XVIII вв., процесс колонизации края, формирование духовного облика этого сословия, его участие в военных конфликтах начала XX в. Особое внимание в ряде статей уделено истории местного казачества в братоубийственных событиях 1917–1922 гг., а также в период репрессий советского времени. Весьма интересный материал посвящён историческому опыту казачьего зарубежья, прежде всего в Китае, Корее и ряде других стран, дальнейшего расселе-

ния казаков и возрождению казачества в конце 1980–1990-х гг. Авторы сборников постарались в максимально возможной степени удовлетворить существующий интерес к казачьей проблематике. Кроме общих вопросов заселения и освоения дальневосточных территорий в ряде статей исследуется история отдельных посёлков и казачьих станиц.

В публикуемых исследованиях подчёркивается, что казачество являлось неотъемлемой частью государства, которое, в свою очередь, обеспечивало формирование, поддержку на должном организационном уровне и регулирование численного состава казачества.

Мы надеемся, что работы авторов сборников внесут весомый вклад в изучение регионального дальневосточного звена российского казачества и будут полезны всем интересующимся и занимающимся на практике этой проблемой.

1. ХКМ. ХКМ ВХ 490. Книга квитанций № 1 по приёму пожертвований музею Приамурского Императорского Географического общества. Квитанции за 1914–1926 гг. Квитанция № 146.
2. Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX – XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова, 2006. 204 с.
3. Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2009. Вып. 2. 240 с.
4. Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2011. Вып. 3. 204 с.
5. Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2014. Вып. 4. 200 с.
6. Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: К 165-летию Забайкальского казачьего войска: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2016. Вып. 5. 184 с.
7. Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Хабар. краев. музей им. Н. И. Гродекова. Хабаровск, 2021. Вып. 6. 144 с.
8. Приамурское казачество. Каталог коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова / А. С. Белых. Хабаровск, 2015. 164 с.
9. Савченко С. Н., Сиваков Т. В., Шестаков А. В. Войсковые регалии, грамоты, знаки отличия Уссурийского казачьего войска // Россия и АТР. 2021. № 3. С. 139–153.
10. Шестаков А. В. Хабаровский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Хроника // Войны и военные конфликты XX в. в судьбах дальневосточников: сб. науч. ст. Хабаровск, 2020. Выпуск 4: Дальний Восток в 1939–1945 гг. Человек. Общество. Государство. 194 с.
11. Шестаков А. В. Знаки власти поселковых атаманов Уссурийского казачьего войска в коллекции Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова // Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2021. Вып. 6. С. 128–139.

Раздел IV

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

О. А. Гримайло

ПРОЕКТ «ИНТЕРАКТИВНАЯ ЭТНОКНИГА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ»

Аннотация. О проекте «Интерактивная ЭТНОКНИГА Магаданской области» как интернет-ресурсе (ethnobook.ru), который включает сведения по истории, этнографии и культуре коренных малочисленных народов Колымы и Охотоморья.

Ключевые слова: история, этнография, коренные малочисленные народы, библиотеки, интернет-ресурсы.

Проект «Интерактивная ЭТНОКНИГА Магаданской области» был задуман Магаданской областной общественной организацией работников культуры в 2020 г.

Главная идея ЭТНОКНИГИ – сохранение истории и культуры коренных народов Северо-Востока, а основная цель – собрать, систематизировать и показать в медиaprостранстве этнографический материал от научных, научно-популярных изданий, художественных произведений до фото-, аудио- и видеоматериалов, виртуальных экскурсий по экспозициям краеведческих музеев Магаданской области, репортажей и интервью с представителями коренных этносов.

Идея работников культуры по созданию ЭТНОКНИГИ была поддержана правительством Магаданской области, Министерством культуры и туризма, Министерством внутренней, информационной и молодёжной политики, ресурсным центром общественных инициатив, администрациями городских округов.

Проект осуществляется в тесном сотрудничестве с областной библиотекой им. А. С. Пушкина, областным краеведческим музеем, общественной ассоциацией коренных малочисленных народов и этнических групп Севера.

Команда проекта – это сотрудники библиотеки, архивные работники, этнографы, историки, археологи, экскурсоводы, фотографы, видеографы, общественные деятели – люди, объединённые идеей сохранения для будущих поколений достоверной, целостной и комплексной этнокартины региона.

Отправной точкой проекта стала победа в 2020 и 2021 гг. в конкурсе Российского фонда культуры на предоставление грантов некоммерческим организациям в рамках федерального проекта «Творческие люди» национально-го проекта «Культура».

В настоящее время работа над ЭТНОКНИГОЙ продолжается. Сайт пополняется новыми материалами. В июне этого года команда побывала на праздновании юкагирского Нового года Шахадьбэ в пос. Сеймчан и на празднике встречи первой рыбы «Бакылдыдяк» в Ольском районе.

Страницы электронной ЭТНОКНИГИ представлены следующими блоками – новостной информацией о проекте, шестью разделами, каждый из которых посвящён отдельно взятому этносу (эвены, коряки, чукчи, камчадалы, якуты, юкагиры), электронной библиотекой и медиа.

Каждый раздел включает в себя историческую справку с информацией о хозяйстве, жилищах, транспортных средствах, характерной для народа одежде, особенностях системы питания, социальной организации и духовной культуре. Информация проиллюстрирована фоторядом, где использованы изображения музейных предметов из фонда Магаданского областного краеведческого музея, исторические снимки этнографических экспедиций В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и др. По этносам распределена библиография. Фото и видеоряд являются общими для всех этнических групп территории.

В электронной библиотеке собраны издания о коренных малочисленных народах Севера. Это документальная, научная, художественная литература. Подборка на сегодняшний день включает в себя более 100 источников. Библиотека представляет авторские издания учёных региона: этнографов Людмилы Хаховской и Натальи Мальцевой, археологов Игоря Воробья, Александра Орехова и других; издания выдающихся этнографов СССР и РФ; сказки и фольклор этносов Северо-Востока; произведения авторов из числа коренных народов, а также русских и советских классиков, пере-

дённы на эвенский, корякский, юкагирский, ительменский языки.

В разделе «Медиа» размещены фотографии представителей общественных организаций КМНС и национальных сёл, хореографических ансамблей, сотрудников этнокультурных центров, оленеводов совхоза «Ирбычан».

Видеоряд позволяет посетить этнографическую экспозицию Магаданского областного краеведческого музея и музеев области. Экскурсии сайта повествуют о типах хозяйствования, предметах культуры и быта, духовной жизни, обычаях и традициях коренных народов территории.

Наибольший интерес могут вызвать у посетителей сайта «живые» интервью с представителями КМНС. В видеосюжетах люди вспоминают о своем детстве, проведённом в оленеводческой бригаде или национальном селе, быте народа, событиях, свидетелями которых они были. Повествуют о рыбалке, охоте, помощи родителям, а также о собственной судьбе, неразрывно связанной с Севером и областью, народом, его традициями. Все рассказы отличаются в зависимости от возраста рассказчика, так как команда проекта снимала интервью и с представителями самого старшего поколения, и с людьми 30–40 лет, и с молодёжью.

Наиболее информативны интервью представителей старшего поколения – это люди, рождённые в период 1950–1960 гг. XX в. Они еще застали исконный быт и обычаи предков, которые хоть и стали меняться к середине XX в., но всё же не претерпели тех глобальных преобразований, которые мы наблюдаем сегодня. Это хранители традиций и носители живого языка, эвенского и корякского, юкагирского и чукотского. Язык – яркий маркер представителей старшего поколения, так как молодые или понимают язык, но не говорят сами, или вовсе им не владеют.

Где мы видим возможность сохранения культуры северных народов? Это, безусловно, оленеводческие бригады и национальные сёла. Но и там очевидны изменения, происходящие с развитием общества, цивилизации, техническим прогрессом. Оленеводы в бригадах отмечают, что ещё шесть лет назад они перекочевывали верхом на оленях и запрягали их в упряжки зимой.

Сегодня олени практически не используются. К сожалению, уходят в силу возраста из оленеводства те специалисты-олeneводы, пастухи, которые умели обучать оленей ходить под седлом и в упряжке. Верховая езда и нарты уступают место вездеходам и современным пластиковым саням.

Сегодня традиции эвенского и корякского оленеводства смешиваются, представляя собой

общий способ разведения оленей, универсальный для территории и не имеющий национальных различий.

Обработка и пошив одежды для оленеводов также уходят в прошлое.

Сохраняются традиции в этнических ансамблях, но это чаще всего их художественное выражение: фольклор, песни, танцы, музыкальные инструменты, костюмы. В наши дни при их пошиве не используются традиционные материалы, которые тяжело доставать в современных реалиях (оленьи и лахтачьи шкуры, сухожильные нити и т. д.), а используются искусственные – шерсть, замша, флис. Для орнаментов мастерицы выбирают бисер разных цветов, стразы, бусины, тесьму фабричного производства.

Поддержка многовековых традиций аборигенов Северо-Востока России возродилась на Колыме в 1990-х. Это – празднование эвенского Нового года Хэбденэк и корякского Туйгивин, праздника первой рыбы Бакылдыяк. Сегодня это яркие, масштабные и почитаемые праздники региона, в которых участвует большое количество родовых общин. Данные мероприятия вносят неоценимый вклад в сохранение культурных традиций КМНС в области фольклорного, изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Внутри самих сообществ ещё сохраняются вековые традиции и обычаи. В социальных сетях и группах представители коренных народов пытаются общаться на родных языках. При узких родственных встречах занимаются охотой и рыбной ловлей, собирательством. Они готовят национальные блюда, кроме того, сохраняется и некоторая обрядовая составляющая, например, угощение огня и тундры. Вместе с тем, очевидна утрата многих народных знаний, язык и обычаи утекают в реку истории и могут совсем исчезнуть. Если исчезнет оленеводство – исчезнет последний оплот сохранения традиций коренных народов Северо-Востока.

Возможно, настоящий сайт будет тем мостом, который позволит сохранить знания в интернет-формате и зафиксировать их для будущих поколений, чтобы помочь отыскать свои корни и найти ответы на вопросы, хранящиеся глубоко в душе каждого.

Дальнейшее развитие сайта «ЭТНОКНИГИ Магаданской области» будет способствовать сохранению и активному распространению этнической информации о коренных народах территории. Возможно, сайт станет важным средством отражения процессов этнического развития и межатнического взаимодействия коренных народов Северо-Востока России.

В. В. Илларионова, У. Г. Макарова, А. Н. Охлопкова, М. А. Платонова

«АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ: СЕМЬИ ЯКУТИИ»

В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РС (Я)

Аннотация. Проведён анализ востребованности тематической коллекции «Архивные документы: Семьи Якутии», составленной по документам фонда Национального архива Республики Саха (Якутия) и представленной на сайте Национальной библиотеки. Рассмотрен также проект Национальной библиотеки РС (Я) «Древо предков», основной целью которого является перевод родословных населения республики в электронный вариант.

Ключевые слова: архивные документы, перепись населения, посемейный список, поселенная книга, родословная, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), Национальный архив Республики Саха (Якутия).

В конце 2019 г. из фонда Национального архива Республики Саха (Якутия), по соглашению с Национальной библиотекой РС (Я), были переданы цифровые копии архивных документов поселенных книг и посемейный список округов, улусов, наслегов Якутской АССР за 1926–1928 гг. Всероссийской переписи населения 1926–1928 гг. Цифровые копии архивных документов легли в основу коллекции «Архивные документы: Семьи Якутии» (<https://new.nlrs.ru/collections/639>).

Тематическая подборка очень востребована читателями и является одной из самых популярных на сайте Национальной библиотеки РС (Я). Это показывает, что в современном обществе высок интерес к исследованию и изучению собственных родословных и генеалогических корней.

В данную коллекцию включены поселенные книги и посемейные списки Вилюйского, Олёкминского и Якутского округов. Для удобства поиска материалы расположены по названиям улусов и наслегов.

В 1920-е гг. функции административного и налогового учета в сельской местности выполняли поселенные книги. По ним можно узнать поимённый состав семьи, количество десятин, количества скота и другие сведения в зависимости от вида налога.

Данный тип документа представляет немалый интерес для исследователя, так как на каждое домохозяйство составлена отдельная, так называемая «подворная», карточка, в которую заносилась следующая, значимая для родосведения, информация:

– название уезда, волости, населённого пункта и товарищества;

– ФИО домовладельца;

– количество и возраст всех домоладцев;

– грамотность;

– занятие трудоспособных членов семьи.

Подобные карточки заполнялись на все имеющиеся в населённом пункте домовладения, эти карточки объединены в одно архивное дело.

В Якутии к 1926 г. существовало следующее административное деление: округа Якутский, Вилюйский, Олёкминский, Алданский, Булунский, Верхоянский, Колымский делились на улусы, волости, сельсоветы, наслеги и наслежные советы [1].

В данное время эти административно-территориальные деления (АТД) переименованы, так как увеличилось или уменьшилось число административных единиц, произошли их укрупнение (консолидация мелких единиц в более крупные) или разукрупнение (дробление, размельчение), присоединение к ним соседних участков или отсечение (передача) своих участков территории соседним единицам. Эти процессы могут характеризоваться устойчивостью и изменчивостью (быстрой перекройкой сети, укрупнением или измельчением её ячеек), медленной или быстрой релаксацией (стремлением к устойчивому равновесию). Как правило, изменения сетки происходят в ходе реформ АТД, проведение которых обычно диктуется текущими политическими потребностями государств и изменением принципов территориального управления.

Таблица 1. Административно-территориальное деление Якутии в 1926/1928 гг.

Вилюйский округ	
Ранние названия улусов	Нынешнее название улусов
Верхне-Вилюйский и Удюгейский улус	Верхне-Вилюйский улус

Ранние названия улусов	Нынешнее название улусов
Мархинский, Нюрбинский улус и Александровское селение Кочайского сельского общества	Нюрбинский улус
Мастахский и Средне-Вилуйский улус	Вилуйский улус
Сунтарский и Хочинский улус	Сунтарский улус
Олёкминский округ	
Амгино-Олёкминское сельское общество	с. Олёкминский, Олёкминский р-н
Витимное сельское общество	с. Витим, Ленский р-н
Кочегаровское сельское общество	Дабанский наслег, Олёкминский р-н [3, с. 40-41]
Кятчинское сельское общество	Кяччинский наслег, Олёкминский р-н [3, с. 66]
Меитско-Татаканский наслег	Орто-Нахаринский наслег, Ленский р-н [4]
Мухтуйское сельское общество	г. Ленск, Ленский район [4, с. 110]
Нахарское наследное общество	Беченчийский наслег, Ленский р-н [4, с. 110]
Нерюктейское наследное (сельское) общество	Толонский наслег, Олёкминский р-н [5, с. 342]
Нохтуйское сельское общество	Мачинский наслег, Олёкминский р-н
Солянское сельское общество	Солянский наслег, Олёкминский р-н
Урицкое сельское общество	Урицкий наслег, Олёкминский р-н
Хамринское сельское общество	с. Хамра, Ленский район
Якутский округ	
Батурусский улус	Чурапчинский улус [6, с. 4]
Баягантайский улус	Томпонский улус [7, с. 20]
Борогонский и Дюпсинский улус	Усть-Алданский улус
Восточно-Кангаласский и Мегинский улус	Мегино-Кангаласский улус [8, с. 5]
Западно-Кангаласский улус	Хангаласский улус [9, с. 7]

В 2020 г. наибольшая активность наблюдалась в апреле – 75 180 к/в. Высокий интерес объясняется тем, что в связи Covid-19 Национальный архив РС (Я) дал разрешение предоставлять подборку в свободном доступе во время пандемии. В 2021 г. наибольшая активность наблюдалась в ноябре – 39 031 к/в, всплеск книговыдачи произошёл после телепередачи «Талбан» на НВК «Саха». В 2022 г. – в феврале – 26 525 к/в, после распространения информации о подборке через социальные мессенджеры.

В таблице 2 (с. 132) представлены три популярных электронных документа за три года.

Сотрудниками был проведён анализ активности использования коллекции по возрасту и гендеру пользователей.

В 2020 г. наиболее активными были пользователи возрастной категории 35–44 года, а в 2021 и 2022 гг. – 55 лет и старше.

Большой интерес к подборке преобладает у женщин. В 2020 г. просмотры составили – 65 %, в 2021 г. – 67 %, в 2022 г. (1 кв.) – 72 %.

Проанализирована также география посещений (таб. 3, с. 133). В тройку городов-лидеров, неизменно присутствующих в рейтингах в течение трех лет, входят Якутск, Москва и Владивосток. Исходя из этого, мы пришли к выводу, что тематическая подборка популярна не только в республике, но и в других субъектах Российской Федерации.

Благодаря посемейным спискам каждый житель республики может получить исчерпывающую информацию о своих семейных

Таблица 2. ТОП-3

2020			2021		2022	
№	Наименование	к/в	Наименование	к/в	Наименование	к/в
1.	Посемейный список по 2-му Оспетскому наслегу Дюпсинского улуса Якутского округа. 1 октября 1927 г. – 1 октября 1928 г.	916	Поселенная книга по 2-му Бярьт-Усовскому наслегу Борогонского улуса Якутского округа. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	1 855	Поселенная книга по 2-му Бярьт-Усовскому наслегу Борогонского улуса Якутского округа. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	899
2.	Посемейный список по Алтанскому наслегу Мегинского улуса Якутского округа. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	909	Посемейный список по 2-му Хоринскому наслегу Верхне-Вилуйского улуса Вилуйского округа. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	644	Посемейный список по Сьюльскому наслегу Нюрбинского улуса Вилуйского округа. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	391
3.	Посемейный список по 3-му Бордонскому наслегу Сунтарского улуса Вилуйского округа. 1 октября 1926 г. – 1 октября 1927 г.	787	Посемейный список по Нюрбинскому наслегу Нюрбинского улуса Вилуйского округа. 1 октября 1927 г. – 1 октября 1928 г.	622	Посемейный список по Нюрбинскому наслегу Нюрбинского улуса Вилуйского округа. 1 октября 1927 г. – 1 октября 1928 г.	322

корнях, о старших своих фамилий, о своей родословной, возможность прикоснуться к прошлому своих семей, лучше узнать о своих истоках.

Национальный архив РС (Я) и Национальная библиотека РС (Я) не прерывают сотрудничество, так в прошлом году Национальный архив РС (Я) передал в библиотеку материалы о Великой Отечественной войне, которые представляют историю Якутии в годы войны (1941–1945).

Данные материалы представлены в тематической подборке: «Архивные документы: Якутия в годы Великой Отечественной войны» (<https://new.nlrs.ru/collections/2504>). Подборка включает ранее не экспонируемые документы и фотографии из фонда Национального архива РС (Я): фотографии тружеников тыла, документы об организации работы в помощь Красной Армии, письма участников войны.

Проект «Древо предков»

С конца 2018 г. Национальной библиотекой запущен проект по родословию «Древо предков».

22 ноября 2018 г. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) в лице директора Саргыланы Васильевны Максимовой подписала «Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии по вопросам возрождения духовного генеалогического наследия предков» с Общественной организацией «Научно-исследовательский институт генеалогии и этнологии народов Севера» Республики Саха (Якутия) – Ассоциированным членом Академии наук Республики Саха (Якутия) в лице директора Константина Ильича Аргунова.

Сетевой проект «Древо предков» разработан в соответствии с подписанным соглашением, в 2019 г. в рамках данного соглашения началась его реализация.

В 2019 г. проект был рассмотрен и утверждён на Учёном Совете Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия).

Основной целью данного проекта является возрождение, сохранение и обеспечение доступа к генеалогическому наследию предков на основе объединения усилий учёных, краеведов, архив-

Таблица 3. География посещений

2020		2021		2022 (1 кв.)	
Город	Посещ.	Город	Посещ.	Город	Посещ.
Якутск	33 261	Якутск	21 036	Якутск	10 580
Москва	2 496	Владивосток	1 682	Чита	874
Владивосток	727	Москва	526	Владивосток	689
Хабаровск	271	Чита	243	Москва	631
Санкт-Петербург	208	Хабаровск	201	Хабаровск	615
Мирный	156	Мирный	170	Благовещенск	143
Южно-Сахалинск	143	Санкт-Петербург	162	Мирный	132
Петропаловск-Камчатский	113	Благовещенск	94	Южно-Сахалинск	112
Нерюнгри	87	Нерюнгри	72	Нерюнгри	78
Новосибирск	65	Магадан	67	Нижний Новгород	67
Калининград	54	Новосибирск	64	Санкт-Петербург	64
Свободный	52	Калининград	46	Ленск	55
Пермь	38	Краснодар	42	Вилуйск	48
Ленск	35	Вилуйск	37	Анадырь	42
Благовещенск	34	Красноярск	36	Пермь	31
Комсомольск-на-Амуре	28	Ленск	36	Новосибирск	29
Удачный	26	Белогорск	35	Магадан	26
Краснодар	23	Иркутск	34	Зея	25
Магадан	23	Свободный	33	Советская Гавань	25
Белогорск	22	Находка	32	Находка	24
Амурск	20	Южно-Сахалинск	28	Красноярск	19
Красноярск	19	Воронеж	18	Артем	18
Корсаков	18	Пермь	15	Вологда	17
Елизово	15	Удачный	11	Калининград	17
Иркутск	14	Екатеринбург	10	Олёкминск	15
Сеул	12	–	–	Иркутск	14

ных и библиотечных работников по изучению родословий населения республики и созданию единой сводной базы электронного архива родословия «Древо предков». Главная цель – перевод родословной населения в электронный вариант.

Основная задача проекта – создание в муниципальных библиотеках республики «Центров возрождения культурного наследия и генеалогии предков».

Пилотной библиотекой проекта стала Тетюрская сельская модельная библиотека-филиал № 1 МБУК «Хангаласская МЦБС». Главный библиотекарь – Елена Михайловна Герасимова является опытным и инициативным специалистом. Первые данные в программу были внесены из похозяйственной книги администрации, их было около 800. Затем библиотека начала работу с населением. Люди приходили в библио-

теку, уточняли данные, брали сведения из книг, которые выпускали семьи. Некоторые приносили свои родословные, написанные на стареньких листах, нарисованные на ватмане, составленные в других электронных программах.

На сегодняшний день Тхтюрская сельская модельная библиотека внесла в программу «Древо жизни-5» свыше 2 000 записей. В эту программу занесены родословные таких больших родов, как Шадрины из Хахсыка, Ильины из Малтанцев, Козловы из Тхтюра и другие. Представители этих родов работали с архивными данными, поэтому их родословные имеют глубокие корни.

На базе Тхтюрской библиотеки организовано обучение библиотечных работников сельских модельных библиотек по ведению БД «Древо предков».

В муниципальных библиотеках республики создаются базы данных электронного архива родословия. Средства на реализацию проекта предусматриваются местным бюджетом, в частности, на приобретение программного обеспечения «Древо жизни-5».

Из 35 Централизованных библиотечных систем программа «Древо жизни» установлена в 12 ЦБС: Абыйской – 1, Верхневилуйской – 23, Вилуйской – 1, Горной – 9, Мегино-Кангаласской – 6, Намской – 20, Среднеколымской – 6, Сунтарской – 1, Томпонской – 4, Усть-Алданской – 28, Усть-Янской – 1, Хангаласской – 24.

Всего по республике введено в программу: в 2019 г. – 11 383 записей; в 2020 г. – 9 460 записей; в 2021 г. – 8119 записей. В связи с пандемией цифры прошлого года снизились по сравнению с 2019 г. на 3 264 записей, в сравнении с 2020 г. – на 1 923 записей.

В рамках реализации проекта проводятся установочные и практические семинары для сотрудников библиотек в Хангаласском, Мегино-Кангаласском, Амгинском, Намском, Олёкминском улусах.

На республиканском Форуме «Родословие народов Республики Саха (Якутия) – Төрүччү төлкөтө», прошедшем в рамках года консолидации в Республике Саха (Якутия), проект получил высокую оценку и поддержку общественности республики.

18 декабря 2020 г. совместно с Отделом обслуживания национально-краеведческими фондами организован и проведён I Фестиваль библиотек «Родословие» («Төрүччү») с участием

сотрудников муниципальных библиотек из 6 районов республики. Сотрудники библиотек представили свои работы по родословию.

19 февраля 2021 г. в с. Бердигестях Горного улуса состоялось совещание «Создание электронных семейно-родовых архивов жителей наслегов Горного улуса» (для глав поселений и общественности) в рамках Дня генеалогии в Горном улусе. Были проведены семинар-практикум «Методика создания наследного семейно-родового архива в программе «Древо жизни 5.0», прямой эфир Центральной библиотеки имени П. Д. Аввакумова Горной МЦБС «О создании семейно-родословных архивов Горного улуса».

6 апреля 2021 г. состоялось выступление на совещании актива Хангаласского улуса в г. Покровске по созданию электронного архива родословной Хангаласского улуса.

По итогам данных мероприятий были подписаны соглашения по созданию электронного архива населения, предоставлены лицензионные программы «Древо жизни-5» библиотекам Хангаласской, Горной МЦБС.

29 октября 2021 г. совместно с Отделом обслуживания национально-краеведческими фондами организован и проведён II фестиваль «Родословие» («Төрүччү») с участием разработчика программы по генеалогии «Древо жизни» Дмитрия Александровича Киркинского.

16 декабря 2021 г. в рамках II республиканского онлайн-фестиваля «Читающая семья – читающая Якутия» проведена лекция по генеалогическому проекту создания электронного архива «Древо предков».

На постоянной основе ведётся организационно-методическое сопровождение по созданию в муниципальных библиотеках электронного архива. В рамках проекта «Древо предков» совместно с Константином Ильичём Аргуновым, директором Научно-исследовательского института генеалогии и этнологии народов Севера Республики Саха (Якутия), приняли участие в семинарах-практикумах «Школа практической генеалогии». Данный семинар прошёл с 14 по 28 февраля 2022 г. в онлайн-формате и был организован для библиотек-филиалов Горной МЦБС, представителей Малтанинского, Мытахского, Шологонского, Маганинского, Одунунского, Кировского, Атамайского, Октябрьского наслегов Горного улуса.

1. Архивные документы: семьи Якутии [Электронный ресурс]. Национальная библиотека Республики Саха (Якутия). Режим доступа: <https://new.nlrs.ru/collections/639>.
2. Кузьмина А. В. Формирование коллекции электронных копий архивных документов в Электронной библиотеке Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия): проблемы и перспективы. – Якутск, 2020. – С. 3. – Неопубл.
3. Алексеев И. П. История наслегов Олёкминского улуса: прошлое и настоящее. Якутск : Сфера, 2015. 150 с.
4. Ленский район: факты и события: библиогр. указатель / сост.: Н. П. Тартыева, Г. Н. Филимонова; отв. за вып. З. С. Ильчук. Новосибирск, 2018. 391 с.
5. Географические основания развития отдельных частей Якутии в кратких описаниях улусов, наслегов и населённых мест республики. Якутск : Сахаполиграфиздат, 2003. 695 с.
6. Захаров Ф. Ф. Боотуруускай улуус сахаларын төрүт уустара. Чурапчы : Сахаполиграфиздат, 1993. 62 с.
7. Үһүс Байаҕантай, Кириэс Халдьаайы / [хомуйан онордулар: И. П. Баланов, Б. И. Павлов ; аан тыл Б. Павлов]. Дьокуускай : Көмүөл, 2012. 325 с.
8. Мегино-Кангаласский улус. История. Культура. Фольклор. Якутск : Бичик, 2001. 326 с.
9. Хангаласский улус. История, культура, фольклор. Якутск : Бичик, 2007. 415 с.

Г. А. Кутугутова, А. И. Прибылых
БИБЛИОТЕЧНЫЙ МЕДИАПРОДУКТ

КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Рассмотрено новое направление библиотечной деятельности – репрезентация культурного наследия коренных народов региона путём создания медиапродуктов в цифровой среде. Из опыта Медиацентра Национальной библиотеки РС (Я) по созданию и популяризации данных медиапродуктов.

Ключевые слова: библиотека, интернет, медиапродукты, медиапроекты, культурное наследие, коренные народы.

Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в популяризации и сохранении историко-культурного наследия в эпоху трансформации культуры приобретают большую актуальность.

Считается, что 1994–1995 гг. стали началом эры интернета в библиотеках. Последующие пятнадцать лет ознаменовались гиперактивным вмешательством интернета в библиотечную жизнь в целом. Сейчас невозможно никого удивить сайтами и электронной библиотекой. Появилась новая категория пользователя – «онлайн-ового», который, сидя в своём кабинете или дома, хочет обслуживаться не хуже пришедшего в библиотеку. Кроме того, благодаря интернет-среде расширилось представление о себе самих библиотек.

Благодаря тому, что библиотеки сегодня стараются изменить восприятие общества не только для себя, для повышения статуса библиотечаря, но и для читателей, появилось множество возможностей выстраивания коммуникации с аудиторией при помощи разных механизмов, начиная с публикаций в социальных сетях, заканчивая крупными проектами.

Последнее, на наш взгляд, подразумевает долгосрочную перспективу и даже претендует на исторический медиаисточник, созданный путём дигитализации.

В современных условиях глобального управления и культурного обмена социальных систем и институтов серьёзной проблемой является тот факт, что культуры сталкиваются с потенциальной потерей целого ряда элементов. Дигитализация культурного наследия – это один из способов сохранения ценностей, которые могут быть утрачены в силу стихийных бедствий или других обстоятельств, но должны сохраняться в учреждениях памяти для передачи от одного поколения к другому. Электронная летопись, как и летопись традиционная, позволяет запечатлевать культурные ценности,

широко транслировать их в пространстве и во времени [3].

Проблему долгосрочной перспективы жизненного цикла медиапроектов «от продукта до источника» может решить создание в библиотеках специальных проектных групп, отделов, отвечающих за присутствие библиотеки в интернет-пространстве, при этом соблюдающих в своей деятельности баланс между традициями и современностью.

Будет безошибочным мнением, если скажем, что пионерами в этом направлении на Северо-Востоке выступила в 2021 г. Национальная библиотека Якутии, создав отдельное структурное подразделение – Медиацентр.

Медиацентр Национальной библиотеки Якутии – это подразделение, которое занимается формированием положительного имиджа библиотеки как активно развивающейся структуры, участвующей в создании актуального информационного пространства и использующей новейшие методы взаимодействия с обществом. Медиацентр оперативно и регулярно распространяет информацию не только о деятельности библиотеки, но и о мероприятиях, связанных с популяризацией чтения и культурного наследия в регионе.

Согласно миссии Национальной библиотеки Якутии, которая представляет собой «сбор и сохранение документального наследия народов Республики Саха (Якутия) как части культурного достояния народов мира, а также обеспечение доступа к национальным, российским и мировым информационным ресурсам», Медиацентром создаются специальные медиапроекты, которые нацелены на сохранение историко-культурного наследия в цифровой среде и его популяризацию среди широких масс населения.

Рассмотрим уникальный опыт Медиацентра Национальной библиотеки РС (Я) по созданию медиапродуктов, нацеленных на сохранение историко-культурного наследия.

Аудиоподкасты, в том числе на якутском языке, о литературе

Важность аудиоподкастов состоит в том, что благодаря им в цифровой среде появляется контент на якутском языке, созданный усилиями лингвистов и литераторов. Важно отметить тот факт, что подкасты, не имея визуального составляющего, помогают сохранить образ современного литератора.

Медиапроект «100 интервью о будущем Якутии»

Сто жителей Якутии делятся своими мыслями о будущем региона в честь 100-летия Якутской АССР. Проект создаёт исторический источник в формате «капсулы времени», в котором транслируются не только мысли респондентов, но и визуальное представление о жителях начала XXI в. для будущих поколений. Все собранные интервью размещены на отдельном портале по адресу 100интервью.рф, цифровые носители пополняют фонд Национального документного фонда «Сандалы-Бичик».

Историко-хроникальные документальные фильмы, посвящённые истории и фондам библиотеки

Исследовательские фильмы, созданные путём использования приёмов документалистики проектной группой библиотеки, восполняют пробел в представлениях о библиотеках обществом и делают большой вызов современной киноиндустрии благодаря коллаборации науки и искусства.

Мультимедийный портал «75 уроков Победы»

Цель проекта – создание общедоступного виртуального ресурса о подвиге якутян в Великой Отечественной войне. Портал состоит из шести разделов, в цифровом формате представлены медиапродукты в виде презентаций, виртуальных выставок, оцифрованных газет, фотодокументов, аудио- и видеофайлов. Материалы портала могут в свободной форме использовать педагоги общеобразовательных организаций различных типов и видов, педагоги дополнительного образования, преподаватели учреждений профессионального образования, представители научного сообщества.

Кроме вышеназванных проектов выпускаются тематические медиарубрики «Говорит Пушкинка» (беседы об истории, культуре и

чтении), этнографические зарисовки, сюжеты о фондах библиотеки, новостные сюжеты об истории и культуре народов Якутии, сюжеты о читательской культуре региона, сюжеты о жизни библиотеки. Они продвигают не только имидж библиотеки в медиасреде, показывая устойчивое развитие библиотек в направлении креативной индустрии, но и являются новыми форматами освещения исторических событий.

Новые возможности деятельности библиотеки связаны с «Годом культурного наследия народов России», объявленным Президентом Российской Федерации в 2022 г. К «Году культурного наследия народов России» библиотека запланировала и реализовала проекты, которые представляют из себя репрезентацию традиционной культуры народов Якутии в цифровой среде.

«Говорящая старина» – медиапроект, посвящённый «Году культурного наследия народов России». Проект нацелен на популяризацию и сохранение историко-культурного наследия народов Якутии, продвижение этнографической литературы и повышение престижа библиотек и музеев среди населения. Медиапроект способствует появлению нового формата популяризации культурного наследия путём медиапрезентации предметов старины. Основная фишка проекта – доступное изложение основных характеристик и истории появления предмета от первого лица.

Информационный портал «Олонхо» – площадка в сети интернет, консолидирующая все виды цифровой информации об эпосе Олонхо: аудио- и видеоматериалы, тексты, изображения и др. Задача портала – упорядочить, систематизировать материал по разделам, тем самым упростить его поиск для пользователей, популяризировать эпос для большего количества людей, ранее не интересовавшихся им.

Стоит отметить, что весь видео- и аудиоматериал дублируется на Рутуб-канале, Вконтакте-видео и на сайте библиотеки. Кроме того, контент оперативно пополняет фонд Электронной библиотеки Национальной библиотеки РС (Я). В 2021 г. с целью сосредоточения метаматериалов в одном ресурсе была создана тематическая коллекция «Медiateка НБ РС (Я): смотри и слушай». Коллекция состоит из двух разделов, в которых сотрудники библиотеки собрали аудиокнижки, фильмы, мультфильмы, подкасты и др. Можно послушать произведения якутских писателей на родном языке, подкасты на самые разные темы, посмотреть с детьми мультфиль-

мы, в том числе созданные воспитанниками детских садов и школ. Основной костяк тематической коллекции состоит из медиапродуктов, созданных сотрудниками библиотеки.

Таким образом, Национальная библиотека Якутии, благодаря богатому фонду, челове-

ским ресурсам и многолетнему позиционированию в интернет-пространстве, на высоком уровне занимается дигитализацией культурного наследия, тем самым играя большую роль в его популяризации и сохранении для будущих поколений.

1. Библиотека в цифровом пространстве – вчера, сегодня, завтра. 2–3 июня 2015 г.: сб. докл. / сост. Т. А. Цырубалко. Тверь, 2015. 54 с. Режим доступа: http://old-www.tverlib.ru/news15/konferentsiya0602/sbornik_dokladov.pdf
2. Трушакова А. А., Качалова С. М. Медиакоммуникации в PR-деятельности библиотеки. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakommunikatsii-v-pr-deyatelnosti-biblioteki/viewer>.
3. Историко-культурное наследие народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: проблемы репрезентации в формате современных цифровых технологий : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. (г. Якутск, 30 мая – 1 июня 2019 г.) / редкол.: Н. А. Стручкова, Е. Н. Романова, Ю. Н. Ермолаева. Якутск, 2019. 236 с.
4. Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия): [проф. журн.]. Якутск, 2020, № 1 (20).

И. Ю. Маматов

«МАРШРУТАМИ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ».

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА В КАМЧАТСКОМ КРАЕ, 2016–2022 гг.

Аннотация. О целях, задачах и мероприятиях проекта в сфере образования, науки, культуры и туризма «Маршрутами Великой Северной экспедиции Беринга». Особое внимание уделено мероприятиям в рамках проекта, прошедшим в Камчатском крае, а также вопросам их освещения в средствах массовой информации, интернете, социальных сетях, на интернет-платформах. Автор и руководитель проекта Ильдар Маматов.

Ключевые слова: Великая Северная экспедиция, Камчатские экспедиции, туризм, образование, патриотическое воспитание, Беринг В., Камчатка, п-ов.

Камчатка по-особому хранит память о первооткрывателях – участниках Камчатских экспедиций и основателях Петропавловска-Камчатского. С именем Витуса Беринга и его соратников связаны великие географические открытия, развитие почты, науки, промышленности. Вторая Камчатская (Великая Северная) экспедиция охватила своими исследованиями северное побережье Евразии, всю Сибирь, Камчатку, моря и земли северной части Тихого океана, берега Японии, открыла неведомые учёным и мореплавателям северо-западные берега Америки.

Были проведены исследования и сделаны научные открытия в географической, геологической, физической, ботанической, зоологической и этнографической областях. Народы и природа Камчатки впервые научно описаны учёными академического отряда экспедиции С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером.

Также впервые был собран материал для полной и подробной карты Российской империи. Дальневосточный Тихоокеанский флот России ведёт своё начало с 1728 г., когда в Нижнекамчатске под руководством Витуса Беринга был построен первый корабль «Архангел Гавриил».

В целях популяризации знаний о легендарной истории России и достижениях Камчатских экспедиций создан проект в сфере просвещения, науки, культуры и туризма «Маршрутами Великой Северной экспедиции Беринга». Это самый протяжённый туристский маршрут, состоящий из серии маршрутов на пути следования Первой и Второй Камчатских экспедиций, академического отряда. Общая протяжённость маршрутов, объединяющих 111 городов, составляет более 55 тыс. км, объединяет 45 регионов России и 14 стран мира.

Миссия проекта – показать не только подлинное значение камчатских экспедиций для России, но и судьбы их участников, их подвиг и

служение Отечеству. Важно донести эти знания о подвиге первопроходцев, о значении научно-исследовательских экспедиций до современников, потому что каждый из россиян связан с легендарной историей великих открытий и пользуется результатами исследований героических предков.

Одна из основных задач проекта – объединять людей, регионы и страны, выстраивая сотрудничество в разных сферах деятельности.

В феврале 2016 г. в Петропавловске-Камчатском состоялась первая встреча жителей города с автором и руководителем проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции Беринга» Ильдаром Маматовым. Совместно с Финном Андерсеном (Finn Andersen), директором Датского института культуры, и Сайером Андерсеном (Sejer Andersen), директором датского театра «Витус Беринг» (Vitus Bering Teatret), были организованы встречи с руководством региона, студентами университета, историками, краеведами и общественностью.

В фонды Камчатского краевого объединённого краеведческого музея были переданы уникальные копии архивных документов Второй Камчатской экспедиции, в фонды Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова в дар поступили книги издательства «Маматов» из серии «Маршрутами Великой Северной экспедиции».

В рамках проекта была предложена инициатива организации осенью 2016 г. мероприятий по случаю приезда международной команды во главе с Томасом Винклером, Чрезвычайным и Полномочным Послом Королевства Дания в России.

В сентябре 2016 г. проходили праздничные мероприятия, посвящённые 275-летию открытия Командорских островов. Торжественную церемонию открытия памятника Витусу Берингу (автор – скульптор Илья Вьюев) почтили

своим присутствием потомки рода Берингов и Чириковых – Йоахим Руф, Михаил Чириков, а также датский учёный Орла Мадсэн, участник археологических раскопок на о. Беринга в 1991 г. В с. Никольском и Петропавловске-Камчатском жители стали зрителями спектакля датского актёра Сайера Андерсона «Последний день жизни Витуса Беринга».

24 декабря 2016 г., в день рождения Алексея Ильича Чирикова, одного из основных руководителей Камчатских экспедиций, были совершены службы и колокольный перезвон в православных храмах России, Аляски и в с. Никольском на о. Беринга.

Один из итогов развития проекта в 2016 г. – организация фотовыставки камчатских авторов Михаила Жилина, Александра Терещенко, а также Ильдара Маматова «Откройте для себя Командоры». Фотографии археологической экспедиции 1991 г. с места последней стоянки Витуса Беринга и виды о. Беринга экспонировались в гг. Барнаул, Новосибирск, Пермь, Оса, Соликамск, Кунгур, Санкт-Петербург, Копенгаген (Дания).

В 2017 г. подписан договор о сотрудничестве с Туристическо-информационным центром Камчатского края по развитию туристического направления проекта. В целях популяризации достижений экспедиций Беринга и для разработки тематических научно-познавательных маршрутов была организована экспедиция, названная «Описание земли Камчатки». С 1 по 11 июля она прошла по следующим населённым пунктам: Петропавловск-Камчатский, Елизово, Апача, Усть-Большерецк, Мильково, Козыревск, Ключи, Усть-Камчатск и Нижнекамчатский острог, Анавгай, Эссо. В походе по р. Быстрой была реконструирована часть маршрута Первой Камчатской экспедиции. 30 июля на яхте «Эмма» продолжилась морская часть экспедиции до Чукотки.

Помимо живого напоминания современникам о былых открытиях и героях Камчатских экспедиций XVIII в., участники современного похода рассказали жителям удалённых сёл о работе краевого объединённого краеведческого музея. Вниманию жителей посёлков были представлены выставка творчества народного художника России Фёдора Дьякова «Сквозь время» и передвижная выставка по истории православия на Камчатке «Осколки истории». Были организованы лекции по краеведению, презентации книг камчатских писателей. Новыми экспонатами пополнились фонды мест-

ных музеев и библиотек. В девять населённых пунктов маршрута были переданы растения из соликамского Мемориального ботанического сада Г. А. Демидова, некогда доставленные с Камчатки учёными Стеллером и Крашенинниковым.

Современная экспедиция по полуострову решала несколько задач. В ходе полевых поездок операторы и учёные экспедиции отсняли богатые видеоматериалы о природных ландшафтах, животном и растительном мире полуострова, подводных обитателях рек, озёр, Авачинской бухты. Данные видеозаписи необходимы для создания учебных фильмов по географии России, предназначенных для использования в культурных и образовательных учреждениях страны.

Одна из основных задач экспедиции – исследовательская работа в сфере этнографии. Местные жители делились уникальными рецептами местных блюд и напитков, которыми, возможно, угощались участники экспедиций XVIII в.

Один из итогов экспедиции – издание книги и аудиокниги «Сказки детям от Куткиннюку». Позже в издательстве «Маматов» был подготовлен альбом «Батик, графика», автор которого Юлия Шингарёва.

Участники экспедиции «Описание земли Камчатки» внесли значительный вклад в развитие современного научно-исследовательского проекта и в популяризацию истории России первой половины XVIII в.

В 2018 г. в рамках проекта совместно с Агентством по туризму и внешним связям Камчатского края были организованы семинары «Продвижение туристических услуг в цифровом пространстве», «Формирования сообществ по развитию и продвижению образа города, села». Они прошли в Петропавловске-Камчатском, сёлах Усть-Камчатске, Ключи, Козыревске. Спикерами выступили Ильдар Юнусович Маматов и Андрей Владленович Сулейков.

В Петропавловске-Камчатском были проведены обучающие семинары по созданию аудиогидов. После обучения школьники Камчатского края, участники конкурса аудиогидов «Дом, в котором я живу», подготовили маршруты и аудиогиды. Слушателями семинара были созданы аудиогиды «Авачинская бухта» (совместно с командой «Паллады»), «Петропавловск-Камчатский» (совместно с гостиницей «Авача»). Маршрут и аудиогид «Село Никольское. Камчатские экспедиции» был передан учениками москов-

ской школы № 709 и издательством «Маматов» в дар жителям этого села. В 2022 г. сотрудники издательства создали и безвозмездно передали для бесплатного пользования тематический аудиогид: «Петропавловск-Камчатский. Камчатские экспедиции».

Возможности цифровой среды расширили границы присутствия в информационном поле населённых пунктов Камчатского края, включённых в проект. Для реализации используются разные платформы, технологии и форматы. Сейчас проект представлен маршрутами и аудиогидами серии «Камчатские экспедиции» на платформе, особой социальной сети для путешественников и туристов *izi.TRAVEL*.

Создана мультимедийная интерактивная программа для персонального компьютера «Экспедиция Витуса Беринга» и онлайн игра-квест «Академический отряд Великой Северной экспедиции».

Представленные интернет-проекты являются действенными инструментами по продвижению проекта, а электронные ресурсы дают возможность посмотреть, послушать, прокомментировать или скачать интересующие материалы по теме Камчатских экспедиций.

В 2019 г. в Петропавловске-Камчатском проведён Арт-форум «Маршрутами Камчатских экспедиций Витуса Беринга». Основные участники форума – двенадцать студентов и преподавателей кафедры живописи им. Е. Широкова Пермского государственного института культуры. С 29 августа до 10 сентября 2019 г. были организованы пленэр, лекции, мастер-классы и Всероссийская передвижная выставка «Великий Северный поход Витуса Беринга».

В рамках международного культурно-образовательного проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции» состоялись лекции «Великая Северная экспедиция XVIII–XXI вв.», «Цифровые технологии в культуре: новые возможности продвижения проекта». По итогам проекта издан каталог работ и методический сборник научных исследований «Маршрутами Камчатских экспедиций Витуса Беринга». Издания переданы в Камчатскую краевую научную библиотеку им. С. П. Крашенинникова.

В 2020 г. масштабным событием проекта, показавшим роль экспедиций Беринга в истории России, стали съёмка и ежегодные показы на федеральном телеканале «Звезда» сериала «По следам Витуса Беринга» программы «Не факт!» (исполнительный продюсер – И. Маматов, ведущий – А. Кещан).

Двумя годами раньше, в 2018 г., датская государственная телерадиокомпания DR подготовила цикл из шести фильмов о Витусе Беринге и Мартине Шпанберге. Сериал демонстрировался на телеканалах Дании, Швеции, Норвегии и имел широкий международный резонанс. Благодаря сериалам о Камчатских экспедициях и современной России знают далеко за пределами страны.

Реализованные медиапроекты в цифровой среде, аудиогиды и фильмы способствуют формированию нового образа исторических городов и сёл, входящих в проект, и решают нескольких задач – образование и просвещение, воспитание гражданского патриотизма, рост экономики за счёт развития туризма, привлечение инвестиций, дополнительного финансирования социальных проектов и вложений в инфраструктуру городов проекта.

Информация о проекте представлена в сети интернет на электронных ресурсах: «Великая Северная экспедиция Беринга»: официальный сайт проекта (www.bering-expedition.ru), статья в «Википедии» – «Маршрутами Великой Северной экспедиции», информационный портал ToGeo.ru, на канале YouTube – «Экспедиции Беринга».

Электронные ресурсы проекта предполагают охват аудитории посредством всех возможных каналов коммуникации. Для работы со школьниками выбрана «стратегия концентрации», которая предполагала целенаправленную работу с учениками школ и сообществами в социальных сетях, преимущественно в сообществе ВКонтакте – «Экспедиции Беринга».

В сентябре 2021 г. московские школьники из проекта «Экспедиции Беринга» побывали в с. Никольском Алеутского района, возложили цветы, почтив память Витуса Беринга и героев Второй Камчатской экспедиции, в бухте Командор. Дети приняли участие в праздновании 280-летия открытия Командорских островов, участвовали в конференции и культурной программе в Петропавловске-Камчатском. На встрече с жителями Петропавловска-Камчатского, сёл Мильково и Ключи были организованы выступления М. Т. Беринга, Н. Охотиной-Линд, М. А. Чирикова, а также презентация проекта «Экспедиции Беринга» (И. Маматов).

Летом 2022 г. во время реализации проекта «По пути великих открытий. Экспедиции Беринга» школьники с. Никольского (о. Беринга) посетили Москву и Тверь. Была организована культурно-спортивная программа пребывания

камчатских гостей. Ребята побывали в парке «Патриот», на Поклонной горе, встретились с председателем Московской городской думы, посетили музей. После знакомства со столицей школьники прошли на байдарках до Твери. В завершении экспедиции приняли участие в мероприятиях «круглого стола», встретились с потомками Беринга и Чирикова.

В августе 2022 г. ученики московской школы № 709 совершили поход по Камчатке и выступили с докладами на секции «История и краеведение как основа воспитания подрастающего поколения» в рамках исторических чтений «Камчатка – Россия – Мир», посвящённых 325-летию присоединения Камчатки к России.

26 августа 2022 г. И. Маматов, руководитель проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции», передал в дар организаторам исторических чтений мемориальную плиту, посвя-

щённую участникам академического отряда Второй Камчатской (Великой Северной) экспедиции. Памятная доска установлена в сквере Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.

Важную часть деятельности составляет планомерное информирование об успешной реализации проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции». События проекта отражены на официальных сайтах администраций регионов РФ, в социальных сетях, в местных, региональных и федеральных СМИ.

Достижения участников Камчатских экспедиций и в наши дни вдохновляют российскую общественность на полезные социальные инициативы. Проект «Маршрутами Великой Северной экспедиции Беринга» является одним из масштабных направлений популяризации легендарной истории России XVIII в.

2016

1. Камчатка встретила соотечественников Витуса Беринга: [статья на сайте, 04.03.2016]. Режим доступа: <https://www.kamgov.ru/news/kamcatka-vstretila-sootecestvennikov-vitusa-beringa-2409>.
2. Письма из провинции. Камчатский полуостров: [телевиз. передача]. Режим доступа: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20920/episode_id/2216317/video_id/2242377/.
3. Делегация из Дании на Камчатке: [телевиз. сюжет ГТРК, февр. 2016].
4. О пребывании делегации на Камчатке; Спектакль о Беринге: [телевиз. сюжет ГТРК, сент. 2016].

2017

5. В Пермском крае прошло торжественное открытие памятного знака участникам Второй Камчатской экспедиции: [статья на сайте, 25.07.2017]. Режим доступа: <http://www.kamgov.ru/news/v-permskom-krae-proslo-torzestvennoe-otkrytie-pamatnogo-znaka-ucastnikam-vtoroj-kamcatskoj-ekspedicii-10889>.
6. На Камчатке пройдёт презентация книги «Сказки детям от Куткинника»: [статья на сайте, 26.06.2017 г.]. Режим доступа: <http://www.raipon.info/info/news/2614/>.

2018

7. «Вести. Камчатка»: [телевиз. прогн]. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/5366492900718656248>.

2019

8. Арт-форум «Маршрутами Камчатских экспедиций Витуса Беринга»: [статья на сайте, 15.03.2020]. Режим доступа: <http://ruscenter.dk/index.php?id=3223&past=1>.
9. Генеральное консульство России в Гетеборге приглашает на презентацию международного проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции» и на открытие выставки пермских художников «Маршрутами Камчатских экспедиций Витуса Беринга»: [статья на сайте, 04.03.2020]. Режим доступа: <https://www.facebook.com/MIDRussia/posts/2311980548901373>.
10. Арт-форум «Маршрутами камчатских экспедиций Витуса Беринга» пройдёт в краевой столице: [статья на сайте, 27.08.2019]. Режим доступа: <https://kamgov.ru/news/art-forum-marsrutami-kamcatskih-ekspedicij-vitusa-beringa-projdet-v-kraevoy-stolice-24920/>

2020

11. «По следам Витуса Беринга»: [цикл фильмов телевиз. прогн. «Не факт!», телеканал «Звезда», канал RuTube]: «По следам Витуса Беринга. Пролет командора»: фильм первый; «По следам Витуса Беринга. Путь командора»: фильм второй. Режим доступа: <https://tvzvezda.ru/schedule/programs/201509181200-dfk.htm/20201024811-zdWLD.html>; «По следам Витуса Беринга. Завод командора»: фильм третий; «По следам Витуса Беринга. Земля командора»: фильм четвертый.
12. Потомок Витуса Беринга из Бийска принял участие в съёмках документального цикла о знаменитом командоре // Моя земля. 2020. 23 окт. Режим доступа: <http://mzgazeta.ru/2020/10/23/potomok-vitusa-beringa-iz-bijska-prinyal-uchastie-v-semkah-dokumental'nogo-tsikla-o-znamenitom-komandore>.

13. Зачем актёр из популярного ситкома «Универ» искал следы Беринга в Якутии: [статья на сайте, 29.10.2020]. Режим доступа: <https://minpred.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3236843>.

2021

14. Экскурсия в бухте Командор: [статья на сайте, 15.09.2021]. Режим доступа: <http://bering-museum.ru/ekskursiya-v-buhte-komandor/?ajaxCalendar=1&mo=8&yг=2022>.
15. 14 сентября 2021 года в Камчатской краевой научной библиотеке им. С. П. Крашенинникова прошла встреча с потомками руководителей Второй Камчатской экспедиции Маратом Талгатовичем Берингом и Михаилом Александровичем Чириковым: [заметка]. Режим доступа: https://vk.com/wall-133762819?offset=260&w=wall-33762819_2809%2Fall.

2022

16. Прямой эфир с И. Ю. Маматовым: [радиопередача из цикла «Гость в студии». Радио СВ, 23.09.2022].
17. Информация из Твери о походе школьников из с. Никольское, Алеутский район (о. Беринга). Режим доступа: <http://russia.allbusiness.ru/PressRelease/PressReleaseShow.asp?id=753761>.
<http://russia.allbusiness.ru/PressReleaserussia/PressReleaseShow.asp?id=753719>.
https://vk.com/video-133762819_456239689.
18. О пребывание школьников с. Никольское в Москве и Твери. Режим доступа: <http://russia.allbusiness.ru/PressReleaserussia/PressReleaseShow.asp?id=753833>.

В. В. Ершова, Е. В. Хосоева

**КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КОРПОРАТИВНЫЙ РЕСУРС «САХА СИРЭ»:
СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА
В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

Аннотация. Рассмотрен краеведческий корпоративный ресурс и участие Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), улусных (районных), городских библиотек в наполнении данного ресурса. Дан количественный анализ библиографических записей в сводной базе данных статей «Саха Сирэ» за 2017–2021 гг.

Ключевые слова: краеведческий ресурс, электронные каталоги, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), каталогизация, Саха Сирэ, база данных статей.

В последнее время краеведческая информация становится интересной для всё более широкой аудитории. Сведениям по истории, о социально-экономическом и культурном развитии родного края уделяется большое внимание. Исходя из этого, становится особенно важной роль библиотек в предоставлении качественной, комплексной краеведческой информации. Информационные технологии и Интернет давно используются библиотеками, в том числе и для популяризации краеведческих знаний. Качественные сетевые краеведческие ресурсы не только способствуют сохранению историко-культурного наследия региона, но и помогают предоставить удобный доступ к информации большому числу пользователей не только из других регионов, но и из других стран [4, 12].

Важную роль здесь играет Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (НБ РС (Я)). Стратегия её развития основана на сборе и сохранении документального наследия коренных народов Якутии как части культурного наследия народов мира, а также обеспечение доступа населения к национальным, региональным и междunarодным информационным ресурсам.

Главные обязанности НБ РС (Я) по отношению к своей республике – всестороннее и максимально полное раскрытие уникальности Республики Саха (Якутия), её духовного наследия, научной и культурной деятельности. В Национальной библиотеке в связи с развитием единого информационно-библиотечного пространства была внедрена технология корпоративной каталогизации на основе создания сводных каталогов и баз данных библиотек Якутии для взаимного обмена и использования библиографических записей. Корпоративная каталогизация – это процесс создания библиографических описаний новых документов усилиями нескольких коллективов.

В декабре 2003 г. между НБ РС (Я) и Центром ЛИБНЕТ был заключён договор об оказании информационных услуг, с 1 февраля 2004 г. процессы каталогизации были переведены на автоматизированную библиотечно-информационную систему «OPAC-Global» [1, с. 45].

Национальная библиотека с 1991 г. ведёт краеведческую сводную базу статей «Саха Сирэ» – корпоративную библиографическую базу данных (БД), которая содержит библиографические записи статей из периодических и продолжающихся изданий, тематических сборников, вышедших в Республике Саха (Якутия) и за её пределами документов.

К критериям отбора материалов для создания библиографической записи относятся: язык (статьи на языках коренных народов Якутии, независимо от места выпуска; статьи на иностранных языках о Якутии или местных авторов); автор (статьи, написанные представителями коренных народов Якутии, уроженцами республики, авторами, по роду деятельности связанными с Якутией, независимо от места выпуска); содержание (статьи о Якутии, коренных народах, опубликованные за пределами республики).

Обработкой документов, включаемых в сводную базу статей «Саха Сирэ» занимаются ответственные каталогизаторы отделов НБ РС (Я) и от улусных (районных) и городских библиотек. Каталогизатор, ответственный за ввод документов, должен пройти сертификацию на право каталогизации на основе системы форматов RUSMARC.

Каталогизация документов проводится в соответствии с основными нормативными стандартами и методическими рекомендациями, разрабатываемыми Национальной библиотекой с учётом специфики языков обрабатываемых документов. Записи включают

расширенный состав элементов библиографического описания (ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления»), аннотацию (резюме), предметные рубрики, классификационные индексы УДК, УДК для ГБУ. Библиографические записи создаются в первую очередь на текущие поступления, потом – на ретроспективные издания [2, с. 73].

Есть две АБИС: OPAC-Global, на которой работают все сводные базы Национальной библиотеки, и OPAC-midi, предназначенной для ведения локальных каталогов Централизованных библиотечных систем. Каталогизаторы ЦБС создают свои записи в OPAC-Global, а затем имеют возможность выгрузить их в свои каталоги.

База данных «Саха Сирэ» дает возможность пользователям получить информацию о наличии статьи в каждой конкретной библиотеке. Так, в сводной базе представлены документы с сиглами библиотек, по которым читатель может узнать о местонахождении необходимого документа. Мы имеем возможность полноценного обмена информацией и предоставления равных прав на информацию удалённым пользователям, имеющим доступ к сетевым ресурсам Национальной библиотеки. Им не надо искать сайт улусной (районной) библиотеки, чтобы найти нужную статью, у них есть свободный доступ к сводной базе «Саха Сирэ» [3, с. 57].

В настоящее время в создании базы статей «Саха Сирэ» участвуют: отдел каталогизации составной части ресурсов Национальной библиотеки, библиографический отдел «Детской Точки кипения» – Центра чтения НБ РС (Я), ЦБС г. Якутска, Научная библиотека СВФУ и улусные (районные) библиотеки. Участниками сводной базы «Саха Сирэ» являются 38 библиотек.

На 25 июня 2022 г. объём базы данных статей составляет 762 736 библиографических записей (БЗ). Ядром «Саха Сирэ» являются библиографические записи, создаваемые Национальной библиотекой – 510635 БЗ. Каталогизация статей городскими и улусными (районными) библиотеками ведётся с 2007 г. и составляет за период с 2017 по 2022 г., соответственно, 19633 БЗ и 83923 БЗ.

Если посмотреть количество создания библиографических записей за три последних года (2019, 2020, 2021 гг.), то мы видим, что постоянная динамика роста идёт только у Национальной библиотеки. В 2019 г. – 22 023, 2020 г. – 23 143, 2021 г. – 24 217. Что касается процентного

соотношения, то 52 % записей создаёт Национальная библиотека, 39 % – улусные (районные) библиотеки и 9 % приходится на городские библиотеки.

У городских библиотек в период пандемии в 2020 г. количество библиографических записей повысилось по сравнению с 2019 г., так как все работали дистанционно. В 2021 г. наблюдается снижение (2019 г. – 3 478, 2020 г. – 4 466, 2021 г. – 4 248).

Анализ улусных библиотек показывает снижение в 2020 г. и повышение показателей в следующем, 2021 г. (2019 г. – 16 912, 2020 г. – 15 434, 2021 г. – 17 846). Одна из причин снижения количества библиографических записей в период пандемии – небольшой объём документов в собственных электронных библиотеках (оцифрованных документов), а также в ряде районов, особенно отдалённых, нестабильная или низкая скорость Интернета, нехватка сертифицированных каталогизаторов и системных администраторов.

Что касается языка публикации, то основная масса библиографических записей приходится на русский язык (130 492 БЗ или 61 %). На якутском языке – 83 737 БЗ или 39 %. И пока только малая доля приходится на другие языки – иностранные (английский, немецкий, французский, турецкий и др.), а также на языки малочисленных народов Севера – эвенкийский, эвенский, юкагирский (в республике издаётся газета КМНС «Илкэн»).

В последнее время увеличивается количество публикаций о Якутии в центральных изданиях – газетах, журналах и сборниках, в сетевых ресурсах (Интернет).

Мы видим положительную динамику роста библиографических записей в сводной базе статей «Саха Сирэ».

База данных активно используется для создания виртуальных выставок, списков литературы, библиографических и биобиблиографических указателей. С 2018 г. на основе базы статей «Саха Сирэ» возобновлено издание государственных библиографических указателей по видам документов – «Статьи из газет Республики Саха (Якутия)» (выходит два раза в месяц), «Журналы Республики Саха (Якутия)» (выходит ежеквартально) [6, с. 10]. Они предназначены для текущего информирования о статьях, опубликованных в газетах и журналах, выходящих в республике и за её пределами (местных авторов, на языках коренных народов, о республике) по всем отраслям знания и практической деятельности [5, с. 151].

Таким образом, краеведческий корпоративный электронный ресурс Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) – база статей «Саха Сирэ» продолжает оставаться перспективной формой создания, распространения и

хранения социальной памяти республики, поскольку она даёт возможность аккумулировать большие объёмы информации, предоставляет широкий доступ к ней потребителей, не ограничиваясь жителями своей территории.

Таблица 1. Количество БЗ, созданных улусными библиотеками в сводной базе статей «Саха Сирэ» (2017–2021 гг.)

ЦБС (Улусные)	2017	2018	2019	2020	2021	
1. Абыйская	521	472	454	147	332	1 926
2. Алданская	550	560	597	617	692	3 016
3. Аллаиховская	112	138	54	–	–	304
4. Амгинская	327	582	531	1 056	1 651	4 147
5. Анабарская	361	247	170	187	172	1 137
6. Булунская	401	412	236	308	406	1 763
7. Верхневилуйская	592	490	604	623	307	2 616
8. Верхнеколымская	41	355	153	17	–	566
9. Верхоянская	862	1 090	1 058	1 328	949	5 287
10. Вилуйская	568	707	740	769	705	3 489
11. Горная	704	524	509	496	504	2 737
12. Жиганская	627	706	663	594	633	3 223
13. Кобяйская	218	331	522	579	360	2 010
14. Ленская	1 921	1 667	1 584	1 094	1 742	8 008
15. МБУ Нерюнгринская ГБ	46	213	64	46	67	436
16. Мегино-Кангаласская	607	540	503	371	351	2 372
17. Мирнинская	422	602	1 044	1 038	1 013	4 119
18. Момская	327	247	0	–	–	574
19. Намская	271	461	221	81	147	1 181
20. Нижнеколымская	0	0	396	305	289	990
21. Нюрбинская	299	332	312	279	323	1 545
22. Оймяконская	101	194	201	203	202	901
23. Олёкминская	965	1 003	929	881	542	4 320
24. Оленёкская	201	179	125	–	–	505
25. Среднеколымская	67	23	78	–	–	168
26. Сунтарская	1 331	683	397	562	414	3 387
27. Таттинская	520	368	406	365	291	1 950
28. Томпонская	479	596	563	523	572	2 733
29. Усть-Алданская	555	553	643	663	745	3 159
30. Усть-Майская	240	251	310	261	360	1 422

ЦБС (Улусные)	2017	2018	2019	2020	2021	
31. Усть-Янская	425	444	445	423	407	2 144
32. ЦБС Нерюнгри	457	756	669	474	718	3 074
33. Хангаласская	856	1 089	1 154	867	826	4 792
34. Чурапчинская	375	428	563	259	101	1 726
35. Эвено-Бытантайская	86	83	16	18	4	207
ИТОГО	16 435	17 296	16 912	15 434	17 846	83 923

**Таблица 2. Количество БЗ, созданных библиотеками города
в сводной базе статей «Саха Сирэ» (2017–2021 гг.)**

	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
ЦБС Якутск	1 253	1 237	1 476	2 566	2 015	8 547
СВФУ	3 164	1 787	2 002	1 900	2 233	11 086
Всего	4 417	3 024	3 478	4 466	4 248	19 633

**Таблица 3. Количество БЗ, созданных НБ РС (Я)
в сводной базе статей «Саха Сирэ» (2017–2021 гг.)**

	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
НБР Саха	14 922	18 769	22 023	23 143	24 217	10 3074
ЦДЮ (ЦДЧ)	1 628	1 942	1 619	1 639	1 445	8 273
Всего	16 550	20 711	23 642	24 782	25 662	11 1347

**Таблица 4. Язык публикации
в сводной базе статей «Саха Сирэ» (2017–2021 гг.)**

Язык	2017	2018	2019	2020	2021	Всего
русский	22 211	23 164	27 766	27 736	29 615	130 492
якутский	16 197	17 958	16 430	17 078	16 074	83 737
другие	191	195	84	81	123	674
Всего	38 599	41 317	44 280	44 895	45 812	214 903

1. *Леверьева Г. Ф.* Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) в век электронных технологий // Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). 2015. № 1 (13). С. 11–29.
2. *Борисов В. Б.* Организация и развитие корпоративной каталогизации в Республике Саха (Якутия) // Библиотековедение. 2014. № 3. С. 45–52.
3. *Илларионова Л. В.* Корпоративная каталогизация в Республике Саха (Якутия): итоги развития // Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). 2011. № 1 (9). С. 72–75.
4. *Илларионова Л. В.* Развитие сводных электронных библиографических ресурсов библиотек Республики Саха (Якутия) // Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). 2015. № 1 (13). С. 55–58.
5. *Максимова С. В.* Новые стратегические инициативы Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) // Вестник Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия). 2020. № 2 (21). С. 10–20.
6. *Максимова С. В.* Современная система национальных библиографических ресурсов Республики Саха (Якутия) // Библиотековедение. 2018. № 67 (2). С. 149–156.

Раздел V

РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ.

ОПЫТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

С. Е. Дурынин

РОЛЬ РОДА КАЗАКОВ ДУРЫНИНЫХ В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ КАМЧАТКИ

Аннотация. Из истории камчатской ветви тобольского служилого рода Дурыниных. По материалам архивных документов.

Ключевые слова: история, землепроходцы, казаки, родословная, Дурынины, Камчатка, п-ов.

Выражаю огромную благодарность Сергею Ивановичу Вахрину, известному камчатскому краеведу, члену Союза писателей России, за бесценную помощь в поисках информации по представителям камчатской ветви тобольского служилого рода Дурыниных.

В знаменитой книге Степана Петровича Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» сказано, что в 1713 г. по приказу дворянина Ивана Енисейского, приказчика камчадалских острогов «...был поход из Нижнего Камчатского острогу на Авачю реку, где убили Данила Анцыферова с товарищи, а было во оном походе служивых 120, да камчадалов 150 человек под командою служивого Никиты Дурынина, которые, пришед под острожек авачинских иноземцов, стояли под ним недели с две, а между тем приступали они под острожек два раза, а взять его не могли. Напоследок его огнём сожгли, и бывших в нем иноземцов, которые во время пожара из острожку выходили, побивали, оставляя малых людей, которые до пожара своею волею из острожка к ним приходили и ясак платить обещались.

Оттуда походчики пошли на реку Паратунку, где был иноземческой острожек, которой також де боем взяли, а по взятии оного острожка оставших с бою иноземцов и ясак платить принудили. От того времени на Аваче реке ясак платить стали иноземцы, а прежде того не плативали, но все почти в измене были» [5, с. 756].

Указанный военный поход был отмечен Крашенинниковым совсем не случайно. Этот поход был нерядовым для Камчатки событием, так как в нём было задействовано очень большое (по меркам Камчатки того времени) количество военных сил русских служилых людей и их союзников камчадалов.

В вышеприведенном отрывке кратко указана одна из основных причин данного военного похода – открытое противостояние авачинских

камчадалов власти русских камчатских приказчиков, закончившееся заранее спланированным подлым убийством казаков во главе с атаманом Данилой Анцыферовым, которых авачинцы заманили в ловушку, специально для этой цели срубленную избу, выходы из которой накрепко закрыли снаружи и сожгли заживо вместе со своими аманатами. Силовой же ответ казаков и их союзников был адекватен по степени жестокости поступку авачинцев.

Крашенинниковым упомянут руководитель вышеуказанной карательной экспедиции – служилый Никита Дурынин. Однако ответа на вопрос, кто такой был служилый Никита Дурынин, которому было доверено командовать в столь серьёзном походе таким большим отрядом военных, Крашенинников не даёт.

Чтобы выяснить, кто такой был Никита Дурынин, узнать о его происхождении, его участии в первопроходческом движении на Камчатке, обратимся к архивным документам.

В «Имянной окладной книге 1706 г. якутским служилым людям» Никита Дурынин указан как рядовой пеший казак тринадцатой пятидесятни [22, с. 96].

В той же окладной книге указано, что рядовой пеший казак девятой пятидесятни «Яков Корнилов с. Дурыниных, на Камчатке от иноземцов убит» [22, с. 93]. Яков Корнилов Дурынин, троюродный брат Никиты Дурынина, погиб в 1703 г. в бою с нижекамчатскими камчадалами при попытке отряда анадырского казака Андрея Кутына поставить будущий Нижнекамчатский острог [2, с. 274].

Основополагающим документом в исследовании происхождения Никиты Дурынина является направленная в июне 1713 г. якутскому воеводе Дорофею Афанасьевичу Траурнихту отписка бывшего перед Иваном Енисейским приказчика камчадалских острогов Василия Колесова. В своей отписке Колесов докладывал следующее: «...Да известно тебе, стольник и

воевода Дорофей Афонасьевич, дьяк Иван Сергеевич, чиню: в Камчадалских острогах первоначальные бунты и нынешней чинятца от тобольских уроженцев служилых людей; а вершенной вышеписанной разбойник Константин Кыргызов урождением тобольской; да с ним же пушцы воры были единомысленники его, первоначальные на Камчатке бунтовщики, и на всякое злое дело вымысленники, товарищи его, тобольские ж уроженцы: Кирило Бекирев, Иван Панютин, Иван Бадман, Иван Лосев, Никита Дурынин, Иван Терентьев, Лазарь Ощепков» [6, с. 550–551].

То есть Никита Дурынин указан в отписке Василия Колесова в числе тобольских уроженцев, «первоначальных на Камчатке бунтовщиков, и на всякое злое дело вымысленников». И, несмотря на такую репутацию, Никита Дурынин все же ставится Иваном Енисейским во главе крупного военного отряда. В связи с этим можно было бы предположить, что мнение Колесова субъективно. Но это не так. Колесов в своих высказываниях в отношении тобольских служилых людей опирается на результаты проведённого следствия, в результате которого вина бунтовщиков, в том числе и Никиты Дурынина, была полностью доказана, и виновных – «Константина [Кыргызова] и Леонтия Беляева положу на плаху смертью показали; а тех его Константиновых товарищей тут же на плахи клали и сняв с плах на козле кнутом били, и щеки бунтовым орлом орлили, а у иных уши резали, иному ноздри пороли, а иных бив на козле кнутом и по улицам в проводки водили; а досталных всех, которые приличны были в том деле, вместо кнутия, на площади били нагих батожем, того ради, чтоб на то смотря, иным так бунтовать, и скопы и заговоры и круги заводить, и от казны великого государя бегать и в такой злой склон приставать было б неповадно» [там же, с. 541].

С теми же своими товарищами, «Константином Кыргызовым и Кирило Бекиревым», Никита Дурынин указан и в списке казаков, показавшихся в убийстве камчатских приказчиков Владимира Атласова, Петра Чирикова и Осипа Липина в 1711 г., обнаруженном в Санкт-Петербургском архиве РАН Сергеем Ивановичем Вахриным [2, с. 403].

О причастности Никиты Дурынина к убийству камчатских приказчиков Иван Енисейский, скорее всего, знал. Но Енисейский знал и то, что молодые представители старых тобольских служилых родов, к которым относился Никита Дурынин и его товарищи, зарекомендовали себя отличными воинами, которых не

пугали тяготы и лишения дальней службы, которые ставили государственные интересы во главу угла всей своей жизни. Несомненно, знал Енисейский и то, что Никита Дурынин происходил из старого тобольского атаманского казачьего рода, в истории которого на тот момент было 5 тобольских казачьих атаманов.

Родоначальником рода тобольских казаков Дурыниных был тобольский атаман станицы новокрещённых татар Иван Савельев Дурыня, который начинал свою службу ещё при царе Иване Васильевиче Грозном. Так, в своей челобитной 1668 г. на имя государей, царя и благоверных царевичей, правнук Ивана Савельева Дурыни тобольский рейтар Михаил Корнилов Дурынин рассказывает о своём прадеде: «...В прошлых, государи, годех по вашему, Великих государей, Указу служил на Москве дед мой Иван Савельев Дурыня [здесь он ошибочно называет своего прадеда атамана Ивана Савельева Дурыню дедом] вам, Великим государем, десять лет, и в полку Мирона Вельяминова служил четыре годы.

И на той вашей, Великих государей, службе дед мой Иван Дурыня с литвою и с поляки, и с немецкими, дед мой, бился многожды. И на том бою дед мой был ранен многими ранами. И за тою службу дед мой Дурыня вашим государевым жалованьем пожалован – с Москвы сведен в Сибирь, в Тоболск к новокрещёным казаком в отаманы.

А оклад, государи, деду моему Ивану Дурыне вашего государева жалованья было денег четырнадцать рублёв, хлеба двадцать восемь чети.

И служил вам, Великим государем, дед мой в Сибири в атаманех двадцать восемь лет всякия ваши государевы службы. И многие городы и острожки дед мой ставил, и с иноземцов на вас, Великих государей, ясак збирал, и в калмыцкие земли многожды посылан бывал ко многим тайшам в посланниках, и в калмыцкой земли всякую нужю и бедность, и голод терпел. И дедушко мой Иван Дурыня в Тобольску судом Божиим умер...» [10, л. 380].

В своей челобитной 1668 г. на имя Великих государей на тот момент тобольский рейтар Василий Корнилов Дурынин добавляет: «...и после деда моего Ивана Дурынина [он также ошибочно называет своего прадеда атамана Ивана Савельева Дурыню дедом, подобные неточности довольно часто встречаются в документах тех времён] отец мой Корнило Дурынин служил вам, Великим государем, по Тобольску в атаманех же. А повёрстан был отец мой Корнило в атаманы в Тобольском по вашему, Великих Государей, Указу и по вашей, Великих государей, московской грамоте» [там же, л. 153об.–154].

Как указано в «Прибыльной» книге 1667–1669 гг., в процессе рассмотрения вышеуказанной челобитной тобольским воеводой стольником Петром Ивановичем Годуновым было установлено следующее: «...А в тобольских окладных книгах написано: дед ево, Васкин, Пётр Дурынин и отец ево Корнило Дурынин служил в Тобольску у новокрещёных татар в атаманех изстари, как в Тобольску почали служить новокрещёные татаровя. И во 138 м [1630] году отец ево Корнило Дурынин умер. И во 139 м [1631] году в ево, Корнилово, место, Дурынина, велено быть в атаманех Офонасью Черкасову за отца ево службу» [10, л. 155–156об.].

Следующим казачьим атаманом в роду казаков Дурыниных – атаманом станицы казаков новокрещённого списка стал сын тобольского сына боярского Василия Корнилова Дурынина и внук атамана Корнилы Петрова Дурынина бывший рейтарский прапорщик Дорофей Васильев Корнилов [9, л. 118об.]. «...Во 190 м [1682] году по Указу Великого государя и по грамоте велено ему Дорофею быть в атаманех по-прежнему. А оклад ему, учинен на Москве, что был деду ево, Корнилу Васильеву [здесь ошибка, так как дед его – атаман Корнила Петров Дурынин], и Офонасью Черкасову 14 рублёв с четью» [11, л. 232].

В конце первого десятилетия XVIII в. из казаков трёх тобольских конных казачьих станиц – станицы казаков литовского списка, станицы конных казаков и станицы казаков новокрещённого списка был сформирован тобольский конный казачий полк. Атаманом этого конного казачьего полка до начала 40-х гг. XVIII в. служил правнук атамана Корнилы Петрова Дурынина и троюродный брат Никиты Дурынина – Фёдор Иванов Корнилов [19, л. 688; 20, л. 1].

Кстати, в переписной книге г. Нерчинска с уездом убылым людям после 1-й ревизии (то есть после 1709 г. – С. Д.) указано, что на Камчатку взят «Михайло Иванов с. Корнилов» [22, с. 39]. Михайло Иванов сын Корнилов – сын уроженца Тобольска, нерчинского конного казака Ивана Иванова Корнилова, родного брата атамана тобольского конного казачьего полка Фёдора Иванова Корнилова.

Иван Иванов Корнилов в 1684 г. в отряде казачьего головы Афанасия Бейтона ушёл в Даурию на помощь гарнизону Албазина, участвовал во второй героической обороне Албазина от китайцев и остался служить в Нерчинске. Таким образом, на Камчатке в первой четверти XVIII в. оказались две ветви потомков атамана Корнилы Петрова Дурынина – ветвь от Миха-

ила Иванова Корнилова, пришедшего из Нерчинска, и ветвь от его троюродного дяди Никиты Прокопьева Дурынина, пришедшего на Камчатку из Тобольска через Якутск.

Здесь следует заметить, что в XVII–XVIII вв. тобольский род потомков атамана Ивана Савельева Дурыни разделится на несколько ветвей с разными фамилиями – Дурыниных, Корниловых, Шестаковых. Во второй половине XVII в. часть потомков атамана Корнилы Петрова Дурынина стали именоваться Корниловыми, а потомки двоюродного брата атамана Корнилы Петрова Дурынина, тобольского конного казака станицы конных казаков Шестака Мануйлова Дурынина, стали именоваться Шестаковыми.

Внуки атамана Корнилы Петрова Дурынина, проживающие в родовой деревне Корниловой, расположенной под Тобольском на речке Медянке, которая в дальнейшем была переименована в деревню Медянки, а ныне называется деревня Медянки Русские, стали писаться Корниловыми. Однако не все.

Например, сын казака станицы конных казаков Афанасия Корнилова Дурынина, тоже конный казак, Иван Афанасьев в имянных книгах XVII в. записан либо по имени с фамилией – «Ивашко Дурынин» или «Ивашко Корнилов», либо по имени и отчеству с фамилией – «Ивашко Офонасьев Дурынин» или «Ивашко Офонасьев Корнилов». Причем с фамилией Дурынин он записан раза в два чаще, чем с фамилией Корнилов. В записи 1699 г. в имянной книге с окладами тобольским служилым людям к 1700 г. конный казак Иван Афанасьев указан сразу с двумя фамилиями – «...Ивашко Дурынин. И в нынешнем, в 207 м, году мая в 10 день по указу Великого Государя и по приказу ближних боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича, стольника князя Петра Михайловича Черкасских, и по выписке за пометою дьяка Ивана Обрютина Ивашко Корнилов за старость от службы отставлен. А в ево месте велено быть сыну ево Фёдке. А за хлебное жалование пахать паишню. А соль ему давать отцов оклад...» [14, л. 117]. Кстати, этот конный казак Фёдор Иванов Корнилов в будущем стал указанным ранее атаманом тобольского конного казачьего полка.

Мой прямой предок – тобольский конный казак Андрей Иванов Дурынин, родной брат атамана тобольского конного полка Фёдора Иванова Корнилова, служивший сначала в станице казаков литовского списка, а затем – в станице конных казаков, сохранил родовую фамилию Дурыниных [16, л. 559об.].

И подобная фамильная метаморфоза не единична в истории рода казаков Дурыниных. Так, у деда верхнекамчатского казака Никиты Дурынина тобольского конного казака Василия Корнилова Дурынина [12, л. 38об.] (следует отличать от его старшего брата Василия Корнилова Дурынина, который служил в Тобольске до 1659 г. конным казаком станицы казаков литовского списка, с 1659 г. – в рейтарах, а с 1668 г. – в тобольских детях боярских), проживающего с семьёй в тобольской подгородной деревне Кутарбицкой было три сына. Это – Микифор Васильев Дурынин (1645 г. р.) [15, л. 381об.], который в 1686 г. посылался на службу в Даурию, Аврам Васильев Дурынин (1662 г. р.), вёрстаный на службу вместо своего отца в 1686 г., и отец Никиты Дурынина – казачий сын Прокопий Васильев Корнилов (1664 г. р.), который в службе не был (видимо, по причине какой-то болезни или увечья) [13, л. 276] и проживал с семьёй с 1684 г. в тобольской подгородной деревне Худяковой.

Замечу, что ни в одном архивном документе, известном на сегодняшний день исследователям, не упомянуто отчество верхнекамчатского казака Никиты Дурынина. Несмотря на то, что имя Никита очень распространено в роду казаков Дурыниных, на начало XVIII в. в тобольских переписных книгах указано лишь двое казачьих детей этого рода с данным именем.

В переписной книге населения г. Тобольска, составленной после 1679 г., читаем: «...Двор Левка Павлов сын Шестаков. Сказал родом он города Тобольска. У него дети – Ивашико, Микитка. А Микитка четырёх лет» [17, л. 98]. То есть Никита Леонтьев Шестаков Дурынин 1675 г. р.

В переписной книге дворов Тобольского уезда, составленной приблизительно в 1689 г., читаем: «...Во дворе казачей сын Пронка Васильев сын Корнилов сказал: родом он Тобольского уезда деревни Кутарбицкой. А в деревню Худякову пришол во 192 [1684] м году. У него дети – Гришка восьми лет, Микитка пяти лет, Мишка трёх лет» [18, л. 78]. То есть Никита Прокопьев Корнилов Дурынин 1684 г. р.

Так как из указанных двух представителей рода казаков Дурыниных с именем Никита по возрастному критерию на роль нашего героя подходит последний, я уверен, что сын казачьего сына Прокопия Васильева Корнилова и является верхнекамчатским казаком Никитой Дурыниным, ему на момент Авачинского похода 1713 г. исполнилось 29 лет.

Заслуживает внимания тот факт, что в 1731 г.

Никита Дурынин вновь в отряде верхнекамчатских казаков и совместно с большеерецкими казаками участвовал в подавлении самого жестокого в истории Камчатки Харчинского бунта, когда восставшие камчадалы, задумав «всех русских на Камчатке перевести», напали на Нижнекамчатский острог и «...бывших в остроге служивых людей и казачьих детей, не щадя и малых робят били, также и несколько женского полу, сперва наругався над ними, перекололи, а иных в холопи себе и в наложницы побрали, и хвалились собак казачьих на Камчатке вывести» [5, с. 766].

3 октября 1731 г. командир отряда Александр Змиев был направлен штурманом бота «Святой Гавриил» Яковом Генсом для подавления инородческого бунта. Тойон Начика подал скаску с жалобой на Василия Новограбленного, Андрея Рюмина и Никиту Дурынина. Командир прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного заказчика Василия Пашкова выдать ему указанных казаков. Василий Пашков оказался мудрым человеком и не захотел выдавать своих людей на скорый и, скорее всего, необъективный суд Змиева и «учинился указу противен» [4, с. 150].

Это ещё один аргумент в пользу того, что Никита Дурынин и годы спустя пользовался непререкаемым авторитетом камчатской администрации.

Озадачивает тот факт, что в 1735 г. в приговорах походной розыскной канцелярии, составленной по Указу Её Императорского Величества, Никита Дурынин не упоминается, хотя многие участники карательного похода 1731 г. были сурово наказаны за злоупотребления [4, с. 180–185]. Возможно, к этому времени Никиты Дурынина уже не было в живых.

Что же оставил после себя Никита Дурынин кроме воспоминания о сожжённом в 1713 г. Авачинском остроге?

Оставил он после себя многочисленную ветвь камчадалов Дурыниных, своих крестников, проживающих в с. Малки, а затем перебравшихся в с. Коряки и Ганалы. Никита Дурынин принёс в их жизнь радость приобщения к Святой Православной Вере. С Крестом Господним и помощью Божией крестники Никиты Дурынина и их потомки защищали родную Камчатку от англо-французов во время Крымской войны в 1854 г. и от японских захватчиков во время Русско-японской войны в 1905 г.

А ещё Никита Дурынин оставил после себя 6 сыновей – Никиту, Луку, Семёна, Григория,

Алексея и Лаврентия [21, л. 107–107об., 108об.], которые по примеру отца в службе своей всегда стремились к укреплению российской государственности на Камчатке и в Русской Америке.

Старший сын Никиты Дурынина, казак Никита Никитин Дурынин, в должности квартирмейстера участвовал в 1766–1770 гг. в секретной экспедиции П. К. Креницына и М. Д. Левашова к берегам Русской Америки. Он был одним из тринадцати членов команды, чудом уцелевших во время крушения галиота «Св. Павел» на скалах у седьмого Курильского острова 9 января 1767 г. [1, с. 68].

Сыновья Никиты Дурынина – Лука Никитин, Семён Никитин, Григорий Никитин Дурынины в 1739–1742 гг. поочерёдно участвовали в качестве сопровождающих и толмачей в экспедиции С. П. Крашенинникова по Камчатке [5, с. 588, 611, 629, 630, 633].

В начале XIX в., в связи с постоянным реформированием воинских частей на Камчатке, верхнекамчатские казаки Дурынины сначала были определены в Камчатский гарнизонный батальон, затем в Камчатскую казачью команду, а далее в Камчатскую экипажную роту, служа в которой стали моряками. К середине XIX в. часть казаков Дурыниных служили на Камчатке матросами, а часть, после окончания Охотского, а затем Николаевского штурманского училища, служили кондукторами или штурманами.

В казаках Камчатской казачьей команды служили правнуки Никиты Дурынина – Сидор Васильев Дурынин (1771 г. р.), Фёдор Васильев Дурынин (1790 г. р.), Василий Алексеев Дурынин (1782 г. р.) и Василий Андреев Дурынин (1774 г. р.).

Правнуки Никиты Дурынина – Степан Логинов Дурынин (1782 г. р.) и Фома Наумов Дурынин (1790 г. р.) служили гренадёрами Камчатского гарнизонного батальона. Пантелей Наумов Дурынин (1799 г. р.), Иван Наумов Дурынин (1805 г. р.) и Гаврило Григорьев Дурынин (1796 г. р.) служили матросами Петропавловской экипажной роты. Пантелей Петров Дурынин (1799 г. р.) служил флотским писарем, а Гавриил Тимофеев Дурынин (1794 г. р.) начинал службу казаком Камчатской казачьей команды, затем был зачислен матросом Камчатской экипажной роты, закончил службу плотником 2-й статьи.

Праправнуки Никиты Дурынина – Андрей Васильев Дурынин (1810 г. р.) и Клим Пантелеев Дурынин (1825 г. р.) служили канонирами Камчатской экипажной роты. Андрей Васильев Дурынин (? г. р.), Гаврила Пантелеев Дурынин

(1836 г. р.) и Фёдор Иванов Дурынин (1836 г. р.) служили матросами Камчатской экипажной роты. Степан Гаврилов Дурынин (1827 г. р.) служил квартирмейстером на тендере «Камчадал» [3, с. 160–166].

Во время Крымской войны 1853–1856 гг. камчатские казаки Дурынины приняли участие в героической обороне Петропавловска от нападения англо-французской эскадры (август 1854 г.). В Петропавловской обороне на транспорте «Иртыш» участвовал матрос 2-й статьи 47-го флотского экипажа Гавриил Пантелеев Дурынин [8, л. 353об.–354].

В морском сражении с судами англо-французской эскадры 8–9 мая 1855 г. в зал. Де-Кастри возле о. Сахалин принимали участие на корвете «Оливуца» матрос 1-й статьи Фёдор Иванов Дурынин [там же, л. 237об.–238], а на транспорте «Иртыш» – штабс-капитан Аникита Сидоров Дурынин [7, л. 358–358об.].

Праправнук Никиты Дурынина – Аникита Сидоров Дурынин (1822 г. р.), штабс-капитан, выпускник Охотского штурманского училища, 30 ноября 1855 г. «награждён орденом Св. Станислава 3-й степени за отличие, усердие и ревность, оказанную при возведении укреплений в Петропавловском порте, снятии оных по случаю оставления и перенесения этого порта к устью реки Амура и за исправление и вооружение судов». 26 августа 1856 г. он «награждён бронзовою медалью на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 годов» [там же, л. 359об.–360об.].

Мыс, расположенный на северном берегу бух. Юзгоу (нынешнее название – бух. Краковка) Японского моря, был назван в 1860 г. гидрографической экспедицией подполковника корпуса флотских штурманов В. М. Бабкина на винтовой шхуне «Восток» мысом Дурынина в честь кавалера ордена Св. Станислава 3-й степени штабс-капитана Аникиты Сидорова Дурынина [23, с. 28].

Для меня м. Дурынина – символ окончания 200-летнего Великого казачьего похода «Встречь Солнцу»! То, что Камчатка навечно вошла в состав России – результат этого похода. Значит, не напрасны были жертвы, не напрасно казаки мёрзли и голодали по зимовьям, умирали от болезней и в боях, стремясь к одному – зацепиться за этот благодатный краешек земли, чтобы потом здесь поставить города и православные храмы. Благодаря этим, пусть пока малоизвестным, героям сегодня здесь, на Камчатке, начинается Россия, именно здесь, на Камчатке, поднимается над Россией Солнце!

1. *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан : Кн. изд-во, 1975. 326 с.
2. *Вахрин С. И.* Дело об убийстве Володимера Атласова. Камчатская Сибириада. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2021. Кн. I. 971 с.
3. Камчатская родословная книга / авт.-сост. С. И. Вахрин. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2019. 818 с.
4. *Зуев А. С.* Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско-ительменских отношений // Вопросы истории Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2007. Вып. 3. С. 108–191.
5. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л. : Изд-во Главсевморпути, 1949. 815 с.
6. Памятники Сибирской истории XVIII века / [ред. А. И. Тимофеев]. Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутр. дел, 1882–1885. Кн. 1. 26 с.
7. РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 667.
8. Там же. Оп. 5. Д. 803.
9. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 480. Ч. 1.
10. Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 367.
11. Там же. Д. 730.
12. Там же. Д. 829.
13. Там же. Д. 948.
14. Там же. Д. 1295.
15. Там же. Д. 1317.
16. Там же. Д. 1617.
17. Там же. Оп. 5. Д. 231.
18. Там же. Д. 301.
19. Там же. Д. 2251.
20. Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26А.
21. Там же. Ф. 350. Оп. 2. Д. 4194.
22. Сибирские города. Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. Москва : Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 146 с.
23. *Степанов А. И.* Русский берег. История географических названий. Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1976. 189 с.

О. П. Князева, Л. А. Кандова

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ВОРОШИЛОВЫ

Аннотация. Из истории рода Ворошиловых села Мильково (Камчатский край), начиная с первой половины XIX в.

Ключевые слова: история, генеалогия, родословная, религия, священнослужители, Ворошиловы, Мильково, с., Камчатский край.

По легенде, когда шло освоение земель, на Камчатку прибыло 8 братьев Ворошиловых, которые разъехались по полуострову, чтобы узнать, где кто живёт, где что растёт...

На сегодня есть достоверные данные о том, что 28 сентября 1829 г. на транспортном бриге «Николай» из Петропавловского порта в Охотск прибыла группа торговцев с грузом пушнины, в числе которых был и камчатский купец 2-й гильдии Афанасий Ворошилов [РГАВМФ, ф. 283, оп. 1, д. 1191].

По данным исповедальной книги Петропавловского прихода 1893 г. видно, что основоположником камчатского рода Ворошиловых является Михаил Павлович Ворошилов, в семье которого было восемь детей.

Старший сын, Александр Михайлович, принимал участие в строительстве церкви Богоявления в с. Мильково, другой сын, Павел Михайлович, был в ней псаломщиком, затем служил дьяконом в Петропавловском соборе. Женился он на Зинаиде Ивановне Плотниковой, у них родилось два сына – Иннокентий и Агафангел, ставшие верными помощниками отцу.

Политические репрессии коснулись шестерых человек из семей Ворошиловых, живущих на Камчатке, в том числе и в с. Мильково.

В 1923 г. Павла Михайловича тройкой ГПУ арестовывают якобы за хранение политической литературы. Через месяц его отпустили из-за отсутствия улик, но на два года лишили избирательных прав, он должен был постоянно находиться под строгим надзором. Мильковский приход был беден, а надо было и семью содержать, и помогать прихожанам. Поэтому было принято решение проводить только самые необходимые службы. Павел Михайлович снял с себя церковное облачение и начал заниматься привычными крестьянскими делами: охотой, рыбалкой, огородом, уходом за домашней скотиной.

24 августа 1931 г. Павел Михайлович был вновь арестован. 14 января 1932 г. тройкой ГПУ приговорён к десяти годам лишения свободы без права переписки. До сих пор неиз-

вестны ни место его пребывания в лагере, ни место захоронения.

Из воспоминаний племянницы Мавры Михайловны Ворошиловой: «Дядю любили в селе и уважали. Милиционеры сильно его хотели арестовать прямо во время службы, но побоялись людского недовольства. Зная, что его должны арестовать, дядя обошёл всех прихожан и попрощался, дав последние наказы и благословения. Больше мы его никогда не видели и о его судьбе ничего не знаем».

Постановлением Президиума Камчатского областного суда Павел Михайлович Ворошилов реабилитирован 15 июня 1964 г.

Иннокентий Павлович Ворошилов, 1897 г. р., – сын священника Павла Михайловича Ворошилова. Закончив при церкви приходскую школу, поступил в высшее начальное шестиклассное училище, а затем окончил педагогические курсы. Несколько лет он учительствовал в церковно-приходской школе с. Мильково, а также исполнял обязанности псаломщика.

Жена Иннокентия Павловича – Харисса (Фаренья) Арсентьевна, 1897 г. р., в девичестве Потапова. В браке у них родилось шестеро детей, пятеро из которых умерли в младенчестве. В 1932 г. Иннокентий Павлович, как псаломщик, был репрессирован и приговорён тройкой ОГПУ к десяти годам отбывания в лагерях без права переписки.

Дальнейшая его судьба неизвестна до сих пор. Также подверглась высылке его семья, которую в 1933 г. забрали из с. Мильково и отправили во Владивосток пароходом, далее до Томска добирались самостоятельно.

Вот что вспоминает племянница жены Иннокентия Павловича Анна Евстигнеевна Плотникова-Казачкова: «Дядя Кеша был добрейшей души человек. Очень трудолюбивый. Дом у них был большой. Семья жила дружно и зажиточно, потому что все работали очень много. После ареста дяди у тёти Фареньи всё было отобрано, их выселили в какой-то амбар. Отправляя во Владивосток, забрали все документы, вещи и деньги. Выдаваемый паёк был очень скудным,

а потому голодали и заболели. Сердобольная женщина посоветовала ехать в Томск. Там ей помогли устроиться работать на опытном участке Томского университета, что находилось далеко за городом. Жили в полуземлянке. Чтобы прожить и прокормиться, все работали. В семье царствовал туберкулёз».

Агафангел Павлович Ворошилов, 1907 г. р., вместе с отцом и братом был репрессирован и определён на жительство в Томск, куда позже была выслана его жена Екатерина Дмитриевна с сыном Владимиром. В Томске у них родились две дочери – Лидия и Нина. Когда началась Великая Отечественная война, Агафангел как враг народа попал в штрафной батальон. В июне 1942 г. он погиб. Только в 1949 г. Екатерине Дмитриевне вместе с дочерьми было разрешено возвращение в родное Мильково.

Тем временем, лишённая своего священника и храма, православная община Милькова продолжала жить.

Из воспоминаний Веры Михайловны Ворошиловой (Носолевой): «В годы войны родители (Ворошиловы Михаил Александрович и Анна Семёновна), на свой страх и риск, образовали в своём доме молельный дом. В нём собирались люди, сохранившие веру. После разорения церкви служебных книг и записей песнопений не сохранилось. И родители восстанавливали всё по памяти. Люди приходили молиться нелегально. Папа был верующим человеком, он часто молился по ночам. Тогда мы плохо понимали происходящее, ведь росли уже в другом мире и должны были стать в нём неверующими людьми – атеистами. Мои родители в те трудные суровые годы сумели поддержать церковную жизнь в нашем селе и помочь людям сохранить веру».

Во время войны в боях за Родину сражались потомки Ворошиловых, из них семеро мильковчан:

Западный фронт

Ворошилова (Зудина) Зинаида Иннокентьевна
Ворошилов Иван Михайлович
Ворошилов Агафангел Павлович

Курильский десант

Ворошилов Павел Иннокентьевич
Ворошилов Павел Михайлович
Ворошилов Серафим Александрович
Рудометов Валентин Иванович

Посильный вклад в Победу внесли труженики тыла из рода мильковских Ворошиловых (12 человек): полеводы, механизаторы, охотни-

ки, рыбаки, учителя, клубные и библиотечные работники, чей труд был отмечен высокой правительственной наградой – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Особо хочется отметить Ларису Спиридовну Толман (одна из представительниц династии Ворошиловых), прекрасного агитатора и пропагандиста. В годы войны, будучи секретарём комсомольской ячейки, она организовывала соревнования бригад полеводов, механизаторов и доярок, выступала на собраниях и митингах, призывая всех сделать как можно больше для победы над фашистами. Ею были собраны деньги в Фонд обороны и на строительство танковой колонны.

Наша семейная ветвь происходит от моего прадеда – Александра Михайловича Ворошилова, 1870 г. р. Прадед был грамотным и образованным человеком. Знал много сказок, любил их рассказывать, да и частенько придумывал свои, которые всегда слушали с интересом. Очень много читал и учил читать своих детей и внуков. Вёл своё хозяйство, занимался охотой и рыбалкой. Принимал активное участие в строительстве церкви в с. Мильково. 22 января 1892 г. сочетался законным браком с 16-летней девицей Маврой, дочерью мильковского крестьянина Акиндина Бобрякова. В браке родилось семеро детей: три дочери – Варвара, Анна, Зинаида и четыре сына – Михаил, Серафим, Георгий, Александр.

Мой дедушка, Михаил Александрович Ворошилов, 1895 г. р., занимался охотой, рыбалкой, был мастером на все руки. С первых дней создания колхоза «Безбожник» работал там плотником. В 1922 г. сочетался браком с Анной Семёновной Корелиной, с которой в мире и согласии прожили 50 лет, родив десятирех детей: Мавру, Марию, Семёна, Павла, Александра, Веру, Анну, Михаила, Георгия, Валерия.

Мой отец, Павел Михайлович Ворошилов, 1927 г. р., ещё учась в школе, в годы войны работал вместе с ребятами в поле, где они копали, сеяли, косили. В 18 лет в июне 1945 г. был призван в армию. Из воспоминаний Павла Ивановича Толмана: «Шли пешком до посёлка Малка, там посадили в машины и повезли в воинскую часть Северные Коряки, назначили в авиа-фото-разведподразделение 128 САД. За успешные боевые действия по освобождению Курильских островов приказом Верховного главкома авиадивизии было присвоено наименование “Курильской”».

В армии прослужил семь лет. Службу проходил на о. Шумшу (Сюмсю). Демобилизовался только в 1952 г. Много лет проработал плотником в совхозе «Мильковский». Имел боевые и правительственные награды. Женат был на Ларисе Павловне Шишкиной.

Моя мама, Лариса Павловна Ворошилова (Шишкина), 1928 г. р. Она – внучка Ларисы Михайловны Ворошиловой (Плотниковой), сестры Александра Михайловича Ворошилова. Ещё учась в школе, Лариса была пионервожатой, потому неудивительно, что её отправили в Хабаровск на годичные курсы старших пионервожатых. После их окончания Лариса несколько лет проработала старшей пионервожатой в школе с. Мильково.

Затем, как молодого специалиста, Ларису Павловну назначили ответственной по работе с детьми в райкоме комсомола. С 1963 по 1967 г. она возглавляла Мильковский сельсовет, в это же время училась на заочном отделении Камчатского педагогического института по специальности «Учитель русского языка и литературы». После окончания института стала работать в школе преподавателем русского языка и литературы, затем завучем. С 1971 г. заведовала детским садом «Малыш». Выйдя на пенсию в 1984 г., занялась общественной работой на посту председателя Совета ветеранов войны и труда. Имеет правительственные награды, звания «Ветеран труда», «Ветеран трудового фронта».

В браке Павла Михайловича и Ларисы Павловны Ворошиловых родилось трое детей: Олег, Галина и Ольга. У них четверо внуков и семеро правнуков. Дети, внуки и правнуки получили образование, вносят свой посильный вклад в развитие района, за что не раз отмечались руководством. Участвуют в спортивных мероприятиях, занимают призовые места. Семья чтит традиции своих предков, когда собираются на праздники и дни рождения, обязательно готовят блюда камчадалской кухни.

Младший брат моего дедушки – Александр Александрович Ворошилов, 1914 г. р., в с. Мильково окончил семилетку. В 1937 г., когда откры-

лись курсы по подготовке кадров массовых профессий, обучился мастерству вождения тракторов. После окончания курсов Александра зачислили в МТС колхоза «Безбожник». Кроме своего колхоза трактористы обслуживали колхозы сс. Кирганик и Верхне-Камчатск. Разрабатывали новые поля, работали по сменам. Александр Александрович был секретарём комсомольской организации колхоза «Безбожник». Помогал колхозу «14 лет Октября» с. Долиновка, где на краткосрочных курсах обучал парней и девушек тракторному делу. В дальнейшем был избран вторым заместителем секретаря ВЛКСМ, избирался делегатом на областную комсомольскую конференцию. Имеет звание «Ветеран трудового фронта», правительственные награды.

Первый вечер из цикла «Мильковские фамилии» о Ворошиловых, прошедший в 1996 г., получил хороший отзыв у населения. Сбор материалов, воспоминаний, фотографий продолжался. Через двадцать лет вечер повторили с добавлениями, исправлениями и выпуском самиздатом альбома «Ворошиловы».

В 2021 г. на собранные средства представителей рода Ворошиловых издательством «Камчатпресс» был издан родословная-альбом «Ворошиловы». Книгу получили не только камчатские Ворошиловы, но и те, кто живёт за пределами края.

Семейная летопись Александра Михайловича Ворошилова на сегодняшний день насчитывает 229 человек, носящих 113 фамилий: детей – 7 человек; внуков – 32; правнуков – 52; праправнуков – 65; прапраправнуков – 63; прапрапраправнуков – 10.

Потомки Ворошиловых являются активными продолжателями традиций предков, желающими знать свою историю. Недавно поступил запрос-просьба из Казахстана от Сергея Валентиновича Рудометова, внука Варвары Александровны Ворошиловой. Были запросы из Петропавловска от Натальи Николаевны Климовой, внучки Протасия Ивановича Ворошилова, из Екатеринбурга, Усть-Камчатска и других мест. Поиски материалов о семье Ворошиловых продолжаются.

1. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 72.
2. Вахрин С. Камчатская родословная книга. Род Ворошиловых. Семейная ветвь Михаила Павловича. [Б. м.], 2020. 26 с. Режим доступа: <http://www.kamchadaly.ru/files/doc/voroshilovy.pdf>.
3. Вахрин С. Тайны камчатских имен: в 2-х т. Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2014. Т. 1: История происхождения камчатских фамилий. Камчатские родовые фамилии. История камчатских фамилий (А-С). 1008 с.
4. Никто не забыт, Ничто не забыто. Мильковский район в годы II-й мировой войны 1939–1945 гг. / Мильковский поисковый клуб «Камчадалы». Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2013. 160 с.
5. Расстрелянные годы / Мильковский поисковый клуб «Камчадалы»; сост.: В. З. Михайлова [и др.]. Мильково ; Петропавловск-Камчатский : Новая кн., 2016. 160 с.

Т. П. Назарова

МИЛЬКОВСКИЕ ФАМИЛИИ: ШИШКИНЫ

Аннотация. Из истории рода Шишкиных села Мильково (Камчатский край), начиная с первой половины XVIII в.

Ключевые слова: история, генеалогия, родословная, Шишкины, Мильково, с., Камчатский край.

Я из рода Меркурия Фёдоровича Шишкина. Род Шишкиных пошёл от потомков камчатских священнослужителей. Первое упоминание относится к 1741 г. Василий Шишкин находился в свите архимандрита И. Хотунцевского, приехавшего на Камчатку с целью обращения коренных жителей в православную веру.

Внуки Василия Васильевича – Варсавий, Спиридон и Фома в разное время окончили духовное училище в Петропавловском порту.

Спиридон Алексеевич служил пономарём в церкви в с. Мильково. Дети Спиридона Алексеевича – Василий, Фёдор, Иван являются личными почётными гражданами с. Мильково как потомки камчатских священнослужителей.

Фёдор Спиридонович удостоен этого звания в 1901 г., его брат Иван Спиридонович – в 1913 г.

В семье Фёдора Спиридоновича и Евдокии Павловны Шишкиных родились дети – Анфуса, Соломонида, Викентий, Павел, Меркурий, Меланья.

У Ивана Спиридоновича – Серафима, Спиридон, Павел.

Все дети окончили церковно-приходскую школу. Семьи жили бедно, поэтому трудовая деятельность начиналась рано, с 11–14 лет дети работали в более обеспеченных семьях.

В с. Мильково почти каждый род имел артель. С приходом советской власти на базе объединения артелей был создан колхоз «Безбожник». В 1938 г. Викентия Фёдоровича избрали председателем колхоза. В 1939 г. был получен высокий урожай, Викентий Фёдорович стал участником сельскохозяйственной выставки в Москве. Такой чести он был удостоен дважды, получив при этом ценные подарки – мотоцикл и патефон.

Его младший брат, Меркурий Фёдорович, работал в колхозе старшим конюхом. В одной из статей мильковской районной газеты «Знамя труда» писалось: «Умелые руки Меркурия Фёдоровича дали возможность нашему колхозу предоставить Красной армии немало добротных лошадей, в первый раз – 37 голов, во второй – 27». От войсковой части Меркурий Фёдорович привёз колхозу благодарность.

В 1939 г. его избирают депутатом Сельского совета, затем на первой сессии – заместителем председателя сельсовета. Техника зачастую ломалась, верными помощниками колхозников были лошади да плуг. В разное время Меркурий Фёдорович возглавлял колхозы в сс. Пушино, Кирганик. В 1940 г. за высокие показатели в увеличении поголовья Меркурий Фёдорович стал участником сельскохозяйственной выставки.

Братья Павел Фёдорович и Павел Иванович – кадровые охотники колхоза «Безбожник». Охотились с октября по март, летом работали на полях.

Спиридон Иванович и Фёдор Викентьевич работали в отделении связи, доставляя почту на собачьих упряжках по селам района.

В 1943 г. Усть-Камчатским райвоенкоматом были призваны в ряды РККА практически все мужчины семьи Шишкиных: Спиридон Иванович, Фёдор Викентьевич, Павел Иванович, Павел Фёдорович. Службу проходили в 302-м стрелковом полку Камчатского укрепрайона, участвовали в Курильской десантной операции. Все награждены медалью «За победу над Японией».

Женщины рода Шишкиных всю войну трудились в колхозе. Соломонида Фёдоровна – доярка, Меланья Фёдоровна – полевод. В это тяжёлое время все тяготы легли на плечи женщин. Вручную закладывали сено в кормушки, носили с речки воду, очищали скотники от навоза. Выращивали и сохраняли поголовье скота. Анфуса Фёдоровна, как старший ребёнок в большой семье, помогала родителям по хозяйству.

Женщины отличались своей добротой, спокоем, весёлым нравом, гостеприимством, отличной стряпнёй. По первому снегу заготавливали много крапивы. Из неё делали нитки и верёвки. Вечерами собирались у кого-нибудь на дому, готовили коллективные посылки для бойцов Красной армии – предметы личного обихода, гостинцы. Шили рукавицы, камлеи, носки.

Отмечены правительственной наградой «За доблестный труд в Великой Отечественной во-

йне 1941–1945 гг.» из рода Шишкиных: Виталий Фёдорович, Меркурий Фёдорович, Павел Фёдорович, Пётр Лукич, Любовь Фёдоровна, Неонила Арсентьевна, Соломонида Фёдоровна.

На смену старшему поколению пришли их дети. В семьях Шишкиных было 10 медицинских работников, 12 связистов, 7 педагогов, геологи, водители, есть работники авиации, сельского хозяйства, торговли.

Многие принимали активное участие в культурной жизни села. В составе хора «Мильковские зори» и танцевального коллектива выступали с концертными программами в сёлах района, областном центре. Принимали участие в смотрах и фестивалях.

Не чуждо Шишкиным и ремесло. Екатерина Спиридоновна Попкова увлеклась шитьём национальных кукол и изготовлением сувениров, начала шить национальную одежду. Её работы постоянно выставляются на всех мероприятиях клуба «Камчадалы», села, а также в краевом центре.

Елена Алексеевна Пермякова обучила плетению из бересты и соломки своих детей – Николая, Галину и Андрея. Старший сын Николай Иванович Шишкин приобщил к творчеству жену и своих детей. Их работы неоднократно выставлялись на выставках: «Золотые родники Камчатки», «Мастера Камчатки», «Ладья» (Москва), «Сокровища Севера» (Москва). С выставками своих работ Николай Иванович и Людмила Петровна Шишкины побывали в Москве, Санкт-Петербурге, Хабаровске, Италии, Японии, на Кубе, во многих штатах Америки, на Скандинавском полуострове, где обязательно проводили мастер-классы.

Занимались Шишкины и спортом. Старшее поколение участвовало в лыжных гонках, соревнованиях по волейболу, стрельбе из лука. И сегодняшняя молодёжь не уступает своим дедом. Никита Котов, кандидат в мастера спорта по лыжным гонкам, стал победителем краевых, а также дальневосточных соревнований по биатлону и спортивному ориентированию.

Ирина Шишкина – мастер спорта по тхэквондо, обладатель чёрного пояса, чемпионка России. Юлия Николаевна Шишкина – кандидат в мастера спорта по борьбе самбо и дзюдо, обладатель коричневого пояса. Алексей Николаевич занимается самбо, дзюдо и лыжами, Семён Шишкин – волейболом, Максим Маляров – легкой атлетикой и боксом, имеет диплом и медали.

За последние три века крепко-накрепко переплелись между собой камчатские династии. Так, у представителей этого рода появилось много новых фамилий, среди которых Плотниковы, Демидовы, Яковлевы, Князевы, Толман, Назаровы, Попковы, Котовы, Ворошиловы, Васильевы. На сегодняшний день это свыше 150 фамилий, но все они сливаются в один большой род. Род Шишкиных насчитывает 293 человека, из них детей – 9, внуков – 63, правнуков – 110, праправнуков – 65, трижды правнуков – 46.

В 2015 г. клуб «Камчадалы» выпустил 4 альбома «Мильковские фамилии Шишкины». А в 2022 г. в издательстве «Камчатпресс» издан альбом, вобравший в себя историю родов мильковских Шишкиных. Все исследования и поиски способствуют узнаванию истории своей фамилии и предназначены будущим поколениям, а будущее невозможно без прошлого.

1. Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Р-220. Оп. 1. Д. 72.
2. Летопись Великой Победы. Камчадалы – защитники Отечества / сост., ред. С. И. Вахрин. Петропавловск-Камчатский, 2018. 291 с.
3. Назарова Н. П. Мильковские Шишкины // «Камчатка – Россия – Мир: забытые имена»: докл. междунар. ист. чтений / сост. И. В. Витер. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 127–128.
4. Никто не забыт, ничто не забыто: Мильковский р-н в годы II-й мировой войны, 1939–1945 гг. / Мильковский поисковый клуб «Камчадалы». Петропавловск-Камчатский: Новая кн., 2013. 160 с.
5. Шишкин Н. И. История рода и семьи Николая Шишкина // Из глубин земли Камчатки: материалы фольклор-этногр. экспедиций в Мильковский р-н / сост.: М. Е. Беляева, Н. А. Воробьева. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 29–43.

А. В. Пахнин, И. Р. Николаев

КУПЕЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ ХОЛОДИЛОВЫХ

Аннотация. Из истории рода купцов города Тотьмы (Вологодская область). Представлены генеалогическое древо рода Холодиловых, систематизация их родственных связей, краткое описание деятельности наиболее значимых людей рода, оказавших влияние на жизнь Тотьмы в XVIII–XIX вв. По материалам Государственного архива Вологодской области, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Государственного архива Иркутской области, Государственного архива республики Бурятия.

Ключевые слова: история, генеалогия, родословная, династии, купечество, Холодиловы, Тотьма, г.

В 2021 г. состоялась передача здания усадьбы купцов Холодиловых (г. Тотьма, Набережная Кускова, 11) Тотемскому музейному объединению, и перед музейными сотрудниками встала задача формирования нового облика здания и его внутреннего наполнения. Одной из перспективных идей для будущего музея стало создание экспозиции, посвящённой жизни и деятельности тотемского купца Фёдора Холодилова, традиционно считающегося первым владельцем дома. Затруднение вызывает отсутствие каких-либо личных вещей купца в фондах музея, а также разнящаяся информация о его деятельности, подробностях морских экспедиций на Алеутские острова и загадочная гибель морехода.

Для систематизации данных о деятельности Фёдора Холодилова были изучены имеющиеся в архивах Тотемского музейного объединения документы, в том числе научные изыскания известного тотемского краеведа Станислава Михайловича Зайцева, в своё время «открывшего» десятки имён тотемских купцов-мореходов.

Оказалось, что тотымичей с именем Фёдор Холодилов было как минимум трое – Фёдор Иванович, Фёдор Прокопьевич и Фёдор Андреевич. Чтоб понять, кто из них является тем самым мореходом, была проделана немалая работа по изучению метрических книг, документов Государственного архива Вологодской области (ГАВО), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива республики Бурятия (ГАРБ) и др.

Полученная информация позволила не только раскрыть деятельность Фёдора Холодилова, но и выявить новые, не менее интересные факты истории целой купеческой династии, носившей данную фамилию. В ходе исследовательской работы первоначальная цель была расширена и включила изучение и системати-

зацию сведений о родственных связях купцов Холодиловых, создание генеалогического древа с кратким описанием деятельности наиболее значимых людей, оказавших влияние на жизнь Тотьмы в XVIII–XIX вв.

Наиболее удалённый предок, выявленный на момент написания статьи – Иван Холодилов, который жил с женой – Ириной Холодиловой (1654 г. р.). Об их жизни нет никаких сведений, кроме того, что проживали они в Усолье Леденгском (ныне с. им. Бабушкина Тотемского р-на Вологодской обл.) и у них было пятеро сыновей.

Старший сын – Алексей Иванович Холодилов (1689 г. р.) с женой Парасковьей Дмитриевной имели четверых детей: Ивана (1712 г. р.), Василия (1716 г. р.), Дмитрия (1730 г. р.) и Прокопия (1731 г. р.).

Младший сын Прокопий, как и его отец, занимался соляным промыслом, оставленным после себя детям – Ивану (1757 г. р.) и Фёдору (1761 г. р.). Фёдор Прокопьевич, сумевший заработать на соляном промысле немалый капитал, к началу XIX в. был купцом 2-й гильдии.

Второй сын Ивана Холодилова – Пётр (1694 г. р.) в 1725 г. сбежал в Сибирь. По неподтверждённым данным, там он был подъёмным г. Якутска, отставным канцеляристом воинской канцелярии. В 1754 г. – заслуженный канцелярист Якутска. Жил в Иркутске.

Третий сын Ивана Холодилова – Семён (1702 г. р.) имел четырёх наследников – Михаила (1728 г. р.), который в 1780 г. участвовал в снаряжении экспедиции на Алеутские острова судна «Св. Михаил», двух Иванов (1730 и 1733 г. р.) и Григория (1737 г. р.), умершего в возрасте девяти лет [1, с. 345].

Четвёртым сыном Ивана Холодилова является Андрей Холодилов, который жил с женой Евдокией Семёновной в Усолье Леденгском, и, как старший его брат, служил приказчиком. В переписной книге Леденгского Усолья князя

А. Д. Меньшикова сказано: *«Во дворе ж Андрей Холодилов 23 лет, который был определён из жалования оной вотчины в 1711 году в приказчики, а ныне по отказу приказчика ж Алексея Холодилова быть ему на приказе не велено, живёт во оной ж в слободе. А жена у него Евдокея Семёнова дочь 19 лет, детей: сын у него Григорий 8 недель...»* [1, с. 349].

Упомянутый в переписной книге сын Андрея Холодилова Григорий (1711 г. р.), в дальнейшем также был связан с соляным промыслом, причём крайне успешно: к 1780 г. поставки соли в Вельск приносили прибыли свыше 1300 рублей в год [2, л. 2–7]. В 1780–1782-х гг., по сведениям Д. А. Григорова, Григорий Холодилов являлся одним из арендаторов Тотемского солеваренного завода, управляя тремя варницами [3, с. 109].

Помимо соляного промысла Григорий Холодилов вёл торговлю пушниной в Сибири [4, с. 152]. Разнообразные торговые отношения принесли Григорию немалые деньги, что позволило ему стать купцом 1-й гильдии и обеспечить долгую и безбедную жизнь себе, своим детям и внукам.

Григорий был не единственным сыном у Андрея и Евдокии, в 1714 г. родился Фёдор Холодилов, который в 1747 г. (вероятно, имея начальный капитал от соляного промысла) вложил свои средства в снаряжение судна «Св. Иоанн» к о. Беринга. Промысел морских бобров, песцов и морских котов был настолько удачным, что за три экспедиции удалось выручить 228 069 рублей. Фёдор Холодилов за двадцать один год снарядил с товарищами пять экспедиций: три – на судне «Св. Иоанн» и две – на судне «Андреян и Наталья» [5, с. 11]. Также он начал готовить к дальнейшей отправке на Алеутские острова судно «Св. Михаил», но в 1768 г. был убит камчадалами Максимом Чурсиным и Михаилом Новограбленным [6, с. 1–8]. Детей и жены у Фёдора не оказалось, промысловое дело продолжил его племянник – Алексей Григорьевич Холодилов [5, с. 94].

Согласно выявленным документам, у купца 1-й гильдии Григория Холодилова с его супругой Матрёной было трое детей: Иван (1739 г. р.), Ирина (1743 г. р.) и Алексей (1748 г. р.) [7, л. 1].

Иван Григорьевич был женат на Евдокии Васильевой, дочери крестьянина Устьянской волости Василия Зенвинова, в их семье было трое детей: Фёдор (1759 г. р.), Мария (1765 г. р.) и Евдокия (1765 г. р.). Сам Иван умер в 1769 г. в возрасте тридцати лет. Его жена прожила

до 1813 г. под опекой родственников по линии мужа – сначала Григория Андреевича, а после – Алексея Григорьевича [9, с. 15].

О судьбе Фёдора Ивановича Холодилова известий нет, равно как и о судьбе младшей дочери Евдокии Ивановны. Вторая дочь – Мария Ивановна Холодилова была выдана замуж за купца 1-й гильдии Арсения Дмитриевича Кузнецова. Арсений Дмитриевич в бытность свою являлся городским головой Тотьмы, а также состоял компаньоном купцов Пановых, принимал участие в экспедициях на Алеутские острова в составе галиотов «Климент», «Николай» и «Павел» [5, с. 103].

Компанейщиком был также и его родной брат Иван, а отец – Дмитрий Кузнецов также являлся купцом 1-й гильдии. Таким образом, через брак Марии Холодиловой и Арсения Кузнецова состоялось единение двух богатых купеческих родов г. Тотьмы. Но оно было не единственным.

Дочь Григория Андреевича Холодилова Ирина вышла замуж за Фёдора Протопопова, купца 1-й гильдии, который так же занимался пушным промыслом и участвовал в организации экспедиции на судне «Георгий» в 1790-х гг. [там же, с. 116].

У Фёдора и Ирины Протопоповых было десятиро детей: Праскева (1758 г. р.), Яков (1760 г. р.) Матрона (1762 г. р.), Вера (1764 г. р.), Фёдор (1765 г. р.), Овдогья (1768 г. р.), Григорий и Мария (1770 г. р.), Иван (1773 г. р.) и Надежда (1775 г. р.) [7, л. 3].

Старшая дочь Ирина вышла замуж за тотемского мещанина Фёдора Фёдоровича Манзырева. Матрона вышла замуж за Андреяна Андреевича Кузнецова. Вера Протопопова вышла замуж за Степана Дмитриевича Рохлецова.

Пётр Иванович Челищев в своих заметках «Путешествие по Русскому Северу в 1791 году» писал: *«...в короткое время разбогатели тотемские купцы: именитый по городскому положению и наличному денежному капиталу гражданин Алексей Григорьевич Холодилов... первой же гильдии купец Фёдор Иванович Протопопов... первогильдийный же купец Арсений Дмитриевич Кузнецов (он при моей бытности был от городского общества головой)... Иван Дмитриевич Кузнецов. Все оные купцы и их родственники живут достаточно по-купчески; да прочие купцы и их родственники обогатились изрядно...»* [8, с. 194].

Из шести упомянутых Челищевым именитых купцов четверо являются либо прямыми

родственниками, либо связанными через брачные союзы с династией Холодиловых.

Перед своей смертью, будучи больным, Григорий Холодилов написал завещание, исполнение которого возложил на своего сына Алексея. По завещанию, писанному 27 февраля 1789 г., следовало:

«1) Раздать на поминование родителей и брата моего Фёдора Андреева Холодилова многогрешной души сорокаустие в городах в Устюге, Лальске и Тотьме и по оным уездам священникам где один священник по рублю по пятидесяти копеек, да в казну по пятидесяти копеек, где два священника три рубля, да в казну рубль, а в городах где один священник три рубля да в казну рубль, а у которой церкви два священника пять рублей да в казну рубль.

2) В Иркутский собор в престол Казанской богоматери в казну деньгами десять тысяч рублей, а из того числа купить паникадило серебряное в пять тысяч рублей, а прочие пять тысяч рублей церковными вещами или деньгами как рассудится.

3) В городе Тотьме у Петра и Павла на ранние заупокойные обедни две тысячи рублей, а ежели паче чаяния за каким либо случаем оные ранние обедни отречены будут, то вышеописанные две тысячи рублей употребить у других церквей на ранние заупокойные обедни.

4) Верхнюю Петропавловскую церковь покрыть железом.

5) На кладбище у Богославской церкви пол наслать каменный плитяной, а в другом месте где сподручнее наслать тесом да в казну денег сто рублей.

6) В Суморин монастырь в церковное строение сто рублей, псалтырь годовой читать пять лет, в тотемский собор к Петропавловской церкви и Воскресенской церкви что у Варниц к кладбищенской Богословской церкви сорокоуст впредь отправлять десять лет.

7) Родственникам моим дочери Ирине пятьсот рублей, детям её Якову, Фёдору, Ивану по пятидесяти рублей, дочерям девицам Евдокии, Марье, Надежде написать надлежит святые образа как и большим сестрам исправлено, внукам Анне, Марье, Евдокии по сто рублей на вечное имя, а невестку мою Евдокию Васильеву до смерти её содержать у них в доме честно, дать ей покой особливый, дать ей в услугу девуку, а ежели куда к церкви или в гости пожелает ехать давать лошадь и человека всегда, и прошу родителей до смерти её вместе, а ежели почто чаяние сын Алексей и невестка Евдокия вместе

жить согласие невозмутить, то из оставшего его имения что окажется за расплатой долгов отдать из движимого и недвижимого имения указную часть под строжайшим моим родительским благословением приказываю, а сверх того невестке Евдокии за старание и труды её в моей болезни из общей суммы не в зачёт дать пятьсот рублей, тако ж и мою многогрешную душу сверх сего родителям прошу поминать;

8) Дарье Желвачевой сто пятьдесят рублей да до смерти докормить, буде этих денег мало будет оставшее наше имение где имущество движимое и недвижимое мое благословляю вышеописанного сына моего Алексея и внука Илью владеть вечно» [9, л. 13–15].

Помимо имущества, унаследованного от своего отца, купец 1-й гильдии Алексей Холодилов имел прибыль от промысловых экспедиций. Продолжив дело своего дяди Фёдора Андреевича, в 1772 г. Алексей снарядил судно «Архангел Михаил» [5, с. 94]. Прибыль от промыслов на Алеутских островах за шесть лет составила 166 056 рублей, и уже в 1780 г. это судно было вновь отправлено на промыслы. К сожалению, сведений об успехах второй экспедиции не сохранилось.

В тотемской богадельне для престарелых и увечных мужчин Алексей Холодилов своими средствами содержал 36 человек [8, с. 192].

Известно, что Алексей Григорьевич был дважды женат. Первой женой была Праскева Васильевна (1755 г. р.) – дочь вологодского купца Василия Свешникова. У них родился единственный сын – Илья. Второй супругой Алексея Холодилова (вероятно, после кончины первой) стала Екатерина (1748 г. р.), которая умерла 11 августа 1814 г. [10, л. 13об.]. Во втором браке детей не было.

В Ревизской сказке о числе купцов и мещан в г. Тотьме за 1816 г., к купцам 1-й гильдии относятся всего два человека – Иван Александрович Шергин и Илья Алексеевич Холодилов [11, л. 2об.]. Последний, как единственный прямой наследник династии Холодиловых, был одним из самых богатых купцов г. Тотьмы в начале XIX в. Он продолжил Кяхтинское торговое дело своего деда – Григория Холодилова, занимался чаями. Женат Илья Алексеевич был на Александре Сумкиной, дочери вологодского купца 1-й гильдии Александра Сумкина. Этот брак вновь объединил два богатых рода, после кончины тестя Илья Холодилов получил в наследство дом в Кяхте [12, л. 11].

Помимо кяхтинской недвижимости Илье

Холодилову принадлежал двухэтажный дом на берегу Сухоны в 50-м квартале, тот самый, что был построен во времена промыслов в Русской Америке. Также за 2 тыс. рублей в Тотмье был приобретён дом с землёй, располагавшийся в 19-м квартале, оставшийся после купца Петра Нератова. В 1809 г. Илья Холодилов передал дом Тотемскому уездному училищу ввиду переезда в Москву [13, л. 10б]. Сверх того училищу была переведена тысяча рублей на ремонтные работы [14, л. 20–22].

В 36-м квартале г. Тотмы работал сахарный завод Ильи Холодилова, выпускавший сахар-рафинад и мелассу [15, л. 1–3].

В годы Отечественной войны 1812 г. Илья Холодилов внёс самое крупное пожертвование от Вологодского купечества в размере 5500 рублей. Он вызвался обеспечить «обмундированием... мундирами и ружьями с выдачей провианта и жалования на шесть месяцев» сорок тотемских мещан, добровольно записавшихся в ополчение. За это он в 1816 г. был награждён бронзовой медалью «В память войны 1812 года» [16, л. 81].

Не менее значительным вкладом в благотворительность стало участие Ильи Холодилова в учреждении Общества любителей коммерческих знаний, созданного для финансирования Практической Академии наук. Илья Алексеевич стал одним из соавторов первого устава Общества [17, с. 16], а с 1825 по 1831 г. являлся членом Совета [18, с. 719]. Впоследствии одним из выпускников академии стал сын Ильи Холодилова – Сергей [19, с. 361].

На основании метрических книг известно, что у Ильи и Александры Холодиловых было шестеро детей: Софья (1810 г. р.), вышедшая замуж за Дмитрия Алексеевича Попова; Екатерина (1810 г. р.), Алексей (1815 г. р.), Мария (1820 г. р.), Сергей (1821 г. р.) и Иван (1822 г. р.).

В 1830 г. Илья Холодилов переезжает в Москву, где занимается торговлей чаями и вместе с супругой проживает в Яузской части Москвы в доме купчихи Филипповой [20, с. 5].

Привыкший к богатой жизни Илья Алексеевич Холодилов, как оказалось, к концу своей жизни не был столь успешным. Вероятно, не имея серьёзной коммерческой прибыли, он жил на наследство отца и деда. После кончины Ильи Холодилова в 1831 г. Александра Александровна расплачивается с многочисленными долгами своего мужа. В 1837 г. кураторы конкурса, учреждённого по долгам умершего Ильи Холодилова, московские купцы Иван Мальш и

Фома Филиппов Львов продали каменный дом с флигелями, что располагался в 50-м квартале. После продажи здание перешло Вологодской губернской строительной комиссии Главного управления путей сообщения и публичных зданий Российской империи [21, лл. 112–113об.].

В том же году за долги Ильи Холодилова перед купцом 3-й гильдии Фёдором Кичиным по конкурсу за 1000 рублей был продан дом в Кяхте [12, с. 5]. Сахарный завод также к 1833 г. уже не действовал (вероятно, ввиду переезда Холодиловых в Москву) и прибыли не приносил [22, с. 28].

Супруга Ильи Холодилова Александра в 1833 г. получила в наследство от покойного отца дом в г. Вологда. *«По сему разделу досталось мне Александре Холодиловой нижеследующее: Дом деревянной: мерою по лицу пять сажень один аршин, во двор семь с половиною сажень, состоящий в 3-й части во 2-м квартале на берегу реки Вологды, в приходе Церкви Сретения Господня, с имеющимися при оном доме дворовою, садовою и огородною землею с плодовитыми в саду деревьями и с аллеями и со всеми на оной Земле деревянными службами...»* [23, л. 46–49].

После смерти Александры Холодиловой в 1851 г. остатки наследства достались её детям. Вологодский дом купчихи Холодиловой был продан уже на следующий год после её смерти: *«Лета тысяча восемьсот пятьдесят второго июня в шестой день Московские мещане Екатерининской Слободы, родные братья, Иван и Сергей Ильины дети Холодиловы, продали мы Титулярной Советнице Ольге Фёдоровой Титаренко и наследникам ея в вечное и потомственное владение крепостные наши, от запрещения свободные, доставшиеся нам после родительницы нашей Московской 1 гильдии купеческой вдовы Александры Александровны Холодиловой по наследству деревянный дом с принадлежащим к нему строением и землею...»* [24, л. 132–135].

Дети Ильи Алексеевича, по неподтверждённым сведениям, переехали в Вологду и уже принадлежали к мещанству, не имея ни торговых отношений, ни богатств, некогда прославлявших династию рода Холодиловых. По каким именно причинам одна из богатейших тотемских династий XVIII в. к середине XIX в. перешла в мещанское сословие, остаётся загадкой. Но факт, что соляные промыслы, а впоследствии преумножение капиталов за счёт снаряжения экспедиций в Тихий океан, позволивших безбедно жить четырём поколениям, заслуживает должного уважения.

Конечно, в одной исследовательской работе не уместить всех интересных фактов, касающихся династии Холодиловых. В перспективе предполагается подготовить отдельные труды о деятельности членов семьи: о торговых отношениях Григория Холодилова, об экспедициях

Алексея и Фёдора, о сахарном заводе и здании уездного училища Ильи Алексеевича, о ныне живущих потомках купеческой династии. Работы в этом направлении уже ведутся, а это значит, что стоит ожидать новых интересных открытий.

1. *Троицкий С. М.* Переписная книга Леденгского Усолья князя А. Д. Меншикова // Материалы по истории европейского севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1970. Вып. I. С. 344–352.
2. Дело об отправлении из тотемского соляного пристава выварочной соли купцом Григорием Холодиловым в г. Вельске // ГАВО. Ф. 831. Оп. 1. Д. 263.
3. *Григорьев Д. А.* Тотемские соляные промыслы // Тотьма: краевед. альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 84–131.
4. *Наумова О. А.* Тотемское купечество в XVIII–XIX веках, его состав и регионы предпринимательской деятельности: (обзор документов Гос. арх. Вологодской обл.) // Тотьма: ист.-лит. альманах. Вологда, 1995. Вып. 1.
5. *Берх В. Н.* Хронологическая история открытия Алеутских островов или Подвиги российского купечества. С присовокуплением Исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823. 169 с.
6. Дело об убийстве камчедалами тотемского купца Холодилова // ГАИО. Ф. 783. Оп. 1. Д. 4.
7. Ревизские сказки о купцах и мещанах г. Тотьма // ГАВО. Ф. 388. Оп. 9. Д. 29.
8. *Челищев П. И.* Путешествие по Северу России в 1791 году: дневник. СПб., 1886. 315 с.
9. Дело о духовном завещании имения Григорием Холодиловым сыну – Алексею Григорьевичу Холодилову // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4630.
10. Метрическая записная тетрадь на 1814 год г. Тотьма Богоявленского собора // ГАВО. Ф. 496. Оп. 16. Д. 41.
11. Ревизская сказка о числе купцов и мещан города Тотьма за 1816 год // ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 9590.
12. Дело об объявлении конкурса, сделанного над именем Московского купца Ильи Холодилова // ГАРБ. Ф. 158. Оп. 2. Д. 28.
13. Ревизские сказки о купцах г. Тотьмы // ГАВО. Ф. 388. Оп. 1А. Д. 7.
14. Опись дома, подаренного училищу купцом Холодиловым // ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 312.
15. Ведомости о состоянии тотемского сахарного завода купца Холодилова // ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 320.
16. Списки дворян, чиновников и купцов, представленных к награде медалью в честь победы над Наполеоном в 1812 году // Там же. Д. 286.
17. Московская практическая коммерческая академия: [учреждение и устав]. [Б. м., 1811]. 16 с.
18. Столетие Московской практической академии коммерческих наук, 1810–1910. М., [б. г.]. 787 с.
19. *Глебов И. Ф.* История Московской практической академии коммерческих наук. М., 1860. 677 с.
20. Список купцов города Москвы, объявивших капиталы на 1830 год, с показанием имеющегося при них семейства, чем торговлю производят и где жительство имеют. [М., 1830]. 134 с.
21. Купчая крепость на каменный дом умершего должника – московского купца Ильи Холодилова // ГАВО. Ф. 178. Оп. 8. Д. 480. № 84.
22. Дело по наследству купца А. Д. Сумкина // Там же. Д. 387.
23. *Брусилов Н. П.* Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833. 64 с.
24. Дело о продаже дома Холодиловыми О. Ф. Титоренко в 1852 году // ГАВО. Ф. 178. Оп. 8. Д. 823.

Н. А. Татаренкова

АЛЕУТЫ. ЯРКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РОДА БУРДУКОВСКИХ

Аннотация. Из истории рода российских и американских алеутов Бурдуковских, начиная со второй половины XVIII в. Даны систематизация их родственных связей, описание жизни и деятельности отдельных представителей династии. Есть сведения из истории промыслового хозяйства Командорских островов.

Ключевые слова: история, генеалогия, родословная, коренные народы Севера, алеуты, Бурдуковские, промысловое хозяйство, Командорские о-ва.

Родоначальником российских и американских алеутов Бурдуковских стал лальский мещанин Василий Петрович (ок. 1754 г. р.). Этот человек был легендой ещё при жизни. С юношеских лет он принимал участие в промысловых походах и повидал немало земель – обитаемых и безлюдных. Бурдуковский был очевидцем всех ключевых преобразований, связанных с учреждением Российско-американской компании (РАК). Он легко находил контакт с людьми и быстро освоил алеутский язык.

Василий дожил до глубокой старости и встретил последний рассвет на о. Беринга. С ним жила супруга, аттинская алеутка Меланья. В браке родились дети, но их количество доподлинно неизвестно. Создается впечатление, что после смерти мужа Меланья покинула Командорские острова, и семья отправилась в восточные земли Российско-американской компании. Конечным пунктом, скорее всего, стал г. Ново-Архангельск (совр. г. Ситка). По прошествии времени некоторые её дети вернулись на о. Беринга, а другие остались на Аляске и/или близлежащих островах.

Правопреемником Василия на Командорах стал старший сын Пётр (ок. 1820 г. р.). На момент смерти отца и предполагаемого отъезда матери он был взрослым самостоятельным промысловиком. Не исключено, что Пётр никогда надолго не покидал пределов малой родины. Вместе с матерью уехала его сестра Акулина (ок. 1826–1903) и младшие братья. В 1845 г. Акулина Васильевна вышла замуж за аттинского алеута Михаила Панькова (ок. 1808 г. р.). Венчанье проходило в Ново-Архангельске. Позже семья Паньковых переехала на о. Беринга.

В восточных владениях РАК остались Руф (1830–1901) и Александр (ок. 1830 г. р.) Бурдуковские. Руф Васильевич служил в Уналашкском отделе, где среди прочего исполнял обязанности церковного старосты. Александр Васильевич в 1850 – начале 1860-х гг. работал в Ново-Архангельском порту. Там же, на Ситке,

в 1857 г. он женился на креолке Агафье Семёновой. В том, что Руф был сыном Василия и Меланьи, сомнений нет. Вероятнее всего, Александр приходился ему братом. И удалось вычислить ещё одного их брата – Стефана (?–ок. 1887).

Во второй половине XIX в. род Бурдуковских был крепким и многочисленным. Отличительной чертой его представителей было долгожительство: Василий-старший прожил почти 90 лет, его дети – до 80, 78 и 71. Внук по линии Руфа, житель Уналашки (США), – Peter Bourdukofsky Snow, дожил почти до 79. Продолжительность жизни российских внуков снизилась и составила 61–75 лет. Но их старость совпала с периодом мощного экономического кризиса, поэтому показатель можно считать достаточно высоким.

В начале XX в. скверные бытовые условия и неполноценное питание усугубились свирепствовавшим туберкулёзом и другими инфекционными заболеваниями. Одной из ключевых проблем этих лет стала высокая детская смертность. У Тимофея (внука Василия Петровича) родились не менее восьми детей, до совершеннолетия дожили трое, а его внуки появлялись на свет слабыми и умирали в младенчестве. Та же картина была с детьми двоюродных братьев Тимофея – Александра и Дениса. Причинами смертей в большинстве случаев были истощение, туберкулёз и лёгочные заболевания – неизменные спутники неустроенного быта.

До 1890-х гг. в обеих ветвях Бурдуковских было достаточно мужчин-промысловиков, способных обеспечить своим семьям достойное существование. Среди внуков Агафьи были двойняшки, и одна пара, появившаяся на свет в 1887 г., выжила. Этот факт косвенно свидетельствует о материальном благополучии рода. Однако следующее поколение состояло преимущественно из девочек. Поскольку экономика Командорских островов была ориентирована исключительно на пушной промысел, такие семьи были обречены на материальные трудности.

Другой проблемой российских Бурдуков-

ских было бесплодие. Недуг коснулся сыновей и дочерей Петра Васильевича (у самого Петра всё было в порядке, его жена Анисья благополучно родила тринадцать малышей). Из восьми совершеннолетних детей Петра (двое из которых могли быть приёмными) потомство оставили только двое. Бесплодие отмечалось и в других командорских семьях, не только у Бурдуковских. Н. А. Гребницкий посвятил этой проблеме отдельную статью, в которой озвучил несколько возможных причин.

Последний носитель фамилии ушёл из жизни в 1970 г. в возрасте 67 лет. Это была Антонина Илариевна Бурдуковская из ветви Анисьевых-Бурдуковских (все её дети, кроме старшей Дарьи, были по отцу Пешковы; Дарья Бурдуковская (1918 г. р.) пережила мать, но в списках значилась как «русская»). В начале 1966 г. с о. Беринга отбыла в дом престарелых старейшая представительница основной ветви – 72-летняя Августа (Агния) Мироновна.

Ветви американских Бурдуковских до настоящего времени представлены на о. Св. Павла (Прибыловы о-ва). В 2013 г. информацию о своей бабушке искала Мария Ткачук (Калифорнийский университет в г. Ирвайне).

Говоря о потомках лальского мещанина Василия Бурдуковского, следует помнить, что Меланья могла быть его второй или даже третьей женой. Первую семью, если таковая имела и дети выжили, следует искать в Охотске.

Василий Петрович (ок. 1754–1842 или 1843) и его сын Пётр (ок. 1819–1899)

Информацию об основателе рода Василии Петровиче Бурдуковском и его старшем сыне Петре Васильевиче можно найти в более ранних публикациях [15, с. 240–242; 16, с. 18–20, 89, 114]. Это одни из самых ярких представителей рода. Василий помнил времена, когда сыровали почки морской коровы, ходил на судах Г. Шелихова, в 1805–1812 гг. «робинзонил» в промысловой артели Ф. Шипицына, после чего стал одним из «патриархов» Командорских островов.

Пётр также прожил долгую насыщенную жизнь. В 1870-х гг. он исполнял обязанности старшины о. Беринга, а с 1878 г., как наиболее опытный промысловик, был назначен «заведующим отгонами», т. е. ответственным за промысел морских котиков. Пётр был информантом исследователей А. Норденшельда и Л. Стейнера, по детству помнил посещение острова Ф. Литке на шлюпе «Сенявин». На его памяти вымерли очковые бакланы и к островам под-

ходили ледяные торосы. В 1870-х гг. его семья была первой и единственной, содержавшей стадо коров. Пётр умер в возрасте 80 лет от кори.

Сыновья Петра Васильевича

О сыновьях Петра Васильевича известно немного. До начала 1880-х гг. Пётр, Василий, Мирон и Тимофей жили в доме отца. Вместе с ними были их жёны. Не позднее 1885 г. Василий с семьёй переехал к овдовевшей сестре Анне, после смерти мужа Анна Еранская унаследовала барабору и дом, приобретённый в первой половине 1880-х гг.

Старший брат – Пётр Петрович (ок. 1844–1909) взял в жёны Марфу Родионовну Будакову (ок. 1851–1903). Родных детей у них не было, супруги воспитывали приёмных.

Василий Петрович (ок. 1849–1913) был женат дважды: на Евдокии (Авдотье) Денисовне Поповой (ок. 1854–1899), а с 1901 г. – на Федосье Мефодиевне Шипицыной (ок. 1879–1903). В 1885–1893 гг. супруги воспитывали Константина Петровича Ладыгина (1884 г. р.), племянника Авдотьи.

Судя по единственному свидетельству, Василий был свободолюбив, прямолинеен и имел задатки лидера. В августе 1879 г. на о. Беринга произошёл инцидент: часть промысловиков во главе с Василием Бурдуковским, Василием Степновым и Трифоном Синицыным отказались брать утверждённый лимит морских котиков. Они полагали, что можно добыть 12 000 шкур вместо предусмотренных 13 500, и такое невыполнение плана не отразится на сумме дополнительных правительственных выплат. Другие промысловики позицию смутьянов не разделяли. 16 августа 1879 г. управляющий островами издал грозное постановление [1], в котором стращал провинившихся огромным штрафом, переселением на о. Медный и даже уголовным делом. Впрочем, всё закончилось благополучно: во время промыслового сезона было добыто 13 028 котиков, Василия никуда не переселили, либо переселили на очень короткий срок; сумма штрафа была минимальной. Но три недели смутьяны всё-таки провели под арестом.

С 1892 по 1895 г. на о. Медном жил Мирон Петрович (ок. 1853–1915). Возможно, временный переезд связан с бобровым промыслом. С начала 1840-х гг. в акватории Командорских островов попадались лишь единичные каланы. В 1873 г. произошёл крупный «привал» зверя. Вторая и третья волны миграции наблюдались

в 1879 и 1893 гг. Численность начала постепенно восстанавливаться, и на о. Медном был открыт промысел. Вместе с Мироном в с. Преображенское приехали жена Екатерина Ивановна (1862 г. р., в дев. Иванова) и дочери Анисья (1884 г. р.) и Екатерина (1889–1940). Анна, 1887 г. р. и Августа, 1891 г. р., скончались в младенчестве. В августе 1893 г. родилась Августа II (см. ниже).

Мирон вошёл в историю островов как один из освободителей Северного лежбища от японских браконьеров. События происходили 22–23 августа 1905 г. Пользуясь смутным временем, команда японской шхуны объявила себя представителями новой власти и посадила под арест алеутов береговой охраны. Охранники успели заблаговременно отправить гонца в с. Никольское, там был немедленно сформирован освободительный отряд из добровольцев. Мирон как наиболее опытный «пенсионер»-промысловик входил в группу Петра Березина [14, с. 471]. Ползком между кочек группа добралась до нарты Мирона, стоявшей недалеко от юрты промыслового караула. В утренней дымке они видели, как по дороге шагают двое патрульных в японской военной форме. Один был вооружён саблей, второй – винтовкой. Японцы конвоировали Ивана Григорьева, Клеопатру Корсаковскую и 16-летнего Ваню Ножикова. В этот самый момент подоспела подмога.

В 1883 г. на о. Тюленьем погиб «российский подданный алеут С. Бурдуков». Речь может идти только о Самуиле Бурдуковском (ок. 1856 г. р.). Алеуты добывали морских котиков не только на Командорах, но и на о. Тюленьем. Туда на летний сезон завозили бригаду с о. Беринга. Горстка промысловиков была крайне уязвима и не единожды подвергалась нападениям со стороны браконьеров.

В XIX в. нейтральные воды Тихого океана бороздили преимущественно американские китобои. К концу века китобойный промысел начал приходить в упадок, и предприниматели переключились на менее доходный, но более доступный ресурс – котиков и каланов. Государственные границы соблюдали далеко не все. В России неоднократно поднимали тему охраны береговых границ, 3 августа 1874 г. была издана «Инструкция крейсерам у берегов Приморской области Восточной Сибири». В документе подчёркивалось, что Россия не намерена препятствовать китовому промыслу в открытом море, но заходить без разрешающих бумаг в трёхмильную прибрежную полосу и тем более в бухты иностранным судам запрещено.

Ключевые положения документа носили в основном рекомендательный характер. Прорехи в законодательстве не были устранены даже спустя десятилетия. «Инструкция» 1882 г. мало отличалась от своей предшественницы: *«При встрече иностранных судов в запрещённых иностранцам водах, т.е. заливах, бухтах, проливах и в расстоянии ближе трёх миль от берега, останавливать каждое судно и потребовать от капитана письменных ответов <...> [Н. Т.: ознакомить с правилами посещения российских вод]. Вообще обходиться с иностранцами ласково, как следует с судами дружественных наций <...> Если бы иностранцы позволили себе насильственные действия или грабежи в черте российских владений, то прежде всего оказывать защиту и покровительство жителям наших островов и берегов <...> но только избегая по возможности кровопролития»* [12, с. 152–156].

Иностранных подданных разрешалось считать «морскими разбойниками» лишь в случае особенно циничных и жестоких набегов с «умышленным кровопролитием» (т. е. жертвами становились люди). Таких нарушителей следовало доставить во Владивосток «для поступления с ними по законам». Суд мог принять решение о конфискации плавсредства, но капитан и члены команды взысканию не подвергались.

Запрет стал первым шагом на пути становления международных норм. Однако одной лишь бумаги для прекращения хищнических набегов было недостаточно. В 1880-х гг. российское морское патрулирование находилось в зачаточном состоянии, и «хищнический промысел американцев <...> принял вид правильной системы» [там же, с. 11].

На этом фоне о. Тюлений выглядел особенно незащищённым. В 1882 г. экипажи четырёх иностранных шхун «под угрозой смерти» прогнали трёх сторожей арендовавшей котиковые промыслы компании «Гутчинсон, Кооль, и К^о». Браконьеры били котиков до тех пор, пока их не спугнул своим появлением пароход «Камчатка». А в сентябре 1883 г. разыгралась настоящая трагедия: на берег высадилось сразу около шестидесяти нарушителей. Они истребили большую часть лежбища и убили охранника – российского алеута «С. Бурдукова» [5, с. 414], т. е. Самуила Петровича Бурдуковского. Ему было около 27 лет.

Печальное событие дало управляющему Командорскими островами основание очередной раз поставить вопрос о необходимости учреждения постоянного крейсерства в Тихом океане.

Н. А. Гребницкий настаивал на приобретении «*быстроходной мелкокалиберной икуну, снабжённой мелкокалиберными орудиями*» [13, с. 16–17]. Опыт показал, что с международным браконьерством должны бороться не военные и не случайные транспортные суда, а специально обученная служба. Как итог, на острова был направлен клипер «Разбойник» с командой стрелков. Эта временная мера положила начало длительному процессу формирования регулярной охраны российских территориальных вод.

**Владимир Тимофеевич (1889 г. р.),
внук Петра Васильевича**

Владимир родился 15 июля 1889 г. в семье Тимофея Петровича (1862 г. р.) и Рипсильи Никаноровны (ок. 1866 г. р., ур. Галкиной). Рипсилья рано умерла, в 1899 г. Тимофей женился во второй раз – на Любови Михайловне Яковлевой (ок. 1883–1903). У Владимира было две родные сестры: Фелицата (1887 г. р., в замуж. Мальцева) и Анна (1891 г. р., в замуж. Шадрова). Другие дети умерли в младенчестве. В 1893 г. в семье воспитывалась племянница Рипсильи Анисья Григорьевна (1888 г. р.), дочь её сестры.

В 1908 г. Владимир Тимофеевич женился на медновчанке Любови Яковлевне Поповой (ок. 1883–1916). В семье жил сын Любови Василий (1907–1933). В 1917 г., через год после смерти супруги, Владимир уехал с двухгодовалым сыном Владимиром в с. Маламваям (Камчатка). Василий остался на о. Беринга у родной тётки Надежды Яковлевны Григорьевой. В том же 1917 г. в соседнее с. Ука переселилась семья Анны Тимофеевны (1891 г. р.). Туда же отправилась ещё одна семья Бурдуковских: вместе с мужем Иннокентием Игнатьевичем Березиным (ок. 1889 г. р.) и детьми в Уку переехала троюродная сестра Владимира и Анны – Вера Александровна (1887 г. р.).

Какое-то время связь с Командорами сохранялась. В конце 1929 г. Владимир передал в Хабаровский музей два предмета с островов. Это были алеутские игры: *унида*, также известная как *калуба* (*колобах*, *калугах*), и *ухахчух*. Первая была чрезвычайно популярна у медновских промысловиков. Упоминание о ней можно встретить в книге И. И. Барабаш-Никифорова: «*“Калуба” – деревянная заострённая с одной стороны чурка, которую играющий должен подбрасывать таким образом, чтобы она, перевернувшись в воздухе, попадала острым концом в подставляемое деревянное кольцо*» [3, с. 35].

При составлении описания поступившего

предмета консерватор и учёный секретарь музея Семён Яковлевич Сизых описал сам процесс игры: «...*левой рукой держат дощечку с дырочкой, а правой берут униду за плоский конец держая острием от себя, кидают поворотом руки к себе. Стараются <...> чтобы брошенная унида задержалась в дырке. Тот, кто попал в дырку, дает всем играющим щелчки по рукам стараясь сделать как можно больнее*» [17].

Второй предмет тоже состоял из двух частей: деревянной «стрелки» с зарубкой и метательной палочки с верёвкой, завязанной на конце узелком. «Стрелку» брали в левую руку и протаскивали верёвку через зазубрину. Затем с помощью зажатой в правой руке метательной палочки натягивали получившуюся «тетиву» и сильным резким взмахом направляли дротик в цель. Таким способом будущие охотники вырабатывали навыки уверенного меткого броска. Эта детская игра бытовала до военных лет. Её второе название – *узалуу* («стрела») [ПМА: Э. И. Гребзде, 5.11.2017].

**Августа Мироновна (1893 г. р.),
«партизанка Ага»**

Августа родилась на о. Медном в августе 1893 г. (см. выше). Примерно в 1916 г. девушка уехала на Камчатку. В период становления советской власти она находилась в Петропавловске и была знакома со многими революционерами, в том числе с будущим заместителем председателя губревкома Иваном Емельяновичем Лариным.

В 1966 г. бывший секретарь партизанского отряда Облнарревкома Пётр Глебович Ивашкин написал очерк о «партизанке Аге», помогавшей отступившему отряду поддерживать связь с Петропавловском. Очерк был опубликован в районной газете «Алеутская звезда» [8]. Предисловие к тексту составил историк Борис Иванович Мухачёв, незадолго до этого встречавшийся с Ивашкиным в г. Новосибирске. Рассказ Ивашкина великолепно отражает немного наивный и сумбурный характер описываемого времени.

Нет сомнений, что «Алеутка Ага» – Августа Мироновна Бурдуковская. Но в публикации 1966 г. Мухачёв называет её Агнией Мироновной Яковлевой [9]. Бабушку Агу на острове действительно называли Агнией. Вероятнее всего, имя было искажено при оформлении документов – Бурдуковская очень рано потеряла слух.

В годы гражданской войны Ага обнаружила склад с гранатами. По своему простоду-

шую она назвала смертоносное оружие «шариками» и принесла несколько штук в отряд, а затем сообщила, где лежат остальные. Вероятно, именно тогда островитянку контузило взрывом. В результате она частично потеряла слух, а с возрастом почти полностью оглохла. Если бы не проблемы со слухом, сохранилось бы больше историй о приключениях Аги. Зная её бойкий нрав, можно предположить, что их было немало.

Бурдуковская вернулась на о. Беринга в начале 1940-х гг. Это была великая труженица. За день Ага успевала всё: выпечь хлеб, переделать дела по дому, постирать бельё военнослужащим и т. д. Она была настолько расторопна, что в селе шутили, что это не один человек, а женщины-двойняшки. За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны Августа Мионовна была награждена медалью.

Родную тундру Ага знала вдоль и поперёк. У неё везде были свои тайные тропочки. Идут женщины к Столовым сопкам вместе, смотрят – бабушка исчезла. Через какое-то время возвращается с полной котомкой ягод. «Откуда?» – она только улыбается.

Как-то раз бабушка Ага лакомилась морскими ежами на м. Китовом. Ёжики там были крупнее, чем в окрестностях с. Никольского. Расстояние в семь с лишним километров не смущало энергичную старушку. Стоял хороший майский отлив, и Ага увлеклась сбором. Она носила большой шерстяной платок, завязанный на спине узлом. Ниже узла свисали концы с бахромой. Вдруг чувствует, кто-то за платок тянет. Поворачивается – никого нет, а рядом маленькая нерпочка необычного окраса: жёлтенькая, а по спинке, как цветочки, чёрненькие колечки. Акибка. Островитяне хорошо знают антура с пятнистой серебристой шкуркой, знают ларгу, но акиба на Командорах – редкость. Дочь промысловика не растерялась, легонько оглушила, обвязала и потихоньку поволокла по воде в посёлок. Несмотря на возраст, Ага оставалась ловкой и сильной. «Вот, – говорит, – какая нерпочка красивая, никогда такую не видела. Мне только мясо нужно». Охотники оживились. С. В. Марков сразу освежевал зверя, а мясо, как и обещал, принёс бабушке [ПМА: В. Т. Тимошенко, 15.01.2015].

В феврале 1966 г. Августа Мионовна улетила с о. Беринга на Камчатку. Ей выделили место в доме престарелых. Последний сохранившийся снимок был сделан в сентябре 1969 г.

Стефан (? – ок. 1887)

и Анисьевы-Бурдуковские

Во второй половине XIX в. на о. Беринга жила ещё одна многолюдная семья Бурдуковских. Хотя эту ветвь правильнее было бы называть Анисьевыми-Бурдуковскими, поскольку дети получили фамилию от отчима.

В конце 1880-х гг. старшей из них была мать – старуха-креолка Агафья Фёдоровна (ок. 1829–1901, в дев. Бадаева). В с. Никольском также жили её дети: Федора (ок. 1856–1916), Александр (ок. 1857–1916), Иван (ок. 1859–1900), Денис (1862–1916) и Мария (1870–1899) Бурдуковские. Из документов 1860-х гг. следует, что отцом Федоры и троих сыновей был первый муж Агафьи – алеут Степан Анисьев (ок. 1835 г. р.). Младшая дочь Мария (1870 г. р.), скорее всего, была ребёнком Бурдуковского. Можно предположить, что Степан умер в возрасте 29–34 лет. В 1862 г. на о. Беринга жил его брат Михайло Анисьев. Больше об Анисьевых никакой информации не сохранилось.

В документах 1870-х гг. все дети записаны как «Бурдуковские». Смена фамилии наводит на мысль, что второй брак Агафьи состоялся прежде, чем дети достигли совершеннолетия, в противном случае они бы носили фамилию отца. В посемейном списке за 1886 г. Агафья указана как вдова от второго брака [11, л. 93]. В другой записи, относящейся к тому же 1886 г., Агафья фигурирует как «жена умершаго алеута того же острова [Н. Т.: о. Беринга] Стефана Петрова Бурдуковского» [6, д. 10, л. 224об.–225]. Обе записи сделаны в 1887 г. Из формулировок следует, что Стефан Бурдуковский скончался незадолго до приезда священника, т. е. в конце 1886 или начале 1887 г.

О «Стефане Петровиче» информации не сохранилось. Можно предположить, что он был старшим сыном Петра Васильевича, но о таком человеке нет упоминаний ни в одном посемейном списке. Вероятность того, что Стефан был сыном Петра, крайне мала. Возможно, в метрической ведомости был неверно записан патроним усопшего. Если Стефан был не Петрович, а Васильевич, всё становится на свои места, и мы выходим на ранее не упоминавшегося сына Меланьи. Эту версию подтверждают слова из докладной записки врача Л. Ф. Гриневецкого (июнь 1889 г.): «На о. Беринге *phtysis* (чахотка) заявляет себя так: в семье Бурдуковского Василия двое умерли от чахотки; остальные члены семьи, три сына и две дочери, – бездетны. В другой семье Бурдуковского-же (брата преды-

дуцаго) дочь страдает эпилепсией, сын – глухонемой и другой сын чахоткой, мать их тоже, вероятно, чахоточная» [11, л. 89].

Гриневецкий допустил неточность: под семьёй Василия Бурдуковского следует понимать ветвь Петра Васильевича. Тогда всё более-менее сходится: братья Пётр, Василий и Самуил детей не имели, их сестра Анна также была бездетна. В семье «другого Бурдуковского» (ветвь Анисьевых) эпилепсией страдала Ольга – приёмная дочь (племянница) Агафьи; сын Иван, скорее всего, был глухонемым; оба его брата страдали лёгочными заболеваниями, а сама старуха скончалась от чахотки.

В середине 1880-х гг. Агафья Фёдоровна воспитывала внука Степана (1877 г. р.), сына Федоры. Вместе с ними жила Ольга Бадаева (1878–1888), племянница Агафьи. В 1878–1886 гг. у бабушки квартировала Александра Петровна Ладыгина с детьми, а в середине 1890-х – медновчанка Елизавета Хабарова. В двух последних случаях близкородственные узы отсутствовали, но дальнюю непрямую связь проследить можно.

Антонина Иллариевна (1903–1970) и её семья

На Командорских островах одним из последних носителей фамилии была Антонина Иллариевна Бурдуковская – правнучка Агафьи Фёдоровны. Девочка появилась на свет 23 сентября 1903 г. в с. Никольском. Её матерью была Юлия Александровна Бурдуковская (ок. 1882–1962). Патроним «Иллариева» Антонина получила от крестившего её псаломщика Илария Ивановича Плотникова. В 1912 г. Юлия Александровна вышла замуж за Фёдора Лаврентьевича Будакова (1891–1949), у них родились общие дети. Антонина воспитывалась в семье отчима. В 1917 г. она жила у бабушки Дарьи Михайловны (ок. 1860–1917) и помогала ей после смерти деда.

Упоминание о Юлии Александровне Будаковой сохранилось в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова. 19 декабря 1919 г. она передала в дар надутый зоб куропатки. Описание предмета сделал консерватор музея С. Я. Сизых: «*Со'нхóу*» представляет собой вынутый целый зоб куропатки (*Lagopus lagopus Ridg*) надутый и плотно завязанный. Вешается над плитой и когда высыхает развешивается в комнате. Обычно служит забавой ребятам, а взрослые охотно надувают и высушивают зоб. Некоторым нравится запах шикши находящейся в зобе, другие из забавы кипятят в нём воду» [17].

С 1943 г. Антонина Иллариевна работала на о. Беринга заведующей яслями. Её мама работала там же поваром. Третьим сотрудником детского учреждения была уборщица Антонина Мякишева. В 1940-х гг. считалось важным повышать свой культурный уровень и принимать активное участие в жизни района. В 1945 г. Антонина написала заметку в районную газету, текст заканчивается словами «*Своей работой я стараюсь завоевать уважение родителей и любовь детей*» [4]. Она действительно пользовалась уважением односельчан: имела активную жизненную позицию, была ответственным работником и матерью восьмерых детей (один умер в младенчестве).

Официально Антонина замуж не выходила. Она состояла в гражданском браке с бывшим беринговским священником И. С. Пешковым (1877 г. р.). Иван Степанович приехал на о. Беринга во второй половине 1911 г. (в 1909–1911 гг. служил в Преображенской церкви на о. Медном). С ним была супруга Анна Михайловна и их общие дети. Примерно в 1916 г. Анна Михайловна уехала с детьми во Владивосток. Через некоторое время туда отправился сам Пешков. Он отрёкся от сана и в 1920-х гг. работал на Командорах служащим Дальрыбы. Старшую дочь Дарью Антонина родила в совсем юном возрасте, в списке 1923 г. Дарья Фёдоровна Бурдуковская указана как дочь И. С. Пешкова. Остальные дети, рождённые после 1921 г., носили отчество «Иванович»: Иван (1922 г. р.), Мария (прибл. 1924 г. р.), Михаил (1926 г. р.), Пётр (1928 г. р.), Юлия (1930 г. р.) и Григорий (ок. 1933 г. р.). Все были по отцу Пешковыми, кроме Марии (у Ивана была ещё одна дочь Мария от первого брака).

В 1930-х гг. Бурдуковские-Пешковы жили в Приморье. Скорее всего, в с. Морозовка Тернейского района. Иван работал бухгалтером в леспромхозе. 15 ноября 1937 г. он был арестован по обвинению в антисоветской агитации и 22 января 1938 г. расстрелян [2].

Семья вернулась на о. Беринга в годы войны. Дарья работала комендантом ЖКО райисполкома, затем перешла на молочнотоварную ферму, там же трудилась Юлия. Иван в 1943 г. погиб на фронте. Михаил стал мастером котикового промысла. А Григорий – капитаном траулера «Пахача».

Руф Васильевич (1830–1901)

Руф родился 4 января 1830 г. в семье лальского мещанина Василия Бурдуковского и его законной жены – аттинской алеутки Меланы.

Дети от таких смешанных браков принадлежали к особому сословию креолов, утверждённому на территории Русской Америки в 1821 г. По сравнению с алеутами креолы имели более высокий социальный статус и пользовались определёнными льготами. Многие из них были обучены грамоте.

С 1820-х гг. семья Бурдуковских переселилась с о. Медного на о. Беринга. Василий Петрович дожил почти до 90 лет и сохранял ясность ума даже в глубокой старости. Старик был кладезем удивительных историй. Свидетелем многих из них он стал лично, в других участвовали его товарищи, третьи кочевали из уст в уста и обросли слухами.

После того, как отец умер, мать взяла детей и отправилась в восточные земли РАК. Бурдуковские уехали с Командор примерно в 1844 г., в 1845 г. они находились в Ново-Архангельске (совр. г. Ситка). Позже часть из них вернулась на о. Беринга – это Пётр, Акулина и Стефан, а часть осела в окрестностях Аляски – это Руф и Александр.

Руф «с 17 лет» (т. е. с 1847 г.) жил на о. Уналашка [18, р. 206]. В молодости он промышлял пушного зверя в окрестностях острова и за его пределами, в том числе добывал морских котиков. Основной котиковый промысел начинался осенью, в ноябре, когда северный ветер гнал мигрирующих животных к берегам Уналашки. Ещё не окрепшие щенки заходили в заливы и бухты и там пережидали непогоду. Смена ветра служила сигналом к началу промысла. Лучшим считался короткий промежуток времени, когда волнение стихало настолько, что котики были готовы продолжить свой путь, но ещё не отошли от берега. В этот момент следовало их перехватить. Зверя брали на воде. Бурдуковский выходил на промысел в своей байдарке. В годы РАК селение добывало по 150–200 щенков за сезон.

Руф был умелым охотником и успешным руководителем, поэтому в 1857 г. его назначили байдарщиком (управляющим) в с. Шишалдинское на о. Унимак. Там он сменил Ивана Нозикова (Ножикова), уличённого в попытке сбыта пушнины иностранному судну [7, с. 80, 383]. Надо полагать, до этого Бурдуковского ставили начальником промысловых партий. Значительно позже, в зрелом возрасте, Руф, находясь в изрядном подпитии, сетовал, что один из управляющих РАК возлагал на него ответственность за поведение подчинённых. Он отводил его в «большой дом» и порол за чужие провинности

[20, р. 94] (такой вид наказания мог применяться к служащим самого низшего звена).

После двадцати лет прилежной службы креолы становились пенсионерами РАК. Они получали небольшое денежное содержание и имели определённые льготы. В 1867 г. территория Русской Америки отошла Соединённым Штатам, и срок выхода на пенсию Бурдуковского фактически совпал с этим событием. Если Руф успел получить статус пенсионера компании, то находился в нём очень короткий срок. Однако он заслужил право так называть себя. Любое общество консервативно, и пенсионеры сохраняли более высокий социальный статус даже после 1867 г. Несомненно, Бурдуковский пользовался большим уважением на Уналашке.

В январе 1968 г. была учреждена компания «Hutchinson, Kohl & C». В октябре того же года в результате частичного слияния компании Гутчинсона с конкурентами была зарегистрирована «Alaska Commercial Company» (ACC). В сентябре 1870 г. ACC взяла на себя полномочия материнской компании на Аляске, а «Hutchinson, Kohl & C» арендовала котиковые промыслы на российских островах. Компании имели почти идентичный руководящий состав и единую штаб-квартиру в Сан-Франциско, поэтому на территории Штатов их нередко «объединяли» под именем «Alaska Commercial Company».

После окончания «русского периода» Руф в течение многих лет служил в ACC. Название его должности неизвестно, но можно с уверенностью утверждать, что он каким-то образом курировал пушной промысел на Алеутских островах, по крайней мере, представлял интересы компании перед коренным населением. На о. Уналашка он выполнял функции управляющего: *«Каждая деревня имеет своего “вождя”, или “тойона”, который освобождается от труда и является, выражаясь общепринятым языком, как бы “боссом”, к которому обращаются со всеми мелкими затруднениями. Он говорит за своё племя. В таком качестве служил “Старый Руф” до тех пор, пока не был смещён в пользу более молодого человека. Однако он по-прежнему сохраняет некоторую власть»* [там же, р. 105]. Помимо этого он наверняка являлся служащим ACC – кем-то вроде мастера пушных промыслов. Годом его окончательного выхода на пенсию следует считать 1887 г.

Летом 1881 г. Бурдуковский посетил Сан-Франциско. Он пришёл туда с Уналашки на пароходе «Дора» («Dora»). Поездка была ор-

ганизована по просьбе самого Руфа и стала наградой за годы добросовестной работы на благо компании. Недешёвый круиз состоялся при поддержке неких заинтересованных лиц, ходатайствовавших о нём. Если верить газете, Руф остановился в отеле «Палас», следовательно, он имел серьёзных спонсоров.

Незначительное, казалось бы, событие было ярко освещено в газете «Sunday Chronicle» [21]. Причина повышенного внимания остаётся загадкой. Но факт есть факт: Руфа называли «высоким посетителем» и «главой Алеутского архипелага» и в первых же строках приравнивали к «именитым иностранцам» и «королевским особам». Тексты трёх заметок поистине фантазийные. Они повествуют о «роде» Бурдуковских, начиная с «деда» величайшего вождя и непревзойдённого воина селения Илююк. Имя «деда» не указано, зато историческая значимость проиллюстрирована максимально убедительно. Из текстов следует, что в 1780 г. «командующий флотом капитан Баранов», стремясь завоевать расположение, одарил его многочисленными подарками, в том числе огнестрельным оружием. Затем алеута подняли на борт судна и вручили Указ императрицы Екатерины «о назначении его и его наследников потомственными вождями Алеутских островов». Он также был удостоен «золотой медали» с изображением бюста императрицы на одной стороне и военного парусника – на другой (к описанию больше всего подходит серебряная медаль «За путешествие кругом света 1803–1806 гг.», посвящённая кругосветному плаванью кораблей «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского; предназначалась для матросов этих кораблей).

Во время плаванья к Командорам Баранов лично обучал «самого умного алеута» русскому языку. Своё европейское имя «дед» получил при крещении от «известного московского воина» Петра Бурдуковского. «Отец» Руфа также был великим воином. Он сражался с индейцами и кадыяками, которые «пытались похитить жён и дочерей» уналашкинцев и в одном из сражений собственноручно убил 30 неприятелей.

Руф «унаследовал» пост тойона после смерти «отца» в 1859 г. Пожалуй, из всего изложенного это – единственное более-менее достоверное событие (с оговоркой, что отец Руфа не был алеутом и умер в другое время в другом месте). Вероятно, в 1859 г. Руф действительно вернулся с о. Унимак и осел в с. Илююк на Уналашке. Если бы удалось выяснить, кто и зачем сочинил сказочную версию биографии Бурдуковского, это пролило бы свет на реальные события и характер нашего героя. Но пока остаётся только строить предположения.

Возвращение на Уналашку было не менее эпичным, чем визит в Сан-Франциско. Руф поведал алеутам об удивительном мире большого города, подняв тем самым свой и без того высокий рейтинг до небес. Особенно впечатлило описание канатной дороги, приводимой в движение «лошадьми под землёй». Очевидно, речь шла о канатном трамвае, приводимом в движение паровым двигателем, находившимся на тяговой подстанции.

Красочное описание Бурдуковского привела в своей книге Изабель Шепард: «*Напыщенный тучный старик в огромной шерстяной желтоватой рубахе поверх других одежд, которая вдвое увеличивала его и без того щедрые пропорции. К тому же, в высоких сапогах, кепке и с трубкой во рту – он представлял собой весьма примечательный вид. Он усвоил европейские манеры и всегда отвечивал мне глубокий поклон, приподнимая при этом шапку. Его внешний вид и манеры были настолько несовместимы, что контраст выглядел смехотворно. Руф был *bete noire* для деревенской мелочи, которая исчезала при его приближении*» [20, р. 93]. Описание относится к лету 1889 г.

О семье Руфа известно не много. Он был женат дважды: на дочери байдарщика о. Акун Улите Семёновне Говорухиной (ок. 1833 г. р.), а затем – на Улите Верховской. От обоих браков рождались дети, младший из которых, Пётр (1897–1976), жил на Аляске и взял фамилию Snow.

Одну из бухт на о. Уналашке называли бухтой Руфа.

1. О наказании алеутов, роптавших на существовавшие порядки // Алеутский краеведческий музей. АКМГИ 1155.
2. Жертвы репрессий в Приморском крае. По материалам издания «Книга Памяти жертв политических репрессий по Приморскому краю в 1920–1950-е гг.»: база данных. Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1877\).](https://ru.openlist.wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1877).)

3. Барабаш-Никифоров И. И. В стране ветров и туманов. М. ; Л. : Коиз, 1934. 92 с.
4. Бурдуковская А. Моя работа // Алеутская звезда. Никольское, 1945. 5 дек.
5. Вакуленко Ю. А. Добыча северного морского котика на острове Тюлений в XIX веке // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2010. Вып. 17. С. 398–418.
6. Метрические ведомости // Государственный архив Камчатского края. ГАКК. Ф. Р-220.
7. Гринёв А. В. Кто есть кто в истории Русской Америки / под ред. Н. Н. Болховитинова. М. : Academia, 2009. 671 с.
8. Ивашкин П. Г. Партизанка Ага // Алеутская звезда. Никольское, 1966. 17 февр.
9. Мухачёв Б. И. Установление Советской власти на Командорах // Алеутская звезда. Никольское, 1966. 9 янв.
10. Списки жителей о-вов Беринга и Медного за 1881 г. // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. РГИАДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 295.
11. Дело канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора. Делопроизводство III // РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 110.
12. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск, 1882. Т. 3. Вып. 2. Командорские острова. 169 с.
13. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Иркутск, 1884. Т. 3. Вып. 3. Камчатка и Командорские острова. 216 с.
14. Татаренкова Н. А. «Олени Дыбовского» и Русско-японская война // Камчатка. Литература. Краеведение. 2019. Петропавловск-Камчатский, 2019. Вып. 29. С. 451–475.
15. Татаренкова Н. А. Мозаика судеб: история Командорских островов в лицах // «В путь за неизвестным...»: материалы XXXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2016. С. 240–254.
16. Татаренкова Н. А. Топонимы Командорских островов. М. : Изд-во Центра охраны дикой природы, 2018. 208 с.
17. Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова. Старые описи.
18. Fur seal arbitration. Proceedings of the Tribunal of arbitration, convened at Paris under the treaty between the United States of America and Great Britain, concluded at Washington, February 29, 1892, for the determination of questions between the two governments concerning the jurisdictional rights of the United States in the waters of Bering Sea. Washington: Government Printing Office, 1895. Vol. III. 619 p.
19. Library of Congress, Manuscript Division. LC. Reel 56–59.
20. Shepard I. S. The Cruise of the U.S. Steamer «Rush» in Behring Sea, Summer of 1889. San Francisco: The Bancroft company, 1889. 257 p.
21. Sunday Chronicle // San Francisco. 1881. July 24 [Smithsonian Institution Archives. SIA. W.H. Dall. Record Unit 7073. Box 47].

Автор выражает сердечную благодарность историку Рэю Хадсону (Ray Hudson), предоставившему значительную часть материала по разделу «Руф Васильевич». Наиболее ценными являются заметки из газеты «Sunday Chronicle» 1881 г. и цитаты из книги И. Шепард (1889 г.).

В. Л. Тюменцев

ТЮМЕНЦЕВЫ В ИСТОРИИ СИБИРИ И КАМЧАТКИ

Аннотация. Из истории рода Тюменцевых, начиная с XVII в., их происхождение, генеалогическое древо, родственные связи, деятельность в Сибири, переселение на Камчатку.

Ключевые слова: история, генеалогия, родословная, Тюменцевы, Сибирь, Камчатка, п-ов.

Фамилия Тюменцевы является одной из старинных и знатных фамилий, распространённых среди сибирских и терских казаков, а также у кумыков Кавказа, православных бурятов, калмыков и якутов. Существует несколько версий значения и происхождения фамилии Тюменцевы. Так, по мнению русского лингвиста-тюрколога Н. А. Баскакова, данная фамилия связана с заимствованием из монгольского языка тюркского слова, которое означает «многочисленность, большое количество, тьма» [1, с. 256].

Но скорее всего, эта фамилия происходит от древнейшей формы славянских фамильных прозвищ, образованных от географического названия местности, выходцем из которой являлся один из предков. Таким прозвищем, например, является Тюмонец, обладатели которого проживали некогда в старинном г. Тюмень, первом русском городе в Сибири.

В XIII–XVI вв. на берегу р. Тюменки, при её впадении в Туру, находилась столица Тюменского ханства Чимги-Тура, недалеко от которой по указу царя Фёдора Ивановича в 1586 г. было начато строительство Тюменского острога, который впоследствии и стал городом Тюменью. Сегодня обладатели фамилии Тюменцевы живут в самых разных регионах России, при этом часто являются лишь однофамильцами и представляют различные фамильные кланы.

В конце XVI в. началось активное освоение Сибири русскими первопроходцами. Почти в течение шестидесяти лет казачьи отряды продвигались от Тюмени, Тобольска и Енисейска в глубь Сибири, в верховья Лены. Первым укрепленным зимовьем на пути в Восточную Сибирь, на волоке при переходе с р. Илим на р. Лену, стал Илимский острог, основанный в 1630 г. отрядом казаков под руководством Ивана Галкина.

Русским, вышедшим в 30-х гг. XVII в. к странствам Средне-Сибирского плоскогорья, предстояло разрешить две задачи: освоить Ангара-Илимо-Ленское междуречье и обеспечить дальнейшие завоевательные мероприятия.

Обосновавшись здесь, русские быстро уносили все речные пути Ангара-Илимо-Ленского края цепочками деревень, разместив на стыках

водных и волоковых дорог опорные остроги и в необычайно короткий срок, примерно за 15–20 лет, создали здесь, за 5000 верст от родины, край с прочным земледелием. Решая вторую часть задачи, русские могли, опираясь на Илимский острог, осуществить два движения – одно по Лене, на северо-восток Сибири до Ледовитого и Тихого океанов, питать продовольствием из Илимска военные отряды и оседавшее население в пределах Якутского воеводства, а другое – на юг, с вывершиванием Ангары и Лены.

Илимское воеводство свыше ста лет было наиболее населённой частью Прибайкалья и всей Восточной Сибири. Отсюда шло снабжение хлебом всего северо-востока континента, вплоть до Камчатки. Илимские землепашцы в первой четверти XVIII в. дали переселенцев в Якутск, Охотск и на Камчатку для создания там местного земледелия. Впоследствии Илимск станет основной базой снабжения экспедиции Беринга [2, с. 4–5].

Население Илимского острога в эти годы в основном состояло из служивых людей. Первыми жителями илимских мест, конечно же, являлись казаки-первопроходцы. В составе одного из отрядов казаков, пришедших в Илимск в 1635–1640 гг., был мой далёкий предок – Герасим Тюменцов. Скорее всего, он попал в отряд казаков в Тюмени, так как по архивным записям в Красноярском остроге и Тоболе Герасим Тюменцов среди казаков не числился.

Вслед за первопроходцами на новые земли пришли крестьяне, которые искали в Сибири лучшей для себя доли, а потом здесь появились крестьяне по указу, переселяемые из различных губерний России. В XVII в. правительство России для развития землепашества по Илимскому и в верховьях Лены проводит активные мероприятия по заселению пашенными крестьянами этих земель. Селились крестьяне, как правило, вдоль русла рек, и именно в этих местах в 1631–1640 гг. были образованы первые русские волости, лежащие на главном пути с Ангары на северо-восток.

К концу XVII в. появился ряд селений, как по Лене, так и в стороне от реки. В 1641 г. по приказу

первого воеводы Ленского острога П. П. Головина казачьим пятидесятником Мартыном Васильевым на правом берегу Лены было основано укрепленное поселение – Верхоленский Брацкий острог.

Отряд М. Васильева был послан из Тобольска на Верхнюю Лену. Поначалу острог служил пунктом по сбору ясака (натуральной дани), однако плодородные земли края позволили казакам и крестьянам-переселенцам из Центральной части России заниматься хлебопашеством. Позже острог становится одним из важных транзитных пунктов для караванов из Забайкалья в Илимск и Якутск. До 1775 г. Верхоленский острог входил в состав Илимского воеводства, затем он был преобразован в особое комиссарство.

В состав Верхоленского округа в то время входили десятки деревень, среди которых: Качуга, упоминание о которой в исторических документах относится к 1686 г. Далее по течению реки Лены пошли русские селения: Житова, Шеметова, Белоусова, Алексеевка, Челпанова, Хабардина, Толмачёва, Коркина, Пуляевская (1652 г.), Жигалова (1723 г.) и Тюменцова (1723 г.), в которой имелся единственный двор и проживал один пашенный крестьянин, что было вполне обычным для таких деревень того времени [2, с. 89]. Как правило, название заимки или деревни происходило от имени первопоселенца, поэтому фамилии Житовых, Шеметовых, Белоусовых, Челпановых, Коркиных, Жигаловых, Пуляевских, Тюменцовых были распространены среди жителей Верхоленского округа.

При проведении третьей ревизии (1762 г.) в Верхоленском остроге насчитывалось две посадских (купеческих) и девять казачьих и разночинских семей Тюменцовых.

Наш род Тюменцовых в Верхоленском остроге берёт начало с Кипрюшки Герасимова, сына Тюменцова, упомянутого в окладной книге Илимского острога за 1661 г. среди холостых казаков. Его старший брат – Кирюшка Герасимов, сын Тюменец, в 1677 г. был записан в окладной книге Илимска в разделе «Служилые люди Верхоленского Брацкого острожку» как конный казак с годовым окладом семь рублей. Он же указан и в окладной книге Илимского острога за 1676 г.

Здесь же числятся ещё двое Тюменцовых: Андрюшка Кирилов, сын Тюменцов, и Васка Кирилов, сын Тюменцов, сторож таможенной избы с годовым окладом 5 рублей.

В 1684 г. в «Книге окладной денежному, хлебному и соляному жалованию» упомина-

ются двое служивых Тюменцовых – Андрей Кириллович меньший, что «землю пашет», и верхоленский казак Ивашко Киприянов, сын Тюменцов.

У Ивашки было ещё два брата – Тимофей и Фома. Тимофей Киприянович в 1693 г. был повёрстан в конные казаки Верхоленского острога, а согласно «Книге приходной 1712 года г. Иркутска», верхоленский служивый человек Тимофей Тюменцов сдавал деньги целовальнику Борису Дементьеву для зачисления в государеву кассу [3, с. 366].

Тимофей Киприянович Тюменцов является моим прямым семижды прадедом, умер он после 1722 г., поскольку значится в числе умерших после первой ревизии разночинцев. Я обнаружил у Тимофея Киприяновича троих детей: дочь Мавру (1698–после 1763), сыновей Зиновия (1698–1749) и Дмитрия (1702–1758).

Зиновий Тимофеевич Тюменцов, как и его брат, Дмитрий Тимофеевич, в ревизии 1722 г. уже числятся разночинцами. Это, видимо, связано с тем, что в 1718 г., после Указа Петра I о реформировании казачьих гарнизонов начался период расказачивания – перевода большинства казаков в другие сословия – в разночинцы и, в основном, в крестьян.

В семье Зиновия Тимофеевича Тюменцова было шестеро детей: Семён, рождённый в 1725 г., Иван – в 1728 г., Матрёна – в 1732 г., Дарья – в 1735 г., Катерина – в 1738 г. и Козма, родившийся в 1739 г.

Козма Зиновьевич Тюменцов женился на Параскеве, дочери копеиста приказной избы Верхоленского дистрикта Андрея Падерина. Надо отметить, что в метрических книгах Верхоленской Воскресенской церкви Козма уже числится крестьянином. В этом браке у них родилось двое сыновей: Иван – в 1762 г., который умер в следующем году, и Ларион – в 1763 г. После смерти жены Козма в 1776 г. вступает во второй брак с Агафьей, дочерью крестьянина Арефия Кистенёва. В этом браке у них родилось девять детей, седьмым ребёнком в семье как раз и был мой прапрапрадед Исаакий.

За сотню лет мои верхоленские предки породнились со многими представителями известных фамильных родов Верхоленского острога и близлежащих поселений. Это, как отмечалось ранее, Черепановы, Кистенёвы, Падерины, а кроме них – потомки купцов (посадских) Уваровских, Незговоровых, Селивановых, Фоминых, разночинцев Хабардиных, Жидовых, Бурцевых, крестьян Баевых, Ташиных,

Рудых, Зуевых, Лагиревых. Многих представителей названных фамильных родов объединяет их появление в верхоленских местах в конце XVII в. Конечно же, это далеко не полный список наших дальних родственников, ведь только часть из них удалось установить по имеющимся спискам жителей Верхоленского острога первой половины XVIII в. и сохранившимся метрическим записям.

Следует полагать, что мои предки перебрались из Верхоленска в д. Тюменцевскую после 1775 г. До этого времени Орленская слобода, куда входила эта деревня, относилась к Илимскому уезду, а потом она вошла в состав Верхоленской волости. Это был Исаак Козмич, потому что его отец Козма Зиновьевич по 3-й переписи числился жителем Верхоленского острога. Факт проживания в д. Тюменцевской Исаака Козмича подтверждается записями о рождении в начале XIX в. его детей – Татьяны и Савватая в метрических книгах Верхоленской Воскресенской церкви.

Прожив в д. Тюменцевской почти сорок лет, мой прапрадед Савватей Тюменцов вместе с семьёй и другими иркутскими крестьянами отправился в поисках лучшей жизни на далёкую и неведомую Камчатку. Как раз в те годы, по решению губернатора Камчатки В. С. Завойко, осуществлялась очередная программа переселения крестьян на полуостров, и в 1853 г. было отправлено на Камчатку 25 русских семейств в числе 139 душ. Губернатором планировалось, что в дальнейшем при развитии проекта переселенцы будут устроены на жительство в основанных ранее поселениях и на новых заимках: Козыревской, Ушковской, Харчинской (по р. Камчатке), около Петропавловска, на берегах рр. Паратунка и Авача.

Путь на Камчатку с учётом трудностей перехода занимал несколько месяцев. Сначала по Иркутско-Якутскому тракту, затем по Якутско-Аянскому почтовому тракту, который проходил вдоль рек, по горам и труднопроходимым болотам. И последний этап – почти три недели плавания на морском транспорте от Аяна до Петропавловска.

Летом 1853 г. две партии крестьян-переселенцев из Иркутской губернии в составе 9 взрослых мужчин и 17 женщин и детей прибыли на Камчатку на транспорте «Иртыш» и корабле «Цесаревич» [4].

Во второй группе, прибывшей в июле 1853 г., была семья Савватая (Саввы) Исаковича Тюменцова с женой и тремя сыновьями. Переселенцев

по распоряжению В. С. Завойко направили в с. Тихоновское, основанное ещё в 1825 г. начальником Камчатки Голенищевым как Якутская колония для развития скотоводства. Здесь, по р. Тихой, были большие покосы, существующие довольно-таки давно и принадлежащие якутам-переселенцам и русским крестьянам.

Развивая свой проект заселения Камчатки, военный губернатор В. С. Завойко задумал основать здесь новое, большое поселение скотоводов и земледельцев. Прежнее название деревни в 1854 г. было заменено на Николаевскую, уже в тот же год в ней было построено четыре новых дома. По планам губернатора предполагалось поставить не менее двадцати домов с хлевами и огородами [5, с. 284].

Можно утверждать, что крестьяне из Иркутской губернии, прибывшие на Камчатку летом 1853 г., были одними из последних переселенцев в попытке В. С. Завойко заселить далёкий край выходцами из Сибири. После успешной обороны Петропавловска от англо-французского десанта в августе 1854 г. и принятия решения о переводе военно-морской базы в Николаевск-на-Амуре Петропавловск утратил значение опорного пункта русского флота на Дальнем Востоке, и почти до конца XIX в. Камчатка стала отдалённым и почти забытым округом Приморской области.

Камчатская земля не совсем приветливо встретила моих предков. Направляясь в с. Тихоновское, 1 августа 1853 г. жена Савватая Тюменцова, Татьяна, трагически погибла – утонула при переправе через р. Тихую. Об обстоятельствах её скорострительной смерти титулярный советник Шредер, сопровождавший группу переселенцев, в своём рапорте на имя исправляющего должность Камчатского военного губернатора В. С. Завойко доложил 3 августа 1853 г. [6]. Вот так, в результате несчастного случая, спустя две недели после прибытия на Камчатку, мой прапрадед остался вдовцом с тремя сыновьями на руках, старшему из которых едва исполнилось четырнадцать лет.

Сначала семья Тюменцова жила в Тихоновском селении, а после 1865 г. Савватей Тюменцев с сыновьями перебрался на Дальнее озеро в с. Озерное, где были великолепные покосные луга, способные прокормить крестьянский скот. Вместе с Тюменцовыми в Озерном поселились семьи крестьян Мурашовых и Челпановых, с которыми они потом породнились.

Так, мой прадед Матвей Савватеевич был женат на дочери Константина Мурашова – Хю-

нии, а его сын Семён в 1899 г. женился на дочери Василия Челпанова – Татьяне. Я не исключаю, что Челпановы, Михины, Яковлевы, Мурашovy также были переселенцами из Иркутской губернии, потому что эти фамилии появились на Камчатке в середине XIX в.

Крестьянский труд был привычным для переселенцев. Как и в Сибири, они держали коров и лошадей, занимались огородничеством, выращивая картофель, лук, чеснок, капусту и другие овощи, заготавливали сено для скота. Однако в здешних условиях климат не позволял заниматься хлебопашеством. У камчадалов они научились звериным промыслам и по их примеру стали заготавливать себе на зиму рыбу, ставшую для них хлебом насущным. Так постепенно переселенцы приобщились к рыбалке и охоте, которые стали впоследствии основным видом их деятельности, благо зверя и рыбы в этих местах было предостаточно.

В 80-е гг. XIX в. мой прапрадед Савватей Исаакович вместе с семьёй младшего сына Матвея перебрался на Паратунские ключи. Его старшие сыновья Прокопий и Иван остались хозяйствовать в Озерном. В семье Ивана было пятеро детей, у Прокопия детей не было. Да и сам он рано ушёл из жизни, скончавшись от проказы в 1896 г. Его вдова, Тюменцева (Челпанова) Агриппина Никитична, в 1902 г. была внесена в именной список ветеранов Петропавловского боя, происходившего 17–24 августа 1854 г., и ей в числе 9 человек была назначена ежемесячная пожизненная пенсия.

В 1887 г. Озерное представляло собой несколько небольших бревенчатых изб, разбросанных у истока небольшой речушки Озерной, соединяющей Дальнее озеро и р. Паратунку. В селении проживало около 40 человек, в Паратунке же число жителей составляло уже 65 человек. А в начале XX в. практически все жители Озерного перебрались в Паратунку. На Дальнем озере осталась лишь летовка паратунских жителей с балаганами для сушки рыбы, амбарчиками, собачьими становищами и рыболовным запором через речку [7, с. 42].

Таким образом, Паратунка или, как её называли сами жители, Ключи становится местом постоянного жительства моих предков. Паратунские ключи были известны достаточно давно, ещё в 1819 г. по распоряжению начальника Камчатки Петра Ивановича Рикорда на Паратунских ключах были обустроены купальни и небольшой дом. Мой прадед, Матвей Савватеевич Тюменцев, женился в 1865 г., его первой

женой была Елена Петровна Чуркина, дочь Машурского камчадала Петра Чуркина. В этом браке у них было пятеро детей, самым младшим был мой дед Фёдор, родившийся в 1881 г.

Паратунка в начале XX в. представляла собой довольно-таки большую деревню, насчитывающую более пятнадцати домов, но, как и все другие сёла Камчатки, застраивалась без какого-либо порядка, каждый селился там, где ему понравилось. Основная часть изб располагалась на левом берегу Коркинского ручья ближе к часовне и горячим ключам. В этих ключах жители мыли домашнюю утварь, стирали бельё, а в более крупных, которые образуют небольшое озерцо, принимали ванны. Здания в селении были невелики и неказисты снаружи, так как построены из неважного леса, но внутри очень чисты и хорошо обставлены [там же, с. 54].

Основным видом деятельности моих предков была охота и рыбалка, хотя все они официально числились крестьянами. Заготовка рыбы начиналась в июне и продолжалась до половины июля на запоре у Дальнего озера, где в основном добывалась нерка. Позднее рыбачили на различных заимках, расположенных по р. Паратунке. Охотничий промысел в основном осуществлялся в зимнее время. Главным образом, велась добыча соболя, именно он давал возможность после продажи пушнины, а каждая соболиная шкурка в Петропавловске стоила не менее 20 рублей, приобретать муку, соль, крупы, охотничьи припасы, другие товары. Хотя, в случае обмена пушнины на товары, купцы уже давали за шкурку почти в два раза меньше, поэтому выгоднее было продавать пушнину на аукционах, которые проводились в Петропавловске, начиная с 1900 г.

Ранней осенью уезжали на лошадях в сторону р. Жупановской и в специально отведённых местах делали запасы провизии для зимней охоты. Охота на соболя открывалась с декабря, потому с первым снегом уезжали на собаках через Налычево на р. Жупановскую до самых Кронок. К весне с добычей возвращались домой через Щапину, Кирганик, Мильково. Охотились также возле Мутновской сопки и Асачи, уходя в конце ноября на шлюпках до бух. Берёзовой.

Передвигались весь сезон на лыжах, палатку, кукули, провизию и охотничьи трофеи тащили с собой на лёгких нартах. С места последнего лагеря на р. Лагерной, что у подножья Мутновской сопки, своим ходом через Паратунский перевал возвращались домой. Последний раз в далёкие места охотники из Паратунки вы-

бирались в 1926 г. Потом они охотились только поблизости, в долинах рр. Паратунка и Быстрая.

В апреле 1907 г. мой дед Фёдор Матвеевич женился на дочери односельчанина Стефана Стефановича Подпругина – Надежде. Из родившихся в этом браке восьмерых детей в живых осталось пятеро, в том числе и мой отец – Леонид.

От Тюменцевых, поселившихся в Паратунке, образовались десятки семей. Одни мои предки и родственники продолжали жить на Камчатке, другие разъехались по всей стране от Приморья и Хабаровска до Крыма и Калининграда. Они трудились и развивали страну и Камчатку, участвовали в Великой Отечественной войне, трое погибли на её фронтах.

Мне удалось составить родословную Тюменцевых, начиная с середины XVII в., содержащую около 300 имен. Самым возрастным

представителем клана Тюменцевых сегодня является Матвей Васильевич Тюменцев, ему в этом году исполняется 88 лет. Он до настоящего времени живёт в доме своего отца Василия Матвеевича, который, будучи старостой с. Паратунка, в далёком 1908 г. встречал участника научной экспедиции Русского географического общества В. Л. Комарова. *«Нас встретил староста селения Тюменцев Василий Матвеевич – красивый, высокий и стройный, худощавый человек, с заметной примесью камчадальской крови, который оказал необходимую помощь в перевозке членов экспедиции из Тарьи в Паратунку и в исследовании долины реки Паратунки»* [7, с. 44].

Внуки Матвея Васильевича Павел и Матвей сегодня являются единственными продолжателями нашего рода Тюменцевых по мужской линии.

1. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979. 279 с.
2. История Фамилии Тюменцевых – 2. Данные ДНК-ТЕСТА / Б. А. Муратов, Р. Р. Суюнов, И. В. Тюменцев // Бюллетень этногеномико-исторического проекта «Суюн». 2016. Т. 3. № 1. С. 6–20. Режим доступа: [http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Tyumentcevs-2_3_20160103_1_\[1_2\]_3_VENPS_2016_1.pdf](http://suyun.info/userfiles/bulletin/2016-1/Tyumentcevs-2_3_20160103_1_[1_2]_3_VENPS_2016_1.pdf).
3. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Иркутск : Обл. гос. изд-во. Т. 1. 1949. 596 с.
4. Черепанов А. В. Сибирская кровь. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2018. 443 с.
5. РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 178. Л. 55–55об.
6. Дитмар К. фон. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2009. Ч. 1. 568 с.
7. РГИА ДВ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 293. Л. 16–17.
8. Комаров В. Л. Путешествие по Камчатке в 1908–1909 гг. Петропавловск-Камчатский : Новая книга, 2008. 429 с.

Раздел VI

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В. И. Иохельсон

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КОРЯКОВ: СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА И ШАМАНЫ (Перевод избранных глав Л. А. Абрамян)

Аннотация. Перевод избранных глав из книги учёного, этнографа, исследователя материальной и духовной культуры народов Крайнего Севера и Камчатки В. И. Иохельсона «Коряки. Материальная культура и социальная организация», опубликованной в США на английском языке.

Ключевые слова: этнография, коренные народы Севера, коряки, религия, шаманизм, фольклор, мифология, Иохельсон В. И.

Зимой 1900–1901 гг. В. И. Иохельсон проводил этнологические исследования среди коряков в рамках Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции, упомянутая книга содержит результаты его исследований.

Работая над собранным материалом, он сразу обратился к религии и мифам по следующим причинам. Когда он вернулся в Нью-Йорк из своей первой экспедиции, то обнаружил, что его друг, Владимир Германович Богораз, принимавший участие в Сибирской экспедиции, работал над материалом о культуре чукчей, которую изучал несколько лет.

Чукчи связаны с коряками и условия жизни у этих двух племен очень схожи. Чтобы избежать ненужного повтора, Иохельсон решил отложить детальное описание материальной культуры коряков до тех пор, пока Богораз не закончит свою работу, и ограничить своё описание теми характеристиками, в части которых коряки отличаются от чукчей.

У обоих племён есть значительное сходство в религии и мифологии, которые не только находятся на одинаковом уровне развития религиозной мысли, но, с незначительными исключениями, верят в те же самые сверхъестественные силы, отмечают те же праздники, проводят религиозные обряды и обряды жертвоприношения, имеют похожие мифы. Поскольку большое количество мифов и некоторые материалы, касающиеся верований чукчей, были опубликованы Богоразом, Иохельсон смог рассматривать мифы и верования коряков со сравнительной точки зрения.

Стоит отметить, что материал, касающийся коряков, был собран среди прибрежных коряков, проживающих вдоль Пенжинской и Гижи-

гинской губы в Охотском море, среди оленных коряков п-ва Тайгонос и по всей территории Гижигинского района.

Поскольку он должен был покинуть страну коряков во второй половине лета 1901 г., чтобы поехать на р. Колыму, он решил, что лучше всего ограничить своё исследование коряками более или менее определённой местности, таким образом избежав ненужной траты времени на длинные и частые поездки по огромной территории.

Это решение оказалось выигрышным и с точки зрения сбора информации, и с точки зрения пополнения коллекции. Однако стоит отметить, что у него были возможности встретиться с некоторыми представителями из тех регионов, в которых он не был, и получить от них информацию. Кроме того, местные жители, которых он изучал, представляли наибольший интерес, чем коряки, обитающие в других частях региона, так как они наилучшим образом сохранили древние обычаи и традиции.

Книга Иохельсона содержит фотографии и иллюстрации. Фотографии, представленные в книге, сделаны его женой и им самим, а рисунки выполнены Рудольфом Вебером.

Религия и мифы. Историческая справка

До настоящего момента коряки остались наименее изученным из племён Сибири. По сей день никто специально не изучал их. Г. Стеллер, С. Крашенинников, К. Дитмар, барон фон Майдель и Н. Слюнин более или менее полно упоминали их.

Первые из двух упомянутых путешественников посвятили себя более чем другие этнографическому описанию Камчатско-Охотского

региона, в основном камчадалов. В наши дни их описания представляют единственный достоверный этнографический материал по Камчатке; но наука этнография в XVIII в., т. е. в то время, когда эти учёные проводили своё исследование племён Северо-Восточной Азии, была на примитивном уровне, а методы, которыми они пользовались, более не считаются удовлетворительными.

К примеру, Стеллер в своей книге о камчадалах пишет, что нет специальных шаманов и что у них нет особого шаманского костюма или бубна; в то же время его книга содержит три иллюстрации, изображающие вид шамана спереди, сзади и сбоку, который одет в церемониальное облачение, бьёт в бубен и совершает шаманский ритуал. Иллюстрации, очевидно, относятся к тунгусскому шаману, одетому в накидку с кисточками, а также содержат другие характерные атрибуты тунгусского шаманизма; но предание гласит, что иллюстрации изображают камчадала.

Крашенинников описывает несколько исключительно интереснейших церемоний во время ежегодного осеннего праздника камчадалов, но терпит неудачу, пытаясь каким-либо образом их объяснить. И Крашенинников, и Стеллер, описывая Камчатку, упоминают коряков; но информация, которую эти авторы дают о религиозных представлениях коряков, скудная и ошибочная, хотя и нет никаких сомнений, что очень многое, что существовало в первой половине XVIII в., исчезло сейчас. Что касается оленных коряков, Крашенинников говорит нам, что у них не было праздников, не было представлений о боге, только о дьяволах; и далее, что прибрежные коряки боготворили в качестве божества «Кутху», как и камчадалы.

Дитмар посетил коряков данного региона в 1852 г. Он был горным инженером, направленным правительством для проведения географических и геологических исследований. Во время своего пути он собрал некоторые этнографические материалы, написал отдельную статью по корякам, которая вызвала большой интерес в связи с отсутствием какой-либо другой информации. В отношении религии коряков Дитмар информирует нас, что они поклонялись богу по имени Апаппель; в то время как «апаппель» обозначает «дедушка», коряки применяют его к своим сакральным горам, холмам, мысам, ко всему, чему они приносят жертвы.

Барон фон Майдель, официально прикреплённый к якутскому губернатору, был направ-

лен, чтобы исследовать, можно ли склонить чукчей к тому, чтобы они признали русские законы. Во время своего путешествия он собрал большое количество новых этнографических сведений, которые составили основную тему его работы. Значительная часть его доклада посвящена поверхностному и эпизодическому описанию племён, с которыми он контактировал, их хозяйственной жизни. В своём историческом очерке о конфликте между русскими и чукчами он уделит некоторое внимание и корякам. Майдель описал свои впечатления, которые получил, проезжая через корякские деревни и стойбища; но его очерк не содержит материала, который относится к религии этого народа. Его метод этнографического исследования можно хорошо понять из следующего факта, который он, к своей чести, между прочим, рассказывает. По своему приезду в корякскую д. Шестаково на р. Шестакова он обнаружил, что коряки считают грехом, если зимой войти в землянку через закрытый летний вход. Однако он посчитал неподобающим для достоинства должностного лица ползти вниз в дом через верхнее дымовое отверстие и приказал казакам топорами пробить нижний вход жилища. Но хозяин попросил его не портить жилище и сам открыл ему нижний вход.

Доктор Н. В. Слюнин, хирург военно-морского флота, член экспедиции (1896–1898), <...> был отправлен правительством с целью исследования природных ресурсов Охотско-Камчатского региона. Его работа об этом регионе составляет в основном систематизацию данных, но предоставляет прекрасный массив информации по истории, статистике, хозяйственной жизни и естествознанию этой территории. Он заимствовал большую часть этнографической информации без критического анализа у Крашенинникова и Стеллера, поэтому она была устаревшей. Слюнин, например, перепечатал из книги Стеллера несколько картинок японских богов, которых Стеллер представляет как хороших и плохих камчатских божеств, о которых нет никакого упоминания в тексте книги Стеллера. Личные наблюдения Слюнина не добавляют большого количества нового материала к этнографической информации, которую он получил из вторых рук.

Мистер Богораз был слишком добр и отдал в моё распоряжение корякские мифы с Камчатки и с побережья Тихого океана, которые он записал. Они включены в настоящую работу о коряках. Кроме того, он переработал и испра-

вил транскрипции всех корякских имён, слов, заклинаний и других корякских фраз, содержащихся в этой книге. <...>

Николас Вилкин, обрусевший коряк из пос. Гижигинска, помог мне в части записи и перевода мифов. Для научных целей он был единственным более или менее хорошим переводчиком из Гижигинского района. Он одинаково владел и местным русским диалектом, и корякским языком, был более образованным, чем двое или трое других обрусевших коряков, которые также жили там, которые были знакомы одновременно с двумя языками. И все же мне пришлось с ним крепко потрудиться, прежде чем я подготовил его для работы. Знание корякского языка казаками и другими русскими поселенцами едва ли превышало знание нескольких простых фраз, которые использовались в торговле, их язык зачастую представлял собой особый корякско-русский жаргон. Не стоит и говорить, что русские переводчики определённо не подходили для моих целей. Вилкин был задействован в работе экспедиции на протяжении всего моего пребывания в Гижигинском районе.

Прибрежные коряки на севере Камчатки, хотя и сохранили свой язык, и позже всех приняли христианство, отбросив очень много предрассудков, все же забыли свою прежнюю религию. Это же самое можно сказать и про алюторских прибрежных коряков, которых тоже обратили в христианство; но, согласно мистеру Богоразу, они сохранили большее количество мифов. Однако оленные коряки, как и прибрежные коряки севернее Олюторского мыса, обитающие вдоль побережья Тихого океана, а также прибрежные коряки, обитающие на побережье Пенжинской губы, вынуждены были в значительной степени сохранить свою примитивную религию. Усилия русских по обращению их в ортодоксальную веру оказались тщетными. Особенно в отношении прибрежных коряков, живущих близ пос. Гижигинска, русского центра Гижигинского района, оказавшихся более консервативными в отношении религии, чем те, которые контактировали с камчатскими коряками, такими как жители сс. Каменское, Таловка и др. Но несмотря на тот факт, что христианство было принято ограниченным количеством коряков, в настоящий момент их собственная религия в упадке, что обусловлено частыми контактами с русскими торговцами и казаками, которые, особенно последние, высмеивают идолов, жертвоприношения и обряды коряков. Многие

обряды и мифы всего лишь пережитки прошлого и их значение утеряно. Уже в середине XVIII в. религия камчадалов, согласно Крашенинникову и Стеллеру, была подвержена русскому влиянию в той же мере.

Сверхъестественные существа.

Преобразователь мира и прародитель коряков

Большой Ворон (Куйкинняку или Куткинняку) рассматривается коряками как основатель мира. Окончание «няку» – преувеличенная форма имени ворона (Кутки, Куики, Кускил или Куикил). В некоторых мифах он обозначается как Большой Ворон Куикил. Камчадалы называют его Кутк. Крашенинников пишет Кутха; а Стеллер – Кутка или Кутга. Чукчи называют его Куркил.

Прибрежные коряки западного побережья Пенжинской губы называют Большого Ворона также Великим Дедушкой (Ачиченаку), как можно увидеть в мифах, записанных в сс. Иткана, Куэль и Парень; в то время как прибрежные коряки п-ва Тайгонос называют его Создателем (Тынантомван), как свидетельствуют мифы, записанные на п-ве Тайгонос. Два последних имени, Великий Дедушка и Создатель (Ачиченаку и Тынантомван), однако, хорошо известны корякам других местностей. Идентификация Создателя с Большим Вороном (Куйкинняку) и с Великим Дедушкой также признаётся коряками с п-ва Тайгонос, в чьих некоторых сказках последние два имени также были обнаружены. С другой стороны, мы находим в текстах, записанных в других местностях, иногда имя Большого Ворона, затем Создателя или Великого Дедушки; а иногда в одной и той же сказке мы встречаем два имени.

Здесь следует отметить, что чукчи делают различие между Вороном (Куркил) и Создателем. Первый появляется как соратник и помощник Создателя, когда он создаёт мир. Второй считается великодушным божеством с неопределённым характером, который живёт в зените и идентифицируется с другим великодушным божеством, Внешний Мир (Найнынен; чукчи – Нарнынен), который, как видно будет дальше, рассматривается коряками как одно из имён для Верховного Существа.

В одном из чукотских мифов, рассказанных Богоразом, Создатель превращается в ворона и поднимается в небеса, чтобы добыть оленя для человека от Высшего Существа. По наблюдениям Богораз, в чукотских шаманских заклина-

ниях Ворона иногда называют «внешним одеянием Создателя», этим миф очень напоминает адаптацию корякского мифа, так как находится в полном соответствии с представлением коряков о Создателе или Большом Вороне, который превращается в ворона, когда надевает воронье оперение.

Все сказки про Большого Ворона относятся к циклу мифов о вороне, который популярен как на американском, так и на азиатском побережье северной части Тихого океана. Но Куркил у чукчей и Ворон у индейцев Северной Америки не имеют никакого отношения к религиозным обрядам, но играют определённую роль в их мифологии, в частности в мифах, касающихся создания мира, Большой Ворон (Куйкиннюк) играет важную роль в религиозных обрядах коряков.

Стеллер называет Кутха камчадалов «величайшим божеством камчадалов, который создал мир и все живые существа».

Как и герои других мифов о вороне, Большой Ворон коряков появляется просто как преобразователь мира. Всё в мире существовало до того, как он появился. Его созидательная деятельность состоит в раскрытии вещей, которые прежде были сокрыты, в превращении одних вещей в другие; и поскольку, согласно корякам, всё в природе живое, он всего лишь меняет форму живой материи. Некоторые вещи он спускает сверху от Высшего Существа в небесах на нашу землю готовыми. Большой Ворон появляется как первый человек, отец и защитник коряков; но в то же время он могущественный шаман и сверхъестественное существо. Его имя фигурирует во всех заклинаниях. Это или обращения к нему, или, в случае ухода за больными, драматические представления мифов, рассказывающие, как Большой Ворон лечит своих детей, в которых больной олицетворяет одного из детей Большого Ворона. Его присутствие заключается в произношении заклинаний, и больных людей лечат при помощи его имени. Таким же образом его присутствие подразумевается в каждом шаманском обряде, когда шаманы прибрежных коряков приступают к своим заклинаниям, они говорят: «Большой Ворон идёт». Один оленный коряк рассказывал мне (Иохельсону), что во время шаманского обряда ворон или морская чайка влетает в дом и что хозяин после этого говорит: «Зарежьте оленя, Большой Ворон идёт». У меня не было возможности увидеть своими глазами жертвоприношение Большому Ворону; но во время праздника

первого оленёнка, который сейчас соблюдается только оленными коряками в горах Палпал (Palpal Mountains), рога, собранные во время праздника, представляют жертву Большому Ворону.

Имя «Создатель» (Тынантомван), но не другие два его имени, всегда используется в заклинаниях, как будет видно позже в текстах, которые мне удалось записать. Его жена появляется только под именем Миты (Мити).

В некоторых мифах вместе с Большим Вороном (Куйкиннюк), который превращается в ворона только когда надевает воронье оперение, мы видим настоящего ворона (валве – ворон; или Валвамтылан – Ворон-Человек), как представителя этого вида пернатых – чудного и презренного персонажа, который питается собачьими останками и экскрементами и не имеет ничего общего с почитанием. Коряки не считают грехом убийство ворона. Ворон, тем не менее, играет определённую роль в их космогонии. Он проглотил солнце, и дочь Большого Ворона достала солнце из его рта, после чего убила его. Это напоминает сказку об освобождении солнца, рассказанную индейцами северного побережья Тихого океана. В другой сказке ворон и чайка появляются как шаманы, которые несколько раз возвращают к жизни Эмемкута, сына Большого Ворона, который был убит несокрушимым великаном, который хранил его сердце в спрятанной шкатулке.

Существует много противоречивых мнений о происхождении Большого Ворона. Согласно информации, которую предоставил коряк из Апуки, однажды Высшее Существо точило свой нож в небесах, и частичка пыли с точильного камня упала на землю и превратилась в человека, и тот человек был Большим Вороном. Многие коряки говорят, что они не знают, откуда пришёл Большой Ворон, но что в давние времена люди знали это. Другие говорят, что Высшее Существо создало его и отправило вниз на землю навести порядок. Согласно одной сказке, Большой Ворон вырос в полном одиночестве в доме, Самосозданный (Томвогыт), в котором его оставил отец, когда он был довольно маленьким мальчиком. Когда он вырос и начал охотиться, однажды ему случилось наткнуться на дом, в котором жила девушка по имени Миты (Мити). Когда она была маленькой девочкой, её покинул отец, Сумеречный Человек (Ситхилилан), и она выросла одна. Большой Ворон женился на ней, и коряки являются их потомками.

Практически все записанные корякские мифы, за небольшим исключением, рассказывают

о жизни, путешествиях, приключениях и уловках Большого Ворона, его детей и других родственников. В этом отношении корякская мифология очень схожа с преобразовательными мифами тлингитов, касающихся Йэлча или Йэтла.

Стеллер, поражённый нелепым и непочтительным героем сказок о «Кутке» в камчадалской мифологии, назвал камчадалов «прирождёнными богохульниками», он посчитал такое отношение к богам аномальным исключением. Но мифы цивилизованных людей античности, так же, как и собранные мифы других примитивных племён, касательно грубости, подтверждают, что неразвитое воображение камчадалов не является чем-то из ряда вон выходящим. Тем не менее, непристойные сказки – особенная характерная черта обитателей обоих побережий Тихого океана; и их непристойный характер составляет один из схожих аспектов между корякской и американской мифологией.

Большой Ворон и его жена Миты всяческим непристойным образом шутят просто для своего развлечения. <...> Кроме того, Большой Ворон предстаёт существом с низким уровнем интеллекта. Не только Миты, которая представлена как существо умнее мужа, преуспевает в том, чтобы обмануть его, и превосходит его в коварных выдумках, но даже мыши, лисы и другие животные обманывают его, издеваются над ним и высмеивают его. Не стоит и говорить, что все эти забавные, глупые и непристойные приключения Большого Ворона и других членов его семьи идут рука об руку со сверхъестественными деяниями и преобразованиями. Хотя они и отражают представление коряков о природе и божествах, главным образом, они служат источником развлечений. Вульгарность событий не мешает корякам считать героев этих сказок своими защитниками.

По некоторым сведениям, жена Большого Ворона Миты, чьё имя также связано с заклинаниями, была сброшена с небес на землю своим отцом, Повелителем-на-Небесах (Гычголитынвылын). Большой Ворон нашёл её в дикой местности и, не зная ничего о её происхождении, постоянно дразнил её, что у неё нет семьи. Другой человек рассказал мне, что Миты упала в тундру с облаков во время грозы.

Согласно третьему преданию, как рассказывал коряк из Апуки, Миты была дочерью Краба (Токойото), хозяина моря. Это имя обозначает большого морского краба, найденного в Тихом океане. Из чего следует, что это мог быть паук-краб. Миты осталась на берегу после при-

лива. Большой Ворон нашёл её и взял в жёны. Согласно сказке 116 (по тексту. Сами сказки отсутствуют. – Л. А.), Большой Ворон нашёл в проруби Белую Китиху по имени Миты, которую взял в жёны. Другое предание гласит, что Миты была замужем за хозяином моря, а Большой Ворон забрал её у него; что старшие дочери Миты являются детьми не Большого Ворона, а Краба. Эта последняя сказка сопровождается иллюстрацией, сделанной прибрежным коряком Каммаке с р. Апуки. Каммаке объяснил свой рисунок так: Большой Ворон плохо обращался со своими дочерьми Йиниэнеут и Чаняйнаут, не давая им ничего есть и пить. Они на него рассердились и решили убежать от него к своему настоящему отцу Крабу (Токойото), хозяину моря. Они изготовили деревянного кита, пустили его в море и сели на него. Затем он превратился в настоящего кита. Они отправились в нём. Их брат Эмемкут, который случайно оказался на скалистом острове, охотясь на уток, увидел кита, и лук со стрелами выпал из его рук. Сёстры пришли к Крабу и остались с ним. Каммаке так описал краба, нарисованного им: «У него 10 ног, каждая длиной в человеческую руку и без костей. У него нет туловища. Его голова круглая, как у человека, и у него клюв, как у куропатки. Живёт он на дне моря».

По одной из сказок, у Большого Ворона было 7 сыновей и 5 дочерей; но упоминаются только следующие имена: сыновья – Эмемкут, Большой Свет (Кэскиннюку), Пестробрюхий (Нанкакали), Медвежеухий (Кайнывилу), Громыхающий (Кигигичиннюку) и Появляющийся Рассвет (Тенанто); дочери – Йиниэнеут, Чаняйнаут, Ичименеут, в северной части Камчатки – Анярукчанаут. Из всех детей Эмемкут и Йиниэнеут играют большую роль в мифах. Они оба шаманы. Эти двое постоянно вовлечены в борьбу с людоедами калау (злобные существа. – Л. А.). Их путешествия полны приключений. Они побеждают своих могущественных соперников, возносятся на небеса или спускаются в подземный мир. Как написано в сказке 9, Эмемкут вместе со своим отцом однажды надел вороньи перья и превратился в ворона; в сказках 8 и 136 Эмемкут сам превратился в ворона; а в сказке 82 Йиниэнеут освободила солнце, которое проглотил Ворон-Человек. Одна из звёзд Плеяды названа её именем.

Среди других родственников Большого Ворона и Миты упоминается его брат Кайтакалын (Брат), его сестра Ана (также произносится как Хана или Гана), которую также называют

Кэллю, Большой Холод (Майнычайчын или Чайчинняку), её муж и брат Миты – Маленький Заклинатель (Иклемтылын). Кроме детей Большого Ворона, большую роль в мифах играют Илля и Кылю, сын и дочь Ганы. Белая Китиха (Йийи или Йийинеут) упоминается как младшая сестра Кылю.

Крашенинников упоминает следующие камчадалские имена, которые, очевидно, были искажены при неправильной записи: Кутха, его жена Ильххум, его сестра Хутлыжич, его сыновья Симскалын и Тыжил Кутха и его дочь Сидука. Тыжил Кутха женился на Сидуку. У них родился сын Амлей и дочь, которые тоже вступили в брак, а камчадалы – их потомки. Ни Стеллер, ни Крашенинников не дали значение ни одного из вышеприведённых имён.

Пестробрюхий (Нанкакали), сын Большого Ворона, сильный мужчина, герой, который сидит на одном месте и не занимается ничем, кроме того, что разрисовывает свой живот. Только после настойчивых просьб со стороны отца он отправляется на поиски своих братьев, убитых монстрами-людоедами.

Сказки, которые относятся к жизни и созидательной деятельности Большого Ворона, так же противоречивы, как и те, которые описывают его появление на земле. Согласно одной из них, не только земля и природные явления, но животные и даже люди, существовали до его появления. В сказках часто говорится, что Большой Ворон жил один, что других людей не было; но затем выясняется, что далеко от места его обитания живут другие люди. Например, в сказке 6 говорится, что его соседями были чукчи, с которыми он воевал. Под этим, очевидно, имеется в виду, что коряков ещё не было, в этом смысле Большой Ворон был один. В других сказках упоминаются олениводы, которые живут на расстоянии. Это следует понимать так, что не было прибрежных людей, которые, между прочим, чётко различаются от олениводов; самого Большого Ворона всегда описывали как прибрежного поселенца.

Согласно одному преданию, записанному в поселении Иткана, когда Большой Прадедущка появился на земле, других людей не было. Настоящие люди появились позже или были потомками его детей; тогда как Большой Прадедущка жил с животными и явлениями природы, как будто они были человеческими существами. Он привык навещать их и принимать их у себя дома. Однако, согласно другим преданиям, Большой Ворон создал человека, оленей и

других животных. Но, как было сказано ранее, эта созидательная деятельность полностью исключает концепцию порождения новых объектов и существ, просто обозначает изменение вещей из одной формы в другую и обнаружение ранее скрытых объектов. Например, согласно некоторым сказкам, Большой Ворон вырывает столб, к которому привязаны собаки, и табуны домашних оленей выходят из земли. В других сказках он приводит оленей от Высшего Существа на небесах или создаёт деревянных оленей и наделяет их жизнью. Большой Ворон установил порядок на земле. Он научил людей, как ловить морских животных и рыбу; он дал им бубен и принадлежности для добывания огня; он дал им защиту от злых духов и заклинания против болезней; он также познакомил человека со смертью.

Неизвестно, куда исчез Большой Ворон. Он велел своим потомкам сжигать мёртвых, но также приказал, чтобы после смерти его собственное тело было помещено в отдельном доме, который должен быть закрыт. После его смерти этот дом и сам Большой Ворон превратились в камень.

Согласно другим преданиям, Большой Ворон затерялся в стране коряков, но никто не знает где. О том же говорится и в камчадалских преданиях, но согласно им, ворон (Кутк) ушёл от камчадалов к корякам и чукчам. Некоторые говорят, что Большой Ворон ушёл, потому что был недоволен людьми, так как они перестали слушать его наказания; другие говорят, что однажды, добыв кита, он устроил Китовый праздник, но ему не удалось заставить кита сдвинуться.

Следы прежних мест пребывания Большого Ворона проявляются в нескольких местах. Говорят, что на п-ве Тайгонос он жил на утёсе недалеко от дер. Средняя Иткана. Прежде чем покинуть страну коряков, Большой Ворон превратил в камень свой дом, кожаную лодку и кладовую. Коряки говорят, что все эти вещи сохранили свою предыдущую форму. Каменная затычка для дыры на крыше всё ещё лежит сверху на доме. У Большого Ворона под кожаной лодкой было немного железа; но коряки не могут поднять лодку, чтобы добыть его, поэтому используют привезённое русскими железо. Он также воткнул свой точильный камень в скалу, в которой тот сформировал толстый слой сланца. Поскольку скала разрушается, корякам удаётся получить куски точильного камня и делать из них бруски. Каменные топоры и ножи, которые время от времени находят на

смытом берегу, являются лишь останками древних корякских поселений и считаются у коряков инструментами Большого Ворона.

В с. Каменском рассказывали о следах ног Большого Ворона и его оленей на хребте вдоль левого берега р. Пенжины. Коряк-алюторец говорит, что окаменелый дом Большого Ворона находится в зал. Корфа.

Большой Ворон жил в землянке, как прибрежные коряки, но в то же время у него был табун оленей, и его сыновья передвигались вслед за ним, как это делают оленные коряки. В настоящее время такой образ жизни можно увидеть у коряков на севере Камчатки и алюторцев. Сказки, описывающие такой образ жизни, кажется, примиряют противоречия между прибрежными и оленными коряками, замеченные в некоторых сказках, в которых предпочтение всегда отдаётся прибрежным корякам. Так, например, в сказках 7 и 59 Эмемкут представляет прибрежных коряков, в то время как Завистник (Ныпайватычнын) – оленных коряков; жена первого превосходит жену второго в красоте и шаманском мастерстве.

Высшее Существо

Хоть оно и занимает самое важное место в духовной жизни коряков, концепция Высшего Существа остаётся неясной. Оно – достаточно материалистичное, хотя некоторые имена этого божества при переводе на цивилизованный язык предполагают абстрактные идеи. Ничего не известно о его происхождении или о его мирозидательной деятельности, за исключением того, что оно отправило Большого Ворона вниз на землю, чтобы установить порядок; но оно олицетворяет жизненное начало природы, взятой в целом. С другой стороны, оно антропоморфическое существо, старик, живущий в поселении на небесах, у которого есть жена и дети. Оно – великодушное существо, которое хорошо относится к людям, но проявляет слабую активность. Ход событий происходит под его присмотром. Если оно захочет, то может дать изобилие и достаток, или положить конец процветанию и наслать голод и другие бедствия на человечество; но редко использует свою силу, чтобы причинить зло людям.

Высшее Существо известно под следующими именами: Найнынэн (Мироздание, Мир, Внешний); Инагитылын или Гинагитылын (Наблюдалец); Якгычнын или Сакгычнын (Нечто Существующее), люди из с. Парень называют его Вагычнын или Вагытнын, из с. Каменское –

Вагыйнын (Бытие, Сила); Гычголын (Единый на Небе); Гычголитынвылын (Хозяин на Небе) или просто Этын (Повелитель); Тынагыргын (Рассвет). Некоторые отождествляют с ним солнце. В сказке 113 встречается имя Кигигылын (Громopodobный) для Высшего Существа. Чукчи называют Бытие Вагыргын (от глагола «тытваркын» – «Я существую»).

Здесь следует отметить, что Богораз под этим именем имеет в виду не конкретное божество, а целый класс доброжелательных духов. Таким же образом азиатские эскимосы используют слово Киярнарак (от «киярнакуна» – «Я существую», «Я есть»). Богораз утверждает, что имя Вагыргын используется в некоторых случаях даже применительно к злым духам; но коряки, среди которых я (Иохельсон) собирал информацию, идентифицируют это имя с другими именами Высшего Существа. Вероятно, ранее коряки могли также применять это имя к классу существ. Возможно также, что сейчас все имена, применяемые ими к одному божеству, ранее применялись к различным существам или явлениям природы, и что благодаря их контакту с русскими развилась монотеистическая тенденция объединять все имена различных божеств в одно. Действительно, я замечал такую тенденцию и дивился ей. Однажды некий казак попытался убедить прибрежного коряка принять христианство. «Зачем мне быть крещённым?», – уклончиво ответил коряк, показывая вверх рукой. – «В любом случае, у нас у всех один бог».

С другой стороны, Облачный Человек (Ягал или Ягалын) фигурирует как сын Высшего Существа под его различными именами. Эта мысль проявляется одинаково ясно и в сказках, и в моих заметках (Иохельсон). Маловероятно, что это отождествление Облачного Человека с одним единственным высшим существом, известным под различными именами, произошло вследствие монотеистического влияния русских. Я (Иохельсон) вспомнил один случай, когда один коряк идентифицировал рассвет с Высшим Существом. Это было весной на стоянке у старшины оленных коряков на п-ве Тайгонос. Однажды утром, как только рассвет стал виден, он позвал оленевода, который спал рядом с нашей ярангой и, указывая на восток, сказал: «Единый на Небе только что проснулся, для нас это тоже время вставать». Такие случайные выражения ведут к гораздо лучшему пониманию идей первобытного человека о космогонии, чем вопросы, предполагающие обязательный ответ.

Каковы отношения людей к этому божеству? Они основаны скорее на чувстве благодарности и желании заручиться его добрым расположением, чем на страхе. Благодарность выражается в жертвоприношениях; но их могут принести и заранее, чтобы обеспечить будущее процветание или в качестве искупления за нарушение запретов. Все мысли коряков сосредоточены на добывании пищи, охоте на морских и наземных животных, сборе ягод и кореньев, сохранности табунов. Все эти вещи есть в изобилии до тех пор, пока Единый на Небе смотрит вниз на землю; но стоит ему отвернуться, как воцаряется беспорядок. В сказке 9 Большой Ворон терпит неудачу на охоте, когда Мироздание (Найнынэн) заснул. Отсутствие традиционных жертвоприношений также может привести к бедствиям. В сказке 11 молодой Творец Земли (Танута), муж Йиниэнеут, дочери Большого Ворона, терпит неудачу в принесении сыну Наблюдателя, Облачному Человеку (Инагитылын), в жертву оленя (Ягалын), как это принято делать на свадьбах; вследствие этого Наблюдатель толкает Йиниэнеут к самому краю костра, из-за которого она сгорает в огне и исчезает. Конечно, это необходимо понимать так, что именно её душа была близка к огню, поскольку сама Йиниэнеут вовсе не была близко к костру.

Представления о прямом вмешательстве Высшего Существа в мирские дела очень запутаны. Кажется, что люди предоставлены сами себе в своей борьбе со злыми духами, болезнями и смертью, они вызывают о помощи к Большому Ворону, к духам-хранителям и амулетам.

Обитель Высшего Существа отождествляется с «небесной деревней», с миром за пределами облаков и неба, населённой небесными людьми (Иынымыйысын, «обитатели небесной деревни»), у которых есть олени, которые напоминают людей нашего мира, земли. Жену Высшего Существа зовут Наблюдательницей (Лапнаут, буквально «женщина, которая смотрит или наблюдает»). В сказке 9 её зовут Женщина-Дождь или Женщина-Сырость (Илина или Илинеут). Согласно другим записям, собранным мной (Иохельсон), само море является женой Единого на Небе, её зовут Морская Женщина (Анканаут).

Кроме своей основной функции – наблюдения за ходом вещей на земле, Единый на Небе заботится о рождаемости. Он посылает души новорождённых в утробы матерей. Души подвешиваются в доме божества на столбах и балках. Продолжительность земной жизни каждой души заранее отмечается на ремнях, привя-

занных к ним. Длинный ремешок указывает на долгожительство, короткий – на раннюю смерть ребёнка, который должен родиться. После смерти душа человека возвращается к Единому на Небо, который после некоторого времени посылает её родственнику предыдущего владельца для перерождения. <...>

Двое детей Высшего Существа упоминаются по именам: его сын – Облачный Человек (Ягал или Ягалын) или Облакотворец (Таян), его дочь – Облачная Женщина (Ягалнаут). Облачный Человек является защитником молодых пар. Молодые парни бьют в бубен и вызывают к нему, чтобы он развернул к ним мысли и сердце девушки, и наоборот. <...> Звуки бубна достигают ушей Облачного Человека, тогда он рисует линию, соединяющую чувства двух молодых людей. В одной сказке Туманный Человек бьёт в бубен, чтобы привлечь сердце дочери Большого Ворона. Облачный Человек заставляет Большого Ворона задумать замужество Йиниэнеут за её брата, таким образом вынуждает Йиниэнеут сбежать к Туманному Человеку. За своё посредничество в любовных делах Облачный Человек получает от жениха после того, как состоялся брак, жертвенного оленя. В другой сказке 2 Творец Земли (Танута) после своей женитьбы не следует этому обычаю, его невеста заболевает и чахнет до тех пор, пока он не выполняет свой долг перед Облачным Человеком.

Верхнее Существо не играет активной роли в мифологии, по крайней мере, не в тех мифах, которые собрал я (Иохельсон), но есть множество сказок, связанных с женитьбой Облачного Человека на дочери Большого Ворона – Йиниэнеут, с тем, как Облачная Женщина становится женой Эмемкута. В таких случаях Большой Ворон и его семья поднимаются наверх на небеса, чтобы навестить своего божественного тестя, а Облачный Человек со своей сестрой и другими небожителями спускаются вниз в поселение Большого Ворона, чтобы нанести ответный визит. <...>

Шаманизм. Общие примечания

Шаманизм можно определить как искусство воздействия на ход событий с помощью духов-хранителей. У коряков мы можем различать профессиональный шаманизм и семейный шаманизм. Профессиональные шаманы – это те, в кого вселяются особые духи. Их возможности для проявления своих способностей не ограничиваются определённой группой людей. Чем они могущественнее, тем шире круг, в ко-

тором они могут практиковать своё мастерство. Семейный шаманизм связан с домашним очагом, благополучие которого находится под его опекой. Семейный шаман несёт ответственность за празднование семейных праздников, ритуалы, обряды жертвоприношений, использование своих чар, амулетов и заклинаний. Некоторые женщины обладают, помимо знания заклинаний, являющихся семейной тайной, большим количеством других заклинаний, которые они используют вне семейного круга за вознаграждение.

Профессиональные шаманы

Профессиональный шаман называется эне-нылан (то есть человек, одержимый духами), от слова «энен» (дух шамана). У каждого шамана есть собственные духи-хранители, которые помогают ему в борьбе с вызывающими болезни калау, в соперничестве с другими шаманами, а также в нападениях на своих врагов. Шаманские духи обычно появляются в виде животных или птиц. Самыми распространёнными духами-хранителями являются волк, медведь, ворон, чайка и орёл.

Никто не становится шаманом по своему собственному желанию. Духи входят в любого человека по своему выбору и заставляют его стать своим слугой. Становятся шаманами обычно нервные молодые мужчины, подверженные истерическим припадкам, посредством которых духи выражают своё требование, чтобы юноша посвятил себя шаманизму. Мне (Иохельсон) говорили, что у людей, которые вот-вот собираются стать шаманами, бывают приступы диких припадков, чередующихся с состоянием полного истощения.

Они будут лежать неподвижно в течение двух-трех дней без приёма пищи и питья. Наконец они удаляются в глушь, где проводят время, претерпевая голод и холод, чтобы подготовиться к своему призванию. Там к ним являются духи в видимой для них форме, наделяя их силой и наставляя их. Второй из двух шаманов, о которых речь пойдёт ниже, рассказал мне, как духи волка, ворона, медведя, чайки и ржанки являлись в пустыне то в образе людей, то в образе животных, и повелели ему стать шаманом или умереть.

Нет сомнений, что профессиональный шаманизм развился из обрядов семейного шаманизма. Последняя – более примитивная форма, в то время как функции профессиональных шаманов чем-то напоминают функции священни-

ков. Однако влияние контактов с более высокой цивилизацией имело катастрофические последствия больше для профессионального шаманизма, чем для того, что практикуется в семье.

Очень странно, что и Стеллер и Крашенинников, прожившие несколько лет на Камчатке, утверждают, что у камчадалов не было профессиональных шаманов, а этим мастерством могли заниматься все, особенно женщины и мужчины, переодетые в женскую одежду; что не было никакой особой шаманской одежды; что они не использовали бубен, а просто произносили заклинания и занимались предсказаниями, и их описание больше похоже на семейный шаманизм наших дней. Маловероятно, что камчадалы составляли исключение среди остальных азиатских и американских племён, не имея профессиональных шаманов.

Было время, когда у коряков были разные виды шаманов, которые до сих пор существуют у чукчей. Коряки рассказывают о чудесах, совершённых недавно умершими шаманами, но в настоящее время среди них очень мало профессиональных шаманов. Я не нашёл ни одного шамана в поселениях прибрежных коряков вдоль Пенжинской губы. Старики из этих поселений рассказали мне, что у них многие люди умерли во время эпидемии кори, опустошившей эти края до моего приезда, потому что не было шаманов, чтобы отогнать болезнь.

У корякских шаманов не было своих бубнов, они использовали бубны, принадлежащие той семье, в которой происходил шаманский ритуал. Создаётся впечатление, что они не носят особой одежды, по крайней мере, шаманы, которых мне довелось наблюдать, носили обычную одежду. Одна расписанная куртка была продана мне для моей коллекции как одежда, использованная алюторским шаманом; но куртка похожа на обычный танцевальный костюм, который используют на празднике китов, за исключением того, что у неё есть несколько маленьких кисточек, по-видимому, заимствованных у тунгусских шаманов.

В течение всего периода моего пребывания среди коряков у меня была возможность увидеть только двух шаманов. Оба были молодыми людьми, и ни один из них не пользовался особым уважением со стороны своих родственников. Оба были бедными людьми, которые работали в качестве рабочих для богатых членов своего племени. Один из них был прибрежным коряком из Олюторы. Обычно он приезжал в село Каменское вместе с корякским торгов-

цем. Он был застенчивым юношей. Лицо у него было немного грубоватое, но подвижное и приятное, а глаза горящие. Я попросил его показать мне своё шаманское мастерство. В отличие от других шаманов, он согласился, не дожидаясь уговоров. Люди погасили масляные лампы в землянке, в которой он остановился вместе со своим хозяином. Только несколько угольков тлели в очаге, в доме было практически темно. На большом помосте, установленном в передней части дома в качестве сиденья и места для ночлега для посетителей, недалеко от того места, где мы с женой сидели, мы могли только различить шамана в обыкновенной мохнатой рубашке из оленьей шкуры, который сидел на корточках на помосте, покрытом оленьими шкурами. Его лицо было скрыто большим овальным бубном.

Внезапно он начал тихо бить в бубен и петь жалобных голосом, затем удары в бубен становились всё сильнее и сильнее. Его песня, в которой можно было услышать звуки, имитирующие вой волка, крик утки-поганки и голоса других животных, охраняющих его духов, казалось, звучит иногда из ближайшего к моему месту угла, потом с противоположного конца, затем опять с середины дома, потом, казалось, она исходит из потолка. Он был чревоушателем. Считается, что шаманы, сведущие в этом искусстве, обладают особой силой.

Также его бубен, казалось, звучит то у меня над головой, то у ног, то за спиной и опять передо мной. Я (Иохельсон) ничего не видел; но мне казалось, что шаман двигался вокруг нас, бесшумно ступая своими меховыми туфлями на помост, то удаляясь на некоторое расстояние, то приближаясь, слегка подпрыгивая и приседая на пятки.

Внезапно звук бубна и пение прекратились. Когда женщины снова зажгли лампы, он лежал совершенно измождённый на белой оленьей шкуре, на которой он сидел перед шаманским представлением. Заключительные слова шамана, которые он произнёс речитативом, были сказаны так, как будто их произнёс дух, которого он вызвал, который заявил, что «болезнь» оставила деревню и больше не вернётся.

Предсказание шамана меня (Иохельсон) вполне устроило, ибо один из старых коряков запретил своим детям входить в дом, где я остановился, чтобы снять мерки, говоря, что они умрут, если позволят себя измерить. Он также пытался настроить против меня других коряков, указывая им, что после отъезда доктора Слюнина вспыхнула эпидемия кори, то же самое произойдёт после моего отъезда.

Я назначил встречу с хозяином шамана, чтобы он на следующий день посетил меня вместе с шаманом. Я хотел записать текст заклинаний, которые я слышал, но, когда утром я проснулся, мне сообщили, что шаман ушёл на рассвете.

Другого шамана я (Иохельсон) видел среди оленных коряков п-ва Тайгонос. Его вызвали из дальнего стойбища для лечения больного сифилисом, у которого были большие язвы в горле, из-за которых он не мог глотать. Я не присутствовал при лечении больного, поскольку тот проживал в другом стойбище на расстоянии нескольких миль от нас, я узнал о совершении обряда только после его завершения. Коряки заверили меня, что больной почувствовал облегчение сразу после шаманского ритуала и без труда выпил две чашки чая. Среди прочего, шаман приказал изолировать больного от его родственников, поскольку духи, которые вызвали болезнь, могли перейти к другим. Рядом с основной ярангой поставили отдельную ярангу для больного и его жены, которая за ним ухаживала. Я жил в доме брата больного, официального главы тайгоносских коряков. По моей просьбе он отправил оленя, чтобы привезли шамана. Шаман прибыл. Его внешность не вызывала особого доверия.

Чтобы получить большое вознаграждение, сначала под разными предложениями он отказывался показать своё мастерство. Я (Иохельсон) попросил его «посмотреть мою дорогу», то есть предсказать, дойду ли я благополучно до конца своего пути. Официальный глава сказал, что это действие должно состояться в моей собственной яранге, а не в чьей-то ещё; но шаман заявил, что его духи не войдут в жилище русского человека, что ему грозит смертельная опасность, если он вызовет духов для иностранца. В конце концов было решено, что опасность для шамана будет устранена, если дать ему достаточно большое вознаграждение, чтобы полностью удовлетворить духов. Я пообещал дать шаману не только красную фланелевую рубашку, которая ему очень понравилась, но и большой бельгийский нож. Сначала я предложил ему на выбор один из двух предметов, но он заявил, что его духам понравился и тот, и другой.

Другая проблема возникла с бубном. Но шаман сам разрешил её при помощи казуистики. Он отдал свой собственный бубен, сказав, что семейный бубен нельзя забрать в другой корякский дом, но допустимо принести его в мой. Одна из трёх жён главы принесла бубен в мою ярангу. Это был особый случай, поскольку бу-

бен нельзя выносить из дома без чехла. Нарушение этого запрета могло вызвать метель.

Во время шаманского ритуала присутствовали, кроме моей жены и меня, глава и его жена, которая принесла бубен, мой казак и переводчик. Шаман сидел на полу в углу яранги недалеко от входа. Он сидел со скрещенными ногами и время от времени вставал на колени. Он яростно бил в бубен и пел громким голосом, призывая духов. Как он объяснил мне после церемонии, его главными духами-хранителями были Шаутн (Нотакавъя, одно из мифических имён медведя), Широкоподошвенный (Умъяыхын, одно из мифических имён волка) и ворон. Появление духов этих животных сопровождалось имитациями звуков, характерных для них. Через их посредничество он обратился Единому на Небе (Гычголын) со следующей песней, которая сопровождалась звуками бубна: «Хорошо, что он придёт. Также я хорошо достигну своего дома».

То есть: «Позволь ему благополучно добратся до дома и позволь мне благополучно добратся до дома». Внезапно посреди дикого пения и звука бубна он остановился и сказал мне: «Духи говорят, что я должен порезать себя ножом. Ты не испугаешься?» – «Ты можешь порезать себя, я не боюсь», – ответил я (Иохельсон). «Тогда дай мне свой нож. Я читаю свои заклинания для тебя, так что я должен порезать себя твоим ножом», – сказал он. По правде говоря, я начал чувствовать себя несколько неловко; в то время как моя жена, сидевшая на полу рядом со мной, была полностью ошеломлена дикими воплями и звуками бубна и умоляла меня не давать ему нож.

До того момента я слышал разные рассказы о том, что шаманы разрезали себе живот, но никогда раньше не видел. В горах Палпал (Palpal Mountains) мне рассказали, что одна шаманка, которая недавно умерла, лечила больных, вскрывая поражённое место, вырезая кусочек плоти и проглатывая его, тем самым уничтожая болезнь вместе с духом, который её вызвал. Говорили, что рана, которую она нанесла, зажила сразу же.

Несколько раз я видел ритуалы тунгусского шамана, прозванного Машка, который впоследствии служил мне гидом на пути из Гижиги до Колымы. Он утверждал, что его хранители, принадлежащие к корякским духам, требовали, чтобы он порезал себя ножом. Дикое припадки экстаза, которые овладевали им во время обряда, напугали меня. В таких случаях он требовал подарить ему в качестве подарка нож или

копье. Он женился на юкагирке с р. Коркодон, чей брат тоже был шаманом. Она всегда обыскивала его перед обрядом, отбирала у него все ножи и требовала у всех присутствующих не давать ему никаких острых инструментов, так как однажды он порезал себя чуть не до смерти. Его духи, будучи корякского происхождения, вещали через него на корякском языке; то есть часть обряда была на корякском языке. Я (Иохельсон) несколько раз просил его продиктовать мне, что говорили его духи, но он неизменно отвечал, что не помнил, что забыл всё после того, как обряд закончился, что, кроме того, он не понял язык своих духов. Сначала я думал, что он меня обманывает, но потом у меня было несколько возможностей убедиться, что он действительно не понимает корякский язык. Очевидно, он выучил наизусть корякские заклинания, которые он мог произнести только в состоянии возбуждения.

Возвращаясь к корякскому шаману, я (Иохельсон) вытащил из ножен свой финский дорожный нож, который выглядел как кинжал, и дал ему. Освещение в яранге было погашено; но тусклого света арктической весенней ночи (дело было в апреле), пробивавшейся через полотно яранги, было мне достаточно, чтобы следить за движениями шамана. Он взял нож, бил в бубен и пел, говоря духам, что готов исполнить их желания. Через некоторое время он отложил бубен, и, издавая дребезжащий звук из горла, вонзил нож в свою грудь по самую рукоять. Однако я заметил, что после того как он порезал себе куртку, он направил нож вниз. Он вытащил нож с тем же дребезжанием в горле и снова стал бить в бубен. Затем он повернулся ко мне и сказал, что духи обеспечили мне благополучное путешествие по корякской земле, и предсказал, что Солнечный глава (Тыйкейым), то есть Царь, вознаградит меня за мои труды.

Вопреки моим ожиданиям, он вернул мне нож (я думал, что он скажет, что нож, которым он порезал себя, должен остаться у него), и сквозь дырку в своей куртке показал пятна крови на теле. Конечно, эти пятна были сделаны раньше. Однако это не может рассматриваться как простой обман. Вещи, видимые и воображаемые, смешиваются до такой степени в примитивном сознании, что, возможно, сам шаман думал, что на его теле была невидимая для других настоящая рана, как того требовали духи. Однако простые коряки уверены, что шаман на самом деле режет себя, и рана тут же заживает. <...>

Обширный фактографический материал по мифологии и фольклору коряков, собранный Иохельсоном в ходе Джезуповской и всех последующих этнографических экспедиций, непосредственное его участие в шаманских обрядах и ритуалах дали возможность детального изучения религии коряков, проведения интересных параллелей с социальной организацией других малочисленных народов Севера.

Иохельсон ввёл в практику исследований

комплексное изучение материальной и духовной культуры народов, его прошлого и настоящего. Работы учёного являются основой для изучения истории, антропологии, археологии, языка и материальной культуры многих народов Северо-Востока Азии и Аляски – якутов, коряков, ительменов, юкагиров, алеутов. Собранные и проанализированные им материалы уникальны и подчас представляют собой единственные знания по культуре некоторых из них.

1. *Jochelson W. The Koryak. Religion and myths. Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural history (vol. VI). New York : G. E. Stechert American Agents, 1908. P. 13–47.*
2. *Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация / пер. с англ., отв. Ч. М. Таксами. СПб. : Наука, 1997. 237 с.*

А. И. Волков

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КОРЯКСКОГО ЯЗЫКА КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФГОС

Аннотация. Анализ ситуации по разработке учебно-методического обеспечения преподавания родных языков коренных малочисленных народов Севера в Камчатском крае в соответствии с обновлённым Федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования. Включает данные о количестве учебных заведений, учащихся, учебных программах, издательской деятельности Камчатского института развития образования. Основное внимание уделено обеспечению преподавания корякского языка.

Ключевые слова: образование, образовательные стандарты, методика преподавания родных языков, корякский язык, коренные малочисленные народы Севера, Камчатский институт развития образования.

Одним из неотъемлемых условий эффективной реализации Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) является учебно-методическое обеспечение преподавания учебных предметов. Это то, что помогает учителю качественно организовать образовательную деятельность по преподаваемому учебному предмету. В первую очередь, это программа учебного предмета, учебники или учебные пособия для обучающихся, методические рекомендации для учителя.

В новом 2022/23 учебном году в школах Камчатского края, как и во всей стране, по обновлённому ФГОС начнут обучаться 1 и 5 классы. Важным является наличие учебно-методического обеспечения по всем предметам, в том числе по родным языкам, преподаваемым в соответствии с учебным планом общеобразовательной организации.

В Примерной основной образовательной программе начального общего образования [2], одобренной решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол 1/22 от 18.03.2022 г.), для начального уровня общего образования представлены пять вариантов примерного учебного плана. Из них варианты 2 (5-дневная учебная неделя) и 4 (6-дневная учебная неделя) для образовательных организаций, в которых изучается один из языков народов Российской Федерации. Школы Камчатского края эти варианты могут применять с целью изучения родных языков коренных народов Камчатки.

На изучение предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке» предлагается по два часа в 1–3 классах и один час в 4 классе. Всего семь часов в неделю. При 6-дневной учебной неделе появляется ещё возможность увеличить количество часов на изу-

чение данной предметной области на один час во 2–3 классах и на два часа в 4 классе за счёт второй части учебного плана (формируемой участниками образовательных отношений).

Есть возможность использовать для изучения родных языков часы, отведённые на внеурочную деятельность. «План внеурочной деятельности определяет формы организации и объём внеурочной деятельности для обучающихся при освоении ими программы начального общего образования (до 1320 академических часов за четыре года обучения) с учётом образовательных потребностей и интересов обучающихся, запросов родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, возможностей образовательной организации.

Внеурочная деятельность в соответствии с требованиями ФГОС направлена на достижение планируемых результатов освоения программы начального общего образования с учётом выбора участниками образовательных отношений учебных курсов внеурочной деятельности из перечня, предлагаемого образовательной организацией.

Содержание данных занятий должно формироваться с учётом пожеланий обучающихся и их родителей (законных представителей) и осуществляться посредством различных форм организации, отличных от урочной системы обучения, таких как экскурсии, хоровые студии, секции, круглые столы, конференции, олимпиады, конкурсы, соревнования, спортивные клубы, общественно полезные практики и т. д.» [там же].

Это к вопросу о возможности изучения родных языков в образовательных организациях.

В Камчатском крае родные (корякский, ительменский, эвенский, чукотский) языки изучаются на территориях компактного прожи-

вания коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а именно: в муниципальных образованиях Корякского округа (Пенжинский, Олюторский, Тигильский, Карагинский муниципальные районы, пгт Палана) и Быстринском муниципальном районе.

Предметные области «Родной язык и Литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и Родная литература» реализуются в 13 образовательных организациях 6 муниципальных образований Камчатского края:

- Пенжинский муниципальный район – в двух образовательных организациях (ОО),
- Олюторский муниципальный район – в четырёх ОО,

- Карагинский муниципальный район – в одной ОО,
- Тигильский муниципальный район – в четырёх ОО,
- Быстринский муниципальный район – в одной ОО,
- пгт Палана – в одной ОО.

Статистическая информация об изучении родных языков КМНС в общеобразовательных организациях Камчатского края в период 2013–2022 гг. (как самостоятельный предмет + внеурочная деятельность) представлена в таблице.

В 2021/22 учебном году родной язык как предмет изучали 751 обучающийся, что на 95 обучающихся больше, чем в 2020/21 учебном году [1].

**Количество школьников, изучающих родной язык КМНС
в общеобразовательных организациях Камчатского края**

Родной язык	Учебный год								
	2013/14	2014/15	2015/16	2016/17	2017/18	2018/19	2019/20	2020/21	2021/22
Корякский	302	295	363	556	436	429	492 +135**	527 +190*	614 +203*
Эвенский	71	68	71	59	93	76	83	85	94 +12*
Ительменский	15	18	27	16	20	11	31	25	24
Чукотский	24	12	10	10	15	14	20**	19	19
Итого:	413	393	474	641	564	530	606 +155**	656 +190*	751 +215*

Примечание: * – внеурочная деятельность, ** – факультатив

Корякский язык изучают в 10 образовательных организациях 614 обучающихся (на 87 обучающихся больше, чем в 2020/21 учебном году) или 81,76 % от всех, изучающих родной язык КМНС.

Корякский язык изучается в следующих образовательных организациях: муниципальное казённое общеобразовательное учреждение (МКОУ) «Таловская средняя школа», МКОУ «Хаилинская средняя школа», МКОУ «Апукская средняя школа», МКОУ «Ачайваямская средняя школа», МКОУ «Средне-Пахачинская средняя школа», муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение (МБОУ) «Воямпольская средняя общеобразовательная школа», МБОУ «Лесновская средняя общеобразовательная школа», МБОУ «Седанкинская средняя общеобразовательная школа», МБОУ «Карагинская основная школа», МКОУ «СОШ № 1 пгт Палана».

Эвенский язык изучают в двух образовательных организациях 94 обучающихся или 12,52 % от всех, изучающих родной язык КМНС.

Ительменский язык изучают в одной образовательной организации 24 обучающихся или 3,19 % от всех, изучающих родной язык КМНС.

Чукотский язык изучают в одной образовательной организации 19 обучающихся или 2,53 % от всех, изучающих родной язык КМНС.

В одной школе (МКОУ «Аянкинская средняя школа») из 13 образовательных организаций изучаются два языка (эвенский и чукотский).

В пяти образовательных организациях: МКОУ «Каменская средняя школа», МКОУ «Манильская средняя школа», краевое государственное образовательное бюджетное учреждение «Тиличикская школа-интернат для детей ОВЗ», МБОУ «Тымлатская средняя школа», МБОУ «Быстринская средняя общеобразовательная

школа», родные языки (корякский и эвенский), культура и быт КМНС изучают в различных формах внеурочной работы (факультативы, кружки) 215 обучающихся (203 обучающихся изучают корякский язык и 12 обучающихся изучают эвенский язык).

Таким образом, изучением родных языков КМНС в урочной и внеурочной деятельности занимаются 966 обучающихся Пенжинского, Олюторского, Тигильского, Карагинского, Быстринского муниципальных районов и пгт Палана.

Что делается и сделано для того, чтобы преподавание корякского языка в образовательных организациях Камчатского края было обеспечено учебно-методическим комплексом.

По инициативе Министерства образования Камчатского края и при непосредственном участии Камчатского института развития образования была разработана Примерная рабочая программа учебного предмета «Родной (корякский) язык для 1–4 классов начального общего образования». Программа разработана на основе обновлённого ФГОС НОО (2021 г.). Автор программы Валентина Романовна Дедык, кандидат филологических наук, доцент кафедры родных языков, культуры и быта КМНС Камчатского института развития образования.

Решением Федерального учебно-методического объединения по общему образованию 29 апреля 2022 г. (протокол 2/22 от 29.04.2022 г.) Программа была одобрена и размещена в «Реестре примерных основных общеобразовательных программ» Министерства просвещения Российской Федерации в разделе «Основные образовательные программы в части учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей)» [3]. Такое событие произошло впервые, что очень приятно и важно для нашего края и, конечно, для педагогов.

Программа соответствует требованиям обновлённого ФГОС НОО и является документом, который рекомендуем учителям родного (корякского) языка 1–4 классов для использования в образовательной деятельности и разработки своих рабочих программ по данному учебному предмету.

Подготовка учебных пособий для обучающихся и методических пособий для учителей родного языка ведётся сотрудниками кафедры родных языков, культуры и быта КМНС КГАУ ДПО «Камчатский ИРО» с привлечением учёных и учителей, имеющих большой опыт в преподавании родных языков.

Учебные пособия по корякскому языку для

обучающихся издаются при финансировании бюджета Камчатского края в Санкт-Петербургском филиале АО «Издательство “Просвещение”». За период 2004–2018 гг. изданы учебные пособия для обучающихся 1–10 классов; учебное пособие «Корякский язык в таблицах» в двух частях для 5–9 классов, которые переиздавались несколько раз.

С 2018 по 2021 гг. за счёт средств Государственной программы Камчатского края «Сохранение языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Камчатском крае» по мероприятию 1.8.1 «Издание, приобретение и доставка учебной и учебно-методической литературы в образовательные организации в Камчатском крае» изданы в соответствии с ФГОС учебные пособия по корякскому языку для обучающихся 1–7 классов в рамках серии «Новый учебник Дальнего Востока».

В 2018 г. был издан «Букварь. 1 класс» на корякском языке для обучающихся общеобразовательных организаций, авторами которого являются учёные Института народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: доктор филологических наук, профессор Алевтина Никодимовна Жукова, кандидат филологических наук, доцент Олеся Левановна Болотаева и кандидат филологических наук, доцент кафедры родных языков, культуры и быта КМНС КГАУ ДПО «Камчатский ИРО» Валентина Романовна Дедык.

Валентина Романовна продолжает разрабатывать учебные пособия для обучающихся в соответствии с ФГОС в соавторстве с Лидией Михайловной Сафоновой, учителем родного (корякского) языка МКОУ «Ачайваямская средняя школа» Олюторского муниципального района Камчатского края.

В настоящее время Министерством образования Камчатского края и КГАУ ДПО «Камчатский ИРО» ведётся работа по разработке и созданию электронных форм учебных пособий по корякскому языку и подготовке к включению законченной линейки учебных пособий «Корякский язык» для 1–4 классов в Федеральный перечень учебников. Данная работа проводится на базе Санкт-Петербургского филиала АО «Издательство “Просвещение”».

До конца 2022 г. эти работы будут завершены, и в 2023 г. линейка учебных пособий по корякскому языку для 1–4 классов будет в соответствии с установленными сроками направле-

на в Министерство просвещения РФ для проведения экспертизы.

Методические пособия для учителей родного языка издаются в КГАУ ДПО «Камчатский ИРО». Изданные учебные и методические пособия направляются в общеобразовательные организации, в которых преподаётся родной язык.

Методические пособия для учителей также размещаются в свободном доступе на сайте Камчатского ИРО в разделе «Деятельность» – «Методическая деятельность» – «Родные языки КМНС» – «Учебно-методическое сопровождение» (<https://kamchatkairo.ru/deyatelnost/metodicheskaya>).

Камчатский институт развития образования продолжит разрабатывать и издавать со-

временные учебные пособия для обучающихся и методические пособия для учителей родных языков в соответствии с обновлёнными ФГОС, а также реализовывать дополнительные профессиональные программы с целью повышения квалификации наших учителей.

Для дальнейшего повышения качества изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Камчатского края, на наш взгляд, необходимо приложить больше совместных усилий семьи, общественных и образовательных организаций для формирования у обучающихся и их родителей позитивного отношения и осознанного стремления к изучению и сохранению родного языка.

1. Волков А. И. Изучение родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в образовательных организациях Камчатского края [Электронный ресурс] // КГАУ ДПО «Камчатский ИРО»: офиц. сайт. Режим доступа: https://kamchatkairo.ru/images/institute/izdat/KPV/KPB_2022_125_Электрон_ум.pdf
2. Примерная основная образовательная программа начального общего образования [Электронный ресурс] // Министерство просвещения РФ: сайт Реестра примерных основных общеобразовательных программ. Режим доступа: <https://fgosreestr.ru/uploads/files/f9db32b73d5d46e90383c408982a1250.pdf>.
3. Примерная рабочая программа учебного предмета «Родной (корякский) язык для 1–4 классов начального общего образования» [Электронный ресурс] // Министерство просвещения РФ: сайт Реестра примерных основных общеобразовательных программ. Режим доступа: <https://fgosreestr.ru/oo/primernaia-rabochaia-programma-uchebnogo-predmeta-rodnoi-koriakskii-iazuk-dlia-1-4-klassov-nachalnogo-obshchego-obrazovaniia>.

Э. Кастен

НЕМЕЦКО-РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Аннотация. Роль и значение немецких учёных (по происхождению, обучению или проживанию) в области естественно-научных исследований XVIII–XIX вв. на Дальнем Востоке, включая Камчатку.

Ключевые слова: история, наука, учёные, Стеллер Г. В., Мерк К. Г., Лангсдорф Г. И., Кегель И. К., Киттлиц Г., Эрман Г. А., Дитмар К., Иохельсон В., Германия, Камчатка, п-ов.

Научное исследование Камчатки началось в первой половине XVIII в. во время Второй Камчатской экспедиции при активном участии учёного немецкого происхождения Георга Вильгельма Стеллера. Позднее на полуострове и в северо-восточной Азии побывали многие немецкие и немецкоязычные балтийские учёные, которые часто подолгу жили в Германии и получили там своё образование. Вместе со своими российскими коллегами они проводили естественно-научные и этнографические исследования. Здесь кратко представлены следующие знаменитые личности: Георг Вильгельм Стеллер, Карл Генрих Мерк, Карл фон Дитмар, Григорий Иванович (Георг Генрих фон) Лангсдорф, барон Фридрих Генрих фон Киттлиц, Иоханн Карл Эренфрид Кегель, Адольф Эрман и Владимир Ильич (Валдемар) Иохельсон [1].

Благодаря зачастую христианскому и гуманитарному образованию, эти исследователи относились к местным жителям с большим уважением и сочувствием, что для того времени было не совсем обычным, особенно со стороны властей. Они часто выражали своё эмоциональное негодование по поводу жестокого обращения правителей и коммерсантов с местными жителями, смело выступали в поддержку важных чаяний коренного населения, что порой ставило под угрозу продолжение самих исследований.

Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746)

Георг Вильгельм Стеллер родился в 1709 г. в Бад-Виндсхейме (Франкония). Сначала изучал богословие в Виттенберге. Позднее смог развить свой интерес к естественным наукам, пройдя дополнительное обучение в г. Халле, где зарабатывал учителем в Сиротском доме, основанном Августом Германом Франке (сегодня – Фонд Франкеше штيفтунген. – Э. К.). Молодой учёный принял участие в Великой Северной экспедиции (1733–1743) под руководством Витуса Беринга. Общее научное руководство экспе-

дицией осуществляли немецкие учёные Герхард Фридрих Мюллер и Йохан Георг Гмелин, бывшие на службе в недавно созданной Российской академии наук в Санкт-Петербурге. В 1740 г. Стеллер прибыл в Большерецк на западном побережье Камчатки на корабле «Надежда».

Вторая Камчатская экспедиция ознаменовалась новой политикой царя Петра I, направленной на открытие и изучение земель на востоке. Она была призвана привлечь учёных и специалистов из различных европейских стран к модернизации российской экономики и управления, а также для коммерческих целей, осуществляемых во вновь покорённых регионах Сибири на Тихоокеанском побережье. Описание его исследований в книге «Описание земли Камчатки» содержит подробную и по сей день ценную информацию о культуре и политическом положении. Его наблюдения оказались перспективными для поздней этнологии. Благодаря своему христианскому и гуманитарному образованию, он с эмоциональной тревогой и смело рассказывал о жестоком отношении казаков-завоевателей к ительменам [2].

Карл Генрих Мерк (1761–1799)

Карл Генрих Мерк родился в Дармштадте, специальность врача получил в Германии. В 1785 г. работал в больнице в Иркутске. Здесь собралась команда для проведения экспедиции Биллингса–Сарычева в 1785–1795 гг. по изучению Восточной Сибири и Аляски, к которой он присоединился. По указанию Питера Симона Палласа, Мерк должен был собрать как можно больше информации о внешнем виде и образе жизни чукчей, включая их «моральное состояние». Как врач он должен был исследовать болезни людей и животных.

Из зал. Лаврентия на востоке Чукотского полуострова он вместе со своей командой переправился зимой во внутренние части края, где провёл полгода с местными жителями, а в апреле 1792 г. наконец-то достиг Якутска.

Бросается в глаза то, что его описания не содержат личных оценок. Это удивительно потому, что он имел дело с лечением и религиозными верованиями коренных народов, которые должны были противоречить его медицинскому пониманию и европейским представлениям о цивилизации и просвещении.

Историк Эрих Доннер описывает Мерка как «непредвзятого, понимающего и непредрасположенного к расовым предрассудкам». С такими установками Мерк опередил своё время, когда, как пишет историк Елена Пивовар, «правители всё ещё верили, что христианство через образование изгоняет из них дикость и продвигает намеченную русификацию».

Карл Генрих Мерк умер в 37 лет. Его дневник был обнаружен в антикварном книжном магазине только в 1936 г. Его работа недавно наконец получила достойную награду – новое издание «Обычаи и традиции чукчей» [3].

Григорий Иванович Лангсдорф (1774–1852)

Григорий Иванович Лангсдорф (Georg Heinrich Freiherr von Langsdorff) родился в 1774 г. в г. Вельштейн. Он изучал медицину и естественные науки в Гёттингенском университете. В январе 1803 г. был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. В 1803–1807 гг. принял участие в качестве натуралиста в кругосветном путешествии И. Ф. Крузенштерна. В июле 1804 г. на судне «Надежда» прибыл на Камчатку. В подтверждение своих слов о возможностях Камчатки к самообеспечению разнообразными продуктами питания, а также орудиями промысла, Лангсдорф составил развёрнутое описание местных млекопитающих, птиц, рыб, ягод, лесов и особенностей минерального мира.

Подробно перечисляя не только биологическую специфику, но и её полезность для человека, он с методико-научной точки зрения сделал большой шаг вперёд в сфере ведения натуралистических путевых исследований. Среди классических записок путешествующих натуралистов о Камчатке следует особо отметить этнографические наблюдения Лангсдорфа. Например, по его мнению, коряки, в отличие от ительменов (камчадалов), сохранили большую часть своей самобытности благодаря кочевому образу жизни. Впоследствии он стал инициатором пакета реформ по преобразованию Камчатского края, подписанного императором в 1812 г. Данные реформы, упразднившие местное «многосложное» управление, были наце-

лены на эффективное развитие хозяйства на полуострове для улучшения условий жизни ительменов и коряков [4].

Иоганн Карл Эренфрид Кегель (1784–1863)

Иоганн Карл Эренфрид Кегель родился в 1784 г. во Фрисдорфе (Германия). Учился в Высшем торговом училище в Копенгагене, а свой первый трудовой опыт получил как управляющий имением. Большую часть сознательной жизни, а именно с 1826 г., он работал на благо России, куда судьба забросила его в силу семейных обстоятельств. Он жил и работал в Петербурге, Саратове, Одессе, где и умер в 1863 г. в возрасте 79 лет. Он был опытным агрономом, превосходным ботаником, высококвалифицированным почвоведом и геологом. К тому же у него был неисчерпаемый интерес к жизни людей, их нравам и обычаям. Дневники Кегеля выпущены спустя 150 лет после завершения его экспедиции на Камчатку.

Своё путешествие Кегель начал в мае 1841 г. Путь из Петербурга на Камчатку лежал через Сибирь: Урал, Иркутск, Якутск, Охотск. Поздней осенью того же года на бриге «Камчатка» он отправился из Охотска на полуостров. Однако на Камчатке он почти сразу вступил в конфликт с местными властями, опасавшимися потерять свою выгоду от торговли пушниной, всеми средствами пытавшимися помешать усилиям, направленным на улучшение условий жизни местного населения. Наряду с содержательным описанием природы и культурных традиций проживающих здесь камчадалов, ительменов, коряков и эвенов, его работа информирует о политической обстановке: злоупотреблениях властью, коррупции, которые оказали весьма серьёзное влияние на коренных жителей [5].

Барон Генрих фон Киттлиц (1799–1874)

Барон Генрих фон Киттлиц и Оттендорф родился в 1799 г. в Бреслау (г. Вроцлав, Польша). Во время военной службы Киттлиц скрупулёзно изучал мир птиц в местах дислокации его части, делал многочисленные зарисовки. Он с увлечением искал для себя такую сферу исследований, которая была бы не настолько хорошо описана, даже больше, вовсе неизвестна западной науке того времени: «Для нас была почти неизвестна зоология Восточной Сибири с примыкающей к ней Камчаткой, и там надо было ожидать много нового и интересного». В 1824 г. он стал членом-корреспондентом Зенкенберговского общества естествоиспытателей.

В 1826–1829 гг. участвовал в кругосветном плавании под командованием капитана Ф. Литке, которое впоследствии детально описал. В 1845 г. он вернулся в Берлин, где вращался в кругах Гумбольдта и других именитых естествоиспытателей того времени.

Летом 1828 г. получил возможность участвовать в российском кругосветном плавании и попасть на Камчатку. Путешествуя по полуострову, выдающийся природовед и талантливый художник в одном лице сделал интересное описание Камчатки и уникальные акварели камчатских ландшафтов. Современники фон Киттлица в профессиональных кругах, среди них Александр фон Гумбольдт, высоко оценили его как «интересного писателя и опытного иллюстратора» [6].

Георг Адольф Эрман (1806–1877)

Георг Адольф Эрман, немецкий путешественник и физик, родился в 1806 г. в Берлине, там же умер в 1877 г. В Берлине он изучал естественные науки, а получив степень доктора физики, в 1826 г. устроился на работу в Кёнигсбергский университет. С 1828 по 1830 г. Эрман совершил кругосветное путешествие по Северной Азии, Тихому и Атлантическому океанам, целью которого были точные геомагнитные наблюдения Земли. В августе 1829 г. он прибыл из Охотска на Камчатку, где за месяц совершил путешествие из Тигиля до Петропавловска с восхождением на вулкан Шивелуч. В 1829 г. он на корабле «Кроткий» Л. А. Гагемейстера отплыл на Аляску. Далее его путь лежал через Тихий и Атлантический океаны.

Во время путешествия Эрман занимался не только геомагнетизмом, но и вёл наблюдения и исследования в области метеорологии, ботаники, этнографии, геохронологии. Например, его именем названа каменная берёза. По Камчатке Эрман путешествовал без сопровождения русских, и местные жители в разговорах с ним были откровенны, не боялись, что кто-то их может подслушать и, может быть, наказать. Его книга содержит критические оценки тогдашней политики в отношении ительменов, особенно со стороны губернатора Голенищева. Однако Эрман разделял патриотические взгляды многих русских, не проявлял понимания и выражал пренебрежение к немецко-балтийскому сообществу. Это вызвало ожесточенные споры в научных кругах, так как в то время немецко-балтийские учёные доминировали во многих дисциплинах [7].

Карл фон Дитмар (1822–1892)

Карл фон Дитмар (Woldemar Friedrich Carl von Ditmar) родился в Лифляндской губернии в местечке Феннерн (сегодня г. Вяндря) в 1822 г. Дитмар, изначально изучавший экономику (сельское хозяйство), позднее полностью посвятил себя изучению минералогии в Дерптском университете, где сдал выпускные экзамены по геологии, минералогии и палеонтологии. В 1846–1848 гг. он путешествовал по Германии, Италии, Франции и Швейцарии, по возвращении в Лифляндию отправился в Петербург. В 1851–1854 гг. Дитмар путешествовал по Камчатке, где совершил девять более или менее продолжительных поездок. Он был первым исследователем, который летом 1853 г. долгое время находился у коряков на п-ве Тайгонос на северном побережье Охотского моря.

Главной задачей Дитмара на Камчатке было открытие полезных ископаемых. Его особое внимание привлекли коренные жители Камчатки. С помощью своих наблюдений Дитмар пытался доказать, что самобытная культура коренных жителей сохранилась лучше в тех областях, которые находились дальше от мест расселения русских. Если ительмены в Камчатской долине полностью смешались с русскими и образовали новую этническую группу – камчадалы, то среди коряков Дитмар различал пять разных этнических форм. На основе собранных данных Дитмар в 1855 г. составил и издал специальную карту распространения разных народов и диалектов Камчатки [8].

Адельберт фон Шамиссо (1781–1838)

Прежде чем принять участие в качестве естествоиспытателя во втором русском кругосветном плавании под руководством Отто фон Коцебу в 1815–1818 гг., Адельберт фон Шамиссо, происходивший из Франции, провёл позднюю юность в Берлине и его окрестностях. Во время путешествия он два раза, летом 1816 и 1817 гг., останавливался в основном на Алеутских островах. По его просьбе местное население описало различные виды китов северной части Тихого океана не только устно, но также с помощью маленьких моделей из дерева.

В 1824 г. Шамиссо опубликовал на латинском языке книгу о китах Берингова моря, основанную на письменных и визуальных задокументированных знаниях коренных народов. С одной стороны, книга доказывает наличие у автора глубоких познаний в зоологии, кото-

рые оживили тогдашнюю дискуссию о понятии биологического вида. С другой, работа Шамиссо воспринимается как этнографический документ, свидетельствующий о его вдумчивом подходе к чужим культурам. Поскольку в экспедиции также принимал участие немецко-российский художник Людвиг Хорис, мы располагаем выразительными иллюстрациями этого подхода [9].

Вальдемар Иохельсон (1855–1937)

Вальдемар (Владимир Ильич) Иохельсон родился в 1855 г. в Вильнюсе, столице Литвы, которая, в отличие от стран Балтии, на протяжении всей истории поддерживала тесные отношения с Польшей. Он получил там ортодоксальное еврейское образование, затем некоторое время жил в Германии. Учился в Швейцарии, первоначально публиковался в немецких журналах. В связи с революционной деятельностью был арестован при въезде в Россию, провёл несколько лет в ссылке на Колыме. Там он заинтересовался языками коренных народов, начал свои первые этнологические исследования. В 1894–1897 гг. участвовал в Сибиряковской экспедиции, а позднее ещё пять лет – в Северо-Тихоокеанской экспедиции Дрезупа под руководством Франца Боаса. Трудности Октябрьской революции в Ленинграде заставили Иохельсона и его жену Дину Бродскую эмигрировать в США, в Нью-Йорке при поддержке Франца Боаса он завершил свою научную работу [10].

Под влиянием своей первоначальной революционной деятельности и знакомства с немецкой социал-демократией из окружения Карла Кауцкого он проявил большое сочувствие к зачастую тяжёлым условиям жизни коренного населения, особенно в своих первых трудах

[11], во многом напоминающих работы Стеллера. Удивительно, но эти часто эмоциональные личные наблюдения и оценки уходят на второй план в его последующих работах, в которых он, по-видимому, больше ориентировался на научный подход Франца Боаса [12].

Иохельсон написал первые и до сих пор значительные этнографические работы о якутах, юкагирах, коряках и несколько работ об ительменах. Как и другие путешествующие учёные в XIX в., которые, благодаря своему образованию в Германии, получили особый гуманистический импульс и социально-политическую направленность, успех его работ во многом был обусловлен его транснациональным академическим характером.

Перспективы

Чтобы продолжить эти ценные и плодотворные традиции немецко-русских исследований предыдущих веков, Фонд культуры народов Сибири в рамках своей издательской программы выпустил новые труды по этнографии того периода, а также разместил их электронные копии в свободном доступе для широкого круга читателей [13].

С 1990-х гг. осуществляются многочисленные совместные немецко-российские проекты, которые в гуманистической традиции вышеупомянутых исследователей направлены на дальнейшее развитие знаний коренных народов Камчатки, сохранение их культурного наследия с помощью современных технических средств [14]. Особое внимание уделяется содержащемуся в них опыту и ценностям, передаваемым из поколения в поколение, которые могут стимулировать дискурсы в гражданском обществе для решения насущных проблем настоящего и будущего [15].

1. [Немецкие учёные-исследователи]. Режим доступа: <https://dh-north.org/themen/forschungsgeschichte/ru>
2. Kasten Erich. Georg Wilhelm Steller: scientist, humanist, and most significant ethnographer for the itelmens of Kamchatka // *Writing the Arctic – German Representations of the Far North in the 18 th and 19 th century* / eds. J. Borm and J. Kodzik. Cambridge, 2020. P. 202–221.
3. Pivovar Helena. Carl Heinrich Mercks Forschungsarbeiten auf den Halbinseln Kamčatka und Čukotka während der Billings-Saryčev-Expedition (1785–1795) // *Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18 und 19. Jahrhundert* / hg. E. Kasten. Fürstenberg; Havel, 2013. P. 77–90. Режим доступа: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/rrrpivovar.pdf
4. Ordubadi Diana. Die Halbinsel Kamčatka in den Schriften des Leiters der ersten russischen Weltumsegelung (1803–1806) Adam Johann von Krusenstern und seines Naturforschers Georg Heinrich von Langsdorff // *Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18 und 19. Jahrhundert* / hg. E. Kasten. Fürstenberg; Havel. 2013. P. 91–110. Режим доступа: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/rrrordubadi1.pdf

5. *Kasten Erich*. Johann Karl Ehrenfried Kegel: ein deutscher Agronom bezieht Stellung zur Land- und Naturnutzung auf Kamčatka // Johann Karl Ehrenfried Kegel. Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse von 1841 bis 1847 / hg. W. F. Gülden. 2011. P. 307–320. Режим доступа: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/kasten_2011.pdf
6. *Strecker Lisa*. Friedrich Heinrich Freiherr von Kittlitz – ein deutscher Adeliger erforscht im Dienste der Kaiserlich Russischen Akademie der Wissenschaften die Halbinsel Kamčatka // Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18 und 19. Jahrhundert / hg. E. Kasten. Fürstenberg; Havel. 2013. P. 147–172. Режим доступа: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/rrrstrecker.pdf
7. *Tammiksaar Erki*. Adolph Erman – ein bedeutender und zugleich umstrittener Naturforscher Sibiriens // Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18 und 19. Jahrhundert / hg. E. Kasten. Fürstenberg; Havel. 2013. P. 173–206. Режим доступа: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/rrrtammiksaar1.pdf
8. *Tammiksaar Erki*. Carl von Ditmar – ein Geologe aus Livland in russischen Diensten // Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18 und 19. Jahrhundert / hg. E. Kasten. Fürstenberg; Havel. 2013. P. 223–241. Режим доступа: https://dh-north.org/siberian_studies/publications/rrrtammiksaar2.pdf
9. *Federhofer Marie-Theres*. Chamisso und die Wale, mit dem lateinischen Originaltext der Walschrift Chamissos und dessen Übersetzung, Anmerkungen und weiteren Materialien. Fürstenberg/Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2012. Режим доступа: <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/chamisso.pdf>
10. *Кастен Э.* Эпilog: В. И. Иохельсон как этнограф – его жизнь и труд в свете новых источников // Полевые исследования В. И. Иохельсона / сост. и отв. ред. Э. Кастен, А. Сирина. Fürstenberg/Havel, 2022 (в печати).
11. *Jochelson Waldemar*. Aus dem Fernen Osten Russlands. Deutschsprachige Schriften (1881–1908) / hg. E. Kasten. Fürstenberg/Havel : Kulturstiftung Sibirien, 2017.
12. *Kasten Erich*. From Political Exile and to Outstanding Ethnologist for North-eastern Siberia: Jochelson as a Self-Taught Fieldworker During his First Sibiriakov Expedition: 1894–1897 // Jochelson, Bogoras and Shternberg. A Scientific Exploration of Northeastern Siberia and the Shaping of Soviet Ethnography / ed. E. Kasten. Fürstenberg/Havel, 2018. P. 35–59. Режим доступа: <https://dh-north.org/verlag/bibliotheca-kamtschatica/ru> <https://dh-north.org/verlag/bibliotheca-sibiro-pacifica/ru>
13. *Kasten Erich*. Fieldwork on Kamchatka Peninsula and Creation of the Foundation for Siberian Cultures: Towards an Open Access Database of Indigenous Languages and Knowledge from Russian Far East // Library and Information Studies for Arctic Social Sciences and Humanities / eds. S. Acadia and M.T. Fjellestad. London ; New York, 2021. P. 329–352.
14. Человек и природа в Сибири: экологические знания и устойчивые природные отношения во времена изменения климата / сост. и отв. ред. Э. Кастен. Fürstenberg/Havel : Kulturstiftung Sibirien. 2021. Режим доступа: <https://dh-north.org/publikationen/chelovek-i-priroda-v-sibiri/ru>.

М. А. Лукоянова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В ФОНДАХ САХАЛИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. Обзор этнографических коллекций нивхов, уйльта, эвенков и нанайцев в фондах Сахалинского областного краеведческого музея. Работа по сбору данных предметов велась с конца XIX в. Часть экспонатов выставлена в одном из залов музея, остальные хранятся в запасниках.

Ключевые слова: этнография, коренные народы, эвенки, нивхи, уйльта, нанайцы, музейное дело, Сахалинский областной краеведческий музей, Сахалин, о-в.

Коренные жители Сахалина оставили в наследство нашим современникам лучшие традиции своего самобытного искусства. Этнографические коллекции коренных народов Севера представляют собой важную часть фондового собрания Сахалинского областного краеведческого музея (далее СОКМ) и неизменно пользуются популярностью у его посетителей.

В подразделе «Этнография коренных народов» основного фонда СОКМ по системе КАМИС числится 2621 предмет (по данным на 22 августа 2022 г.). Они принадлежали нивхам, уйльта, эвенкам, нанайцам (хотя они не считаются коренными народами Сахалина) и айнам (айны не включены в официальный перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утверждённый Правительством РФ) [1].

Этнографические коллекции, вошедшие в состав фондов СОКМ, собирались на протяжении более 100 лет, эта работа ведётся и по сей день. Начало сборам положил этнограф Бронислав Осипович Пилсудский, сосланный на сахалинскую каторгу в конце XIX в. [2].

Его работу продолжил другой ссыльный – Лев Яковлевич Штернберг. Сборы коллекций в советский период развития музея осуществлял этнограф Борис Жеребцов [3]. Кроме того, этой работой занимались музейные сотрудники Валентина Вязовская, Екатерина Корзо, Михаил Прокофьев, Татьяна Роон, Елена Ниткук [4].

Нивхи – аборигены севера Сахалина и низовьев Амура. Всероссийская перепись населения 2002 г. зафиксировала на Сахалине 2450 нивхов [5], данные переписи 2021–2022 гг. ещё не озвучены. Ведя своё хозяйство, нивхи использовали все природные ресурсы Сахалина. Они занимались рыбалкой в реках и море, охотились на зверей, собирали ягоды и травы для употребления в пищу и изготовления одежды. Еду готовили с помощью деревянных предметов: к примеру, ягоды растирали толкушками [6], рыбу резали на особых досках [7]. Приготовленное подавали

на специальных деревянных блюдах, которые украшали резьбой по бокам [8]. Деревянными были и столовые приборы, и предметы для обработки шкур и кожи [9].

Рыба составляла основу рациона нивхов: её ели в течение всего календарного года в сыром, вяленом и сушёном виде [10]. Из рыбы делали одежду, обувь и предметы домашнего обихода, некоторые из них представлены в постоянной экспозиции СОКМ. Нивхи овладели искусством выделки рыбьей кожи, которая является очень хрупким материалом, и получали непромокаемые одежду и обувь [11]. Помимо рыбы, они добывали и морских зверей, чьё мясо ели, а из шкуры также делали себе одежду и обувь [12].

Таёжных зверей нивхи ловили при помощи петель и самоловов, стреляли в них из лука и самострелов, медведей убивали копьями в берлогах [13]. Шкуры пушных зверей обменивали на огнестрельное оружие в ходе меновой торговли во второй половине XIX в. Одежду и головные уборы отделывали мехом лисиц, белок, зайцев, рысей и ондатр. Одежду нивхи украшали металлическими кольцами, бубенчиками и подвесками, а себя – серьгами (как женщины, так и мужчины) [14].

Точная численность уйльта Сахалина на данный момент не определена; перепись 2002 г. зафиксировала на острове 298 представителей этого народа [15]. Основой их деятельности являлись оленеводство [16], рыболовство и охота на таёжных зверей. Северная группа уйльта представляла собой кочевых оленеводов, которым не была чужда осёдлость, а уйльта южной группы давно перешли к осёдлому образу жизни и постепенно утратили оленеводческие навыки. Тем не менее, разведение оленей очень долго оставалось характерной чертой этого народа. В СОКМ сохранились элементы оленьей упряжи [17]. В зависимости от времени года уйльта рыбачили, собирали ягоды и другие дикоросы, охотились на диких оленей, пушных зверей и дичь. Орудия рыболовства, охоты и

обработки добычи также представлены в фондах СОКМ [18].

Шире, чем у нивхов, у уйльта была распространена одежда, сделанная из оленьих шкур и кожи. Зимнюю одежду полностью делали из осеннего меха дикого оленя – шапки, шубы, обувь, рукавицы, ноговицы [19]. В качестве ниток использовали сухожилия со спины и с ног оленя [20]. Промысловую одежду шили из кожи морских животных, повседневную – из рыбьей кожи. Её украшали вышивкой с геометрическими узорами. Мехом с нижней части ног оленя или мехом нерпы подбивали лыжи, которые использовали на зимней охоте в тайге [21]. В фондах музея широко представлены уйльтинские шаманские амулеты из меха, дерева, травы и тканей. На Сахалине именно у уйльта был сильно развит шаманский культ; у нивхов и айнов шаманы, в основном, лечили людей. Уйльтинские амулеты олицетворяли собой божества, изготавливались для охраны здоровья и в других целях [22].

Как и уйльта, эвенки тоже вели кочевой образ жизни. В 1860-х гг. часть из них переселилась с бассейна Амура на Сахалин, где они осели в бассейне р. Тынь, в Александровском и Корсаковском округах, а также на восточном побережье. Перепись 2002 г. зафиксировала на Сахалине 243 эвенка [23]. Их культура во многом схожа с культурой уйльта, а предметы имеют свои самобытные черты. Кочевой образ жизни накладывал свои отпечатки на материальную культуру эвенков, что привело, например, к появлению коробов для посуды и сумок для вещей, в которых перевозили имущество с места на место [24].

Частая перемена мест привела к появлению у эвенков компактных вещей. К таковым можно отнести, например, люльки для перевозки детей на оленях [25]. Подсвечники были лёгкими, с заострённым концом, чтобы втыкать в землю или песок, и с виду напоминали кисточки [26]. Порой, не имея под рукой других материалов, эвенки изготавливали украшения из меха [27]. Орудия, с помощью которых они добывали пищу, похожи на аналогичные изделия и нивхов, и уйльта [28].

Поскольку нанайцы не являются коренными народами Сахалина, в их быту встречаются вещи, завезённые с материковой части России. После Второй мировой войны, в конце 1940-х гг., нанайцев переселили из Приамурья в Поронайский район Сахалинской области. Культура нанайцев во многом похожа на культуру уйльта и эвенков, но некоторые отличия всё же имеются. Судя по коллекциям СОКМ, нанайцы гораздо шире других народов использовали аппликацию при украшении изделий [29].

Типологически экспонаты нанайцев схожи с предметами коренных народов Сахалина, но с некоторыми различиями. К примеру, орудия охоты похожи на аналогичные предметы КМНС острова [30], а амулеты имеют отличия – изготавливались из других природных материалов [31]. В 2000-х гг. фонды СОКМ пополнились несколькими неординарными нанайскими экспонатами – струнными музыкальными инструментами [32], шкатулкой с вышивкой [33].

В настоящее время часть этнографических коллекций музея представлена в зале «Древние культуры. Коренные народы». В небольшом помещении выставить на обозрение все экспонаты по теме невозможно. Поэтому музей периодически проводит временные выставки, посвящённые культуре и быту коренных народов Севера. 1 июля 2022 г. открылась выставка в память о бывшем директоре музея Татьяне Петровне Роон. Она внесла весомый вклад в пополнение этнографических коллекций музея, вела активную работу с представителями коренных народов Севера, проводила экспедиции в места их проживания. На посвящённой ей выставке, помимо личных вещей Татьяны Петровны, были представлены предметы культуры и быта эвенков и уйльта Сахалина.

Помимо прочего, в музее ведётся издательская деятельность: выпускаются каталоги этнографических коллекций и книги об этнографах [34]. На территории музейного сквера воссозданы традиционные жилища нивхов, медвежий сруб и вешала для рыбы. Всё это делается для создания у гостей музея максимально широкого представления о жизни коренных народов Севера, населявших и населяющих Сахалинскую область.

1. Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 1 окт. 2015 г. № 1049. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901976648>.
2. Латышев В. М., Прокофьев М. М. Каталог этнографических коллекций Б. О. Пилсудского в Сахалинском государственном областном краеведческом музее (1898–1899, 1903–1905 гг.). Южно-Сахалинск : Д'Колор, 2006. 84 с.

3. Материалы исследований Б. А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина (1946–1948 гг.): препринт. Южно-Сахалинск : ИМГиГ ДВО АН СССР, 1988. 140 с.
4. Соловьёва О. Ф. Этнографические исследования Сахалинской области сотрудниками краеведческого музея во второй половине XX века // Учёные записки (АГАКИ). 2017. № 2 (12). С. 259–263. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskie-issledovaniya-sahalinskoy-oblasti-sotrudnikami-kraevedcheskogo-muzeya-vo-vtoroy-pолоvine-xx-veka>.
5. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации: [материалы Всерос. переписи населения 2002 г.]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
6. КП-54/6 ДП-49; КП-960/1 ДП-140; КП-960/2 ДП-140; КП-961 ДП-141; КП-3769/1 ДП-797, и др.
7. КП-54/4 ДП-49.
8. КП-950 ДП-137; КП-3651/1 ДП-702; КП-958/2 ДП-138; КП-3651/7 ДП-702; КП-3651/6 ДП-702, и др.
9. КП-2727 ДП-513; КП-947/3 ДП-136; КП-1506 ДП-256; КП-4806/6 ДП-1093; КП-93/6 ДП-83, и др.
10. Естественная история Сахалина и Курильских островов. Коренные народы. Южно-Сахалинск : Сахалин. обл. краевед. музей, 2010. 68 с.
11. КП-6032/8 ИСО-3065; КП-92/12 ДП-82; КП-1052 ДП-203; КП-1051 ДП-202; КП-92/6 ДП-82, и др.
12. КП-2168 ИСО-549; КП-1857 ДП-316; КП-1756 ИСО-301; КП-1194/16 ДП-206; КП-1766 ИСО-311, и др.
13. КП-3767/1 ДП-796; КП-3767/20 ДП-796; КП-3915/2 ДП-862; КП-3677/5 ДП-721; КП-998 ДП-173, и др.
14. КП-2749/1 ДП-526; КП-2749/4 ДП-526; КП-2749/7 ДП-526; КП-2722/1-2 ДП-508; КП-2334/4 ДП-462, и др.
15. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации: [материалы Всерос. переписи населения 2002 г.]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
16. Естественная история Сахалина и Курильских островов. Коренные народы. Южно-Сахалинск : Сахалин. обл. краевед. музей, 2010. 68 с.
17. КП-3096/3 ДП-614; КП-55/3 ДП-50; КП-55/4 ДП-50; КП-8739/1 ИБП-343/1.
18. КП-3412/5 ДП-672; КП-3043/6 ДП-585; КП-4536/3 ДП-1035; КП-3207/3 ДП-634.
19. КП-95/13 ДП-85; КП-95/8 ДП-85; КП-8532/3 ИБП-292/3; КП-6188/3 ИСО-3186; КП-5452/3 ИСО-2634, и др.
20. КП-2338/28 ДП-466; КП-2338/27 ДП-466.
21. КП-55/2 ДП-50; КП-55/1 ДП-50; КП-4732/5 ДП-1078; КП-4732/6 ДП-1078; КП-95/18 ДП-85.
22. КП-3042/2 ДП-584; КП-3044/5 ДП-586; КП-97/10 ДП-87; КП-97/14 ДП-87; КП-2337/4 ДП-465, и др.
23. Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации: [материалы Всерос. переписи населения 2002 г.]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>.
24. КП-2339/6 ДП-467; КП-1194/21 ДП-206; КП-1194/20 ДП-206; КП-5413/5 ИСО-2608; КП-990/2 ДП-165.
25. КП-2628 ДП-489; КП-3412/6 ДП-672.
26. КП-2031 ДП-348.
27. КП-3079/5 ДП-603.
28. КП-2026 ДП-343; КП-2116 ДП-423; КП-2048 ДП-363; КП-2339/2 ДП-467; КП-2109 ДП-416, и др.
29. КП-7215/11 ИБП-19; КП-7215/9 ИБП-19; КП-7215/10 ИБП-19; КП-7599/1 ИБП-75.
30. КП-7030/17 ИСО-3729; КП-7030/15 ИСО-3729; КП-7030/7 ИСО-3729; КП-7030/5 ИСО-3729, и др.
31. КП-3045/3 ДП-587.
32. КП-8433/3 ДПИ-191/3; КП-8433/4 ДПИ-191/4.
33. КП-8433/2 ДПИ-191/2.
34. Издательская деятельность СОКМ:
35. Естественная история Сахалина и Курильских островов. Коренные народы. Южно-Сахалинск, 2010. 68 с.;
36. Латышев В. М., Прокофьев М. М. Каталог этнографических коллекций Б. О. Пилсудского в Сахалинском государственном областном краеведческом музее (1898–1899, 1903–1905 гг.). Южно-Сахалинск, 2006. 84 с.;
37. «Мне нужно ещё много-много сделать...»: альбом фотографий из лич. арх. Е. А. Крейновича в собрании Сахалин. обл. краевед. музея. Южно-Сахалинск, 2017. 152 с.;
38. Черпакова К. Я. Глубинные истоки. Современное искусство коренных народов Сахалина в собрании Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 2012. 100 с.

В. А. Неустроева

**АРХИВНОЕ НАСЛЕДИЕ И. С. ГУРВИЧА В ФОНДАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ):
ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ КАМЧАТСКОГО КРАЯ**

Аннотация. Об архиве И. С. Гурвича, учёного-этнографа, доктора исторических наук, одного из выдающихся представителей советской школы североведения. Данный архив передан в фонд Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) в 2017 г. Особое внимание уделено составу коллекции, куда вошли книги, рукописи, фотографии, письма, дневники экспедиций, в том числе по Камчатскому краю.

Ключевые слова: этнография, этнографы, североведение, коренные народы Севера, архивное дело, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия), Гурвич И. С., Камчатка, п-ов.

Одним из выдающихся представителей советской эпохи по изучению этнографии Севера является Илья Самуилович Гурвич. Он проследил 300-летний путь истории, развития сложного в этнографическом плане северо-востока Сибири, где на протяжении многих столетий образовались десятки народов. Он подробно изучил, исследовал каждый народ, проследил их судьбы, сравнил этнографические карты проживания народов. В своей работе Гурвич также затронул проблемы этнодемографии, этнической и исторической социологии, разработал методику исследования этнических процессов в многонациональном регионе с использованием картосхем.

Илья Самуилович Гурвич более 20 лет заведовал Сектором Крайнего Севера и Сибири в Институте этнографии АН СССР [2], был талантливым организатором и руководителем. Благодаря ему были разработаны новые направления исследования Севера, при участии и под его руководством изданы монографии и сборники. В последние годы жизни Гурвич разрабатывал теоретические проблемы этнокультурного развития малочисленных народов. Под его руководством вышел на свет сборник «Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде» (М., 1989). Он активно занимался общественной деятельностью, являлся членом Научного совета по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР, был консультантом в Совете национальностей Верховного Совета СССР [1].

Коллекция документов личного архива Гурвича открывает большой простор для изучения его научной и профессиональной деятельности. Библиотека и архив поступили в марте 2017 г., документы были отобраны и подготовлены к перевозке сотрудниками Национальной библиотеки Республики Саха (Яку-

тия). В июле 2017 г. коллекция была привезена в Якутск. Архив нашёл своё место в большом фонде Национальной библиотеки, в Научно-исследовательском центре книжных памятников, вместе с другими книжными и архивными коллекциями известных учёных-североведов: Г. М. Василевич, К. А. Новикова, Л. И. и Ю. А. Сем, Ч. М. Таксами и др.

Библиотека состоит из сборников, материалов конференций, монографий, коллективных трудов, альбомов. Тематика большей части библиотеки – Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север и населяющие их этносы. Книги отражают все этнографическое многообразие огромной северо-восточной территории.

Что касается архивной части коллекции Гурвича, то она прибыла в 127 папках, в 49 архивных связках. Архив содержит рукописные и машинописные тексты трудов Ильи Самуиловича, а также документы личного характера: выписки, квитанции, грамоты, переписка.

Фотоколлекция насчитывает около 2200 фотографий, 160 негативов, микрофильмы и плёнки. В большом объёме имеются фотоматериалы по этнографии народов Камчатки, Чукотки, Магадана, Якутии и т. д.

Национальная библиотека РС (Я) организовала цикл виртуальных выставок по фотоколлекции Гурвича. Две выставки опубликованы на сайте Академии культуры Google «Goggle Arts&Culture». Первая выставка была открыта в ноябре 2018 г., посвящена Северу, северной тематике, объём – 38 фотографий из личной коллекции учёного. Вторая выставка, посвящённая самому Гурвичу, была опубликована в апреле 2019 г.

Архив Ильи Самуиловича формировался на протяжении всей его научной и профессиональной деятельности. Материалы бережно хранились в его московской квартире. Как писала вдова Л. Л. Бойчук, коллекция содержит

документы, которые стали основой известных в науке публикаций и книг, позволивших отнести Гурвича к крупнейшим отечественным этнографам. Коллекция также сохранила наброски, документы, которые не стали предметом публикации в связи с внезапной кончиной учёного.

Сама Людмила Львовна отметила, что архив условно можно разделить на три комплекса, как по хронологическому, так и по содержательному принципу:

I. Документы (1942–1946 гг.) свидетельствуют о становлении Гурвича как учёного, рассказывают о его работе директором школы и учителем в одном из самых отдалённых заполярных районов Якутии – Оленёкском. Этот период оказал большое влияние на становление Гурвича как полевого этнографа.

II. Значительная часть архива содержит материалы, отражающие научную деятельность Ильи Самуиловича в Москве (1956–1992 гг.), когда он работал в Секторе Крайнего Севера и Сибири Института этнографии АН СССР.

III. Особое место в архиве Гурвича занимает обширная переписка периода 1950–1980 гг. Значительный корпус писем представлен письмами З. В. Гоголева, имеются также письма от Б. О. Долгих, А. П. Окладникова, от аспирантов и докторантов, экспедиционных знакомых, а также письма от зарубежных коллег и различных научных и общественных организаций (автографы и машинопись).

Гурвич изучал Камчатский край в десяти экспедициях. В 1956 г. он вернулся в Москву в Институт этнографии АН СССР. В этом институте в Секторе по изучению социалистического строительства у малых народов Севера, переименованном впоследствии в Сектор Крайнего Севера и Сибири, Илья Самуилович проработал тридцать шесть лет до последних дней жизни.

Конец 1950 – 1970-е гг. – время расцвета научной деятельности Гурвича. Признанный специалист по этнографии Севера, он принимает участие практически во всех крупных изданиях этого периода, касающихся истории и этнографии Сибири. Регион его полевых исследований на Крайнем Северо-Востоке постоянно расширяется.

В 1956–1957 гг. он организует длительную экспедицию в Корякский национальный округ, в 1959 г. принимает участие в Комплексной юкагирской экспедиции, организованной Институтом этнографии совместно с Научно-иссле-

довательским институтом языка, литературы и истории (НИИЯЛИ) Якутского филиала АН СССР, в 1962 г. проводит полевые исследования на Чукотке и Камчатке.

Результаты поездок находят отражение в серии публикаций по этнографии эвенов, юкагиров, коряков, русских старожилов. Тематика статей самая разнообразная: этногенез, общественный строй, религиозные верования, материальная культура, фольклор. С одинаковым увлечением Гурвич описывает древние поселения в дельте Индигирки и корякские промысловые праздники, анализирует исторические предания якутов и устройство летнего чума у эвенов. И везде им движет живой научный интерес, стремление докопаться до сути, понять существо явления [1].

В 1960 г. выходит первая монография Гурвича, написанная в соавторстве с К. Г. Кузковым, – «Корякский национальный округ». В историографии северных автономий эта работа до настоящего времени является образцом их комплексной характеристики, удачно сочетающей исторический и этнографический очерки с анализом современных проблем экономического и культурного развития.

По Камчатскому краю было выделено двадцать девять дел, среди которых есть уникальные документы, например, материалы экспедиций по Магаданской области, заметки разного характера на полевых дневниках, где отмечены записи о запретах, обычаях и обрядах, охоте и рыболовству. Материалы по разным народам содержат наблюдения за обрядом захоронения у чукчей, зарисовки о быте народов Камчатки, в большом объёме сведения по камчатским эвенам. Экспедиционные материалы включают: карты, дневники, квитанции, планы экспедиций. Далее по количеству материала следуют архивные выписки по этнографии, географии. В большом объёме имеются черновики статей, разделов, докладов Гурвича, обзоры по населению не только советского периода, но и XIX в. Интересными будут записи информантов: представления о снах, запретах, мифы и легенды.

Архив также содержит экспедиционные рисунки Гурвича.

Наиболее ценными являются блокноты учёного. Например, блокнот с заметками к статьям по Камчатке, о путях развития хозяйства народностей Севера, или опись материалов, собранных в Мильковском и Усть-Камчатском районах в 1962 г.

Итоги нескольких комплексных экспедиций – огромный багаж знаний, фактов. Каждую информацию, полученную в процессе этнографического исследования, Илья Самуилович фиксировал в своих полевых дневниках, черновиках. Гурвич собирал не только материалы по культуре, верованиям и быту северных народов, но и истории людей. Он записывал воспоминания, случаи из жизни, мнения старейшин и обычных людей. Тем самым он проникал в мир северных народов, в их историю. Все его записи, опросы, интервью, полевые дневники помогли Илье Самуиловичу представить зарождение той или иной культуры народа [3].

Таковы основные группы источников, использованные при работе над изучением личного архива Гурвича. Каждая из них взаимодополняет друг друга и содержит данные о жизни и научной работе Ильи Самуиловича Гурвича. Предстоит большая работа по обработке всего его архива. В коллекции есть уникальные материалы по этнографии Чукотки, районов Якутии и Северо-Востока России.

Особое внимание следует уделить эпистолярному наследию Гурвича. Среди материалов личного архива основной массив в количественном отношении составляет переписка учёного. Укажем основные особенности её анализа как исторического источника. Его переписка с выдающимися учёными может заинтересовать и историков, и этнографов. Рисунки,

фотографии, киноплёнки несут в себе немало важную ценность. Методология изучения аудиовизуальных материалов разработана визуальной антропологией.

Стоит отметить, что данный архив позволит оценить вклад Ильи Самуиловича в отечественную этнографию, этническую историю народов Севера. Предстоит как изучение исторических источников по отдельным проблемам, так и изучение его целиком, в комплексе, учитывая методику его составления, составные части, определяя внутреннюю систематизацию, выработанную фондообразователем, структурные и информационные взаимосвязи документов личного происхождения и их связь с коллекционными материалами.

Следует сделать выводы, что Илья Самуилович получал больше знаний и информации через непосредственное общение с жителями Крайнего Севера. Гурвич не делал открытия в «заочной форме», каждый рассказ, факт он услышал, увидел и получил сам. Многие рукописи и записи сложно разобрать, так как Илья Самуилович всё писал в полевых условиях, в тундре, тайге. Обилие документов по параметру «экспедиция» и «культура жизнеобеспечения» показывает нам, что он жил, общался, вместе обедал и охотился с эвенами, юкагирами и северными якутами. Эти работы делают его одним из выдающихся полевых исследователей советской этнографии.

1. Батьянова Е. П., Жорницкая М. Я. П. И. С. Гурвич // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 167–172.
2. Гурвич Илья Самуилович // Советские историки-якутоведы: биобиблиогр. справочник. Якутск, 1973. С. 23–25.
3. Сулейманов А. А. Историко-этнографические исследования комплексной юкагирской экспедиции 1959 г. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 11. С. 334–337. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-etnograficheskie-issledovaniya-kompleksnoy-yukagirskoy-ekspeditsii-1959-g/viewer>.
4. Сулейманов А. А. Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг. // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6). С. 56–59. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnograficheskoe-izuchenie-korennyh-narodov-arkticheskikh-rayonov-yakutii-v-1951-1954-gg>.

О. Н. Хамидулина

КОРЯКСКИЙ ЦЕНТР НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Аннотация. О деятельности Корякского центра народного творчества по сохранению и популяризации традиционной культуры и языка коренных народов Камчатки. Основное внимание уделено издательской деятельности учреждения.

Ключевые слова: коренные народы, Корякский центр народного творчества, издательская деятельность, Корякский округ.

В 2023 г. Корякскому центру народного творчества исполняется 70 лет. Деятельность учреждения направлена на сохранение уникального культурного достояния коренных народов Камчатки. Задача современного человека – сберечь в едином культурном пространстве знания, накопленные предыдущими поколениями, привить любовь к родной культуре, языкам и истории своего народа.

Коллектив Корякского центра народного творчества занимает активную позицию по продвижению идей, творческих проектов, направленных на сохранение национальной самобытности, культуры и языков коренных народов, проживающих в Камчатском крае.

Продолжая деятельность, начатую выдающимися представителями культуры Корякского округа, среди которых В. В. Косыгин, Г. Г. Порохов, Т. П. Лукашкина, А. Т. Уркачан, С. В. Кеветегин, Д. К. Яганов, Ф. Ф. Миллер, П. А. Яганов, А. В. Гиль, В. Н. Етнеут и другие, коллектив Центра ведёт работу по изучению родных языков и фольклора, сохранению традиционной культуры коренных народов Камчатки, по поддержке и развитию их самостоятельного творчества.

Центром подготовлено большое количество буклетов и альбомов о мастерах сцены и прикладного искусства, об обычаях и праздниках народов Корякии. Среди них – сборник «Эчган» (2011, 2012), материалы международной научно-практической конференции «Сохранение и возрождение традиционных обрядовых праздников у береговых коряков (нымыланов)», Уркачан А. Т. «Вземлен (Лесная) – земля моих предков», книга сказок «Сказки детям от Куткиннику», книжка-раскраска по произведению Порохова Г. Г. «Как Кутха катался на горбушах», детские пазлы, отражающие элементы национальной культуры, и другие.

Для самых маленьких жителей Камчатки подготовлена книга-раскраска по произведению выдающегося камчатского писателя, фольклориста Георгия Германовича Порохова «Как Кутха катался на горбушах». Книга издана на

ительменском, английском и русском языках. Над ней работали камчатский художник Валентин Дмитриевич Северин, преподаватели ительменского языка Татьяна Константиновна Заева и Виктор Викторович Рыжков. Автор дизайн-макета издания – Дмитрий Петровец. Перевод на английский осуществили Кирилл Косыгин и Сергей Четин. Детское издание состоит из красочных иллюстрированных страниц с элементами раскрасок.

Корякский центр народного творчества выражает признательность и благодарность за содействие в издании данной книги Валентине Тадеевне Броневиц, за оказанную финансовую помощь – генеральному директору АО «Коряк-энерго» Евгению Николаевичу Кондращенко, председателю правления территориально-соседской общины коренных малочисленных народов Севера «Омакан» («Вместе») Янине Витальевне Котовой.

Книги пополнили фонды библиотек Камчатского края, образовательных учреждений Корякского округа, а также школ искусств Камчатки и их филиалы. Тираж издания составил 1000 экземпляров.

Вниманию преподавателей корякского языка, чавчувенского и алюторского его диалектов предлагаются дидактические пособия, выполненные в виде игр. В фондах Центра имеются карточки на эвенском, ительменском, корякском языках «Учим счёт», тематические карточки по изучению корякского языка, лото «В мире слов», а также занимательные алфавиты эвенского и ительменского языков, корякского языка и его алюторского и чавчувенского диалектов. Представляют интерес пазлы «Мозаика Севера», отражающие культуру и быт коренных народов Камчатки. Разработка методических материалов для средних школ проводилась совместно со знатоком и учителем корякского языка Марией Разумовой Жирковой, учителем английского языка Кириллом Андреевичем Косыгиным.

Авторы-иллюстраторы данных материалов – самобытные художники Анатолий Петрович

Солодяков, Валентина Платоновна Жиликова, Ирина Никоновна Точилина. Литературный проект «В гостях у сказки», подготовленный Анной Ивановной Солодяковой, знакомит читателей со сказками, собранными фольклористом Герольдом Ивановичем Киселёвым. Все разработки доступны на сайте учреждения korcnt.ru.

В 2020 г. проведена работа по изданию литературы на родных языках коренных народов, проживающих в Камчатском крае, совместно с фондом поддержки, сохранения и развития национального и культурного наследия «Международный Шуховский фонд». Уже подготовлены два учебника по чтению для первого класса на алюторском и чавчувенском диалектах корякского языка.

Издаются новые методические пособия – настольные игры на корякском языке, его алюторском и чавчувенском диалектах, на ительменском языке. Автор – Светлана Савельевна Голикова, художники пособий – Валентина Платоновна Жиликова и учащиеся Корякской школы искусств.

Рудольф Иванович Соломин – дизайнер и создатель медиаалфавитов. В разработке находятся интерактивные карты «Путешествие по Камчатке» для изучения ительменского, корякского и эвенского языков. Елена Ивановна Солодякова – автор познавательной книжки-малышки «Сказки для самых маленьких».

Спектакль на корякском языке «Деревянный человечек» из репертуара корякского фольклорного кукольного театра «Анук» (автор С. С. Голикова) вошёл в каталог и обменный фонд сценариев спектаклей коллективов от КМНС и ДВРФ. Он размещён на создаваемом образовательном портале «E-NetSchool» («NorDSchool»). Работа проведена при содействии Елены Александровны Найдёновой, кандидата педагогических наук, ведущего научного сотрудника НИИ национальных школ Республики Саха (Якутия), эксперта по литературе Ассоциации учителей родного языка и литературы КМНСС и ДВРФ.

К 90-летию Корякского округа появились два подарка. Это – книга сказок «Азбука Севера» на ительменском, корякском (алюторский и чавчувенский диалекты), эвенском языках, а также альбом о мастерах декоративно-прикладного творчества Корякского округа «Узоры мастеров Корякии». Из-за недостаточного финансирования тексты соединили в одно издание. Автор идеи – Елена Александровна Большакова.

Книга сказок «Азбука Севера» объединила десятки заинтересованных людей. Над книгой работали: Лукерия Пенэлкутовна Киселёва, Кирилл Андреевич Косыгин, Светлана Савельевна Голикова, Елена Ивановна Сотрудинова. Художники – Валентина Платоновна Жиликова, Анатолий Петрович Солодяков.

Альбом «Узоры мастеров Корякии» – это проект Ирины Никоновны Точилиной, уважаемого сотрудника Корякского центра народного творчества, автора многих публикаций о мастерах и художниках Корякского округа.

Книги были подготовлены довольно быстро благодаря большой поддержке сотрудников и друзей, которые охотно принялись за работу. Среди них – всеми любимые и уважаемые наши земляки: Лукерия Пенэлкутовна Киселёва, писатель, хранитель традиционных знаний коренных народов Камчатки; Кирилл Андреевич Косыгин, писатель, сказитель, заведующий научно-методическим отделом Корякского окружного краеведческого музея; Светлана Савельевна Голикова, заведующая фольклорным отделом Корякского центра народного творчества. Набор текста осуществили Анна Ивановна Солодякова и Наталья Сергеевна Федотова.

Иллюстрации выполнили известные камчатские художники – Валентина Платоновна Жиликова, мастер по декоративно прикладному творчеству, и Анатолий Петрович Солодяков, мастер-косторез. Рецензент – Валентина Романовна Дедык, доцент кафедры родных языков, культуры и быта Камчатского института развития образования, кандидат филологических наук.

В книге использованы материалы из архива Корякского центра народного творчества. Например, сказки из сборника «Национальная сказка на клубной сцене». Составитель – Герольд Иванович Киселёв. Сборник вышел в издательстве «Бат» при газете «Корякский коммунист» (пос. Палана) в 1990 г. В него включены сказки, авторы текстов которых неизвестны. Это – «Как луна появилась», «Юлтын и Ключ», «Как медведь с пургой подрался». В него вошли также и авторские сказки. Например, сказка «Как мышка ходила на Хололо к медведю»: автор – Людмила Андреевна Котавина, обработка текста – Светлана Савельевна Голикова, консультант по переводу на алюторский диалект – Лидия Иннокентьевна Чечулина. Сказка «Сова и ворон»: автор – Елена Ивановна Сотрудинова, автор перевода на алюторский диалект – Савелий Ва-

сильевич Голиков, обработка текста – Светлана Савельевна Голикова. Сказка «Деревянный человечек»: автор – Анна Львовна Анельхут, автор перевода – Савелий Васильевич Голиков, обработка текста – Светлана Савельевна Голикова. Сказка «Шаловливый юго-западный ветерочек»: автор и переводчик на алюторский диалект – Светлана Савельевна Голикова.

Хочется отметить современных авторов сказок, носителей родного языка, среди которых Светлана Савельевна Голикова и другие. Благодаря их упорному труду по сохранению фольклора КМНС сказки оживают на страницах книг. Как появляются книги национальных сказок, стоит написать отдельно, столько впечатлений и воспоминаний от каждой командировки-экспедиции.

Для наглядности изучения языков, в качестве иллюстраций книг использованы рисунки преподавателей и учащихся художественного класса Корякской школы искусств имени Д. Б. Кабалева. Среди преподавателей-иллюстраторов Таисия Александровна Огородникова и Александр Петрович Шкалыгин, а также Валентина Андреевна Суздалова из филиала школы (с. Лесная).

Рецензенты издания – Валентина Романовна Дедык, доцент кафедры родных языков, культуры и быта Камчатского института развития образования, кандидат филологических наук; Раиса Николаевна Авак, директор Корякского филиала Камчатского института повышения квалификации педагогических кадров, методист эвенского языка; Татьяна Константиновна Заева, учитель ительменского языка средней школы с. Ковран. Консультант издания – Марина Евгеньевна Беляева, заведующая отделом сохранения нематериального культурного наследия Камчатского центра народного творчества.

Одним из важнейших средств сохранения, популяризации и стимулирования развития культуры является проведение уникальных фольклорных праздников коренных народов Камчатки. Это «День первой рыбы», «День аборигена», «Хололо», профессионального праздни-

ка «День оленевода», а также окружные фестивали национальной культуры, смотры и выставки.

Приятным подарком жителям полуострова к юбилею Камчатского края стали почтовые открытки «Уникальный Камчатский край», корякские национальные обрядовые праздники «Встреча первой рыбы», «Хололо», «Туйгивин», профессиональный праздник «День оленевода», книга-панорама с картонными страницами «Сказания о Куткиннюку».

В рамках культурно-массовых мероприятий для населения проходят акции и конкурсы, направленные на изучение родного языка, культуры и быта народов Камчатки; краеведческие игры, направленные на популяризацию знаний по топонимике края, изучение традиционных знаний и родных языков коренных народов Севера.

Сегодня коллектив работает над новыми проектами.

Порадуют слушателей аудиокниги произведений камчатских писателей – Евгения Андреевича Коптева и Василия Алексеевича Тылканова. В конце года рассказы Василия Алексеевича Тылканова появятся на эвенском языке.

Подготовлен сборник из репертуара Корякского кукольного театра «Анук», в который вошла корякская сказка Татьяны Васильевны Катавининой «Как мышка ходила на Хололо».

Совместно с коллективом Корякской школы искусств идёт работа над мультипликацией по мотивам национальных сказок.

Готовится сборник рецептов национальной кухни (автор проекта – Светлана Савельевна Голикова).

В разработке находятся электронное приложение на корякском языке; детские издания «Когда закукует кукушка», «Мой Каюю», «Моя Камчатка», сборники «Эчган», «Игры коренных народов Камчатки».

В Год народного искусства и нематериального наследия народов России пусть воплотится всё задуманное, исполнятся все наши мечты.

Л. Н. Хаховская

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА НА КРАЙНЕМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Аннотация. Результаты исследования этнических процессов Северо-Востока России. Рассмотрены: происхождение палеоазиатских народов; хронологические рамки, динамика и география их расселения; основные виды хозяйственной деятельности отдельных этнических групп, среди которых эскимосы, коряки, ительмены, чукчи, юкагиры, тунгусы.

Ключевые слова: этнография, этнографическое время, коренные народы Севера, эскимосы, коряки, ительмены, чукчи, юкагиры, тунгусы, Северо-Восток России.

Этнографическое время, согласно принятым представлениям, начинается со времени накопления свидетельств о неевропейских народах. Относительно Крайнего Северо-Востока России началом этого периода стала середина XVII в. В целях показа этнической динамики верхний предел этнографического времени мы условно обозначаем как начало новейшего времени, поскольку с этого момента начинается мощный процесс трансформации аборигенных культур.

Заселение Крайнего Северо-Востока происходило таким образом, что коренными оказались те народы, которые сформировались или расселились на его территории до начала промышленного освоения в XX в. С точки зрения «длинного» исторического процесса выделяются народы автохтонные, сформировавшиеся здесь в древности, и мигранты, переселившиеся незадолго до начала этнографического времени. К автохтонам достоверно относятся северо-восточные палеоазиаты (коряки и чукчи), эскимосы, ительмены. Наиболее обоснованными и археологически подкреплёнными являются предположения о хронологической и территориальной локализации происхождения оседлого населения – эскимосов, береговых коряков и ительменов.

Предки современных эскимосов являлись носителями неоэскимосской археологической традиции, включавшей культуры оквик, древнеберингоморскую, бирнир, пунук и туле. Эта традиция развивается в Берингоморье с конца I тыс. до н. э. на основе предшествующей палеоэскимосской традиции, существовавшей в период конца IV тыс. до н. э. – начала II тыс. н. э. [1, с. 75]. В этнографическое время эскимосы расселялись на восточном побережье Чукотского полуострова, от Берингова пролива на севере до залива Креста на юге. Численность эскимосов в этнографическое время уменьшалась из-за миграций, голодовок и ассимиляции со стороны береговых чукчей.

К концу XIX в. эскимосы составляли несколько территориально-локальных групп, различавшихся некоторыми лингвистическими и культурными особенностями – имакликцы (жители о-ва Ратманова); науканцы (жители пос. Наукан), чаплинцы (жители пос. Уназик), аванцы (жители пос. Аван), сиреникцы (жители пос. Сиреники). Общая численность их составляла примерно 1,3 тыс. человек [9].

Происхождение кереков остаётся дискуссионным. Как полагают исследователи, основой их формирования являлась лахтинская культура, существовавшая в период с середины II тыс. до н. э. (по другому мнению, с первой половины I тыс. до н. э.) до XVII в. н. э. [13]. Ареалом этой культуры было Северо-Западное Берингоморье (от устья Анадырского лимана на севере до м. Олюторского на юге). В середине XIX в. керекы подверглись сильному чукотскому влиянию. В связи с этим численность кереков резко уменьшилась, к концу XIX в. их насчитывается около 400 человек [11].

Местом формирования береговых коряков были окрестности Тауйской губы Охотского побережья. Открытые здесь стоянки токаревской культуры (датируемые VIII в. до н. э. – V в. н. э.) обнаруживают преемственность с более поздней культурой, которую исследователи идентифицируют как древнекорякскую. В свою очередь, древние коряки положили начало современному (этнографическому) корякскому этносу [5].

И токаревы, и древние коряки были морскими зверобоями, рыболовами и прибрежными собирателями. Они занимались промыслом мелких тюленей, изредка добывали китов. Наибольшую часть улова составляли морские рыбы, тогда как лососёвых рыб (кета, горбуша, кунджа, голец) добывали мало, что объясняется несовершенством промысловых орудий и удалённостью стоянок от крупных нерестовых рек.

Происхождение оленных коряков на археологическом материале не прослеживается, поэтому можно лишь гипотетически предполагать их достаточно позднее отделение от оседлых групп и переспециализацию на сухопутную охоту и крупностадное оленеводство [16, с. 22, 23].

В этнографическое время коряки сохраняли сложившееся ранее деление на две хозяйственно-культурные группы – кочевников-оленоводов (*чавчувены*) и оседлых морских зверобоев (*нымыланы*). Кочевники осваивали внутренние районы центральной и северной Камчатки и прилегающие материковые территории, оседлые проживали на северо-востоке Охотского побережья, на восточном и западном побережьях Камчатки.

На протяжении этнографического времени шло постепенное сокращение этнического ареала коряков. Оленных коряков теснили чукчи и эвены, а береговые группы уменьшались в численности вследствие военных столкновений, ассимиляции, неблагоприятной экологической обстановки и распространения эпидемий. С 1830-х гг. отмечается определённый рост численности коряков-оленоводов при уменьшении оседлого населения. К XIX в. коряков в целом насчитывалось более 7 тыс. человек, из них примерно половину составляли оленеводы [3].

Ительмены являлись типичными речными рыболовами, второе место в их хозяйстве занимала заготовка дикорастущих растений. Предками ительменов являлись носители тарьинской культуры в целом, или же кроноцкой и налычевской стадий, которые датируются I тыс. н. э. – первой половиной II тыс. н. э. Ареал данной культуры локализовался на юго-восточном побережье Камчатки [10, с. 73, 74].

В этнографическое время ительмены расселялись на Камчатке вплоть до южной оконечности полуострова, северной их границей была р. Тигиль на западном и р. Ука на восточном побережьях. Во второй половине XIX в. ительмены уже жили только на западном побережье Камчатки, в ряде приморских селений (Сопочное, Хайрюзово, Ковран, Седанка и др.).

В XIX в. численность ительменов продолжала сокращаться из-за начавшегося ещё в предшествующий период смешения с пришлыми жителями, а также вследствие опустошительных эпидемий. К концу столетия численность составляла примерно 1 тыс. человек.

В литературе и официальных документах ительменов длительное время именовали также камчадалами, к концу XIX в. наименование

ительмены утвердилось за коренным населением, сохранившим язык и культуру, а камчадалами стали звать тех, кто обрусел и смешался с русским населением Камчатки [4].

Относительно происхождения чукчей исследователи сходятся во мнении, что их предки первоначально были тундровыми сухопутными охотниками, которые затем одомашнили северного оленя или же, что более вероятно, заимствовали это занятие от уже владевших стадами оленных коряков. Формирование чукчей связывают с неолитическим населением континентальной Чукотки, в частности, с носителями северочукотской культуры (II – начало I тыс. до н. э.).

На определённом этапе (приблизительно на рубеже начала нашей эры) часть чукчей начала переходить от сухопутной охоты к морскому промыслу, что повлекло за собой их расселение на морском побережье среди эскимосов. Таким образом, этнический путь чукчей был обратным корякскому, но привёл к тем же результатам – существованию дуальной хозяйственно-культурной специализации этноса, состоящего из двух подразделений – оленных и береговых. Предполагается, что у коряков становление домашнего оленеводства произошло раньше, чем у чукчей. Это обстоятельство повлекло за собой продолжительные военные походы чукчей на коряков с целью захвата оленьих стад.

В XVIII в. ареал оленных чукчей сильно расширился в южном и восточном направлении в связи с активными завоевательными набегами. Лишь к концу XVIII в. эта опасность миновала вследствие «замирения» чукчей с российским правительством. Таким образом, чукчам, как и корякам, было свойственно деление на две группы: оленных и береговых. Основной группировкой чукчей были оленные подразделения, тогда как оседлыми жителями они становились лишь вследствие вынужденных обстоятельств [6].

В течение этнографического времени количество оленей у чукчей постоянно возрастает, в связи с этим ареал их кочевания расширяется. Чукчи-оленоводы продолжали распространяться к западу от р. Колымы и к югу от р. Анадырь. В конце XIX в. чукчи кочевали уже в междуречье рр. Индигирка и Алазея, перешли на правый берег р. Анадырь. К концу XIX в. насчитывалось около 12 тыс. чукчей, из них кочевники составляли 8,7 тыс. человек [3].

К северо-восточным палеоазиатам тесно примыкают юкагиры, однако вопрос о месте их территориального формирования дискуссионный. Часть учёных полагает, что юкагиры – авто-

хтонный народ Северо-Востока России, издревле занимавший здесь обширную территорию. Другие придерживаются мнения о юкагирах как достаточно поздних мигрантах с западных и южных территорий, где и происходило их этническое формирование. По-видимому, юкагирские племена появляются в районе бассейна р. Колымы и на Западной Чукотке во второй пол. I тыс. н. э. Они испытали сильное этническое давление со стороны чукчей, тунгусов, якутов. К концу XIX в. единственная область, где сохранилось население, идентифицирующее себя в качестве юкагиров, – бассейн верхней и нижней Колымы. На этой территории юкагиры оказываются в окружении эвенов [2, с. 332]. К концу XIX в. юкагиры представляли собой разрозненные группы, вкраплённые в массивы якутского и эвенского населения, численность их составляла не более 200 человек, кочующих в бассейнах рр. Нелемная, Ясачная и Коркодон (таёжные юкагиры).

Общее переселение тунгусоязычных племён, вызванное этническими давлениями с юга, началось в конце I – начале II тыс. н. э. На территорию Охотско-Колымского края начала расселяться одна из восточных ветвей тунгусов. Первое продвижение тунгусов-оленьеводов (предков современных эвенов) на территории, прилегающие к Охотскому побережью, состоялось в XIII–XIV вв. под влиянием расселения на север многочисленных якутских племён. В XVIII–XIX вв. русский фронт способствовал усиленному распространению оленных тунгусов на северо-восток, на территории, прежде занятые юкагирами и коряками [7].

Тунгусоязычные группировки распространили свои кочевья на всю северо-восточную территорию Охотского побережья и прилегающие континентальные районы, освоили восточное побережье Пенжинской губы и северную часть Камчатки, бассейн р. Анадырь. К концу XIX в. на Крайнем Северо-Востоке кочевало не менее 3,5 тыс. тунгусоязычных оленеводов. В населённых пунктах северной части Охотского побережья проживало небольшое число оседлых (пеших) тунгусов [14].

Продвижение русских землепроходцев в этнографическое время стимулировало

сложные этнические процессы, что привело к сложению новых этнических образований (чуванцы, охотские и камчатские камчадалы). На Чукотке русскоязычное старожильское население начало формироваться с конца XVIII в. в долине р. Анадырь. В дальнейшем это этническое сообщество стало известным под собирательным названием чуванцы. К концу XIX в. их насчитывалось около 500 человек [8, с. 106].

Формирование этнической группы охотских камчадалов шло в сс. Тауйск, Армань, Ола, Ямск, Наяхан и Гижига на основе смешения коренного и пришлого населения, значительную часть которого составляли казаки. Общая численность русского старожильского населения, позднее получившего наименование камчадалы (охотские), к началу этнографического времени не превышала 1,3 тыс. человек [15, с. 43].

Происхождение камчатских камчадалов имеет ту же этническую основу. Их численность составляла около 5,5 тыс. человек [12, с. 209]. Русские старожилы выработали хорошо приспособленный к местным условиям образ жизни, который занимал промежуточное положение между русской крестьянской культурой, перенесённой из центральных районов страны и Сибири, в основном Якутии, и культурой коренного населения, воспринятой в процессе приспособления к местным природно-климатическим условиям.

Таким образом, в течение этнографического времени на территории Крайнего Северо-Востока происходили активные перемещения народов и вызванные ими межэтнические взаимодействия, в результате которых сложилась этническая картина, в общих чертах сохраняющаяся до наших дней. В целом, к началу новейшего времени в рассматриваемом регионе проживали до 28 тыс. представителей разных этносов, из них примерно 9,5 тыс. составляли кочевники-оленьеводы.

Исследование выполнено при частичной поддержке ТП 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России» НОЦ «Север – территория устойчивого развития».

1. Гребенюк П. С. Происхождение палеоэскимосов и палеоэскимосской традиции // V Северный археологический конгресс: тез. докл., (11–14 дек. 2019, Ханты-Мансийск). Екатеринбург, 2019. С. 74–76.
2. Гребенюк П. С., Федорченко А. Ю. Юкагирская проблема в современной историографии // Человек и Север. Антропология, археология, экология: материалы Всерос. науч. конф., (г. Тюмень, 2–6 апр. 2018 г.). Тюмень, 2018. Вып. 4. С. 331–334.

3. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М. : Наука, 1966. 269 с.
4. История и культура ительменов: ист.-этногр. очерки / [Н. В. Кочешков, Н. К. Старкова, И. С. Вдовин и др.]; под общ. ред. А. И. Крушанова. Л. : Наука, 1990. 204 с.
5. История и культура коряков: ист.-этногр. очерки / [Н. В. Кочешков, Н. К. Старкова, И. С. Вдовин и др.]; под общ. ред. А. И. Крушанова. СПб. : Наука, 1993. 236 с.
6. История и культура чукчей: ист.-этногр. очерки / [Н. В. Кочешков, И. С. Вдовин, Б. И. Мухачев и др.]; под общ. ред. А. И. Крушанова. Л. : Наука, 1987. 287 с.
7. История и культура эвенов: ист.-этногр. очерки / [В. А. Туголуков, В. А. Тураев, Б. А. Спешаковский и др.]. СПб. : Наука, 1997. 180 с.
8. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / под общ. науч. ред. Н. Н. Дикова. М. : Мысль, 1989. 492 с.
9. Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.
10. Лебединцев А. И. Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестник СВНЦ ДВО РАН. 2008. № 3. С. 67–80.
11. Леонтьев В. В. Этнография и фольклор кереков. М. : Наука, 1983. 136 с.
12. Народы Северо-Востока Сибири: айны, алеуты, ительмены, камчадалы, керекы, коряки, нивхи, чуванцы, чукчи, эскимосы, юкагиры / отв. ред.: Е. П. Батянова, В. А. Тураев. М. : Наука, 2010. 773 с.
13. Орехов А. А. Древняя культура Северо-Западного Берингоморья / отв. ред. Н. Н. Диков. М. : Наука, 1987. 174 с.
14. Спешаковский А. Б. Этнокультурные контакты тунгусоязычных народностей на востоке Сибири (эвены и эвенки) // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 121–131.
15. Хаховская Л. Н. Камчадалы Магаданской области (история, культура, идентификация). Магадан : СВКНИИ ДВО РАН, 2003. 325 с.
16. Хаховская Л. Н. Культура этнолокального сообщества (коряки села Верхний Парень). М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 280 с.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ II ИСТОРИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ «КАМЧАТКА – РОССИЯ – МИР», 26–27 АВГУСТА 2022 г.

1. **Абрамян Лена Айказовна**, заведующая Отделом по работе с молодёжью Камчатской краевой научной библиотеки им. С. П. Крашенинникова.
2. **Беляева Мария Евгеньевна**, начальник Отдела сохранения нематериального культурного наследия коренных народов Камчатки Камчатского центра народного творчества.
3. **Бушнев Николай Леонидович**, ветеран лесной промышленности Камчатки, автор исторических романов (ст. Даховская, Республика Адыгея).
4. **Быкасов Валерий Егорович**, научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии ДВО РАН, член Камчатского отделения Русского географического общества, краевед.
5. **Бянкин Николай Васильевич**, атаман Межрегиональной общественной организации «Северо-Восточный Союз казаков, отдельный Северо-Восточный казачий округ».
6. **Вахрин Сергей Иванович**, директор просветительского центра «Страна рыбы и рыбодов», член Камчатского отделения Союза писателей и Союза кинематографистов РФ, член Камчатского отделения Русского географического общества, краевед, писатель.
7. **Волков Александр Иванович**, заведующий кафедрой родных языков, культуры и быта коренных малочисленных народов Севера Камчатского института развития образования.
8. **Воробёва Татьяна Владленовна**, доцент, заведующая кафедрой экономических и социально-гуманитарных наук Петропавловск-Камчатского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат исторических наук.
9. **Гаврилов Сергей Витальевич**, доцент Камчатского государственного технического университета, старший научный сотрудник Камчатского краевого объединённого музея, член Камчатского отделения Союза писателей России, член Камчатского отделения Русского географического общества, краевед, писатель.
10. **Головнёв Иван Андреевич**, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, кинорежиссёр, член Союза кинематографистов РФ, доктор исторических наук (г. Санкт-Петербург).
11. **Головнёва Елена Валентиновна**, старший научный сотрудник Центра Арктических исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, доктор философских наук (г. Санкт-Петербург).
12. **Головнин Пётр Андреевич**, директор Ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре», член Русского географического общества (г. Санкт-Петербург).
13. **Горохов Пётр Петрович**, заведующий Межрегиональным центром документных ресурсов о коренных малочисленных народах Севера, Сибири и Дальнего Востока Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
14. **Гримайло Ольга Андреевна**, заведующая сектором проектной деятельности Организационно-методического отдела Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина, председатель Магаданской областной общественной организации работников культуры (г. Магадан).
15. **Дмитрович Владимир Владимирович**, казак Амурского казачьего войска (г. Хабаровск).
16. **Дурынин Сергей Евгеньевич**, атаман Ямальского казачьего округа (с. Салемал, г. Тюмень).
17. **Ершова Валентина Викторовна**, заведующая Отделом каталогизации составной части ресурсов Центра формирования интегрированных информационных ресурсов, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
18. **Илларионова Валентина Викторовна**, заведующая Центром библиотечно-информационного обслуживания Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
19. **Казанцева Елизавета**, учащаяся гимназии № 39 г. Петропавловска-Камчатского.
20. **Капитанова Мария**, учащаяся школы № 709 (г. Москва).
21. **Каргопольцев Анатолий Алексеевич**, вулканолог, директор Ключевского и Южно-Камчатского природных парков (2002–2009), член Русского географического общества, краевед (г. Калининград).
22. **Кастен Эрик**, директор Фонда культуры народов Сибири, доктор философии (г. Фёрстенберг, Германия).
23. **Кириллова Алина Игоревна**, доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, кандидат исторических наук.

-
24. **Кисличенко Ирина Васильевна**, главный библиотекарь библиотеки-филиала № 5 ЦБС г. Петропавловска-Камчатского, краевед.
25. **Князева Ольга Павловна**, член клуба «Камчадалы» (с. Мильково, Камчатский край).
26. **Колганов Павел**, учащийся школы № 709 (г. Москва).
27. **Красникова Ольга Алексеевна**, научный сотрудник, заведующая сектором картографии Библиотеки РАН, кандидат исторических наук (г. Санкт-Петербург).
28. **Куликов Илья**, учащийся школы № 709 (г. Москва).
29. **Кутугутова Галина Алексеевна**, заведующая медиацентром Центра библиотечно-информационного обслуживания, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
30. **Лисиенко Иван Вячеславович**, сотник Юго-Восточного Союза казаков Сибири и Семиречья, член краеведческого общества «Прииртышье» (г. Семипалатинск).
31. **Лукоянова Мария Александровна**, старший научный сотрудник Научно-редакционного отдела Сахалинского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук (г. Южно-Сахалинск).
32. **Макарова Ульяна Геннадиевна**, ведущий технолог Отдела управления цифровыми ресурсами Центра цифровизации языкового и культурного наследия народов Якутии, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
33. **Маматов Ильдар Юнусович**, генеральный директор издательства «Маматов», руководитель проекта «Маршрутами Великой Северной экспедиции», член Русского географического общества (г. Санкт-Петербург).
34. **Назарова Татьяна Павловна**, член клуба «Камчадалы» (с. Мильково, Камчатский край).
35. **Неустроева Валентина Александровна**, научный сотрудник Научно-исследовательского центра книжных памятников Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
36. **Николаев Иван Романович**, научный сотрудник Музея мореходов Тотемского музейного объединения, член Международного конгресса морских музеев (г. Тотьма, Вологодская область).
37. **Охлопкова Айыына Никитична**, ведущий библиограф Отдела управления цифровыми ресурсами Центра цифровизации языкового и культурного наследия народов Якутии, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
38. **Пахнин Анатолий Владимирович**, лектор-экскурсовод Дома-музея Ивана Александровича Кускова Тотемского музейного объединения (г. Тотьма, Вологодская область).
39. **Платонова Мария Альбертовна**, главный технолог Отдела управления цифровыми ресурсами Центра цифровизации языкового и культурного наследия народов Якутии, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
40. **Прибылых Аина Ивановна**, главный библиотекарь медиацентра Центра библиотечно-информационного обслуживания, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).
41. **Скляр Артемий**, учащийся школы № 709 (г. Москва).
42. **Слепцов Юрий Алексеевич**, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат педагогических наук (г. Якутск).
43. **Стрелева Мария Андреевна**, заведующая Региональным центром Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина, Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова.
44. **Татаренкова Наталья Александровна**, член Русского географического общества, краевед.
45. **Татауров Владимир Владимирович**, член Камчатского отделения Союза писателей РФ, поэт, писатель.
46. **Токранов Алексей Михайлович**, главный научный сотрудник Камчатского филиала Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доктор биологических наук.
47. **Торкаченко Анастасия**, учащаяся гимназии № 39 г. Петропавловска-Камчатского.
48. **Торкаченко Юлия Владимировна**, доцент кафедры психологии, педагогики и специального образования Камчатского института развития образования.
49. **Тюменцев Виктор Леонидович**, министр образования и науки Камчатского края (2008–2014), Уполномоченный по правам ребёнка в Камчатском крае (2014–2019), Заслуженный учитель РФ.
50. **Ульянов Андрей Александрович**, учредитель военно-патриотического клуба «Беркут» (пос. Палана, Корякский округ).
51. **Ульянова Ксения Андреевна**, член военно-патриотического клуба «Беркут» (пос. Палана, Корякский округ).
52. **Фирсова Елизавета Владимировна**, старожил с. Северные Коряки (Елизовский район, Камчатский край).

53. Хамидулина Оксана Николаевна, директор Корякского центра народного творчества (пгт Палана, Корякский округ).

54. Хаховская Людмила Николаевна, ведущий научный сотрудник Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило ДВО РАН, кандидат исторических наук (г. Магадан).

55. Хосоева Елена Валентиновна, главный библиограф Отдела каталогизации составной части ресурсов Центра формирования интегрированных информационных ресурсов, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).

56. Черников Вячеслав Васильевич, член-корреспондент РАЕН, полковник Союза казачьих войск РФ, кандидат педагогических наук (г. Королёв).

57. Шалай Виктор Алексеевич, директор Музея истории Дальнего Востока им. В. К. Арсеньева, Государственного музея-заповедника «Владивостокская крепость» (г. Владивосток).

58. Шершнев Семён Сергеевич, хранитель музейных предметов Камчатского краевого объединённого музея.

59. Шестаков Алексей Вячеславович, старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела истории Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова (г. Хабаровск).

60. Эверстов Михаил Иванович, режиссёр монтажа медиацентра Центра библиотечно-информационного обслуживания, Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) (г. Якутск).

61. Юдакова Светлана, учащаяся школы № 709 (г. Москва).

62. Ярков Александр Павлович, профессор Тюменского государственного университета, доктор исторических наук (г. Тюмень).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ

Бушнев Н. Л. История рождения лесной отрасли Камчатки в системе промышленности советского Дальнего Востока	5
Быкасов В. Е. Походы Л. Морозко к «Земле Камчадалска» и на Камчатку	13
Вахрин С. И. От Урала до Камчатки и Русской Америки	23
Воробьёва Т. В. Петр I и Дальний Восток	30
Головнёв И. А. Киноатлас СССР «Камчатка»	35
Головнёва Е. В. Советская Камчатка в индустриальном фоторепортаже Г. З. Гайдукевича	43
Головнин П. А. Капитан фон Гагемейстер на Камчатке и в Русской Америке	48
Горохов П. П. Просветительская деятельность Святителя Иннокентия (Вениаминова) в Якутии и на Камчатке	50
Каргопольцев А. А. Вторая шведская экспедиция Рене Малеза на Камчатку 1924–1930 гг. Новые лица ..	54
Кириллова А. И. Ликбезы на Камчатке в 1920–1950-х гг.: формы и проблемы функционирования ..	61
Красникова О. А. Из истории открытия Северного морского пути	64
Лисиенко И. В. Русский самородок Степан Петрович Крашенинников	69
Ярков А. П. Князь Дмитрий Максutow – защитник Петропавловска-Камчатского и последний правитель Русской Америки	73

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ И КРАЕВЕДЕНИЕ КАК ОСНОВА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

Гаврилов С. В. Штрихи к биографии Георгия Поротова	76
Слепцов Ю. А. Обучение навыкам ведения оленеводства детей эвенов во время летних каникул ..	82
Стрелева М. А. Практика вовлечения молодёжи в деятельность поисковых отрядов	85
Татауров В. В. Нижнекамчатские песни о первопроходцах	89
Токранов А. М. Один из исследователей Северной Пацифики В. В. Фёдоров	97
Фирсова Е. В. История развития посёлка Северные Коряки	100

РАЗДЕЛ III. КАЗАЧЕСТВО. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бянкин Н. В. Возрождение и становление казачества на Камчатке в Новейшей истории России ..	103
Дмитрович В. В. Воля как сквозная идея становления всех слоёв населения современного общества ..	107
Кисличенко И. В. Традиционное снаряжение и оружие казаков-первопроходцев	109
Черников В. В. Казачество в истории России. Проблемы возрождения казачества	115
Шестаков А. В. Казачья тематика в Хабаровском краевом музее имени Н. И. Гродекова	123

РАЗДЕЛ IV. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Гримайло О. А. Проект «Интерактивная этнокарта Магаданской области»	128
Илларионова В. В., Макарова У. Г., Охлопкова А. Н., Платонова М. А. «Архивные документы: семья Якутии» в цифровой среде Национальной библиотеки РС (Я)	130
Кутугутова Г. А., Прибылых А. И. Библиотечный медиапродукт – как инструмент сохранения культурного наследия	136
Маматов И. Ю. «Маршрутами Великой Северной экспедиции». Итоги реализации проекта в Камчатском крае. 2016–2022 гг.	139
Ершова В. В., Хосоева Е. В. Краеведческий корпоративный ресурс «Саха-Сирэ»: создание единого информационного пространства в цифровой среде	144

РАЗДЕЛ V. РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ. ОПЫТ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дурынин С. Е. Роль рода казаков Дурыниных в истории освоения Камчатки	148
Князева О. П., Кандова Л. А. Священнослужители Ворошиловы	154
Назарова Т. П. Мильковские фамилии: Шишкины	157
Пахнин А. В., Николаев И. Р. Купеческая династия Холодиловых	159
Татаренкова Н. А. Алеуты. Яркие представители рода Бурдуковских	164
Тюменцев В. Л. Тюменцевы в истории Сибири и Камчатки	173

РАЗДЕЛ VI. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Иохельсон В. И. Духовная жизнь коряков: сверхъестественные существа и шаманы (перевод избранных глав Л. А. Абрамян)	178
Волков А. И. Учебно-методическое обеспечение преподавания корякского языка как необходимое условие реализации ФГОС	190
Кастен Э. Немецко-российские исследования на Дальнем Востоке России	194
Лукоянова М. А. Этнографические коллекции коренных народов Севера в фондах Сахалинского областного краеведческого музея	199
Неустроева В. А. Архивное наследие И. С. Гурвича в фондах Национальной библиотеки республики Саха (Якутия): экспедиционные материалы по этнографии Камчатского края	202
Хамидулина О. Н. Корякский Центр народного творчества	205
Хаховская Л. Н. Этнокультурная динамика на Крайнем Северо-Востоке России в этнографическое время	208
Алфавитный список участников	212
Содержание	215

КАМЧАТКА РОССИЯ МИР

Материалы II Исторических чтений, посвящённых
325-летию присоединения Камчатки к России

Ответственный за выпуск – *Т. А. Дикова*
Редакторы – *И. В. Витер, А. А. Говорина, Е. Б. Охичева*
Перевод – *авторы, Л. А. Абрамян*
Корректор – *Е. А. Рыбаченко*
Оригинал-макет, обложка – *М. А. Набутовский*

Подписано в печать 15.11.2022.
Формат 60x84/8. Бумага «Светокопи». Гарнитура «Minion Pro».
Печать ризо.
Усл. печ. л. 27,25. Тираж 120 экз.

Издательство ООО «Камчатпресс»
683024, Петропавловск-Камчатский, ул. Кроноцкая, д. 12а

Отпечатано в ООО «СЭТО-СТ Плюс»,
683024, Петропавловск-Камчатский, просп. 50 лет Октября, д. 1 корп. 2.
ИНН 410100004888